12 историй о настоящей любви

Гейл Форман

Дженни Хан

Холли Блэк

и другие...

18+

12 историй о настоящей любви (сборник)

Мэтт де ла Пенья, Кирстен Уайт, Дэвид Левитан, Лэйни Тэйлор, Стефани Перкинс, Холли Блэк, Майра Макинтайр, Келли Линк, Гейл Форман, Рэйнбоу Роуэл, Элли Картер, Дженни Хан

Аннотация
12 историй о настоящей любви (сборник)
Рэйнбоу Роуэл. Полночь
Келли Линк. Леди и Лис
Мэтт де ла Пенья. Ангелы в снегу
Дженни Хан. Ты найдешь меня на Полярной звезде
Стефани Перкинс. Это Йольское чудо, Чарли Браун
Дэвид Левитан. Твой временный Санта
Холли Блэк. День Крампуса
Гейл Форман. Что же ты наделала, Софи Рот?
Майра Макинтайр. Ведра пива и младенец Иисус
Кирстен Уайт. Добро пожаловать в Кристмас, штат Калифорния

Элли Картер. Вифлеемская звезда
Лэйни Тэйлор. Девушка, пробудившая Мечтателя

Аннотация

Что бы вы ни праздновали, Рождество или Хануку, зимнее солнцестояние или Новый год, здесь найдется история на любой вкус. Все они о любви, и теперь у вас есть двенадцать прекрасных поводов, чтобы влюбиться – в Нью-Йорке или на Северном полюсе, в футболке с покемонами или в парчовом камзоле, в школе или в штаб-квартире Санта-Клауса, в друга детства или в прекрасного незнакомца…

Трогательные, смешные, романтичные и неожиданные рассказы о том, что влюбиться никогда не поздно!

12 историй о настоящей любви (сборник)

My True Love Gave To Me
Twelve Holiday Stories

Печатается с разрешения авторов, составителя и литературных агентств KT Literary, LLC и Prava I Prevodi International Literary Agency

Copyright © 2014 by Stephanie Perkins
© М. Приморская, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Рэйнбоу Роуэл
Полночь

31 декабря 2014, незадолго до полуночи

На террасе под навесом было холодно. Очень холодно. И темно.

Темно — потому что Мэгс была на улице в полночь и стояла в тени.

Здесь ее уж точно никто не станет искать. Никто, а особенно Ноэл. Она пропустит весь праздник.

И слава богу. Жаль, что раньше не додумалась.

Мэгс прислонилась к стене дома Алисии и принялась грызть крекеры, которые прихватила с собой. (Мама Алисии делает лучшие крекеры в мире.) Из окон доносилась музыка, но вдруг она смолкла. Отлично. Значит, сейчас начнется обратный отсчет.

— *Десять!* — закричал кто-то.

– *Девять!* — голосов стало больше.

– *Восемь!*

Мэгс все пропустит.

Вот и хорошо.

31 декабря 2011, почти полночь

— А в них есть орехи? — спросил мальчик.

Мэгс остановилась, не донеся до рта крекер, густо намазанный сливочным сыром и соусом песто.

— По-моему, есть, кедровые… — отозвалась она, скосив глаза на печенье.

— Кедровые орехи считаются лесными?

— Понятия не имею. Трудно даже представить, что кедровые орехи растут на кедровых соснах. Ты как считаешь?

Мальчик пожал плечами. У него были густые растрепанные каштановые волосы и большие голубые глаза. На нем была футболка с покемонами.

— Я так себе эксперт по лесным орехам, — добавила Мэгс.

— Да и я тоже, — признался мальчик. — Хотя вообще-то должен им быть. Если я случайно съем хоть один орех, то умру. Если бы что-то могло тебя убить, разве ты не постаралась бы узнать об этом побольше?

— Не уверена, — девочка сунула крекер в рот, — Скажем, о раке я мало что знаю. Или об автомобильных авариях.

— Да… — сказал мальчик, грустно глядя на стол с закусками. Он был худой. И бледный. — Но лес-

ные орехи — мои личные враги. Они скорее наемные убийцы, чем фактор случайного риска.

— Черт, — фыркнула Мэгс, — и чем же ты так насолил лесным орехам?

Мальчик рассмеялся.

— Тем, что ел их, наверное.

Громкая музыка вдруг смолкла.

— Уже почти полночь! — крикнул кто-то.

Мальчик и девочка обернулись. Алисия, подруга и одноклассница Мэгс, стояла на диване. Это была ее вечеринка, а еще это была первая новогодняя вечеринка, на которую пригласили пятнадцатилетнюю Мэгс.

– *Девять!* — крикнула Алисия.

– *Восемь!*

В подвале было несколько десятков человек, и теперь все они орали.

Семь!

— Я — Ноэл, — сказал мальчик и протянул руку.

Быстро стряхнув с ладони остатки песто и орехов, девочка обменялась с ним рукопожатием.

— Мэгс.

— *Четыре!*

— *Три!*

— Приятно познакомиться, Мэгс.

— Мне тоже, Ноэл. Поздравляю, ты еще на год смог ускользнуть от лесных орехов.

— Они почти настигли меня под видом соуса песто.

— Точно, — кивнула девочка, — Ты был на волоске.

31 декабря 2012, почти полночь

Ноэл резко прижался спиной к стене и сполз вниз. Усевшись рядом с Мэгс, он толкнул ее плечом, а потом, повернувшись к ней, дунул в карнавальный свисток-язычок.

— Привет.

— Привет.

Мэгс улыбнулась Ноэлу. На нем были пиджак в клетку и белая рубашка с расстегнутым воротом. Бледная кожа Ноэла всегда легко краснела. Вот и сейчас он весь пылал, от линии волос на лбу до второй пуговицы на рубашке.

— Ты просто танцевальная машина, — заметила девушка.

— Я люблю танцевать, Мэгс.

— Знаю, что любишь.

— А возможность выдается не так уж часто.

Она удивленно вскинула брови.

— Я люблю танцевать *на публике*, — пояснил Ноэл. — С другими людьми. Для меня это способ

общения.

— Я сохранила это, — Мэгс протянула ему красный шелковый галстук. Ноэл бросил галстук в нее, когда отплясывал на кофейном столике.

— Спасибо, — ответил он, взял его и обмотал вокруг шеи. — Молодец, что поймала. Но вообще-то я пытался выманить тебя на танцпол.

— Ноэл, это был кофейный столик.

— Там бы хватило места на двоих, Маргарет.

Задумавшись, Мэгс поморщилась.

— По-моему, нет.

— Нам с тобой всегда хватит места на двоих, на любом кофейном столике, — провозгласил Ноэл. — Ведь ты — мой лучший друг.

— Пони — твой лучший друг.

Ноэл пробежался пальцами по волосам. Кудрявые пряди были мокрыми от пота.

— Пони тоже мой лучший друг. И Фрэнки. И Коннор.

— И твоя мама, — добавила Мэгс.

Ноэл с улыбкой посмотрел на нее.

— Но особенно ты. Это наша годовщина. Не могу поверить, что ты не станцуешь со мной на нашу годовщину.

— Не понимаю, о чем ты, — сказала Мэгс. (Она прекрасно понимала, что он имеет в виду.)

— Это произошло прямо здесь, — Ноэл указал на фуршетный стол, куда мать Алисии всегда выставляла закуски. — У меня был приступ аллергии, а ты спасла мне жизнь. Сделала укол адреналина в сердце.

— Я съела немного песто, — сказала Мэгс.

— Героически, — подтвердил Ноэл.

Мэгс вдруг подскочила на месте.

— Ты же не ел салат с курицей, я надеюсь? Он с миндалем.

— Опять спасаешь мою жизнь.

– *Или все-таки ел?*

— Нет. Но я съел немного фруктового коктейля. Думаю, там была клубника. У меня теперь во рту щиплет.

— С тобой все хорошо? — Мэгс покосилась на него.

Ноэл выглядел нормально. Раскрасневшийся. Потный. Его зубам, казалось, было тесно во рту, а рот с трудом умещался на лице.

— Я в порядке, — сказал он. — Если язык распухнет, я дам знать.

— Держи свои неприличные аллергические реакции при себе, — фыркнула Мэгс.

Ноэл подмигнул ей.

— Ты еще не видела, что бывает, когда я ем

моллюсков.

Мэгс закатила глаза, пытаясь не рассмеяться. И снова посмотрела на Ноэла.

— Погоди, а что происходит, когда ты ешь моллюсков?

Ноэл равнодушно ткнул в грудь.

— Сыпь выступает.

Мэгс нахмурилась.

— Как тебе удалось выжить?

— Благодаря усилиям скромных героев. Таких, как ты.

— Розовый салат тоже не ешь, — строго сказала Мэгс. — Там креветки.

Ноэл набросил красный галстук ей на шею и улыбнулся. А не усмехнулся, как раньше.

— Спасибо.

— Спасибо *тебе*, — ответила она, выровняла концы галстука и опустила взгляд. — Он подходит к моему свитеру.

На Мэгс было огромное вязаное платье с каким-то ярким скандинавским орнаментом.

— К твоему свитеру все подходит, — согласился он. — Ты похожа на пасхальное яйцо, раскрашенное в рождественские цвета.

— Я в нем чувствую себя куклой из «Маппет-шоу», — пояснила Мэгс. — Одной из тех,

пушистых.

— Мне нравится, — одобрил Ноэл. — Радует глаз.

Не понимая, подшучивает он над ней или нет, Мэгс предпочла сменить тему.

— А куда делся Пони?

— Он вон там, — Ноэл указал куда-то на другой конец комнаты. — Решил заранее подготовиться, чтобы якобы случайно оказаться возле Симини, когда стукнет полночь.

— И поцеловать ее?

— Именно, — подтвердил Ноэл. — В губы, если все пойдет по плану.

— Фу, как это пошло, — поморщилась Мэгс, играя концами галстука.

— Целоваться?

— Нет… в поцелуях ничего плохого нет.

Мэгс почувствовала, что краснеет. Хорошо, что у нее не такая бледная кожа, как у Ноэла; лицо и шея не пойдут красными пятнами.

— Пошло использовать Новый год как предлог, чтобы поцеловать кого-то, кто, возможно, не хочет с тобой целоваться. Использовать его как уловку.

— А вдруг Симини на самом деле *хочет* поцеловать Пони?

— А вдруг нет? Тогда обоим будет очень неловко, — возразила Мэгс. — Но она все равно его поцелует, потому что почувствует, что обязана сделать это.

— Он же не станет на нее сразу набрасываться, — сказал Ноэл. — Сначала установит зрительный контакт.

— Какой еще зрительный контакт?

Ноэл повернул голову и установил с Мэгс зрительный контакт: брови с надеждой приподнялись; глаза наполнились нежностью. Теперь на лице Ноэла отчетливо читалось: «Слушай, можно я тебя поцелую?»

— Ого, — присвистнула Мэгс. — А что, очень даже неплохо.

На лице Ноэла тут же появилось совсем другое выражение, что-то вроде: «Ну еще бы».

— Конечно, неплохо. Я ведь уже целовался.

– *Правда?* — поразилась Мэгс. Она знала, что Ноэл общается с девушками, но никогда не слышала, чтобы у него была подружка. А ведь она бы *точно* об этом узнала, как и любой из четырех-пяти лучших друзей Ноэла.

— Пф-ф-ф, — фыркнул он. — С тремя девушками. В восьми разных ситуациях. Так что, пожалуй, я умею устанавливать зрительный контакт.

К шестнадцати годам достижения Мэгс на этом фронте были куда скромнее.

Она снова мельком взглянула на Пони. Он стоял возле телевизора, уткнувшись в телефон. Неподалеку, всего в нескольких шагах, Симини болтала с подругами.

— И все-таки это нечестно.

— Почему нечестно? — спросил Ноэл, проследив за ее взглядом. — Они оба сейчас ни с кем не встречаются.

— Не в этом смысле нечестно, — сказала Мэгс. — Дело в том, что… он торопит события. Если тебе кто-то нравится, то нужно приложить усилия. Узнать человека получше. *Заработать* этот поцелуй.

— Пони и Симини друг друга уже знают.

— Да, — согласилась Мэгс, — и при этом ни разу даже на свидание не ходили. Симини вообще когда-нибудь *показывала*, что он ее интересует?

— Иногда человека нужно подтолкнуть, — не согласился Ноэл. — Вот посмотри на Пони.

Мэгс посмотрела. Одет в черные джинсы и футболку, на голове — еще не отросший ирокез. В средней школе он всегда ходил с конским хвостом, поэтому все до сих пор называли его Пони. Чаще всего он был громким и смешливым, а по-

рой громким и несносным. И постоянно рисовал что-то шариковой ручкой у себя на руке.

— Этот парень понятия не имеет, как сказать девушке, что она ему нравится, — сказал Ноэл. — Ни малейшего… А теперь посмотри на Симини.

Мэгс взглянула на нее. Симини была маленькой, нежной и такой застенчивой, что, похоже, и не собиралась вылезать из своей скорлупы. Был только один способ поговорить с Симини — забраться в ее скорлупу вместе с ней.

— Далеко не все такие общительные, как мы с тобой, — вздохнул Ноэл и наклонился ближе к Мэгс, указывая на Пони и Симини. — Не все знают, как попытаться добиться того, чего хочешь. Возможно, эта полночь — именно то, что нужно этим двоим, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки. Разве ты хочешь лишить их этого?

Мэгс повернулась к Ноэлу. Его лицо возле ее плеча. Аромат теплого тела. И еще какого-то недорогого дезодоранта.

— Ты слишком все драматизируешь, — сказала она.

— Когда решается вопрос жизни или смерти, это выходит само собой.

— Как во время танцев на кофейном столике?

— Нет, как тогда с клубникой, — произнес

Ноэл, а потом высунул язык и попытался продолжить, — Ну фто, опух?

Мэгс старалась рассмотреть язык Ноэла, как вдруг музыка оборвалась.

— Почти полночь! — закричала Алисия, стоя возле телевизора. На Таймс-сквер начался обратный отсчет. Мэгс увидела, как Пони поднял взгляд от телефона и осторожно двинулся к Симини.

– *Девять!* — взорвалась комната криком.

– *Восемь!*

— Все нормально с твоим языком, — сказала Мэгс, поворачиваясь к Ноэлу.

Он убрал язык обратно в рот и улыбнулся.

Мэгс подняла брови, почти неосознанно.

С годовщиной Ноэл!

Его взгляд стал нежным. По крайней мере, ей так показалось.

— С годовщиной, Мэгс!

– *Четыре!*

Тут вдруг подбежала Натали, плюхнулась на пол рядом с Ноэлом и схватила его за руку.

Натали дружила с ними обоими, но не сказать, что близко. У нее были карамельно-каштановые волосы, и она всегда носила фланелевые рубашки, расстегнутые на груди.

— С Новым годом! — крикнула она.

— Еще рано, — отозвалась Мэгс.

– *Один!* — закричали все остальные.

— С Новым годом! — сказал Ноэл Натали.

Тогда Натали потянулась к нему, он склонился к ней и поцеловал.

31 декабря 2013, почти полночь

Ноэл, стоя на подлокотнике дивана, протягивал руки к Мэгс.

Но она покачала головой и прошла мимо.

— Давай! — крикнул он, стараясь перекричать музыку.

Мэгс покачала головой и закатила глаза.

— Это наш последний шанс станцевать вместе! Скоро школьной жизни конец!

— У нас еще несколько месяцев в запасе. Успеем потанцевать. — Мэгс остановилась у стола и взяла маленькое пирожное.

Ноэл спустился на диван, наступил на кофейный столик, потом вытянул длинную ногу и перебрался на широкое кресло рядом с Мэгс.

— Сейчас играет наша песня, — сказал он.

— Сейчас играет «Крошка, вернись», — отозвалась она.

Ноэл ухмыльнулся.

— Вот именно поэтому я с тобой и не танцую, — заметила Мэгс.

— Ты и так никогда со мной не танцуешь.

— Зато я делаю с тобой все остальное, — пробурчала Мэгс. Это была правда. Она училась с Ноэлом. Обедала с Ноэлом. Заходила за ним по дороге в школу. — Я даже в парикмахерскую тебя вожу.

Он провел рукой по голове. Густые каштановые волосы спадали на воротник.

— Мэгс, когда тебя нет, меня стригут слишком коротко.

— Я не жалуюсь, — вздохнула она. — Просто этот раунд я пропущу.

— Что ты ешь? — спросил Ноэл.

Мэгс посмотрела на поднос.

— Какое-то фруктовое пирожное.

— Мне его можно?

Она сунула еще одно себе в рот и прислушалась к ощущениям. Ни следа лесных орехов, клубники, киви или моллюсков.

— Думаю, да, — наконец сказала она, протягивая пирожное Ноэлу. Он наклонился и съел его у нее из рук. Стоя на широком кресле, он возвышался над ней метра на два. В своем нелепом белом костюме-тройке. Где он вообще откопал белый костюм-тройку?

— Вкусно. Спасибо.

Ноэл потянулся за ее колой, и Мэгс позволила ему сделать глоток. Как вдруг он резко отдернул стакан от губ и по-петушиному вскинул голову.

— Маргарет! Наша песня играет.

Мэгс прислушалась.

— Та самая?

— Потанцуй со мной. Сегодня наша годовщина.

— Не люблю танцевать в толпе.

— Да брось, что может быть лучше? Танцы — это же способ общения!

— Для тебя, — отозвалась Мэгс, толкая его в бедро. Ноэл качнулся, но не упал. — Мы с тобой разные люди.

— Я знаю, — сказал Ноэл, вздыхая. — *Ты* можешь есть лесные орехи. Съешь за меня одно из этих шоколадных пирожных, а я посмотрю.

Мэгс окинула взглядом стол и указала на тарелку пирожных с орехом пекан.

— Вот эти?

— Ну да.

Мэгс взяла одно из них и откусила, стряхивая крошки, которые посыпались на ее платье в цветочек.

— Вкусно?

— Очень. Такое плотное. Влажное.

Она откусила еще.

— Так нечестно, — сказал Ноэл, еще сильнее перегибаясь через спинку кресла, — дай посмотреть.

Мэгс открыла рот и высунула язык.

— Нечестно, — повторил он. — Так аппетитно выглядит.

Она закрыла рот и кивнула.

— Доедай свое вкусное пирожное и потанцуй со мной.

— С тобой кто только не танцует, — ответила Мэгс. — Отстань.

Она взяла еще по одному пирожному с фруктами и орехами и отвернулась от Ноэла.

В подвале у Алисии сидеть было особо негде, поэтому Мэгс часто оказывалась на полу. (Возможно, по той же причине Ноэл часто оказывался на кофейном столике.) Пони занял пуфик в углу, а Симини устроилась у него на коленях. Она улыбнулась Мэгс, и та помахала ей в ответ.

В баре совсем не было выпивки. Родители Алисии прятали все каждый раз, когда дочь устраивала вечеринку. Барные табуреты тоже куда-то подевались, так что Мэгс попросила кого-то подсадить ее и уселась прямо на стойку.

Мэгс смотрела, как Ноэл танцует. С Натали.

А потом с Алисией и Коннором. А потом сам по себе, подняв руки над головой.

Мэгс смотрела, как все танцуют.

В этом подвале всегда проходили их вечеринки. После футбола и танцев. Два года назад Мэгс не знала почти никого в этой комнате, разве что Алисию. А теперь тут были только ее лучшие друзья, приятели и те, кого она знала достаточно хорошо, чтобы держаться от них подальше…

И еще Ноэл.

Мэгс доедала пирожное с орехами, глядя, как Ноэл прыгает вокруг.

Она считала Ноэла своим самым близким другом, пусть даже он так и не считал. Ноэл был *ее человеком*.

Первым, с кем Мэгс говорила утром, и последним, кому она писала вечером. Не специально, не следуя какой-то системе… Просто так повелось. Казалось, если не рассказать Ноэлу о чем-то, то этого как будто и вовсе не было.

Они дружили с тех пор, как во втором семестре десятого класса вместе оказались в классе журналистики. (Вот *в этот день* им и стоило праздновать годовщину дружбы, а не в Новый год.) И вместе записались в кружок по фотографии и на занятия теннисом.

Они были так дружны, что в прошлом году Мэгс пошла с Ноэлом на выпускной, несмотря на то что у него уже была подружка.

— Конечно же, ты пойдешь с нами, — сказал Ноэл.

— А Эми нормально к этому относится?

— Эми знает, что мы всегда в комплекте. Я бы ей, наверное, и не понравился, если бы я не был вместе с тобой.

(После выпускного у Ноэла и Эми больше не было ни одного свидания. Они не встречались достаточно долго, чтобы считать это разрывом.)

Мэгс подумывала, не взять ли еще пирожное, как вдруг кто-то выключил музыку, а кто-то другой включил гирлянды. Алисия пробежала вдоль бара, крича:

— Уже почти полночь!

– *Десять*! — через несколько секунд крикнул Пони.

Мэгс огляделась в поисках Ноэла, и увидела, что он опять стоит на диване. Он смотрел на нее. Он шагнул к ней, наступив на кофейный столик, и улыбнулся, по-волчьи. Улыбка Ноэла всегда была похожа на волчий оскал: слишком много зубов. Мэгс глубоко вдохнула, на выдохе губы чуть задрожали. (Ноэл был *ее человеком.*)

– *Восемь*! — крикнули все хором.

Ноэл поманил Мэгс рукой.

Она подняла брови.

Он снова помахал ей, всем видом показывая: «Давай, Мэгс!»

– *Четыре*!

Потом Фрэнки залезла на кофейный столик к Ноэлу и обняла его за плечи.

— *Три!*

Ноэл повернулся к Фрэнки и улыбнулся.

— *Два!*

Фрэнки широко распахнула глаза.

— *Один!*

Фрэнки потянулась к Ноэлу. Ноэл наклонился к Фрэнки.

И они поцеловались.

31 декабря 2014, около девяти часов вечера

На этих зимних каникулах Мэгс еще не видела Ноэла. На Рождество он с семьей уехал в Дисней-ворлд.

«*Тут +25*, — написал он ей, — *и я уже 72 часа подряд хожу с ушами Микки Мауса*».

Мэгс не виделась с Ноэлом с августа, с тех пор как однажды ранним утром пришла к нему домой, чтобы попрощаться, пока отец не увез его в Нотр-Дам.

Ноэл не приехал на День благодарения, билеты на самолет стоили слишком дорого.

Она видела фотографии разных людей, которые он выкладывал в интернет. (Соседи по общежитию. Друзья на вечеринках. Девушки.) И они с Ноэлом переписывались. Часто. Но Мэгс не видела его с августа, не слышала его с тех пор.

Честно говоря, она не могла вспомнить его голос. Она даже не могла вспомнить, чтобы раньше вообще думала о его голосе. Был ли он низкий и громкий? Или высокий и спокойный? Мэгс не могла вспомнить, как звучал Ноэл или как он выглядел, когда не двигался. Она могла только видеть его лицо на десятках фотографий, которые все еще хранились в ее телефоне.

– *Ты же придешь к Алисии, да?* — написал он ей вчера из аэропорта, по дороге домой.

– *Куда же я денусь?* — ответила Мэгс.

– *Круто.*

Мэгс приехала к Алисии пораньше и помогла ей прибрать в подвале, а ее маме — остудить шоколадные пирожные. Алисия вернулась домой из колледжа в Южной Дакоте; теперь у нее на спине красовалась татуировка в виде лугового жаворонка.

Мэгс не делала себе татуировок. Она вообще

не изменилась. Осталась в Омахе, получила стипендию в местном колледже по специальности «промышленный дизайн». Бесплатное обучение. Глупо было бы уезжать.

«Что же надеть на вечеринку?» — думала Мэгс.

Сначала она примерила платье, которое всегда нравилось Ноэлу, — серое, с темно-красными пионами. Но ей не хотелось, чтобы он решил, будто у нее не появилось ни одной оригинальной идеи с тех пор, как они виделись в последний раз.

И она переоделась в новое кружевное платье-тунику кремового цвета, для которого у нее были припасены розово-золотые колготки с замысловатым узором.

Она стояла дома перед зеркалом и придирчиво рассматривала себя. Свои темно-каштановые волосы. Густые брови и грубый подбородок. Мэгс попыталась взглянуть на себя глазами Ноэла, который не видел ее с августа. А после этого — сделать вид, что ей все равно.

Потом она вышла.

На полпути к машине Мэгс развернулась, побежала обратно в комнату и надела сережки, которые Ноэл подарил ей в прошлом году на восемнадцатилетие. Крылья ангела.

На вечеринку стали подтягиваться гости. При-

мерно через час Алисия спросила Мэгс:

— А Ноэл придет?

– *Откуда мне знать?* — хотела ответить она. Но она знала.

— Да, придет. Обязательно.

Когда приехал Ноэл, Мэгс разговаривала с Пони. Пони учился в Айове на инженера. Он отрастил волосы, снова собрал их в конский хвост, и теперь Симини дергала его просто потому, что ей это нравилось. Она училась в Юте, но теперь, наверное, переедет в Айову. Или Пони переберется в Юту. Или они будут встречаться где-то посередине.

— А что там посередине? — спросил Пони. — Небраска? Фигово… Дорогая, может, нам вернуться домой?

Когда Ноэл вошел, Мэгс сразу это почувствовала. Он открыл заднюю дверь, и потянуло холодом.

Она посмотрела через плечо Пони и увидела Ноэла. А тот увидел ее и рванул к ней через весь подвал, по двухместному креслу и кофейному столику, по дивану, мимо Пони с Симини. Подбежал, обхватил ее руками и закружил.

— Мэгс! — воскликнул Ноэл.

– *Ноэл,* — прошептала Мэгс.

Потом он обнял Пони с Симини. И Фрэнки с Алисией, и Коннора. И всех остальных. Ноэл любил обниматься.

А затем вернулся к Мэгс и буквально пригвоздил ее к стене, прижимая и обнимая ее.

— О боже, Мэгс, — сказал он. — Никогда не уходи от меня.

— Я от тебя и не уходила, — отозвалась Мэгс, дыша ему в грудь. — Даже не думала.

— Не позволяй мне уходить от тебя, — сказал Ноэл ей в макушку.

— Когда ты возвращаешься в Нотр-Дам? — спросила Мэгс.

— В воскресенье.

На нем были брюки винного цвета из ткани мягче, чем джинсы, но грубее вельвета, синяя футболка в голубую полоску и серая куртка с поднятым воротом.

И он был бледным — как всегда.

Глаза все такие же большие и голубые.

А вот волосы коротко пострижены: на висках и сзади все выбрито. Теперь длинные каштановые кудри спадают только на лоб. Мэгс провела рукой по его затылку. Казалось, что чего-то не хватает.

— Надо было взять тебя с собой, Маргарет, —

сказал он. — Девушка, которая напала на меня в парикмахерской, не смогла вовремя остановиться.

— Нет, — покачала головой Мэгс, гладя Ноэла по голове. — Отлично выглядит. Тебе идет.

* * *

Ничего не изменилось, и все поменялось.

Те же люди. Та же музыка. Те же диваны.

Но они отдалились за четыре месяца. Но они все повзрослели за эти четыре месяца и очень изменились, каждый по-своему.

Фрэнки принесла пиво и спрятала его под диваном, а Натали приехала уже пьяной. Коннор привел нового приятеля из колледжа; тот всех бесил, и Алисия упорно пыталась отвести Коннора в сторону, чтобы все ему высказать. Казалось, людей в подвале стало больше, чем обычно, а танцев, наоборот, меньше…

Вернее, их было столько же, сколько на обычной, чужой вечеринке. Но *их* вечеринки всегда были *другими*. Раньше в этом подвале собирались двадцать пять человек, которые знали друг друга настолько хорошо, что им не нужно было сдерживаться.

Сегодня Ноэл не танцевал. Он общался с Пони,

Симини и Фрэнки, при этом торчал рядом с Мэгс, будто приклеенный.

Она была так рада, что они с Ноэлом не переставали переписываться, что она все еще знала, о чем он думает, когда просыпается. У остальных общие шутки были полугодовой давности, но Ноэл и Мэгс не упустили ни мгновения из жизни друг друга.

Ноэл взял пиво, которое протянула ему Фрэнки. Но Мэгс закатила глаза, и он отдал бутылку Пони.

— Тебе не странно жить в Омахе? — спросила ее Симини. — Теперь, когда все разъехались?

— Это все равно что ходить по супермаркету после закрытия, — сказала Мэгс. — Я так скучаю по вам, ребята.

Ноэл вздрогнул.

— Эй, — окликнул он Мэгс, потянув ее за рукав.

— Что?

— Идем-идем. Пошли со мной.

Он тянул ее подальше от их общих друзей, из подвала, вверх по лестнице. Когда они добрались до первого этажа, Ноэл сказал:

— Слишком далеко, музыки не слышно.

— Что?

Они спустились немного ниже и остановились

посередине лестницы. Ноэл поменялся с ней местами, чтобы она оказалась на ступеньку выше.

— Потанцуй со мной, Мэгс. Играет наша песня.

Она наклонила голову.

— «Тысяча лет»?

— Это и правда наша песня, — сказал он. — Потанцуй со мной.

— Почему наша?

— Она играла, когда мы встретились, — пояснил Ноэл.

— Когда?

— Когда мы познакомились, — сказал он, крутя рукой, будто бы поторапливая ее.

— Когда мы познакомились *здесь*?

— Да. Когда мы познакомились. Тут, внизу. В десятом классе. И ты спасла мне жизнь.

— Я ни разу не спасала тебе жизнь, Ноэл.

— Почему ты всегда портишь эту историю?

— И ты помнишь песню, которая играла, когда мы познакомились?

— Я всегда запоминаю песню, которая играет.

Это была правда. Но Мэгс не нашла ничего лучше, чем спросить:

— И что?

Ноэл застонал.

— Я не люблю танцевать, — объяснила она.

— Ты не любишь танцевать *на публике*, — напомнил он.

— Так и есть.

— Подожди минутку.

Ноэл вздохнул и рванул вниз по лестнице.

— Не уходи никуда, — крикнул он ей на бегу.

— Я никогда никуда не ухожу! — крикнула она в ответ.

Мэгс услышала, как песня заиграла сначала.

Потом Ноэл бегом вернулся, снова встал на ступеньку ниже и потянулся к ней.

— Прошу тебя.

Мэгс вздохнула и подняла руки. Она толком не знала, что с ними нужно делать… Ноэл взял одну ее ладонь в свою, другую положил себе на плечо, а потом обнял ее за талию.

— О, господи, — вздохнул Ноэл. — Ну вот. Что тут трудного?

— Не знаю, почему для тебя так важно станцевать со мной, — сказала она.

— А я не знаю, почему для тебя так важно не танцевать со мной, — отозвался он.

Сейчас Мэгс казалась чуть выше Ноэла. Они покачивались в такт музыке.

Мама Алисии появилась на лестнице.

— Привет, Мэгс. Привет, Ноэл, как Нотр-Дам?

Ноэл притянул Мэгс ближе, чтобы дать миссис Портер протиснуться.

— Хорошо, — ответил он.

— Вы там будто уснули в игре против Мичигана.

— Вообще-то я не в футбольной команде.

— Это не оправдание, — сказала мама Алисии.

Ноэл не ослабил хватку после того, как ушла миссис Портер. Теперь он полностью обхватил рукой талию Мэгс, крепко прижал девушку к себе.

За годы дружбы они часто трогали друг друга. Ноэл любил прикосновения, объятия. Ему нравилось щекотать, дергать за волосы. Усаживать людей себе на колени. И, похоже, он целовал любую, кто подавал ему знак бровями на Новый год…

Но Ноэл никогда так не прижимался к Мэгс.

Мэгс никогда не чувствовала бедром пряжку его пояса. Никогда не ощущала вкус его дыхания.

Миссис Портер снова показалась на лестнице, и Ноэл притянул Мэгс еще сильнее.

Снова зазвучала «Тысяча лет».

— Ты попросил включить ее еще раз? — спросила Мэгс.

— Я поставил на повтор, — ответил Ноэл. —

Они остановят, когда заметят.

— Она была саундтреком к «Сумеркам»?

— Мэгс, потанцуй со мной.

— Я танцую.

— Знаю. Не останавливайся.

— Ладно.

До этого она держалась напряженно, чтобы не упасть, даже если Ноэл ее отпустит. Но теперь перестала. Мэгс расслабилась в объятиях Ноэла, позволила себе скользнуть рукой по его плечу. Она снова коснулась волос на его затылке — потому что ей захотелось, потому что их там все еще не было.

— Тебе не нравится, — предположил Ноэл.

— Нет, нравится. Просто стало по-другому.

— Ты стала другой.

На лице Мэгс отразилось: «Ты с ума сошел».

— Правда, — подтвердил Ноэл.

— Я осталась такой, как раньше, — возразила она. — Я единственная, кто не изменился.

— Ты изменилась сильнее всех.

— Как?

— Я не знаю, — ответил он. — Будто бы мы уехали, а ты нас отпустила — и отдалилась от всех.

— Ерунда. Я говорила с тобой каждый день.

— Этого мало. Вот, скажем, платья такого я

на тебе еще не видел.

— Не нравится мое платье?

— Нет, нравится. — Ноэл помотал головой. Мэгс не привыкла видеть его таким. Взволнованным. — Оно красивое. Но оно другое. И ты другая. Я чувствую, будто не могу подобраться к тебе так близко, как хочу.

Он прижался лбом к ее лбу. Мэгс отстранилась.

— Мы сейчас довольно близко, Ноэл.

Он вздохнул разочарованно, и его дыхание заполнило ее нос и рот.

— Почему у тебя нет парня?

Мэгс нахмурилась.

— Может, он у меня есть.

Ноэл потрясенно отстранился.

— Разве ты не рассказала бы мне об этом сразу?

— Конечно, Ноэл, я бы рассказала. Обязательно. Я просто не понимаю, что ты хочешь от меня сейчас услышать. Я не знаю, почему у меня нет парня.

— Все станет еще хуже. Ты будешь меняться и дальше.

— Ну, ты тоже, — отозвалась Мэгс.

— Я никогда не меняюсь.

Мэгс рассмеялась.

— Ты человек-калейдоскоп. Меняешься постоянно, стоит только отвернуться.

— И тебя это не раздражает?

Мэгс помотала головой, потершись носом о его нос.

— Я это обожаю.

Они перестали покачиваться.

— Мы все еще танцуем? — спросила Мэгс.

— Все еще танцуем. Не пытайся ничего выдумать, Маргарет. — Ноэл отпустил ее ладонь и обхватил за талию двумя руками. — Не уходи никуда.

— Я даже не думала, — прошептала Мэгс.

Он покачал головой, будто не верил ни единому слову.

— Ты моя *лучшая* подруга.

— У тебя полно лучших подруг.

— Нет, — сказал Ноэл. — Только ты.

Мэгс обняла за его шею двумя руками и уперлась лбом в его лоб. От него пахло кожей.

— Я не могу подобраться к тебе так близко, как хочу, — сказал Ноэл.

* * *

Кто-то понял, что песня стоит на повторе, и переключил на другую.

Еще кто-то понял, что Мэгс и Ноэл пропали. Натали отправилась на поиски.

— Ноэл! Пойдем, потанцуешь со мной! Играет наша песня!

Это была песня Ke$h'и[1].

Ноэл отстранился от Мэгс и смущенно улыбнулся. Мол, тут, на лестнице, я нес всякую ерунду, но ты ведь простишь меня, правда? Да и внизу вечеринка в самом разгаре, они оба должны быть там, верно?

Ноэл пошел вниз, и Мэгс последовала за ним.

Пока их не было, атмосфера изменилась. Все скинули обувь, а заодно как будто и пару лет, и теперь вовсю прыгали на диванах, распевая те же песни, что и прежде.

Ноэл снял куртку и бросил ее Мэгс. Она поймала, потому что у нее были ловкие руки.

Ноэл выглядел отлично.

Длинный и бледный. В темно-красных джинсах, которые, кроме него, никто не отважился бы надеть. В футболке, которая в прошлом году висела бы на нем мешком.

Он выглядел так хорошо.

И она так его любила.

---

[1] Сноски: 1

Кеша Роуз Себерт — американская певица и автор песен. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

И Мэгс не могла позволить себе пройти через это снова.

Она не смогла бы опять стоять в другом углу комнаты и смотреть, как Ноэл целует другую. Нет, сегодня Мэгс не будет свидетелем поцелуя, которого она добивалась всеми силами. С самой первой их встречи.

* * *

Итак, за несколько минут до полуночи Мэгс прихватила горсть крекеров и сделала вид, что идет в прихожую. Может, собралась в туалет. Или решила проверить фильтр обогревателя.

Потом она выскользнула через заднюю дверь. Никто и не подумает искать ее на улице в такой снег.

Снаружи было холодно, и Мэгс надела куртку Ноэла, которую все еще сжимала в руках. Облокотившись на стену дома, она ела крекеры — миссис Портер готовила лучшие крекеры в мире — и слушала музыку.

Потом музыка прекратилась, и начался обратный отсчет.

Как же здорово, что Мэгс выбралась оттуда. Оставаться там сейчас было бы слишком больно. Боль всегда была нестерпимой, но в этом году она

могла убить ее.

– *Семь!*

— *Шесть!*

— Мэгс? — окликнул ее кто-то.

Это был Ноэл. Она узнала его голос.

— Маргарет?

– *Четыре!*

— Я тут, — отозвалась Мэгс и повторила чуть громче: — Тут!

Она ведь все же была лучшей подругой Ноэла. Избегать его — это одно, а прятаться от него — совсем другое.

– *Два!*

— Мэгс…

Тут она, наконец, увидела Ноэла в лучах лунного света, прорывавшегося через перекладины навеса над ней. Его глаза наполнились нежностью, и он вскинул брови.

– *Один!*

Мэгс кивнула и оторвала плечи от стены, но Ноэл толкнул ее обратно, обнимая, окружая, вдавливая в камни.

И страстно поцеловал.

Мэгс обхватила его голову двумя руками, прижимаясь лицом к лицу, шеей к шее, губами к губам.

Ноэл крепко держал ее за плечи.

* * *

Через несколько минут — а может, и больше — они оба убедились, что никто из них не уйдет.

И расслабились.

Мэгс гладила кудри Ноэла, убирая их с его лица. Ноэл прижимал девушку к стене всем телом, от бедер до плеч, и целовал ее в такт песне, доносившейся из дома.

Когда Ноэл отстранился, Мэгс собиралась сказать ему: «Я люблю тебя». Когда он отстранился, она собиралась сказать ему: «Не отпускай меня».

— Не надо, — произнесла она, когда Ноэл, наконец, поднял голову.

— Мэгс, — прошептал он, — у меня губы немеют.

— Тогда не целуй меня, — отозвалась она. — Но не уходи.

— Нет… — Ноэл оттолкнулся от нее, и его место тут же занял пронизывающий холод, — У меня губы немеют. Ты ела клубнику?

— О, боже, — охнула Мэгс. — Крекеры.

— Крекеры?

— Там был арахис. Может, и другие орехи.

— А, — только и сказал Ноэл, но Мэгс уже тащи-

ла его прочь от стены.

— У тебя с собой что-нибудь есть?

— Бенадрил, в машине. Но от него меня клонит в сон. Думаю, я и так справлюсь.

— Где ключи?

— В кармане, — ответил Ноэл, указывая на свою куртку. Его язык казался распухшим.

Найдя ключи, Мэгс снова потянула его за собой. Машина стояла у дороги, бенадрил лежал в бардачке. Мэгс проследила за тем, как Ноэл принял лекарство, потом сложила руки на груди и стала ждать, что будет дальше.

— Ты можешь дышать? — спросила она.

— Могу.

— Что обычно бывает дальше?

Он усмехнулся.

— Раньше со мной такого не бывало.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Во рту щиплет. Язык и губы опухают. Появляется сыпь. Хочешь проверить?

Волчий оскал.

— А потом?

— Потом ничего. Потом я принимаю бенадрил.

— Давай проверю, не появилась ли сыпь.

Он снова улыбнулся и вытянул руки. Мэгс осмотрела их, потом задрала на нем полосатую

футболку… Бледная кожа, покрытая мурашками. А на груди веснушки, о существовании которых она раньше не знала.

— Похоже, сыпи нет.

— Я уже чувствую действие бенадрила.

Он опустил руки и обнял ее.

— Не целуй меня больше, — одернула его Мэгс.

— Пока что, — поправил ее Ноэл. — Я не буду целовать тебя *пока что*.

Она прижалась виском к его подбородку и закрыла глаза.

— Я знал, что ты спасешь мне жизнь.

— Мне бы не пришлось этого делать, если бы я сама тебя чуть не убила.

— Не нужно приписывать всю славу себе. Это лесные орехи пытаются меня убить.

Мэгс кивнула. Несколько минут они оба молчали.

— Ноэл?

— Да?

Она должна была задать ему вопрос, она должна была заставить себя сделать это:

— Ты сейчас просто *драматизировал*?

— Мэгс, клянусь, я бы не стал симулировать приступ.

— Нет. Я про поцелуй.

— Он был не один…

— Я про все сразу. Ты просто… приукрашивал?

Мэгс приготовилась услышать какую-нибудь глупость.

— Нет, — ответил Ноэл. И тут же сам спросил: — А ты просто дразнила меня?

— Боже. Нет, — отозвалась Мэгс. — А что, тебе казалось, что я просто тебя дразню?

Ноэл помотал головой, потерся подбородком о ее висок.

— Что мы с тобой делаем? — спросила Мэгс.

— Понятия не имею… — наконец ответил Ноэл. — Все меняется, но я… Я не могу тебя потерять. Не думаю, что найду еще такую, как ты.

— Я никуда не ухожу, Ноэл.

— Нет, уходишь, — сказал он, сжимая ее в объятиях. — И это не страшно. Просто… Мне нужно, чтобы ты взяла меня с собой.

Мэгс не знала, что на это ответить.

Холодно. Ноэл дрожит. Надо вернуть ему куртку.

— Мэгс?

— Да?

— А что нужно *тебе*?

Мэгс судорожно сглотнула.

За три года дружбы с Ноэлом она столько раз

притворялась, что ей ничего не нужно, кроме того, что он ей уже давал. Уговаривала себя, что хотеть чего-то и нуждаться в чем-то — это разные вещи…

— Мне нужно, чтобы ты был моим человеком, — призналась Мэгс. — Нужно видеть тебя. Слышать твой голос. Нужно, чтобы ты оставался жив. И чтобы перестал целовать других людей просто потому, что они оказались рядом с тобой во время обратного отсчета.

Ноэл рассмеялся.

— А еще — чтобы ты надо мной не смеялся, — добавила Мэгс.

Он снова наклонил голову и посмотрел на нее.

— Нет, это тебе не нужно.

Она поцеловала его в подбородок, не размыкая губ.

— Ты можешь получить все это, — произнес он осторожно. — Всего меня, без остатка. Если хочешь.

— Я всегда тебя хотела, — ответила она, цепенея от того, насколько это было правдой.

Ноэл наклонился, чтобы поцеловать ее, а она прижала лоб к его губам.

Они молчали.

Было холодно.

— С годовщиной, Мэгс.
— С Новым годом, Ноэл.

Келли Линк
Леди и Лис

В саду кто-то был.

— Даниэль, — сказала Миранда. — Там Санта-Клаус. Он заглядывает к нам в окно.

— Это невозможно, — ответил Даниэль, даже не посмотрев. — Мы уже получили подарки. К тому же Санты не существует.

Они сидели под рождественской елью в доме Ханивеллов. Им было по одиннадцать лет. Под елкой как раз хватало места, чтобы сидеть, поджав ноги. Даниэль запускал поезд вокруг дерева — то вперед, то назад. Миранда разглядывала свой лучший подарок: ножницы с позолоченными ручками в виде журавля и лезвиями в форме клюва. Щелк, щелк — срезала она одну за другой хрупкие иголочки с ветки над головой. Запах хвои. Дождь из маленьких зеленых иголок. В саду, наверное, очень холодно. На окнах сверкает изморозь. Уже давно пора спать. Если это не Санта-Клаус, то, возможно, это вор, который пришел украсть чьи-нибудь драгоценности. Или убийца с топором.

Или, что куда более вероятно, один из сотен дядьев и двоюродных братьев Даниэля. Во-первых, потому, что у человека за окном не было бороды, а выражение лица казалось совсем не таким веселым, как у Санта-Клауса. Да и глаза, хотя их было не очень хорошо видно из-за темноты и изморози, несомненно, принадлежали кому-то из Ханивеллов. В комнате было полно взрослых Ханивеллов, болтающих обо всем, о чем обычно разговаривают Ханивеллы. Обо всем подряд: о лошадях и домах, о Боге и строительстве, о студиях загара и, конечно, о театре. Всегда о театре. Ханивеллы любили поговорить. Когда у них заканчивались темы, они начинали играть. Весь мир — театр.

Ханивелла редко увидишь в одиночестве. Они всегда в связке, как бананы. Не шпионы-одиночки, а целые батальоны. И хотя Миранда обожала золотисто-рыжие волосы Ханивеллов, их преувеличенную, экспрессивную манеру одеваться, репертуар шуток и секретов, стихов и разной чепухи, иногда ей хотелось сбежать. Ведь Ханивеллы требовали, чтобы ты непременно участвовал. Они задавали вопросы до тех пор, пока у собеседника не пересыхало горло.

Даниэль был исключительно спокойным

для Ханивелла. Он даже не всегда интересовался, здесь ты или нет.

Миранда выскользнула из-под ели, просочившись мимо длинноногих Ханивеллов в галстуках и вечерних платьях: прозрачно-оранжевая тафта; скользкий и липнущий атлас, канареечно-желтый и фиолетовый; шелк, белый, как пена, кое-где уже заляпанный вином.

Кто-то потрепал ее по голове и подмигнул. Кто-то в золотистых одеждах покровительственно добавил:

— Бедный ягненочек.

— Бу, обманщики, — выпалила Миранда, отбиваясь. На ней было зеленое вельветовое платье в мелкий рубчик. Завышенная талия в стиле ампир. С защипами под мышками. Интерес Миранды к таким вещам был почти профессиональным. Ее мать Джоанни — последние полгода она сидела в тюрьме в Пхукете, и ей предстояло провести там еще долгие годы — была костюмером и подругой Эльспет Ханивелл.

Даниэль — сын Эльспет. А Миранда — ее крестница.

На кухне, опираясь на раковину, в которой один из новых котят Ханивеллов лакал из соусницы соус, томно целовались двое. За обеденным

столом сидела девочка, всего на пару лет старше Миранды, и раскладывала засаленные и потрепанные карты Таро. Пустые винные бутылки стояли под наклоном, как пушки, а огромный мясницкий нож торчал из развалин рождественского торта. От большой печи разливалось тепло, а внутри сушилки в старой сковороде спали остальные котята.

Захватив мешок с мусором, набитый перепачканными помадой салфетками, одноразовыми бокалами для шампанского и жирными корками от пирогов, Миранда вышла из кухни. Как только дверь открылась, внутрь проскользнула кошка.

Шел снег. Большие липкие хлопья таяли у Миранды на волосах и щеках. Снег на Рождество. Конечно, в Пхукете такого не увидишь. Она подумала: чем угощают в тайской тюрьме на праздник? Мать всегда пекла на Рождество торт, а Миранда помогала раскатывать марципан.

Балетки заскользили по траве. Завязав пакет, она оставила его прямо у лестницы. В саду по-прежнему стоял мужчина и все так же смотрел в окно. Должно быть, он слышал ее шаги. Заиндевевшая трава скрипела под ногами. Конечно, слышал, но не обернулся.

Даже со спины в нем определенно угадывался Ханивелл. Долговязый, светловолосый, абсолютно неподвижный. Настолько идеальный, что взгляду не за что зацепиться. Неестественно непринужденный. Холодный снег, который заставлял Миранду шмыгать носом и расписывал щеки красными пятнами, не таял, ложась на яркие ханивелловские волосы и на плечи удивительного пальто.

Типичный Ханивелл, подумала Миранда. Поссорился с подругой или обиделся на кого-то, и теперь собирается театрально замерзнуть. Ее мать прекрасно умела обращаться с Ханивеллом, разыгрывающим неуместную трагедию. Главное — твердость.

Вспомнив о матери, Миранда сама почувствовала что-то драматичное. Пытаясь прогнать нахлынувшие эмоции, она сосредоточилась на пальто, которое было на незнакомце. Казалось, оно украдено из театра — восемнадцатый век, изящный крой. Это было даже не пальто, а камзол из плотного розового шелка, расшитый белой нитью — маки и розы, а ниже на зеленом листе красовался жук-олень. Миранда подходила все ближе, не в силах остановиться; ей очень хотелось потрогать жука.

Ей казалось, что рука пройдет насквозь. (Разумеется, в Ханивелл-холле водились привидения.) Но этого не случилось. Пальто было настоящим. Миранда сжала ткань между пальцами и сказала:

— Что бы ни случилось, оно не стоит того, чтобы замерзать. Не стойте на улице, пойдемте в дом.

Ханивелл в камзоле повернулся.

— Я стою именно там, где должен, — сказал он. — То есть здесь. И делаю в точности то, что должен. И у меня нет ни малейшего желания беседовать с маленькими девочками. Так что уходи.

Может, Миранда и в самом деле была маленькой девочкой, но уже довольно неплохо умела противостоять ханивелловским вспышкам ярости, знала, как реагировать на их эмоциональные всплески, бурные проявления радости и горя, милые странности или заскоки. На широком правом кармане камзола она заметила вышитого рыжими и золотыми нитками лиса, застрявшего передней лапой в капкане.

— Меня зовут Миранда, — сказала она. И, поскольку уже овладела некоторыми уловками Ханивеллов, добавила: — Моя мать в тюрьме.

На мгновение взгляд незнакомца стал почти сочувствующим, но он тут же пожал плечами. Разумеется, театрально. И сунул руки в карманы.

— А я тут при чем?

— У всех есть проблемы, только и всего, — ответила Миранда. — Я здесь, потому что Эльспет меня жалеет. А я это ненавижу. Так что вас я нисколечко не жалею. Я даже не знаю, кто вы такой. Просто мне кажется, что не слишком умно стоять здесь и страдать из-за плохого настроения. Но, возможно, вы не очень умны. Моя мать говорила, что красивые люди часто довольно бестолковы. Как вас зовут?

— Если я скажу, ты уйдешь? — спросил Ханивелл.

— Да, — сказала Миранда. Можно вернуться на кухню, поиграть с котятами. Или принести пользу и помыть посуду. Или попросить, чтобы ей погадали. Или снова забраться с Даниэлем под дерево и сидеть, пока не придет время ложиться спать. Завтра ее посадят в автобус и отправят домой. И скорее всего, до следующего года Эльспет забудет, что у нее есть крестница.

— Я — Фенни, — сказал Ханивелл. — Теперь иди. Мне есть чем заняться, чтобы не сделать того, чего я не должен делать.

— Хорошо, — ответила Миранда. Она похлопала по широким манжетам чудесного пальто Фенни, задумавшись, какая у камзола подкладка и не холодно ли в нем. Каким же нужно быть глупым, чтобы торчать снаружи, когда тебя приглашают в дом. — Счастливого Рождества. Доброй ночи.

Она еще раз коснулась вышитого лиса и его лапы, застрявшей в капкане. Стебельчатый шов, рассыпной стежок и вышивка «елочкой».

— Очень хорошая работа, — сказала она. — Надеюсь, лис освободится.

— Он был слишком глуп, потому и попался, странное надоедливое дитя, — ответил Фенни. И снова повернулся к окну. Что он видел там? Когда Миранда, наконец, вернулась в гостиную, где подвыпившие Ханивеллы вместо рождественских гимнов горланили разухабистые песни, взрывали хлопушки и запускали бумажных журавликов, она вновь посмотрела в окно. Снег закончился. Снаружи никого не было.

* * *

На следующий год Эльспет Ханивелл, как обычно, вспомнила о Миранде. И через год, и через два. И под елкой Миранду всегда ждали подарки:

то билет на лондонский мюзикл, который она еще не успела посмотреть, то, когда ей исполнилось тринадцать, набор косметики.

Когда Миранде стукнуло четырнадцать, Даниэль преподнес ей шахматы и несколько мотков шелковой пряжи. Под черные колготки она надела на лодыжку красный кожаный плетеный браслет, который пришел по почте из Пхукета (письма в конверте не было). Котята выросли и перестали ее узнавать.

В двенадцать лет она искала загадочного Фенни, но его нигде не было. И когда Миранда спрашивала, никто не понимал, о ком она говорит.

Когда ей исполнилось тринадцать, она впервые попробовала шампанское.

Четырнадцатилетняя Миранда чувствовала себя уже достаточно взрослой. Теперь человек в камзоле казался ей сном или историей, которую она выдумала от скуки. В четырнадцать она уже выросла из сказок, Санта-Клауса и рассказов о привидениях. Когда Даниэль обратил ее внимание на то, что они стоят под омелой, она расцеловала его в щеки. А потом лизнула в ухо.

На ее пятнадцатое Рождество снова шел снег.

Все знали, что будет снег, и он не заставил себя ждать. Разговоры о снегопаде напомнили Миранде о Фенни. О мужчине в заснеженном саду. Конечно, в саду никогда никого не было. Зато был Ханивелл-холл и бесконечные толпы взрослых Ханивеллов, ведущих себя так, будто они снова стали детьми.

Количество веселья, которое требовалось Ханивеллам, было по-олимпийски выматывающим. Миранда не могла решить, здорово это или ужасно.

Ближе к вечеру Ханивеллы затеяли играть в шарады. Но в чем радость играть с людьми, которые делают это почти профессионально? Миранда стояла у окна, глядела на падающий снег и что-то высматривала. Птиц. Лиса. Человека в саду.

Ханивеллы кричали:

— Господи, нет! Клеопатра появилась завернутая в ковер, а не в субботнее приложение к газете!

Даниэль наверху, у себя в комнате, разговаривал с отцом по скайпу.

Миранда бродила от окна к окну. И вдруг увидела в саду то, чего там быть не должно было. Точнее, того. И тут же выбежала из дома.

— Пойду гулять! — крикнула она, пока закрывалась дверь. Вдруг кому-нибудь есть до этого дело.

Фенни прохаживался по старой стене, постукивая тростью по каждому камню, на который собирался наступить.

— Ты, — сказал он. — Вот думал, увижу ли тебя еще раз.

— Меня зовут Миранда, — напомнила она. — Вы, наверное, забыли.

— Нет, — произнес он, — не забыл. Хочешь присоединиться? — Он протянул руку. Миранда медлила, и он сказал: — Как знаешь.

— Я и сама могу сюда залезть, — сказала она. Теперь она шла перед ним, спиной вперед, чтобы не терять из виду.

— Ты не Ханивелл, — произнес он.

— Нет, — ответила она. — А вот вы — да.

— Верно, — сказал он. — Вроде того.

Затем она остановилась, и ему тоже пришлось остановиться. Дальше идти было некуда. За спиной у Миранды начинался провал.

— Я помню, как построили эту стену, — сказал он.

Скорее всего, она не так расслышала. Или он просто ее поддразнивал. Она ответила:

— Должно быть, вам очень много лет.

— Значительно больше, чем тебе, — сказал он и сел на стену. Миранда села рядом. Перед ними раскинулся Ханивелл-холл и рощица деревьев позади. Снег лениво падал, легкий ветерок крутил и подбрасывал его.

— Почему вы всегда в этом пальто? — спросила Миранда. Она начинала замерзать и поежилась. — Вы не должны сидеть на грязной стене. Оно слишком красивое.

Она коснулась вышитых жука и лиса.

— Кое-кто… очень особенный… дал мне его, — ответил он. — Я ношу его, потому что *она* так хотела. — И то, как он это сказал, заставило Миранду вздрогнуть.

— Ясно, — сказала она. — Это как мой браслет. Мне его мама прислала. Она в тюрьме и никогда оттуда не выйдет. Останется там до самой смерти.

— Как лис, — добавил он.

— Как ваш лис, — согласилась Миранда. Она удивленно поняла, что ее глаза стали влажными. Она плачет? Это ведь даже не настоящий лис. Ей не хотелось, чтобы Фенни заметил ее слезы, поэтому она спрыгнула со стены и пошла обратно к дому.

Когда она была на полпути к Ханивелл-холлу,

снег перестал. Она оглянулась: на стене никого не было.

Снег шел с перерывами весь день. Когда закончился обед и Ханивеллы разошлись по комнатам, постанывая и поглаживая животы, Эльспет подозвала Миранду.

Помахивая перед ней свертком, будто угощением для бездомного щенка, она сказала:

— Кто-то оставил это на крыльце для тебя. Интересно, кто?

Сверток был в обычной белой бумаге, перевязан зеленой ниткой. Сверху нацарапано ее имя. А внутри — клочок розового шелка с вышитым рычащим лисом, его покалеченной лапой и окровавленным капканом.

— Дай-ка взглянуть, милая, — сказала Эльспет и взяла у нее из рук обрывок такни. — Какой странный подарок! Чья-то шутка?

— Не знаю, — ответила Миранда. — Возможно.

Восемь часов вечера. Ханивелл-холл, должно быть, сиял на холме как фонарь. Миранда надела куртку и трижды обошла дом. Снег растаял. Даниэль перехватил ее, когда она совершала последний круг. Его нос сильно выделялся на покрытом прыщами лице. Миранда любила его так же нежно, как Эльспет. Они всегда были

к ней добры.

— Держи, — сказал Даниэль, протягивая ей кусочек шелка. — Тайный подарок? Тайный обожатель? Тайный шифр?

— А, ты тоже в курсе, — ответила Миранда. — Длинная история. Храню на память.

— Они там сейчас притворяются, что на дворе семидесятые, а им всем снова по шестнадцать. Играют в «Сардины»[2] и пьют. Потом всю ночь будут оргии в шкафах, душераздирающие признания и покушения на убийство в кладовых, под лестницами, на кроватях и под ними. Поэтому я взял вот это и незаметно ушел. — Даниэль показал ей бутылку «Стронгбоу», которую спрятал в карман куртки. — Пойдем, посидим в машине. Расскажешь про школу и про твою ужасную тетку, а я — с кем из парламентских консерваторов тайно встречалась Эльспет. Сможешь потом продать эту историю в газету.

— А на вырученные деньги куплю нам квартиру без удобств в Вулвергемптоне. Вот тогда заживем, — подхватила Миранда.

Они пили сидр и жевали полурастаявший батончик «Марс». Они разговаривали, и Миранда

---

[2] Сноски: 2
Вариант игры в прятки.

гадала, попробует ли Даниэль ее поцеловать. И должна ли она сама попытаться его поцеловать. Но он не стал рисковать. Как, впрочем, и она. Оба так ни на что и не решились. Миранда заснула в нелепом «Санбим Тайгере» с попорченной мышами обивкой. Ее голова лежала на плече Даниэля, а в руке она сжимала пойманного лиса.

* * *

Год спустя об Эльспет писали во всех газетах. Парламентский консерватор подал на развод, а она начала встречалась с футболистом, который был на двадцать лет моложе. Прекрасная рождественская история. Журналисты были повсюду. Эльспет в широкополой черной шляпе, в черном комбинезоне и черных солнечных очках, на «Санбим Тайгере», забрала Миранду с вокзала. Победно униженная. В своей стихии.

Тетка Миранды едва не запретила ей ехать к ним в гости. Правда, тогда им обеим было бы очень грустно, так как у тетки как раз появился новый ухажер. Почти такой же страшный, как она сама. Вот о чем следовало писать газетам.

— Милое платье, — сказала Эльспет, целуя Миранду в щеку. — Сама сшила?

— Да, ничего так получилось.

— Хочу такое же, красное. Только вырез глубже и юбку покороче. Ты могла бы открыть свое дело. Не думала об этом?

— Мне всего шестнадцать, — сказала Миранда. — И еще многому нужно научиться.

— Александр Маккуин бросил школу как раз в шестнадцать, — ответила Эльспет. — Уехал учиться на Сэвил Роу[3]. Зашивал человеческие волосы в подкладку. Полагаю, для него в этом была какая-то магия. У меня есть одно из его платьев. Да и твоя мать вряд ли была намного старше тебя сегодняшней, когда начала болтаться за кулисами. Она тогда все время расшивала тюль блестками и стразами.

— А где Даниэль? — спросила Миранда.

Все это время Миранда переписывалась с матерью. Правда, она пока не решалась рассказать тетке, что откладывает деньги на поездку в Таиланд следующим летом.

— Даниэль дома. У него хорошее настроение. Слушает мои старые пластинки *The Smiths*.

Миранда внимательно посмотрела на Эльспет.

— Та девушка… Она ведь с ним рассталась, да?

---

[3] Сноски: 3

Сэвил Роу — улица в Лондоне, где находятся лучшие в мире ателье по пошиву костюмов.

— Если ты имеешь в виду девушку с хорьками и некрасивыми лодыжками, — ответила Эльспет, — то да. Как там ее звали? Да, загадка… Я имею в виду не ее имя, а то, почему они расстались. Он вырос на три дюйма за два месяца, и лицо у него теперь чистое, честное слово. Он выглядит даже лучше, чем я ожидала. Золотое сердце, и голова на месте. Не понимаю, о чем думала та девица?

— Наверное, она торопилась бросить его, пока он не бросил ее, — предположила Миранда.

— Я бы не узнала о расставании, если бы случайно не подслушала их разговор. Ну, почти случайно, — продолжала Эльспет. — Это и еще *The Smiths*. Он не очень-то охотно рассказывает о своей личной жизни.

— А вы бы этого хотели?

— Нет, — сказала Эльспет. — Да. Может быть. Скорее нет. Ну, а как у тебя дела? Есть кто-то на примете?

— У меня нет даже хорьков, — ответила Миранда.

* * *

В сочельник, когда все Ханивеллы, их кузены, жены и бойфренды, подруги и личные бухгал-

теры отправились в городок гулять, распевая гимны, Эльспет отвела Миранду и Даниэля в сторонку и вручила каждому по косяку с марихуаной.

— Не думай, Даниэль, будто я не знаю, что ты рылся в моих запасах, — сказала она. — И уж если вы собираетесь нарушить закон, то научитесь делать это ответственно. Под контролем взрослого.

Даниэль закатил глаза, потом взглянул на Миранду. Увидев выражение ее лица, он фыркнул. Как бы это ни раздражало, факт оставался фактом: Даниэль действительно стал настоящем красавцем. Что ж, это было неизбежно. Видимо, уродливых Ханивеллов топят при рождении.

— Все в порядке, Миранда, — сказал он. — Я выкурю твой, если ты не хочешь.

Миранда сунула косяк в лифчик.

— Спасибо, но я оставлю его себе.

— Уверена, вам еще многое нужно наверстать, — сказала Эльспет. — А я поеду в паб целоваться с барменшами и доводить журналюг до истерики.

Когда она вышла, Даниэль сказал:

— Она нас сейчас сватала, да?

Миранда отозвалась:

— Или наоборот.

Их глаза встретились. Держись, Миранда. Даниэль, улыбаясь, наклонил голову.

— Ну, тогда мне следует сделать вот так, — произнес он. Подался вперед, коснулся рукой подбородка Миранды и заставил ее посмотреть на него. — Нам обоим следует.

Он поцеловал ее. Его губы были мягкими и сухими. Миранда, интереса ради, попробовала засосать его нижнюю губу. Она обняла Даниэля за шею, а его руки спустились вниз и сжали ее ягодицы. Он приоткрыл рот и целовал ее до тех пор, пока она не ответила. Похоже, Даниэль знает, как это делается; он наверняка много упражнялся с хорьковой девушкой. Миранда задумалась, где в это время были хорьки — в клетке или нет? И каково это, когда они наблюдают за тобой своими глазами-бусинками?

Миранда почувствовала эрекцию Даниэля. О, господи! Как неудобно. Она оттолкнула его.

— Извини, — сказала она, застонав. — Извини! Да… То есть нет, думаю, нам не следовало этого делать…

— Скорее всего, — ответил Даниэль. — Скорее всего, определенно не следовало. Странно, да?

— Странно, — согласилась Миранда.

— Но, возможно, все было бы не так странно,

если бы мы сперва выкурили по косяку, — сказал Даниэль. Его волосы были в полном беспорядке. Очевидно, это ее рук дело.

— Или, — ответила Миранда, — можно выкурить косячок *просто так*. И ничего не усложнять.

Примерно на середине самокрутки, Даниэль сказал:

— Это ничего бы не усложнило.

Его голова лежала у Миранды на коленях. Она наматывала его волосы на палец.

— Нет, усложнило бы, — произнесла Миранда. — Очень-очень усложнило бы. — И чуть позже добавила: — Хотелось бы, чтобы сейчас пошел снег. Снегопад — это было бы мило… Думаю, поэтому я и приезжаю сюда на Рождество. Ради этого белого праздника.

— Это ужасно, — ответил Даниэль. — Холодно. Скользко. И кажется, будто ты должен что-нибудь петь. Как в кино.

Или как в стеклянном снежном шаре.

— В ловушке, — сказала Миранда. — В капкане.

— В ловушке, — повторил Даниэль.

Они лежали, обнявшись, на диване напротив елки. Время от времени Миранде приходилось

убирать руку Даниэля оттуда, где ей не следовало находиться. Она не думала, что он делает это нарочно. Иногда она целовала его за ухом.

— Так хорошо, — сказал Даниэль. Он погладил ее ягодицы. Она вывернулась из-под его руки и снова поцеловала его. По телевизору шел фильм, в котором все время что-то взрывалось. С зомби и Кэмерон Диаз, в одиночку разгружающей покупки. Нет, это совершенно другой фильм, догадалась Миранда. Очевидно, она заснула. Даниэль спал. Почему он такой красивый, даже когда спит? Это бесит. Миранда боялась подумать, как она сама выглядит во сне. Неудивительно, что девчонка с хорьками бросила его.

Эльспет, должно быть, уже вернулась из паба, так как они оба были завалены горой пледов.

За окном шел снег.

Миранда сунула руку в карман и нащупала кусочек шелка. Она носила его с собой. Карман был достаточно большим, в него помещалось множество всяких мелочей. Миранда не хотела быть одним из тех дизайнеров, которые делают только красивые вещи. Она хотела, чтобы ее одежда была практичной. И вызывающей. Она взяла с дивана самое симпатичное одеяло, а остальными укрыла Даниэля.

Потом подошла к зеркалу, пригладила волосы и собрала их в хвост. Завернувшись в одеяло, как в шаль, вышла наружу.

Он стоял в снегу, под кустом боярышника. Ее била дрожь, и она заставляла себя поверить, что это от холода. Снега на земле было не так уж много. Значит, продолжала убеждать себя Миранда, проспала она недолго. И ему недолго пришлось ее ждать.

На нем был тот же камзол. Лицо было тем же. Сейчас он не казался ей таким взрослым, как в первый раз. Казалось, он всего на несколько лет старше, чем они с Даниэлем. Он ни чуточки не постарел. А вот она — да. Где он пропадает, когда его здесь нет?

— Ты привидение? — спросила Миранда.

— Нет, — ответил он. — Не привидение.

— Тогда ты живой человек? Ханивелл?

— Фенвик Септимус Ханивелл, — поклонился он. Выглядело это не так странно, как могло бы, хотя в наше время почти никто так уже не делает. Ни у кого из них не было таких имен. Сколько же ему лет?

— Ты приходишь, только когда идет снег, — сказала Миранда.

— Мне позволено появляться только во время

снегопада, — ответил он. — И только на Рождество.

— Понятно, — произнесла она. — Ясно. Нет, нет, ничего не ясно. Позволено кем?

Он пожал плечами. Не ответил. Может быть, говорить об этом ему тоже нельзя.

— Ты кое-что мне подарил, — сказала Миранда.

Он кивнул опять. Она протянула руку и коснулась места, где он оторвал от камзола лиса, чтобы отдать ей.

— Ох, — вздохнула Миранда. — Бедный. Ты даже ножницы не взял, да? Давай я починю.

Она вытащила из кармана кусок шелка и свой швейный набор, который уже больше года всегда был при ней. Нитки идеально подобраны по цвету. Просто на всякий случай.

Она показала ему шелк. Несколько месяцев назад она распустила лапу лиса и капкан. Капли крови. Хвост и оскаленную морду. И переделала их по своему замыслу, подражая, настолько возможно, духу оригинала. Теперь лис был свободен: с высоко поднятым хвостом и высунутым языком он бежал по розовому шелковому полю. С изнанки Миранда пришила кусок розового хлопка, который вырезала из старой ночной рубашки.

Он взял обрывок у нее из рук, перевернул:

— Это ты сделала?

— Ты оставил мне подарок на прошлое Рождество. А это — мой подарок тебе, — сказала Миранда. — Я пришью его на место. Выйдет не слишком аккуратно, зато в твоем красивом пальто больше не будет дыры.

Он ответил:

— Я сказал ей, что порвал его, зацепившись за ветку. Сойдет и так.

— Нет, не сойдет, — возразила она. — Пожалуйста, позволь мне его починить.

Он улыбнулся. По-настоящему, может, даже немного залихватски. Они с Даниэлем могли бы быть братьями. Они так похожи. Так почему же она остановила целовавшего ее Даниэля? Почему ей приходилось иногда прикусывать язык, когда Даниэль был с ней добр? В Ханивелл-холле она реальна ровно настолько, насколько Эльспет и Даниэль позволяют ей. Это не ее настоящая жизнь.

Все это смешно, конечно. Настоящее — это настоящее. Даниэль — настоящий. Миранда, когда находится не здесь, тоже. Кем бы ни был Фенвик Септимус Ханивелл, Миранда была уверена, что все это неспроста.

— Пожалуйста, — повторила она.

— Как пожелаешь, Миранда, — сказал Фенни. Она помогла ему снять пальто. Их руки соприкоснулись, и Миранда подавила необъяснимое желание ухватиться за Фенни, будто один из них вот-вот упадет.

— Пойдем в дом, — сказала она. — Только на время, пока я буду шить. Лучше делать это внутри. Там свет ярче. Познакомишься с Даниэлем. Или Эльспет. Я ее разбужу. Уверена, Эльспет знает, что делать в таких случаях. Что бы это ни было. Люди театра, похоже, знают, как быть в таких ситуациях. Пошли со мной.

— Не могу, — ответил он с сожалением.

Конечно. Опять против правил.

— Хорошо, — добавила Миранда. — Тогда мы оба будем на улице. Я останусь с тобой. Ты расскажешь мне о себе. Если, конечно, это тоже не против правил.

Она занялась булавками. Он придержал ее руку.

— Изнанкой наверх, если не трудно, — сказал он. — Чтобы лис оказался внутри.

У него были красивые ладони. Никаких мозолей на пальцах. Ухоженные ногти. Его большой палец скользнул по костяшкам ее руки. Миранда

ответила, чуть задержав дыхание:

— Изнанкой наверх. Так, чтобы она не заметила, что пальто кто-то починил?

Кто бы она ни была.

— Она заметит, — произнес он. — Но не увидит, что лис теперь свободен.

— Хорошо. Звучит разумно. — Миранда высвободила руку. — Вот, можем сесть здесь.

Она расстелила одеяло. Села. Потом вспомнила, что у нее в кармане батончик «Марса». Протянула ему:

— Садись.

Он посмотрел на шоколад. Развернул обертку.

— О, нет, — сказала Миранда. — Еще правила? Тебе не разрешают ничего есть?

— Не знаю, — ответил он. — Прежде мне никто ничего не предлагал. Со мной никто даже не разговаривал.

— Значит, ты появляешься, когда идет снег, бродишь повсюду, заглядывая в окна. А затем возвращаешься к себе?

Фенни кивнул. Он выглядел почти смущенно.

— Забавно! — сказала Миранда. — То есть нет, я хотела сказать, ужасно!

Она держала кусочек с вышивкой, пришивая его быстрыми стежками так, чтобы лиса не было

видно.

Если снегопад прекратится, он просто исчезнет? А пальто останется? Что-то подсказывало ей, что все это совершенно против правил. Хочет ли он вернуться? И что именно она подразумевает под «вернуться»? Сюда, в Ханивелл-холл? Или обратно, где бы ни было то место, где он находится, когда его здесь нет? Почему он не стареет?

Эльспет говорила, что становиться старше — весело. Но Миранда знала, сама Эльспет вряд ли в это верит.

— Вкусно, — сказал Фенни с удивлением. Батончик «Марс» закончился. Он облизал пальцы.

— Я могу сходить в дом, — сказала Миранда. — Сделать тебе сэндвич с сыром. А еще есть Рождественский торт на завтра.

— Нет, — ответил он. — Останься.

— Хорошо, — согласилась она. — Останусь. Вот, это лучшее, что я могу сделать при таком освещением. И руки уже замерзли.

Он взял у нее пальто. Кивнул. Затем накинул его ей на плечи. Обнял, притянув к себе. Парча такая тяжелая. Снег чувствовался как изнутри, так и снаружи.

Фенни оказался на удивление материальным для того, кого большую часть времени нет.

Его губы были чуть выше ее макушки, и дыхание шевелило волосы. Она очень-очень замерзла. Смешно — сидеть здесь, в снегу, с этим смешным человеком и его списком смешных правил.

Она простудится тут до смерти.

Осторожно, будто ожидая, что она его остановит, он положил ей руки на талию. Вздохнул. Теплое дыхание у нее в волосах. Миранда внезапно очень испугалась, что снегопад прекратится. Они же еще не поговорили толком. Они даже ни разу не целовались. Она точно знала, ощущала каждой частичкой своего тела, что хочет его поцеловать. Что он хочет ее поцеловать. Кожу покалывало от желания. Внутри будто взрывались пузырьки шампанского.

Она убрала швейный набор в карман и наткнулась на косячок, который дала ей Эльспет, и зажигалку Даниэля.

— Спорим, такого ты тоже не пробовал, — сказала Миранда. Она повернулась в его руках. — Это курят. Держи.

Протянула ему сигарету так, чтобы он взял ее губами. Щелкнув зажигалкой, дала прикурить, а затем резко подалась вперед, целуя его. Фенни поцеловал ее в ответ. Второй раз за эту ночь она целовала парня, и они оба были Ханивеллами.

Как ни восхитительно было целоваться с Даниэлем, то, что творилось с ней сейчас, было больше, чем восхитительно. Миранда не знала, как долго они целовались. Сперва у поцелуев был вкус шоколада. Она понятия не имела, что стало с косяком. Или с зажигалкой. Они целовались, пока губы Миранды не онемели и камзол не упал с ее плеч. Миранда переместилась к Фенни на колени, одной рукой она перебирала его волосы, другой обнимала за талию. Все, чего она хотела — было целоваться с ним вечно. Внезапно Фенни отстранился. Они оба тяжело дышали, его щеки раскраснелись, губы тоже. Миранда подумала, что, наверное, выглядит так же безумно, как он.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Конечно! Здесь холодно! А ты не хочешь идти в дом. Потому что, — сказала Миранда, задыхаясь и дрожа от холода и желания. Желания, желания… — это против правил!

Фенни кивнул. Посмотрев на ее губы, он облизнул свои. Однако, когда Миранда попыталась его поцеловать, Фенни отпрянул. Она подавила искушение набрать полную горсть мокрого снега и размазать по его ханивелловскому лицу.

— Хорошо, хорошо! Так, сиди здесь. Никуда не уходи. Не сдвигайся даже на дюйм, понял?

Я достану ключи от «Тигра», — сказала она. — Если это тоже не против правил — сидеть в старых машинах.

— Все это против правил, — ответил Фенни. Но кивнул.

А вдруг, — подумала она, — вдруг ей удастся просто посадить его в машину и уехать. Может быть, это сработает.

— Я серьезно, — произнесла Миранда. — Только посмей куда-нибудь уйти.

Он кивнул. Она поцеловала его напряженно, мучительно, отчаянно, затем отпрянула и побежала на кухню. Ее пальцы так замерзли, что она не сразу смогла открыть дверь. Она схватила куртку, ключи от машины, а затем, по наитию, отрезала кусок нетронутого Рождественского торта. Что ж, если Эльспет спросит, кто это сделал, она расскажет эту невероятную историю.

Затем Миранда выскочила наружу. И выпалила все самые плохие слова, которые только знала: снегопад закончился. Остались лишь промокшее от снега одеяло, косячок и обертка от «Марса».

Она положила кусок Рождественского торта в оконную нишу. Может быть, птицы склюют.

* * *

Даниэль все еще спал на диване. Миранда разбудила его.

— С Рождеством, — сказала она. — И с добрым утром.

Затем вручила ему подарок: рубашку, которую сшила для него. Серо-голубой египетский хлопок, под цвет его глаз. Но, естественно, она ему не подошла. Он слишком вырос.

Даниэль поймал Миранду под омелой. Было уже довольно поздно, но в Рождественскую ночь никому не хочется спать. Подвыпившие и расслабленные люди начинают спорить о том, что им на самом деле безразлично. Просто ради удовольствия. Он поцеловал Миранду. И она позволила.

«Это что-то вроде подарка для Эльспет, — объясняла себе Миранда. — Ведь, — думала она, — нелепо не целовать Даниэля просто потому, что ей хочется, чтобы ее целовал кто-то другой. Особенно, когда этот кто-то не вполне реален. Во всяком случае, большую часть времени».

К тому же Даниэль надел рубашку, которую Миранда сшила для него, хотя она и была ему мала.

На следующее утро Даниэля мучило похмелье, так что отвезти Миранду в город вызвалась Эльспет. На сей раз на ней был отделанный соболем старомодный костюм из красно-коричневого габардина. У Миранды чесались руки распороть костюм и посмотреть, как он сделан. Какая же у Эльспет узкая талия!

Эльспет сказала:

— Знаешь, он влюблен в тебя.

— Нет, — ответила Миранда. — Он любит меня, но не влюблен. Я люблю его, но и я не влюблена.

— Как скажешь, Миранда, — ответила Эльспет. Ее тон был холоден. — Хотя не могу не полюбопытствовать, откуда тебе в столь юном возрасте так много известно о любви?

Миранда вспыхнула.

— Ты же знаешь, что можешь поговорить со мной, — сказала Эльспет. — Когда захочешь. Когда тебе будет нужно. Миранда, дорогая, у тебя есть мальчик? Не Даниэль? Бедный Даниэль.

— У меня никого нет, — ответила Миранда. — Правда, никого. И ничего. Мне просто немного грустно, что приходится снова ехать домой. Это было такое восхитительное Рождество.

— Какой чудесный снег! — сказала Эльспет. — Как плохо, что он долго не пролежит.

* * *

Через два месяца после Рождества Даниэль приехал в гости. Миранда не ждала его. Он появился на крыльце с букетом роз. Брови тетки поползли вверх.

— Я заварю чай, — сказала она и поспешила на кухню. — И нужно найти вазу для цветов.

Миранда взяла розы. Спросила:

— Даниэль, что ты здесь делаешь?

— Ты меня избегаешь, — ответил он.

— Избегаю? Мы же не соседи, — сказала Миранда. — Я даже не была уверена, что ты знаешь, где я живу.

Она с трудом выдерживала присутствие Даниэля тут, в безукоризненной прихожей дома, где жила ее тетя.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Миранда. Ты никогда не бываешь онлайн, — сказал Даниэль. — А когда появляешься, не хочешь разговаривать. Ты ни разу мне не ответила. Не пригласишь меня войти?

— Нет, — ответила она и взяла сумку.

— Не надо чая, тетя Дора, — громко сказала Миранда. — Мы пойдем гулять.

Она оттолкнула руку Даниэля, безжалостно вы-

черкивая его из свой жизни, из настоящей жизни. Пусть даже это было зря. Быстрым шагом Миранда вела его вдоль стоящих у дороги домиков с фасадами из белого камня, к скучной и грязной, типичной для центральных графств Главной улице. Даниэль шел за ней. Путь был не близкий, и Миранда понятия не имела, что сказать. Он, похоже, тоже не знал, о чем разговаривать.

Платье, которое надела Миранда, было пока еще только проектом, она не собиралась выходить в нем на люди. Причесаться она тоже не успела. Это был выходной. Она собиралась сидеть дома и заниматься. Как Даниэль только посмел приехать!

В городе было одно кафе с исключительно гадкими булочками и сэндвичами. Она привела его туда, и они сели за столик. Сделали заказ.

— Я должен был предупредить, что приеду, — сказал Даниэль.

— Должен был, — согласилась Миранда. — Тогда бы я сразу тебе отказала.

Он попытался взять ее за руку.

— Миранда, — произнес Даниэль. — Я думаю о тебе все время. О нас.

— Нет, — прервала его Миранда. — Прекрати!

— Не могу, — ответил он. — Ты мне нравишься.

Очень. А я тебе разве нет?

Ужасный разговор. Она чувствовала себя так, будто наступила на мышонка. Как можно наступить на мышонка, который был твоим другом? Миранда не понимала, почему так несправедлива к Даниэлю. Почему так взбесилась из-за того, что он приехал. Ведь он не знает, как она относится к этому месту. Еще несколько месяцев, и она уедет отсюда навсегда. И это место перестанет существовать. Когда принесли булочки, они оба уже готовы были расплакаться. Даниэль откусил кусочек и тут же выплюнул на тарелку.

— Не такие уж они плохие, — сказала Миранда, подбивая Даниэля пожаловаться.

— Такие, — ответил он. — Они просто ужасные. — Сделал глоток чая: — И молоко прокисло.

Даниэль выглядел таким удивленным, что Миранда не сдержалась и захохотала. Это его тоже удивило. И с этого самого момента они больше не пытались поссориться. Провели остаток дня вместе, кормили уток на замерзшем пруду, смотрели в кинотеатре ужастики, боевики, мультфильмы — все, что угодно, кроме романтических комедий. Зачем сыпать соль на раны? Он не пытался взять ее за руку. А она не пыталась представить, будто идет снег, а Фенни сидит

рядом с ней в мерцающей темноте. Представлять такое было против правил.

* * *

Миранда закончила семестр. Собрала все, что хотела взять с собой, остальное сложила в коробки. Продала швейную машинку и оставила тетке записку. Она понимала, что должна быть ей благодарна. Все эти годы тетя кормила ее, одевала, давала стол и кров. Никогда не била. Не относилась к ней по-настоящему плохо. Но Миранда очень-очень устала быть благодарной.

Липкая и потная, измотанная сменой часовых поясов, она вышла из самолета в Пхукете. Остановилась на ночь в хостеле, а затем отправилась на встречу с матерью. Миранда читала о том, как должно проходить свидание. Знала, что можно принести, насколько остаться и как себя вести. Знала все правила.

Но она так и не увиделась с Джоанни. Не разрешили. Не понятно, почему. На вопрос, здесь ли ее мать, она все еще здесь? Ей ответили — да. Жива ли она? Да. Может ли Миранда увидеться с ней? Нет. Возможно, да, но не сегодня. Приходите в другой раз.

Миранда возвращалась трижды. Вновь и вновь ее отправляли ни с чем. Консул помочь не смог. Во второй раз она разговорилась с молодой женщиной. Ее звали Динда, она сидела с заключенными, когда те находились в лазарете. Динда сказала, что навещала Джоанни два или три раза. Что мать Миранды не была особо разговорчивой. Прошло уже больше шести месяцев с тех пор, как Джоанни последний раз писала Эльспет и Миранде. Получив третий отказ, Миранда купила билет на самолет в Японию. Следующие четыре месяца она жила там. Преподавала английский язык в Киото. Ходила по музеям. Рассматривала кимоно на блошиных рынках вокруг храмов.

Она отправила открытки Эльспет и Даниэлю. И матери. И даже тетке. За два дня до Рождества Миранда отправилась домой.

В самолете она уснула, и ей снилось, что идет снег. Она была с Джоанни, в пхукетской тюрьме, в камере. Мама сказала, что любит ее. Сказала, что приговор смягчили. И если она будет хорошо себя вести и *следовать правилам*, то ее отпустят домой на Рождество.

* * *

В этом году у Миранды был план. На Рождество непременно пойдет снег. Чтобы ни сулили прогнозы. Снег пойдет, и точка. Она найдет Фенни. И не отпустит его. И не важно, какие на этот счет существуют правила.

На следующий год Даниэль обирался уезжать в Сент-Андрус. Его девушку звали Лиллиана. Эльспет была счастлива. Миранда тоже. Она рассказывала Ханивеллам чудесные истории о своих учениках, оленях в храмах и о девочке, которая играла на флейте.

Эльспет старела. Ей давно исполнилось шестьдесят, но она оставалась самой красивой женщиной, которую Миранда когда-либо видела. В любой момент Эльспет могла получить рыцарский титул и больше никогда не попадать в центр скандалов.

Лиллиана оказалась приятным человеком. Даже сказала Миранде, что ей нравится ее платье. Кокетничала с самыми старыми Ханивеллами и помогала накрывать на стол. Даниэль смотрел на все, что делает Лиллиана так, будто до нее никогда никому не говорил комплиментов, никогда ни с кем не флиртовал. Будто именно она

изобрела стаканы для воды, салфетки и скатерти. Он открыл для себя новый мир.

Несмотря на все это, Миранда думала, что Лиллиана могла бы ей понравиться. Она была умна. Как математик. Похоже ей на самом деле понравилось платье Миранды, хотя выглядела она вовсе не так уж мило. Закованная в броню, колючая, неудобная, и для себя и для других. Кожаное платье в стиле панк, усеянное шипами, пряжками, с металлическими манжетами и цепями со всех сторон. Где бы она ни садилась, ей приходилось быть осторожной, чтобы не порезать, не проколоть и не поцарапать мебель. Объятия при этом полностью исключались.

Лиллиана захотела отправиться на экскурсию, и после обеда и первых коктейлей Миранда и Даниэль провели ее по Ханивелл-холлу и показали все — и то, что содержалось в порядке, и то, что пришло в упадок. В конце концов, они оказались на одном из чердаков и принялись рыться в чемоданах с костюмами Эльспет. Они уговорили Лиллиану примерить платья из марли, нацепить расшитые стеклярусом крылья феи и накраситься старым театральным гримом. Потом начали фотографироваться. Даниэль читал старые письма поклонников, нашел фотографии

Эльспет и Джоанни за кулисами. Вот Джоанни сидит высоко на гигантской вазе, а здесь у нее полный рот булавок… Джоанни на вечеринке в честь премьеры, пьяная, смеющаяся и молодая. Наверное, больно, когда рассматриваешь такие фотографии? Должно быть больно.

— Как вы думаете, снег пойдет? — спросила Лиллиана. — Хочу снегопад на Рождество.

Даниэль ответил:

— На прошлое Рождество был. А в этом ожидать не приходится. Слишком тепло.

Даже не пытаясь сделать так, чтобы ее слова звучали серьезно, Миранда сказала:

— Снег будет. Должен быть. А если он не пойдет, мы кое-что устроим. И заставим его пойти.

Миранда почувствовала удовлетворение, когда Лиллиана посмотрела на нее так, будто Миранда псих, возможно даже, опасный. Что ж, можно было и так догадаться, глядя на ее платье.

— Моим подарком в этом году, — сказала Миранда, — будет снег. Вот увидите. Зовите меня Снежной Королевой.

Ее чемоданы со специальным оборудованием едва влезли в машину. Эльспет ничего не сказала, только подняла бровь. Большая часть багажа все еще лежала в гараже.

Даниэль развеселился, услышав слова Миранды. Лиллиана тоже или просто сделала вид. В чемоданах лежали длинные, прозрачные полосы ткани, которые Миранда переплела между тремя ветвями дерева, спустив концы до самой земли. А еще длинные нити со стеклянными, хрустальными и серебристыми украшениями, вырезанные вручную снежинки из кружева, рассыпанные по ткани-сетке. Но главным оружием была машина для изготовления искусственного снега со шлангом длиной в пятьдесят футов. Миранда могла сделать горы искусственного снега. По словам парней, у которых она арендовала аппарат, целый час будет идти первоклассный снег, лучший, какой только можно купить за деньги.

Когда Миранда наконец закончила приготовления, пробило полночь. Она пошла в дом и включила прожекторы, а затем снежную машину. В воздухе закружились прекрасные сверкающие снежинки. Лиллиана медленно поцеловала Даниэля. Утонченная романтика. Все это время Эльспет наблюдала за ними, стоя на лестнице, ведущей в кухню. Рукой она прикрывала свой стакан с коктейлем. Искусственный снег оседал на ее волосах, окрашивая их белым. Все Ханивеллы, кто еще не ушел спать,

а таких было большинство, не переставали охать и ахать. Самые юные из них, родившиеся намного позже, чем Миранда впервые побывала в Ханивелл-холле, захлопали в ладоши. Миранда почувствовала себя действительно всемогущей. Все-таки Санта-Клаус существует.

Постепенно Ханивеллы вернулись в дом, чтобы выпить и продолжить разговоры. Да и восхищаться спецэффектами гораздо приятнее в тепле. Для снега было недостаточно холодно, но в целом погода стояла довольно прохладная. Самое время для горячего шоколада, горячего виски с медом, согревающей ванны и грелки в постели.

Конечно, Миранда не была уверена, что ее затея сработает. Вдруг она играет не по правилам? Но, с другой стороны, разве она не заслужила хоть капельку везения?

И все-таки сработало. Не смея надеяться, Миранда сначала подумала, что это Даниэль вышел из дома, чтобы позвать ее. Но это был не он.

В том самом старом камзоле с заплаткой, которую пришила, она, Миранда, из-за куста боярышника выступил Фенни.

— Получилось, — сказала Миранда. Она обхватила себя руками, что было ошибкой — все эти шипы… — Ой!

— Меня же не должно быть здесь, так? — спросил Фенни. — Ты что-то сделала. Миранда внимательно посмотрела на него. Как молодо он выглядел. Едва ли старше нее. Как долго он был таким?

Искусственный снег ложился им на плечи.

— У нас примерно час, — сказала Миранда. — Это не очень много.

Он подошел и обнял Миранду.

— Осторожнее, — сказала она. — Я вся в шипах.

— Смешное платье, — пробормотал он, уткнувшись ей в волосы. — Но милое. Вот, оказывается, что носят люди этого века.

— Сказал человек, одетый в камзол, — ответила Миранда. В этом году они были почти одного роста. Он даже ниже Даниэля, подумала Миранда. Затем они поцеловались. Они с Фенни поцеловались, и Даниэль перестал существовать.

Пока они целовались, Фенни прижимал ее к себе все сильнее, несмотря на шипы. Он держал ее за талию так крепко, что она подумала, что у нее останутся синяки.

— Пойдем со мной в дом, — сказала Миранда между поцелуями. — Пойдем.

Фенни куснул ее нижнюю губу. Затем лизнул.

— Не могу, — сказал он. — Из-за этих правил, — теперь он покусывал ее ухо. Она застонала. Потянув за волосы, заставила его отвлечься. — Ненавистные правила. Если бы я мог остаться, клянусь, я бы так и сделал. Миранда, я бы с радостью остался и прожил с тобой всю жизнь. Или столько, сколько ты захотела бы.

— Тогда оставайся, — сказала она. Ее платье, должно быть, впивалось в него. В живот, в ноги. Завтра они оба будут все в синих и черных пятнах.

Он ничего не ответил, только продолжал ее целовать — чтобы отвлечь ее, она это понимала. Спереди платье легко расстегивалось. Под ним на ней была старая футболка. И легинсы. Она направила его руки.

— Если ты не можешь остаться со мной, — сказала Миранда, пока Фенни расстегивал молнию, — тогда я останусь с тобой.

Его руки скользнули вдоль ее тела. Оказалось достаточно просто втянуть его в каркас платья и обернуть их обоих тяжелой цепью — поясом. А потом защелкнуть замок. Ключ был в доме. На чердаке, где она его и оставила.

— Миранда, — спросил Фенни, очнувшись, — что ты сделала?

— Главный компонент любых отношений — это способность удивлять того, кого любишь. Вычитала в каком-то журнале. Тебе понравятся женские журналы. О, и интернет. Кое-что оттуда — точно. Я тебя не отпущу, — ответила Миранда. Места в платье вполне хватало на двоих. Она чувствовала каждый вдох Фенни. — Если ты уйдешь, уйду и я. Где бы ни находилось то место, куда ты уходишь.

— Не выйдет, — сказал он. — Есть правила.

— И всегда есть способ их обойти, — возразила Миранда. — Об этом писали в другом журнале. — Она знала, что несет чепуху. Сработал защитный механизм. Она и об этом читала. Почему она не может прекратить думать о женских журналах? Побочный эффект, когда понимаешь, что влюблен? «Пятнадцать способов понять, что ваша любовь взаимна». Пункт восемь. Он не возражает, когда вы приковываете себя к нему, после того как подманили его поближе с помощью машины для искусственного снега.

Фальшивый снег был более холодным, тяжелым и мокрым, чем она думала. Очень похож на настоящий. Фенни что-то бормотал, положив голову ей на плечо. То ли «Я тебя люблю», то ли «О чем ты только думала, Миранда?»

Или и то, и другое. Теперь снег был и фальшивый, и настоящий. Он перемешался. Поддельная магия стала настоящей. Снег шел все сильнее, пока весь мир не побелел. Становилось все холоднее.

— Что-то происходит, Фенни, — сказала Миранда. — Идет снег. Настоящий.

Фенни будто обратился в камень в ее руках. Она чувствовала, что он перестал дышать, но его сердце стучало как бешеное.

— Отпусти меня, — сказал он. — Пожалуйста, отпусти.

— Я не могу, — сказала Миранда. — У меня нет ключа.

— Можешь. — Голос, будто колокол, чистый и мелодичный.

Вот и та, которую ждала Миранда. «Она», о которой говорил Фенни.

Та, что ловит лис в капканы. И никогда не выпускает. Та, которая устанавливает правила.

Было глупо, наверно, вспоминать в такой момент Эльспет, но о ней подумала Миранда, когда к ним приблизилась Леди. Самая ханивелловская из всех Ханивеллов, которых знала Миранда. Сила и властность, в которые облекалась Эльспет, выходя на сцену, были всего лишь игрой. Эльспет

только *изображала* железную леди. Здесь же, перед ней, была сама властность во плоти. Эльспет использовала силу, которую дарили ей зрители. Леди же обладала ею всегда. Как же это тяжело, наверное, не иметь возможности отказаться от своей силы! Слышала ли Леди, о чем думает Миранда? Ее взгляд охватывал все. Голова Фенни была опущена, но его руки оставались в руках Миранды. Он под ее защитой, и она не позволит ему уйти.

— У меня нет ключа, — повторила Миранда. — И он не хочет идти с тобой.

— Он уже ушел однажды, — ответила Леди. На ней была ледяная броня. Каково это, одевать такую Леди? Служить ей? Миранда могла бы пойти с Фенни, если Леди разрешит.

Осторожно, так, чтобы Леди не заметила, Фенни ущипнул Миранду за тонкую кожу между большим и указательным пальцами руки. Боль привела Миранду в чувство. Она увидела, что Фенни смотрит на нее. Он ничего не говорил, только смотрел, пока Миранда не опомнилась.

— Да, я ушел с вами по доброй воле, — согласился Фенни. Но он не смотрел на Леди. Он смотрел только на Миранду.

— А теперь хочешь меня покинуть? Просто

скажи, и я тотчас же тебя отпущу.

Фенни молчал. Правило, подумала Миранда. Здесь определенно какое-то правило.

— Он не может этого сказать, — возразила она. — Потому-то вы его и не отпускаете. Позвольте мне произнести все это за него. И он останется здесь. Разве вы не достаточно долго держали его вдали от дома?

— Его дом рядом со мной. Дай ему уйти, — произнесла Леди. — Или пожалеешь.

Она протянула руку и коснулась цепи, опоясывавшей платье Миранды. Цепь рассыпалась от ее легкого прикосновения. Миранда почувствовала, как металл ломается.

— Отпусти его, и я исполню твое самое заветное желание, — сказала Леди.

Она была так близко, что Миранда чувствовала ее дыхание, обжигающее щеки холодом. А потом Миранда уже не держала Фенни. В ее объятиях был Даниэль. Они поженились. Ханивелл-холл стал ее домом. Он был им всегда. Их дети под деревом, трое. Эльспет седая, но красивая, сидит во главе стола, на ней платье из модного дома Миранды.

Только это ведь не Эльспет, не так ли? Это Леди. Миранда едва не выпустила Даниэля. Фенни!

Но он держал ее за руки, и она обхватила его за талию еще крепче, чем прежде.

— Осторожнее, девочка, — произнесла Леди. — Он кусается.

Теперь Миранда держала лиса. Царапающегося, кусающегося, с вонючей пастью. Миранда вцепилась в него еще сильнее.

И снова это был Фенни, дрожащий у нее в руках.

— Все в порядке, — сказала Миранда. — Я держу тебя.

Но это все еще не Фенни. Это ее мать. Они вместе в маленькой грязной камере. Джоанни говорит:

— Все хорошо, Миранда. Я здесь. Все хорошо. Ты можешь идти. Я здесь. Отпусти, и мы пойдем домой.

— Нет, — отвечает Миранда, внезапно охваченная гневом. — Нет, тебя здесь нет. И я ничего не могу с этим поделать. Зато вот что я могу сделать!

И она держала свою мать до тех пор, пока она снова не стала Фенни, а Леди смотрела на них так, будто Миранда и Фенни — грязь у нее под ногами.

— Что ж, хорошо, — сказала Леди. Она улыба-

лась так, как можно улыбаться, глядя на грязное пятно. — Забирай его. Ненадолго. Но знай, что он никогда больше не познает радости, которой я его обучила. Только со мной он мог быть счастлив. Это я делала его таким. Ты принесешь ему только горе и смерть. Ты затянула его в мир, о котором он ничего не знает. Где у него ничего нет. Он будет смотреть на тебя и думать о том, что потерял.

— Мы все что-то теряем, — произнес язвительный голос. — Мы все любим и теряем, но все равно продолжаем любить.

— Эльспет? — спросила Миранда. Но подумала, что это ловушка. Еще одна ловушка. Она сжала Фенни так сильно, что он едва дышал.

Эльспет посмотрела на Фенни и сказала ему:

— Я видела тебя как-то в окно. Думала, ты тень или призрак.

Фенни ответил:

— Я помню. Хотя вы тогда были не так красивы, как сейчас.

— Какие слова! Боюсь, Миранда вас не поймет, — сказала Эльспет. — А что до вас, миледи, думаю, вы уже догадались, что побеждены. Ищите себе другую игрушку. Леди опустилась в глубоком реверансе. В последний раз взглянула

на Эльспет, Миранду, Фенни. На этот раз Фенни посмотрел на нее в ответ. Что он видел? Колебался ли он? Хотел ли последовать за ней? Его рука снова нашла руку Миранды.

Леди ушла, и снег стал реже, а затем совсем исчез.

Эльспет выдохнула.

— Хорошо, — сказала она. — Миранда, ты упрямая девчонка с добрым сердцем. Слава богу, ты умнее, чем твоя бедная мать. Но если бы я знала, что ты задумала, мне было бы что сказать. Сценическая магия хороша, но от настоящей лучше держаться подальше.

— Для Миранды это было бы лучше, — сказал Фенни. — Но благодаря ее смелости и тому, что она придумала, я вновь обрел свободу.

— И теперь, полагаю, нам придется решить, что с тобой делать, — ответила Эльспет. — Тебе нужно что-то более практичное, чем это пальто.

— Идем, — сказала Миранда. Она все еще сжимала его руку. Быть может, слишком крепко, но Фенни, похоже, это не беспокоило. Потому что и он не был готов ее отпустить.

— Идем же домой, — позвала Миранда.

Мэтт де ла Пенья
Ангелы в снегу

Я никому не сказал, как плохи мои дела.

Да, пожалуй, старик мог бы сунуть в конверт пару баксов и отправить на мой бруклинский адрес (а там их могла бы стащить банда крыс-домушников). Но у него и так забот по горло: нужно откладывать на летний лагерь для моей младшей сестренки. Да еще нашему псу по кличке Орешек — невообразимо блохастой дворняге с торчащими во все стороны зубами — срочно потребовались услуги дантиста. Да-да, вот именно: кривозубой собаке нужна операция. Ну что ж… Но, по словам сестренки, за это придется выложить больше трех сотен зеленых, так что старику пришлось впрячься во что-то типа кредита.

Пустяки.

Подумаешь, посижу в праздники на голодном пайке.

Не о чем говорить.

* * *

— Михо[4], — раздался в трубке голос отца, когда я в первый раз остался присматривать за кошкой на целый день, — как дела в колледже, все хорошо?

Я поставил акустическую гитару Майка обратно на стойку.

— Да, пап, все хорошо.

— Ну и хорошо.

«Хорошо, — подумал я. — Сколько же раз мы с ним обменялись этим чертовым словом за последнее время?» Старик говорил так, потому что не был уверен в своем английском, а я — потому что не хотел выглядеть в его глазах выпендрежником.

— На следующий год купим тебе билет, и ты сможешь прилететь домой на Рождество, — продолжал отец. — И тогда ты, я и Софе, мы соберемся вместе, как одна семья. Как раньше.

— Звучит отлично, пап.

Он еще не знал об этом, но к следующему

[4] Сноски: 4

Mijo — сокр. от mi hijo, «сынок» (*исп.*) — ласковое обращение старшего мужчины к младшему, распространенное в мексиканском диалекте английского языка в США.

Рождеству я планировал перебраться поближе к дому, в юго-восточную часть Сан-Диего, и пойти учиться в местный муниципальный колледж. Всем, похоже, казалось, что у меня в Нью-Йорке все идет как по маслу. И формально, наверное, так и было. Полная академическая стипендия Нью-Йоркского университета. Профессора, которые просто поражали меня каждый раз, когда я приходил на лекции. Но если бы вы прочитали нашу с сестренкой переписку, вы бы сразу поняли, почему я решил бросить колледж после первого же учебного года. Мой отец — самый стойкий мужчина, которого я знал, — плакал по ночам в подушку. Софе слышала его рыдания за стеной. А еще он отказывался от еды, так что сестренке приходилось буквально силой усаживать его за стол. Словом, дело было в том, что дома творилась чертова реальная жизнь. Настоящее мучение. А я прохлаждался тут, на другом конце страны. Невозможно описать тот груз вины, который я чувствовал на своих плечах.

Повисла долгая неловкая пауза — мы со стариком еще толком не научились общаться по телефону. Наконец он прочистил горло и произнес:

— Что ж, *михо*, берегись бури. В новостях сказали, она будет сильной.

— Я буду осторожен, пап, — ответил я. — Скажи Софе, пусть держится подальше от парней.

Мы попрощались и закончили разговор.

Сунув мобильник в карман, я в сотый раз заглянул в буфет Майка. Одна цельнозерновая булочка для хот-дога и пара пакетиков кетчупа. Все. В холодильнике тоже было нечем поживиться. Плитка горького шоколада, полпачки мини-морковок, два йогурта без добавок и бутылка крутой водки. Как в такой прекрасной квартире может быть так мало еды? Стоило только взглянуть на красивые баночки с йогуртом, как в животе заурчало. Но нужно было экономить. До Рождества оставалось еще три дня, а до получки — целых четыре.

Майк, управляющий книжным магазином в кампусе, и его жена Дженис обещали заплатить за то, что я посижу с кошкой в их новой квартире. Тут, конечно, было раз в триста лучше, чем в той раздолбанной халупе, которую я снимал в Бушвике, да только Майк забыл заскочить в банк перед отъездом.

— Можно мы рассчитаемся, когда вернемся из Флориды? — спросил он.

— Не вопрос, — соврал я.

Беда не приходит одна: они уехали, а через пару

часов на Нью-Йорк обрушился чертов снегопад. Весь Парк-Слоуп, где жил Майк, завалило слоем гребаного снега толщиной в тринадцать дюймов. И если бы я даже захотел освежить навыки, полученные дома (обчистить кого-нибудь, например), то ничего бы не вышло. Все сидели по своим тепленьким домам и носа не казали наружу.

Закрыв холодильник, я вышел в гостиную и уставился в окно. Кошка тоже смотрела в окно. Оливка — кажется, так ее зовут. Пустой желудок сжало, скрутило, потом медленно отпустило и сжало снова. Пара машин, оставшихся на улице, уже превратилась в сугробы, а снег все падал и падал. Под его тяжестью сгибались деревья.

Повернувшись к кошке, я сказал:

— Тебя я не съем, обещаю.

Она равнодушно посмотрела на меня, спрыгнула на деревянный пол и вальяжно направилась в сторону кухни, где ее дожидалась полная миска сухого корма со вкусом лосося.

Неисправная сантехника

Я успел съесть четверть одного из драгоценных йогуртов Майка, когда в дверь вдруг постучали. Ложка застыла над пластиковой баночкой. Кто бы это мог быть? Снаружи в дом никак

не войти, а Майк сказал, что во всей семиэтажке никого, кроме меня, не будет: все разъехались на Рождество.

Снова стук.

Теперь громче.

Сунув йогурт обратно в холодильник, я подошел к двери и посмотрел в глазок. На площадке стояла красивая девушка с длинными золотистыми волосами, фарфоровой кожей и светло-карими глазами. Я все никак не мог привыкнуть к тому, что здесь повсюду такие люди. Знаете, как в сериалах или рекламе. Дома-то по улицам ходят сплошь обычные мексиканцы, такие же, как я.

Откинув цепочку, я распахнул дверь и произнес, напустив крутой вид:

— Нужна помощь?

— Ох, — разочарованно вздохнула девушка, — ты не Майк.

— Нет, мы с ним вместе работаем…

— И ты уж точно не Дженис.

Она заглянула в квартиру мне через плечо.

— Майк — мой босс, — проговорил я слишком быстро и *совсем* не круто. — Сижу с его кошкой, пока они с Дженис гостят у друзей во Флориде. Он в курсе, что я здесь.

Мое сердце заколотилось. Не хватало еще, чтобы эта девушка решила, что застала меня на месте преступления. Я махнул рукой куда-то внутрь квартиры, но кошка Майка, мое единственное алиби, куда-то скрылась.

— Что-нибудь передать им? С удовольствием это сделаю. Они вернутся сразу после Рождества.

— Ты разбираешься в трубах? — вдруг спросила она.

— В трубах?

— Да, в трубах, — она помолчала, надеясь увидеть понимание в моем взгляде, но его там не было. — Ну, знаешь, раковина, душ, вот это все… короче, трубы.

— А, сантехника, — я ничегошеньки не знал о сантехнике, но все равно кивнул. Когда дело касается хорошеньких женщин, у меня правило: сначала кивай, потом задавай вопросы. — Конечно. А в чем проблема?

Выбравшись из укрытия, Оливка стала тереться о мою ногу.

— Кис-кис-кис, — умилилась девушка и, присев, почесала кошку за ушком. — Я смотрю, ты ей нравишься.

Я сделал в уме отметку: дать Оливке вечером побольше еды. Если ухоженная трехцветная кош-

ка трется о твои ноги, вряд ли кто-нибудь примет тебя за преступника.

— Да, мы буквально сроднились за эти сутки, — ответил я. — Как подумаю, что придется расставаться, на душе так тоскливо.

— Моя милая, моя хорошая, — ворковала девушка тем странным голоском, которым женщины разговаривают только с животными и маленькими детьми. Она гладила кошку по спинке, а я тем временем рассматривал ее саму. Старая ношеная толстовка, рваные джинсы и угги, но все равно было видно, что она из богатеньких. И это давало ей особую власть надо мной, природу которой мне было не понять, как ни старайся.

Девушка поднялась, наши глаза встретились — и тут у меня в животе заурчало так громко, что пришлось согнуться, притворяясь, будто я закашлялся.

— Что с тобой? — спросила она.

— Все нормально. Ох. Прости.

— Ладно. Так вот, у меня там, наверху, небольшая катастрофа. Пытаюсь открыть воду в душе — и ничего. Совсем, ни капельки. Ты в этом что-нибудь понимаешь?

— Немного.

Вранье!

— Хочешь, посмотрю?

— Если не трудно.

— Погоди, я только ключи возьму.

Я кинулся обратно в гостиную Майка, на ходу пытаясь вспомнить, как мой старик чинил трубы на кухне с помощью своего верного гаечного ключа. В памяти отчетливо всплывала картинка: отец лежит на спине, наполовину скрывшись под раковиной, и что-то вертит, а вокруг раздается металлический лязг.

И почему только я не смотрел внимательнее?

Ненастоящий Эспиноза

В квартире пахло томатным соусом, чесночным хлебом и пармезаном. Пока девушка вела меня через кухню, я чуть не залил пол слюной. Может, стоило остаться у Майка? Там было проще убедить себя, что весь Бруклин строго соблюдает Рождественский пост.

— Кстати, я Хейли.

— Шай, — отозвался я.

Она бросила на меня взгляд:

— В смысле, Ш-А-Й?

— Именно.

С тех пор как я приехал в Нью-Йорк, этот разговор повторялся уже не одну дюжину раз.

Странное дело. Дома мое имя не вызывало никаких вопросов.

Хейли пожала плечами, и мы обменялись неловким рукопожатием на ходу. Она остановилась перед ванной и жестом пригласила войти.

— Вот, видишь. И у моей соседки с душем такая же ерунда.

В ванной пахло душистым мылом, а на стене висел плакат в рамке: парочка, целующаяся на фоне Эйфелевой башни. На полочке над раковиной были разложены косметические принадлежности, щипцы для завивки ресниц и такое маленькое круглое зеркальце, в котором мое лицо казалось в три раза шире обычного. Полотенца пастельных тонов, большое и маленькое, были аккуратно сложены рядом с занавеской в черный горох. Хейли отодвинула ее и повернула оба вентиля, но ничего не произошло.

— Видишь? — сказала она.

— Интересно, — отозвался я и потер подбородок. Снова повернул вентиль горячей воды, затем — холодной. Но вода так и не потекла. Потом сунул голову под кран в душе и заглянул в отверстие размером со спичечный коробок, делая вид, будто изучаю бог весть что.

Мой старик в общем-то гордился мной. Когда

из Нью-Йоркского университета на другом конце страны позвонили и предложили оплатить мое обучение — плюс ежемесячная стипендия на текущие расходы, — он даже закатил вечеринку. Тетушки, дядья, двоюродные братья и моя тогдашняя подружка, Джессика, — все собрались, принесли с собой домашнюю еду и выпивку. Прежде чем сесть за стол, отец поднял банку «Текате»[5] и произнес короткую речь (на английском, из уважения к Джессике).

— Никогда не думал, что такое возможно, — сказал он, обводя взглядом нашу маленькую гостиную. — Один из Эспиноза — студент. Но так случилось. Поздравляю моего сына Шая!

Все чокнулись, выпили, а потом хлопали меня по плечу и говорили, что всегда верили: я совершу нечто особенное.

Но в то же время все мы знали, что я так и не умею того, что отличает всех мужчин Эспиноза: не умею работать руками. Отец пытался показать мне, как менять масло в грузовике и кровельную дранку на крутой крыше, как смолить, как чинить электропроводку, но вскоре понял: это гиблое дело. Мой единственный

---

[5] Сноски: 5

«Tecate» — мексиканское пиво.

талант — закрашивать кружочки в чертовых тестах. И все. Видит бог, в этом я мастак.

— Может, это как-то с погодой связано, — проговорила Хейли, пока я продолжал крутить вентили. — Скажем, трубы замерзли.

— Вот об этом-то я и думал, — я поднял глаза на нее. — Скорее всего, трубы замерзли. И не хватает напора.

Секунду назад я и понятия не имел, что скажу это.

— Отлично, — горько усмехнулась она. — Душ не работает, а комендант уехал на все праздники. Придется дреды отращивать, не иначе.

— Странно, что в новом доме вдруг замерзли трубы, — сказал я.

— Правда же? И в унитазе слив почему-то работает, — Хейли нажала серебристую кнопку, и на наших глазах вода закрутилась и с клокочущим звуком втянулась внутрь, а затем медленно поднялась снова. — Может, это отдельный стояк или еще что?

— Это точно отдельный стояк, — ответил я, ведь это звучало вполне логично. К тому же мне бы не хотелось, чтобы толчок был соединен с краном, под которым я чищу зубы.

— На кухне все в порядке, а вот тут — нет, —

Хейли повернула вентили над раковиной, но ничего не вытекло. Взглянув на меня, она покачала головой. — Сейчас я должна была уже быть дома, в Портленде. Стоять под обжигающе горячим душем. Но нет, вместо этого я, как идиотка, дотянула с покупкой билетов до последнего. А потом, как ты знаешь, все рейсы отменили.

— Можешь воспользоваться душем Майка, — предложил я.

Несколько долгих секунд Хейли смотрела на меня, словно раздумывая.

— Спасибо, это мило, но я потерплю. Говорят, мыться не каждый день — это даже полезно для кожи.

— Да, я что-то слышал об этом.

Но я прекрасно понимал, в чем проблема. На самом деле она мне просто не доверяла. И правда, какой-то тип в рваных джинсах и доисторической футболке. Да еще и с кривыми татуировками (это был код моего родного города) на пальцах обеих рук.

Не спрашивайте. Мне было всего пятнадцать, и там была текила.

— Что-то там про естественные жиры или вроде того, — Хейли пожала плечами. — Ладно, не важно.

Я повернулся, собираясь уходить. Она наверняка ждала этого, ведь я оказался совершенно бесполезен.

— Ну что, я пойду, наверное. Пора кошку кормить. Прости, что не смог помочь.

— Ничего страшного.

Она провела меня обратно через кухню, где мой желудок трубил как на параде, и открыла дверь.

— С наступающим, — сказал я.

— И тебя тоже, — улыбнулась она. — Спасибо, что зашел.

По дороге к лифту я прислушивался. Когда, наконец, дверь Хейли захлопнулась, одиночество обрушилось на меня.

Как провести ночь

На ужин я доел йогурт без добавок, закусил половиной булочки для хот-дога и принялся за водку Майка. Выпил пару стаканов, потягивая ее со льдом, пока бренчал на гитаре в ванной. Люблю играть там — акустика просто отличная. Гитара Майка была в шесть тысяч раз лучше моей. Звук лился сам собой, буквально оживал среди кафельных стен, особенно когда я выключил свет.

Водка ударила в голову, и я даже спел пару

песенок из тех, что сочинял еще в школе: печальные куплеты о девушках, возвращении домой и смерти мамы. Сплошь минорные аккорды, на фоне которых мой заурядный голос звучал не громче шепота.

Музыка всегда существовала для меня именно здесь.

В темной ванной.

В одиночестве.

Чувство, которое она дарила мне, была своеобразным сочетанием легкой жалости к себе и возбуждения. Я понимал, что моя жизнь бессмысленна, и это, как ни странно, давало свободу — достигнуть всего, что пожелаю.

Словом, большую часть ночи я провел в ванной.

Пару раз кошка заглядывала проведать меня. А едва заслышав легкие шаги Хейли — ее квартира была прямо над квартирой Майка, — я прекращал петь и начинал бренчать тише.

Около полуночи я отложил гитару, взял книгу, которую начал читать, и перебрался в гостиную. Взглянув через некоторое вниз, я обнаружил, что кошка свернулась клубочком у моих ног. Похоже, мы с ней и правда поладили. Стали друзьями, что ли. Наклонившись, я прочитал

надпись на жетоне, висевшем на ошейнике: Оливка.

Майк сказал мне, как ее зовут, когда показывал, как ее кормить и убирать лоток, но сейчас мы как будто познакомились по-настоящему.

Я почесал Оливку за ухом так же, как это делала Хейли, и прислушался к потолку — но там уже стало тихо.

Отношения на расстоянии

На следующий день, когда после полудня прошло уже довольно много времени, в дверь снова постучали. Я отвернулся от окна, возле которого мы с Оливкой сидели и смотрели на падающий снег. Отбросив плед, укутывавший ноги, я подошел к двери и посмотрел в глазок. Опять Хейли. На этот раз она прихватила с собой полотенце, сменную одежду и сумочку с туалетными принадлежностями. Открывая дверь, я произнес:

— Передумала все-таки.

Хейли заглянула в гостиную.

— Телевизор не включен?..

— М-м… да, — через плечо я бросил взгляд на темный большой экран. — В смысле, нет. Погоди, а почему ты спрашиваешь?

— Что же ты тут делаешь целый день?

— Сижу с кошкой.

Хейли закатила глаза.

— Знаешь, большинство тех, кто сидит с кошками, успевают заодно и телевизор посмотреть.

Переложив сумочку из одной руки в другую, она добавила:

— Не знаю, заметил ты или нет, но нас вроде как снегом завалило, а это идеальное оправдание для того, чтобы смотреть сериалы. Вчера я посмотрела целый сезон «Аббатства Даунтон».

— Это сериал про британских богачей, да?

— Уверена, твой телевизор не стал брать пример с моей сантехники, — продолжала Хейли, не обращая внимания на мой вопрос.

Я указал на ее сумочку с туалетными принадлежностями:

— Похоже, ты передумала насчет рождественских дредов.

Хейли театрально вздохнула.

— Вчера я все обдумала. И решила принять твое предложение.

Теперь явно должно появиться «но».

— Но с одним условием…

Хейли оглядела квартиру Майка.

— Любопытно, — сказала она рассеянно, — вроде планировка та же, что и у меня, но все

выглядит совсем не так.

Она снова повернулась ко мне.

— Чтобы мне было спокойно, когда я буду принимать здесь душ, мы сначала должны рассказать друг другу что-нибудь о себе. Тогда мне будет казаться, что я лучше тебя знаю. И неловкость исчезнет.

— Хейли, ради бога. Обещаю, я буду сидеть здесь и даже близко к ванной не подойду.

— Дело не в этом.

Я заглянул на кухню, куда Оливка ушла проверить, как там ее корм. Мой желудок уже сводило судорогами, и я невольно подумал: а не начал ли он уже переваривать мышцы. Отступив в сторону, я жестом пригласил Хейли войти.

Она подошла к диванчику в форме буквы «Г» и села на него.

Я тоже сел.

— Так о чем тебе рассказать?

— О чем угодно. Можно, например, о своем детстве. Или о местах, где ты вырос. Или о том, почему ты носишь шапку дома. О чем угодно, правда.

Я снял шапку и открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, но Хейли тут же сказала.

— Хотя я подумала, может, лучше все-таки, если

ты останешься в шапке.

— Почему? — Я встал и посмотрел в зеркало над диваном. На голове — целое гнездо из густых вьющихся каштановых волос. Такими длинными они еще, кажется, никогда не были. Я натянул шапку обратно.

— Похоже, пора стричься.

— Думаешь?

Супер. Этого я тоже не могу себе позволить.

Дома тетушка Сесилия всегда стригла меня бесплатно.

— Ладно, давай я начну, — Хейли помолчала пару секунд, оглядываясь по сторонам, а потом продолжила: — Отношения на расстоянии строятся на терпении. И мой парень, Джастин, пожалуй, самый терпеливый мужчина на свете.

— Как это? — я заглотил наживку, хоть прекрасно понимал, что Хейли делает. Она давала понять, что у нее есть парень. Видимо, после этого я должен был сто раз подумать, прежде чем ломиться в душ, когда она будет смывать свой дорогущий шампунь.

— Я уже говорила вчера, что собиралась купить билет домой, — отвечала Хейли. — Но все откладывала и откладывала. И теперь Джастин торчит один дома, в Портленде, вместо того чтобы ехать

со мной в маленький отель на побережье. Наши родители дружат, и они сказали, что, если мы вернемся к Рождеству… Словом, Джастин не сердится на меня, хотя я на его месте вышла бы из себя, а спокойно разговаривает со мной про замерзшие трубы. И даже сочувствует, можешь себе представить? Вот это терпение.

— Ничего себе, — поддакнул я, подыгрывая. — Он такой… терпеливый.

— Ладно, теперь твоя очередь.

Пока я пытался вспомнить что-нибудь интересное, неловкая пауза затянулась. Про подружку, с которой у нас любовь на расстоянии, я рассказать не мог, как бы мне ни хотелось. Это наверняка избавило бы Хейли от чувства неловкости.

— Не обязательно говорить о чем-то важном и глубоком, — подбодрила она меня. — Будь проще.

— Ясно, — отозвался я, продолжая думать. И вдруг меня осенило: — Знаешь, пожалуй, младшая сестренка — мой лучший друг на свете. На Рождество ей стукнет семнадцать, и я впервые пропущу ее день рождения.

Вообще-то Софе никогда не была моим лучшим другом, да и семнадцать ей исполнялось только через неделю после Рождества. Но нужно было

показать Хейли, что я надежный брат, — возможно, тогда она будет больше мне доверять.

— О, как жаль! Почему же ты не поехал домой?

Денег нет!

— Потому что обещал Майку посидеть с его кошкой.

Хейли нахмурилась.

— Уверена, он бы тебя понял. Ведь это же Рождество! Да еще и у твоей сестры день рождения.

— Еще у меня полно заданий, которые нужно сделать, — соврал я.

— А, я так и думала, что ты студент. Где учишься?

— В Нью-Йоркском университете.

Хейли кивнула.

— А разве семестр не кончился?

Я натянул шапку поглубже и заерзал.

— Вообще-то, это к следующему семестру, — я показал ей книжку. — По литературе столько всего нужно прочесть. Вот я и пытаюсь подготовиться заранее.

По программе нам действительно надо было осилить большой список книг, но роман, валявшийся на диванчике, не имел к нему никакого отношения. Да и читал я довольно быстро.

— На каком ты курсе? — спросила Хейли.

— На первом. А ты?

— На втором, в Колумбийском университете.

— О, да ты просто ветеран.

Хейли криво усмехнулась.

— Да ладно тебе. Я даже не представляю, какую специальность выбрать.

Я снова посмотрел на свою книгу.

Повисла очередная неловкая пауза. Через несколько секунд Хейли встала и сказала:

— Вот видишь…

Я тоже встал.

— Что?

— Теперь мы знаем друг друга лучше. И мне будет не так неловко пользоваться душем в твоей квартире.

— Ну, строго говоря, это не моя квартира.

— На время праздников она твоя, так ведь?

— Думаю, да.

Хейли вышла в холл, и через несколько секунд я услышал, как захлопнулась дверь ванной в спальне Майка и Дженис. Оглядевшись вокруг, я попытался представить, что это моя комната. Дизайнерский диванчик. Дорогое кожаное кресло. Огромный телевизор с плоским экраном. Гламурные картины на стенах.

Что бы подумал мой старик, если бы увидел

меня сейчас?

Он бы решил, что я присматриваю за кошкой в музее.

Пока Хейли сидела в ванной, я читал — очень долго, невероятно долго. Наконец она соизволила вернуться в гостиную. С влажными волосами и свежим макияжем она выглядела восхитительно.

Отложив книгу, я встал и спросил:

— Ну как, все нормально?

— Да, вполне. Спасибо. — она подождала, пока я открою входную дверь, а затем посмотрела мне прямо в глаза и добавила: — Спасибо тебе, Шай.

От того, что она назвала меня по имени, я вдруг как-то странно себя почувствовал.

— Мой душ — это твой душ, Хейли, — отозвался я. Это было это как-то двусмысленно, поэтому я тут же добавил, — В смысле, можешь приходить мыться когда захочешь. — Нет, это тоже звучало странно. — Я имел в виду…

— Я поняла, что ты имел в виду, — пришла мне на выручку Хейли. — И я это ценю.

Мило улыбнувшись, она вышла из квартиры Майка.

Закрыв за ней дверь, я увидел, что Оливка смотрит на меня с осуждением.

— В чем дело? — спросил я.

Она мяукнула.

— Знаешь, тебе, пожалуй, придется говорить по-английски.

Кошка выставила вперед лапы, выгнула разноцветную спину, потянулась и улизнула прочь.

Ангелы в снегу

На следующий день рано утром Хейли пришла снова. В руках у нее была сумочка с туалетными принадлежностями, сменная одежда и свежее полотенце.

— Извини, не хотела отрывать тебя… от того, чем ты тут занимался, — сказала она, — но у меня произошла неприятность на кухне.

С этими словами она оттянула край серой толстовки с эмблемой Колумбийского университета и показала большое пятно от кетчупа между буквами «б» и «м».

Я пригласил ее войти.

— Может, просто оставишь свои принадлежности тут?

Хейли натужно улыбнулась.

— Думаю, все-таки не стоит. Это как-то уж слишком. И потом, откуда мне знать, вдруг ты любитель порыться в чужих вещах?

— Да я даже не моюсь здесь. Хожу в ванную при гостевой спальне.

— Все так говорят, — она снова посмотрела на пятно от кетчупа. — По-хорошему, надо бы просто застирать кофту, но я *чувствую себя* грязной.

— Ты же слышала, что я сказал: можешь мыться тут, когда захочешь.

Сложив все вещи на обеденный стол, Хейли нагнулась, чтобы погладить кошку.

— Ты ведь ласковая киса, да? Хорошая девочка, хорошая…

— Ее зовут Оливка, — сказал я.

Хейли подняла глаза.

— Значит, все-таки решил нас познакомить.

Я пожал плечами. Почему-то привычное спокойствие улетучилось. Наверное, стал раздражительным из-за голода. И в то же время я был рад снова поболтать с Хейли. Быть голодным, конечно, паршиво. А голодным и одиноким? Все, пора искать в интернете телефон горячей линии для самоубийц.

Хейли встала и уперла руки в бока, словно ждала чего-то. Непонятное чувство, возникавшее где-то в животе всякий раз, когда мы встречались глазами, поднялось выше и засело в груди.

— Что? — спросил я.

— Сегодня ты рассказываешь первым.

— Мы опять играем в «узнай-друг-друга-лучше», да?

— Ага. Давай договоримся: каждый раз, когда я прихожу сюда, мы делимся друг с другом чем-то новым. Таковы правила. В идеале это «что-то» должно быть еще и очень личным. Не в обиду твоей сестре будет сказано, но вчерашняя история у тебя вышла так себе.

С этими словами Хейли заглянула мне через плечо, в кухню Майка и Дженис:

— А что ты себе готовишь? У тебя тут никогда не пахнет едой, да и курьеров из закусочных я на лестнице давно не слышала.

— Да у Майка холодильник битком набит, — соврал я. — И в буфете полно всего. Перед отъездом они с Дженис устроили забег по супермаркету, а потом сказали, чтобы я ни в чем себе не отказывал.

— Отлично, — проговорила Хейли. — Но, подозреваю, с готовкой ты не заморачиваешься.

Я помотал головой.

— Обычно бутеры сделаю — и все. Или хлопья молоком залью. Что-нибудь простенькое, типа этого.

При мысли об этих выдуманных блюдах желудок скрутило так, что я поморщился от боли.

— Можем поесть вместе. Приготовить две порции не сложнее, чем одну.

Я даже не понял почему, но от предложения Хейли на глазах у меня выступили слезы.

Отведя взгляд, я присел, чтобы погладить Оливку. От голода в голове и во всем теле чувствовалась какая-то легкость. Руки и ноги были словно из пенопласта. Накануне я прикончил остатки булочки, морковь и йогурты, а утром доел половину шоколадки. Но голод никуда не делся. Тогда я выпил пару стаканов воды из-под крана — надеялся обмануть желудок. Не сработало.

— Ну, так что? — спросила Хейли. — Зайдешь сегодня на ужин? Я собираюсь приготовить овощную лазанью, мамино фирменное праздничное блюдо.

У меня слюнки потекли.

Настоящая еда.

— Не могу, — отозвался я.

— Что значит — не можешь?

Я не знал, как ответить, чтобы не соврать. Наверное, виной всему была моя дурацкая гордость — то единственное, что я все-таки перенял у мужчин Эспиноза. Или, может, страх разобла-

чения: среди студентов колледжа я постоянно чувствовал себя самозванцем. Все ждал, когда же они выяснят, что мне там не место, что какая-то дама из приемной комиссии по ошибке выписала стипендию не тому парню. Пожалуй, на попытки скрыть свое происхождение я тратил не меньше времени, чем на домашнюю работу.

— Мне надо позвонить домой, поговорить с семьей.

— Ну, так поговори — и приходи.

— Нет, ты не поняла. Со *всей* семьей, — пояснил я. — Меня же не будет дома на Рождество. Но спасибо за приглашение.

Несколько долгих секунд Хейли сверлила меня взглядом.

— Ты странный, — наконец сказала она.

И в общем-то была права.

— Ладно, не важно, — продолжила она, сгребая свои вещи со стола. — Сегодня ты рассказываешь первым.

Я все еще чувствовал странное волнение, что вообще-то мне не свойственно. Я не плакал больше года, со дня маминых похорон.

«Может, рассказать Хейли об этом?» — подумал я.

О том, как я увидел маму в гробу и съехал с ка-

тушек, сорвался… на глазах у *всех*. Как я кричал, что сыт по горло этим гребаным миром. Как родственники пытались успокоить меня, и тогда я обрушил свой гнев на них.

— Да кому вы тут втираете? — орал я прямо в лицо дяде Гильермо. — Вы же ни черта не знаете обо мне!

А когда он дотронулся до меня, я отпихнул его руку. Да, вот о чем можно было бы рассказать Хейли. О том, как по моим щекам текли слезы, и я продолжал кричать: «Мне плевать на все! Слышите?»

Я рыдал, пока отец не подошел и не отвесил мне оплеуху. Прямо там, при всех. Возле маминого гроба. Дал затрещину, как нашкодившему щенку.

В тот день я дал себе слово.

Что больше не заплачу.

Никогда в жизни.

Что бы ни случилось, кто бы ни заболел или умер.

— Э-эй, — Хейли помахала рукой у меня перед лицом. — Шай, как слышно? Прием!

Я сделал глубокий вдох, а потом медленно выдохнул. И вместо истории о маминой смерти рассказал, как впервые увидел снег.

Два года назад мы всей семьей поехали в горы неподалеку от Сан-Диего и поселились в кемпинге, в большой палатке, которую одолжили у дяди. Родители обещали нам с сестренкой настоящий снег, но в первые три дня мы так его и не увидели. Было просто холодно. И ветрено. Большую часть времени мы провели в палатке, играя в дурацкие игры вроде «Уно»[6], мексиканского домино или «Лотереи»[7]. Зато на четвертый день мы проснулись утром — и вот оно. Большие красивые хлопья падали с неба, укрывая землю и все вокруг. Я рассказал Хейли о том, как отец катал сестренку на санках с горки неподалеку от кемпинга, а мы с мамой упали на спину в сугроб и стали махать руками и ногами, изображая летящих ангелов. Как парочка хихикающих малышей. А когда мы встали и посмотрели, что получилось, оказалось, что наши ангелы как будто держатся за руки.

— Ну вот, уже лучше, — улыбнулась Хейли.

Я пожал плечами. Перед глазами все еще стояли картинки из той жизни, что когда-то была у меня.

---

[6] Сноски: 6
Уно (UNO) — американская карточная игра.

[7] Сноски: 7
Лотерея (Loteria) — мексиканская настольная игра, наподобие лото.

— Забавно, правда? — продолжала она. — Вот так ждешь не дождешься чего-то — например, снега. А потом раз — и все, уже хочешь, чтобы он поскорее кончился.

Она указала на большое окно, за которым все падал и падал снег.

Мы немного посидели, глядя на него, а потом Хейли рассказала, как впервые узнала, что на свете существуют разные расы. Почему-то прошлой ночью ей вдруг вспомнилась эта история. Может, какой-то телепередачей навеяло. В общем, жила-была маленькая девочка в богатом пригороде Портленда. И вот, на шестой день рождения родители решили сводить ее на мюзикл. Устроили все по высшему разряду: нарядили дочку, усадили в папин «мерседес» и повезли в город. Когда они проезжали мимо «Макдоналдса» где-то на окраине, в окне вдруг показались странно одетые женщины с тоннами макияжа на лице. Это были проститутки, но малышка Хейли тогда еще не знала, кто это такие. Сидя в машине в нарядном белом платье, она во все глаза разглядывала их, ведь ничего подобного ей раньше не встречалось. Загорелся красный свет, и отец остановил машину прямо перед этими женщинами. А Хейли все смотрела и смотрела, пока одна негритянка

не обернулась и не встретилась с ней взглядом. Девочка застыла, не в силах отвести глаз. Через несколько секунд женщина в блестящих туфлях на шпильке подошла вразвалку к самому окну машины и спросила, тыча пальцем в лицо Хейли: «Чего уставилась, белая девчонка? Завидно, что ли, а?»

— Не знаю, почему я тебе это вдруг выложила, — проговорила Хейли. — По-моему, я никому об этом больше не рассказывала. Даже самым близким подругам.

Воцарилось неловкое молчание. Мы словно открыли друг перед другом грудную клетку и показали бьющееся сердце. Ну и как после этого вернуться к непринужденной болтовне?

Через несколько секунд Хейли сказала, что ей надо в душ. Я опять сел на диван и открыл книгу, но в голове все крутилась история Хейли. Почему она рассказала ее мне? Потому что я мексиканец? И, скорее всего, вырос в похожем месте? А может, это не имеет ко мне никакого отношения. Мы просто остались одни во всем доме во время снегопада. Вот рассеются тучи, а с ними и этот наш странный сон на двоих растает, словно и не было его никогда.

Я успел раз шестьдесят прочитать один и тот же

абзац, но так и не понял, о чем там говорится. Наконец, Хейли вернулась в гостиную. Мокрые волосы, свежий макияж — она была очень хорошенькой.

— Боже, как приятно быть чистой.

— Твоя правда, — преодолев слабость, я оторвал себя от дивана.

— Когда соберешься в ванную, может, сделаешь уже что-нибудь с этими вихрами?

Я стянул шапку.

— С этими-то?

Она подошла и слегка взъерошила мои волосы, застав меня тем самым врасплох.

— Ну, лысина тебе точно не грозит.

Я натянул шапку обратно.

— В общем, если передумаешь насчет ужина — приходи. Можно даже поздно.

— Ладно.

Когда я открыл ей дверь, Хейли снова посмотрела мне прямо в глаза, и у меня опять возникло то самое «непонятное чувство».

— Не понимаю, как звонок домой может растянуться на целый вечер. Но как знаешь, конечно.

Слегка помахав рукой на прощание, ушла.

И только спустя несколько часов я обнаружил, что она оставила в хозяйской ванной полотенце

и сумочку с туалетными принадлежностями.

Переломный момент

В тот вечер я так и не пошел ужинать к Хейли.

Но и домой не стал звонить.

Я доел шоколадку Майка, осушил целый пластиковый стаканчик водки, поиграл на гитаре в ванной, а потом сделал что-то и вовсе странное: забрался в ванну и уснул. Понятия не имею, почему. Не то чтобы меня срубило на месте. Просто не хотелось идти ни в гостиную, ни в спальню. Я положил гитару Майка на пол, залез в ванну, съехал немного вниз, чтобы опереться головой о край, закрыл глаза и стал размышлять о жизни.

Дома у меня было четкое представление о себе, но здесь, в Нью-Йорке, от него не осталось и следа. Тут все как-то завертелось, вышло из-под контроля. А теперь я вдобавок был чертовски голоден. Кто-то словно выкручивал мои внутренности, как половую тряпку.

Мне хотелось одного: поговорить по душам с мамой, как в старые добрые времена.

Но это было невозможно.

Проснулся я с легким похмельем. Оливка сидела на крышке унитаза и внимательно смотрела

на меня. Мне вдруг стало чертовски стыдно. Да, перед кошкой. Серьезно. Я не хотел, чтобы она застала меня в таком виде. Спящим в ванне. Говорят, животные гораздо лучше считывают эмоции, чем люди. Так вот, интересно, что Оливка тогда поняла обо мне?

Хотя нет, лучше мне этого не знать.

Вылезая из ванны, я услышал, как Хейли постучала в дверь. Натянув шапку, я бросился в прихожую и уже хотел было открыть, но тут меня вдруг охватила паника. Одежда! На мне были те же джинсы и рубашка, что и накануне. И ведь не сделаешь вид, что ночевал где-то еще.

Распахнув дверь, я выпалил:

— Ну вот, сегодня я весь вымазался в кетчупе. Пришлось переодеться во вчерашнее.

В руках у Хейли, стоявшей на пороге, на этот раз была не только сменная одежда, но и тарелка с маффинами.

— Я испекла их утром, — произнесла она, не обращая внимания на мою ложь про кетчуп, — и решила, что надо куда-нибудь их срочно отнести, а то сама все слопаю за четверть часа.

— Спасибо, — ответил я, снова испытывая прилив каких-то странных чувств.

Хейли не отдала мне тарелку; вместо этого она

отодвинула меня и прошла на кухню.

— Кстати, они с бананово-ореховой начинкой. Спрячу их в холодильник от Оливки…

— Нет, стой! — крикнул я.

Поздно.

Хейли застыла перед пустым холодильником Майка. Посмотрев в него еще немного, она повернулась ко мне с озадаченным выражением на лице.

— Но здесь же ничего нет.

Сердце ухнуло в пятки.

Хейли поставила тарелку с маффинами на полку, закрыла холодильник и стала исследовать шкафчики. Я уже не пытался ей помешать, а просто смотрел, как она открывает и закрывает дверцы, одну за другой.

— Зачем ты мне соврал? — спросила наконец Хейли с болью в голосе.

Я рассмеялся, пытаясь сгладить неловкость.

— Да ладно, с чего бы мне врать тебе?

— Ты же сказал, что Майк и Дженис оставили припасы.

— Так и было, — подтвердил я, старательно продолжая улыбаться. — Просто… я все уже смел. Глупо вышло, правда? Рождество ведь еще только завтра. Наверно, придется все-таки выбраться

в соседний магазин.

Хейли подошла к мусорному ведру, стоявшему под раковиной, и подняла крышку.

— Тут тоже пусто, Шай.

Я молча прислонился к стене.

— Ладно, пойду в душ. А потом мы вот это обсудим, — она указала на холодильник.

— Что обсудим?

— Все, — ответила Хейли. — Ешь пока маффины.

Затем она отвернулась и направилась в хозяйскую ванную.

Едва дверь захлопнулась, я подошел к холодильнику и уставился на тарелку с маффинами. Поднял пленку, которой они были накрыты, и понюхал: еще теплые. Слюна заполнила рот. Мозг словно распух от голода и соображал очень медленно.

Надо поесть.

Срочно.

Но нельзя.

Только не сейчас, пока Хейли еще здесь. Она не должна узнать, насколько я голоден. Иначе она поймет, что у нас совершенно разный уровень жизни. И, скорее всего, перестанет приходить сюда, чтобы воспользоваться душем.

Я вернул пленку на место, закрыл холодильник, сел на диван и притворился, что читаю.

Выйдя из ванной, Хейли первым делом отправилась на кухню и открыла холодильник.

— Да что с тобой такое? — спросила она, возвращаясь в гостиную. — Серьезно, Шай.

— Ничего такого, — ровным голосом отозвался я.

Несколько секунд она смотрела на меня, покачивая головой, а затем махнула рукой и вышла из квартиры.

Убедившись, что она не собирается внезапно вернуться, я рванул на себя дверцу холодильника и вытащил тарелку с маффинами. Потом уселся на пол, схватил кекс, засунул его в рот целиком и принялся жевать. Жевал его и жевал — а второй держал уже в руке, готовясь тут же отправить вслед за первым.

И вдруг заплакал.

Сам не знаю, почему.

Первый раз со дня маминых похорон я почувствовал, что щеки стали мокрыми от слез. И, как ни странно, это было так приятно. Я ощутил себя живым. Наверное, потому что вспомнил о маме. Да и снова наполнить желудок — просто здорово.

Я сидел на полу очень-очень долго.

Ел и плакал.

Плакал и ел.

Стараясь не думать ни о чем, кроме маффинов Хейли.

Как бы это могло быть?

Возможно, у нас со стариком больше общего, чем мне казалось.

Помните, я рассказывал о том, как моей сестренке иногда приходится силком тащить его за стол? Вот что-то в этом роде Хейли пришлось провернуть со мной сегодня.

Она вернулась часов в семь, но на этот раз не для того, чтобы воспользоваться душем. Молча схватив за руку, она потянула меня на лестницу, в лифт, и дальше — в свою наполненную ароматами квартиру, и усадила за обеденный стол.

— Ни с места, — скомандовала она мне, будто немецкой овчарке, а затем пошла на кухню и открыла дверцу духовки.

Я сидел, разглядывал свои руки и вспоминал о доме.

У нас, в семье Эспиноза, канун Рождества всегда был лучше самого Рождества. Все кузены и кузины, дяди и тети приходили в гости к бабушке,

дом наполнялся запахом тортилий[8] и соуса чили. Тетушка Сесилия приносила тарелки с горками сладких тамале[9]. А дядюшка Гильермо тайком угощал нас текилой «Patrón» из бутылки, которую всегда заворачивал в подарочную бумагу («Рождественский подарочек для меня любимого!») В гостиной мужчины обсуждали работу, на кухне женщины обсуждали мужчин. В доме звучал смех. Даже если кто-то ронял стеклянную рамку для фотографий или хрустальную фигурку, мы просто хохотали над этим — все, даже бабушка, сметавшая осколки в старинный железный совок.

Дом. Эх…

Как же я соскучился по нему, черт возьми.

Соскучился по *ним*.

— Ни за что не позволю тебе сидеть голодным в канун Рождества, — заявила Хейли, ставя передо мной тарелку, полную еды.

— Я не сидел голодным, — отозвался я, уставившись на роскошный ужин.

---

[8] Сноски: 8

Тортилья — тонкая лепешка из кукурузной или пшеничной муки.

[9] Сноски: 9

Тамале — лепешка из кукурузной муки, обернутая кукурузными листьями, приготовленная на пару, с начинкой из мясного фарша, сыров, фруктов или овощей.

Она посмотрела на меня в упор.

— Нет, Шай, сидел.

— Ну, может, немного.

Чем это я заслужил такое, интересно? Только тем, что разрешил ей воспользоваться ванной Майка? Если так, то обмен явно неравноценный. Я всего лишь открыл ей входную дверь, а судя по тому, что здесь на тарелке, Хейли просто надрывалась на кухне. Тут и какая-то белая рыба на гриле, и жареная картошка, и хлеб из дрожжевого теста, и эти штуки типа брокколи с длинным стеблем — все время забываю, как они называются.

— Ты что будешь, «Пино Гри» или «Шардоне»? — крикнула Хейли из кухни.

— Это вино такое, да? — крикнул я в ответ.

Хейли вынесла вторую тарелку и поставила напротив моей.

— Конечно, вино, что же еще?

— В таких делах ты лучше разбираешься… — я поерзал на стуле. — Попроще вопросы задавай, ладно? Я знаю только, что вино бывает белое и красное.

Хейли застыла, уставившись на меня.

— Вообще-то, они оба белые. К рыбе подходит белое.

— Ну, тогда все просто. Берем белое.

— Да, но… Ладно, забудь.

Хейли принесла из кухни бутылку вина и наполнила бокалы.

— Твое здоровье, — сказала она, поднимая свой.

— Салуд[10], — отозвался я, как всегда говорит мой старик.

Мы чокнулись.

После дюжины маффинов на завтрак, — да-да, я слопал все до последней крошки — голод уже не так меня терзал. И все же с каждым кусочком прекрасно приготовленной рыбы я чувствовал, как мое тело оживает. Это была *настоящая* еда. И благодаря ей потрепанный плюшевый мишка наконец-то превращался в человека.

Вино тоже пошло на ура, и Хейли вскоре снова наполнила бокалы.

— Кстати, даже не думай сорваться с крючка, — вдруг сказала она.

— Ты это о чем?

— Об «игре в правду». Вечером я не заходила к тебе мыться, но это не значит, что сегодня мы не должны ничего рассказывать друг другу.

---

[10] Сноски: 10
Твое здоровье (*исп.*).

— Ужин — просто объедение, — сказал я, указывая на полупустую тарелку.

— Всего лишь жареная треска.

Хейли помолчала несколько секунд, а потом добавила:

— Но спасибо. Мне нужно научиться принимать комплименты.

— Чур, сегодня первая история — твоя.

Я подцепил вилкой очередной кусок брокколи с длинным стеблем. Не знаю почему, но мне не терпелось услышать, что Хейли расскажет на этот раз. Похоже, я начал втягиваться в ее наивную игру.

— Ладно, — Хейли сделала глоток вина, а потом замерла с бокалом в руке, словно о чем-то размышляя. — Иногда я очень беспокоюсь. Насчет себя. У меня нет… «фишки». Скажем, в старших классах я постоянно получала хорошие оценки. Нет, даже не так. Была отличницей. Мне поручили произнести торжественную речь на выпускном. Отборочный тест в колледж написала очень неплохо. И все нужные для поступления факультативы посещала. А на втором курсе работала волонтером в психиатрической лечебнице. Но делала я это только для того, чтобы со стороны все выглядело *как надо*. Глупо, правда?

Именно тогда я вдруг понял, насколько Хейли красива. Идеальная кожа, высокие скулы, очаровательные крохотные веснушки вокруг носа. Но дело было не только в физической привлекательности. Вообще-то мне многие девчонки нравятся — такие вот у меня гибкие эстетические критерии. Но в Хейли было что-то совершенно особое. В ее улыбке и ямочках на щеках. В том, как она смущалась: слегка пожмет плечами, чуть наклонит голову — и уставится на свои ноги. А иногда, когда светло-карие глаза Хейли встречались с моими, темно-карими, я чувствовал, будто она просовывает руку мне в грудную клетку и нащупывает там самое потаенное. В такие моменты мне хотелось ничего не скрывать от нее, пусть даже что-то и покажется ей неприглядным.

— Проблема в том, — продолжала Хейли, — что я никогда не понимала, *зачем* я все это делаю. Знала, что этого от меня ждут, и только.

Она снова наполнила наши бокалы.

— Причем не могу сказать, что родители или школьные психологи как-то давили на меня. Нет, дело было во мне. Я сама хотела быть лучшей. Но все мои решения в старших классах были продиктованы стремлением добиться отличных результатов *на бумаге*. Я ни на секунду

не задумывалась о том, что же мне на самом деле *нравится* делать. Грустно это как-то, правда?

— А по-моему, скорее честно.

Обычно мне нравится помалкивать. И слушать. Но вино как раз ударило в голову, подарив странное ощущение уюта, и я разговорился.

— Скажи, что тебе ближе: быть лучшей в том, что просто нравится, или посредственностью в любимом деле?

— О, господи. Даже не знаю, — отозвалась Хейли. — Трудно выбрать. А ты что решил? Мне кажется, этот вопрос основан на личном опыте.

Я положил серебряные приборы на пустую тарелку, взял в руку бокал и откинулся на спинку стула. Казалось, будто я — герой фильма, что ли. Или сериала про британских богачей вроде того, о котором говорила Хейли. Веду глубокомысленные беседы в красивой квартире в Нью-Йорке. Потягиваю, черт возьми, вино из настоящего бокала. До этого я пил вино всего один раз — с Джессикой, из рюмок, потому что в квартире ее отчима ничего другого не нашлось.

— Единственное, что я искренне люблю помимо семьи — так это музыку. Гитару. Но я точно знаю, что музыкант из меня так себе.

— Ты ведь играешь здесь иногда, правда?

— Я? Нет, что ты. Не в квартире Майка. Только у себя дома.

Перестань врать!

— Ну, вообще бывает. Бренчу немного. Но это не всерьез.

— Так я и знала, — кивнула Хейли. — Поначалу думала — радио играет. Выходит, не так уж ты и плох.

Я смущенно помотал головой.

— Ладно, проехали.

Хейли рассмеялась.

— Похоже, не мне одной стоит научиться принимать комплименты.

После недолгого и даже не очень-то неловкого молчания, я произнес:

— Знаешь, я тоже вроде как не в курсе, чем хочу заниматься. Иногда чувствую себя как бутылка газировки, которую как следует встряхнули. Вроде и страсть бурлит внутри, рвется наружу, а куда направить ее — непонятно. Ты что-то в этом роде имела в виду?

— Именно. И порой я с тревогой думаю, что так и не узнаю, куда же ее направить.

Хейли разлила остатки вина по бокалам, но его оставалось совсем на донышке, так что она встала и открыла вторую бутылку.

После ужина мы проболтали еще несколько часов. Когда вторая бутылка вина закончилась, я сбегал вниз и принес водку Майка. Хейли смешала водку с клюквенным соком, мы уселись на диван в гостиной и болтали, болтали без умолку. Она рассказывала о своем детстве в Орегоне, а я — о жизни на границе с Мексикой. Потом Хейли описала канун Рождества, который могла бы провести сейчас дома: поужинала бы в шикарном ресторане с мамой, папой и младшей сестрой, а потом они сидели бы у камина и по очереди открывали подарки. А я рассказал о празднике в гостях у бабушки.

К полуночи я изрядно набрался. Конечно, мне нравилось просто общаться с Хейли, но тут я уже стал подумывать, что будет, если ее поцеловать, и решил перевести разговор на другие рельсы.

— Слушай, Хейли, — сказал я.

— Что, Шай?

— Может, теперь моя очередь устанавливать правила, а?

— Хм-м, — Хейли отвела взгляд, догадываясь к чему я клоню. — Но это уже не моя игра, учти. А просто разговор. Надеюсь, ты чувствуешь разницу.

— Чувствую, — отозвался я. — Вот только… я тут…

— Что?

— …подумал, каково это… ну, знаешь… подержать тебя за руку. И все. — Я поставил бокал на стол и посмотрел ей в глаза. — Как на настоящем свидании.

Хейли смущенно рассмеялась.

— У нас не получилось бы настоящего свидания, потому что дома меня ждет бойфренд. Помнишь?

— О, черт. Да, тот терпеливый парень. Совсем вылетело из головы.

Чистая правда. Так увлекся моментом, что напрочь забыл обо всем на свете за пределами этого дома. Я сделал глоток водки с клюквой.

И тут вдруг Хейли совершила нечто удивительное. Она поставила бокал на стол, потом забрала мой бокал и поставила его рядом.

— Ты же не предлагаешь мне руку и сердце, правда ведь? Только подержаться за руки, и все.

Я шумно сглотнул.

— Чтобы узнать, каково это.

— Мне кажется, это вполне невинно.

— Но, если честно, — я коснулся голой лодыжки Хейли, — в глубине души я, может быть, как раз

хотел предложить тебе руку и сердце.

Хейли оттолкнула мою руку.

— Вот видишь. Именно поэтому мне не надо было принимать душ у тебя в квартире. От душа недалеко до «давай подержимся за руки», а там и… Нет уж, лучше отращивать рождественские дреды.

Хейли заправила волосы за ухо, а потом дотронулась до моей руки.

Я едва мог вздохнуть.

Да, больше всего на свете мне хотелось ощутить ее прикосновение, но в то же время было очень страшно. Ведь я слишком хорошо себя знал. *Непонятное чувство* охватило меня с такой силой, что все мысли смешались. Глаза в глаза, рука в руке. Тело просто звенело от напряжения.

— Отличный подарочек, — с трудом выдал я наконец.

Она переплела пальцы с моими, и несколько долгих секунд мы просто смотрели друг на друга, не произнося ни слова. На мгновение мой взгляд спустился к ее губам, но я тут же приказал себе снова посмотреть ей в глаза. Лицо Хейли посерьезнело, и она тихо откашлялась.

— Мне надо кое в чем признаться. Кое в чем не очень хорошем.

— Хм-м, — нервно выдавил я, опасаясь, что она уберет руку.

— Вообще-то я не тянула до последнего. Билет на самолет у меня был уже давно.

Мой пьяный мозг не сразу понял смысл того, что она сказала. Получается, она *решила* не лететь домой. Значит, она чего-то избегает. Или *кого-то*. Сердце гулко бухнуло в груди.

— Но я так и не поехала в аэропорт.

— Почему?

— Потому что струсила. — Хейли села ко мне чуть ближе. — Теперь ты меня презираешь?

— С чего вдруг?

Она пожала плечами.

— А что тогда ты думаешь обо мне?

Я на несколько секунд застыл, глядя в свой бокал. А потом поднял глаза и произнес:

— Я думаю о том, каково это — поцеловать тебя в щеку?

Хейли глубоко вздохнула и сжала мою руку.

— Может, стоит проверить?

Но когда я наклонился к ее левому уху, она вдруг повернула голову, и я поцеловал ее в губы.

Едва прикоснулся к ее губам, и тут же отстранился, глядя на нее. Наши взгляды встретились.

И у нее, и у меня грудь быстро поднималась и опускалась. Без раздумий я обхватил ладонями лицо Хейли, как можно нежнее, и снова поцеловал ее. На этот раз дольше. По-настоящему. И она ответила мне.

Не прерывая поцелуя, она прижала меня к спинке дивана. Ее пальцы тянули меня за волосы, а я медленно вел руками вниз по ее теплому телу.

— Что мы делаем? — выдохнула она мне в ухо.

— Не представляю, — отозвался я и снова поцеловал ее.

И растворился. В ее губах. Ее прикосновениях. Хейли и я. Она приготовила мне ужин, а теперь мы с ней вдвоем на диване. Это невероятно. И тут на несколько мгновений моя душа от восхищения покинула тело. Я парил под потолком и с изумлением смотрел на все сверху. Затем я заставил себя вновь сосредоточиться на ее губах, на ее животе под моими ладонями и материализовался вновь.

Все, что я чувствовал, было таким… живым.

Словно я вдыхал целый мир разом.

Спустя несколько минут я перевернул Хейли на спину и прижал ее руки к дивану. А потом отстранился и внимательно посмотрел на нее.

Мы оба тяжело дышали, желая продолжения.

— В чем дело? — спросила она.

— Мне хочется большего.

Она закрыла глаза, а потом медленно открыла их снова.

— Я знаю, но…

— Хочется узнать, каково это — *быть* с тобой.

Она не ответила, и тогда я снова наклонился к ней. Мы целовались еще и еще, но теперь прилив энергии был таким мощным, что мой разум совсем затуманился. Я стал расстегивать ее блузку, одну пуговицу за другой, а потом скользнул руками по спине. Застежка лифчика щелкнула…

И тут Хейли остановила меня.

Повернув голову, она вывернулась из моих объятий, быстро застегнула лифчик и принялась за пуговицы блузки.

— О, черт, — я смотрел на нее, а в животе будто метался рой бабочек. — Черт, я зашел слишком далеко, да?

Она не отозвалась сразу, и тогда я окликнул ее:

— Хейли?

Она встала и застыла, прижимая ладони к лицу. Когда через несколько секунд она опустила их, в глазах читалась тревога.

— Что я делаю?

— Это я виноват…

Хейли хотела убрать со стола наши полупустые бокалы, но вдруг поставила их обратно, подошла к двери и распахнула ее.

— Извини, но я вынуждена попросить тебя уйти.

— Прости, Хейли. Меня занесло…

— Пожалуйста, Шай, — отрезала она.

И даже не посмотрела в мою сторону. Вот что, пожалуй, было хуже всего. Если бы она взглянула на меня, то увидела бы, что я искренне сожалею, и все наладилось бы. Но этого так и не произошло.

— Ладно, — я вышел на лестницу, нажал кнопку вызова лифта и уставился в пол, услышав, как за спиной захлопнулась дверь.

Рождество

В рождественское утро Хейли не пришла мыться.

Мы с Оливкой сидели на диване в гостиной, ждали, что она постучит в дверь, но так и не дождались.

Я уставился в раскрытую книгу, но на самом деле не читал, а пытался рассмотреть события прошлой ночи со всех возможных точек

зрения. И каждый раз все сводилось к одному и тому же — ко мне. Я ведь знал, что у нее есть парень. Да, она не полетела домой — значит, у них сейчас не ладится, или что-то вроде того. Но все равно. Я зашел слишком далеко.

Почему же это вечно именно я?

Тот, кому хочется большего.

Из-за трехчасовой разницы во времени домой я позвонил только в полдень. Поговорил немного с отцом, но в основном болтал с сестренкой. Мы пожелали друг другу счастливого Рождества. Она описала все блюда, которые готовила к празднику. Сказала, что отец собирается заехать в Чула-Виста и привезти оттуда бабушку, а вместе с ней — целую гору домашних тортилий. Потом они с цветами отправятся на кладбище.

— Но без тебя все будет не так, — сказала она.

— Да уж.

— Нет, серьезно. Я же первый раз поеду туда без тебя, — она помолчала. — Ты только не вздумай провести этот день один, Шай. А то мне будет совсем грустно.

— Нет, что ты. Ко мне тут друзья придут, мы запечем окорок и всякое такое. Все будет просто супер, не парься. — Я переложил трубку из одной руки в другую. — Хотя я бы лучше провел этот

день с вами.

— Кстати, у Орешка уже получше с зубами. Судя по тому, что он теперь постоянно клянчит у нас еду — и все из-за тебя.

Я улыбнулся, вспомнив, как тайком скармливал псу остатки обеда.

Мы с сестренкой поболтали еще немного об отце, который, по ее словам, тоже пошел на поправку. А потом я сказал, что мне надо готовиться к приходу друзей, и мы попрощались. Перед тем как отключиться, я сказал:

— Эй, Софе!

— Что?

— Держись подальше от парней.

Я принял душ, не закрывая дверь ванной, и надел лучшую рубашку из тех, что взял с собой, когда собирался сидеть с кошкой. И даже намазал волосы гелем Майка — слегка, чтобы пригладить непослушные вихры. А потом уселся с Оливкой на диван и стал читать, но все-таки прислушивался, не раздастся ли стук в дверь.

Заснеженное крыльцо

Проснулся я от того, что Оливка скреблась во входную дверь.

— Куда это ты собралась? — спросил я, слезая

с дивана.

И вдруг увидел его.

Маленький конвертик на полу, под самой дверью. А на нем — мое имя, выведенное аккуратным девичьим почерком. Я выглянул в глазок — никого.

В конверте обнаружилась открытка. На переднем плане худой Санта махал мне, сидя за рулем кабриолета. Внутри от руки было написано: «Это остатки лазаньи с того вечера, когда ты меня продинамил. Поставь в микроволновку на две-три минуты. И кстати, счастливого Рождества».

Открыв дверь, я обнаружил за ней большую тарелку, завернутую в фольгу. *Хейли не ненавидит меня!* Но едва я наклонился, как Оливка вдруг выскочила на лестницу.

— Эй, ты куда? — поставив тарелку, я рванул за кошкой, но она успела взбежать по лестнице. За спиной захлопнулась дверь, а я помчался наверх, на этаж Хейли, перепрыгивая через ступеньки.

Но Оливки нигде не было.

«Отлично, — подумал я. — А ведь это была моя единственная работа, чтоб ее».

Взлетев на верхний этаж, я обыскал площадку, выглянул в окно, осмотрел заснеженную пожар-

ную лестницу. Потом бегом спустился на первый этаж, оглядел подъезд, заглянул в угол с почтовыми ящиками. Но Оливка будто сквозь землю провалилась.

Через пятнадцать минут бесплодных поисков я стоял на коврике перед квартирой Хейли, и нерешительно поднял руку. Она ведь принесла тарелку с едой и ушла, а не пригласила в гости — значит, явно не хотела меня видеть. Да и просить о помощи я как-то не привык.

И все же.

Я постучал.

Хейли тут же открыла дверь и встревоженно посмотрела на меня.

— Что случилось? Я слышала, как ты носишься по лестнице вверх-вниз. Раз пятнадцать уже пробежал, не меньше.

— Оливка куда-то смылась. Обыскался ее уже, никак не найду. Майк и Дженис меня *убьют*.

Хейли схватила ключи.

— Уверена, она где-то здесь. Пошли.

Мы снова поднялись на верхний этаж и обшарили каждый уголок. Хейли даже открыла окно, выходящее на пожарную лестницу, и высунула голову. Ничего. Оливки не оказалось ни в лифте, ни в мусоропроводе, ни в кладовке. Мы про-

чесали каждый этаж, с последнего до первого. Как вдруг на обратном пути Хейли дернула меня за рукав и указала на что-то.

— Да ты издеваешься, что ли? — выпалил я.

Оливка сидела возле тарелки, завернутой в фольгу, и вылизывала правую лапу. Она даже не стала вырываться, когда Хейли взяла ее на руки. Я открыл квартиру Майка, Хейли опустила Оливку на пол, и кошка невозмутимо прошествовала к своей миске.

— Напугала меня до смерти, — выдохнул я.

— Ты что, все-таки попытался сидеть с кошкой и одновременно смотреть телевизор?

Я саркастично усмехнулся.

— Нет, но спасибо! Правда. Не знаю, что бы я делал без тебя.

— Никаких проблем.

Волосы Хейли почему-то были влажными. И глаза, кажется, припухли.

— Даже если это был коварный план, чтобы заманить меня сюда.

Она наклонилась, подняла тарелку с лазаньей и протянула ее мне.

— Спасибо за угощение, — я стоял с тарелкой в руках, уставившись в пол. — Насчет вчерашнего… Хейли, мне очень, очень жаль…

— Я знаю, что ты, наверное, голодаешь, — оборвала она меня. — Но скажи честно, вот именно сейчас, в эту секунду, ты очень хочешь есть?

— Сейчас? — переспросил я. — Нет, не особенно. А что?

— Надень самое теплое пальто и непромокаемые ботинки. Встречаемся внизу в пять.

* * *

Тучи наконец-то рассеялись, и низко в небе показалось солнце. Воздух на улице был морозным и свежим. Я шел за Хейли по заметенной дорожке и видел, как облачка пара вырываются у меня изо рта. Мы шли очень медленно: толстый слой снега покрывал все вокруг.

— Мне так нравится ходить по нему первой, — сказала Хейли, с хрустом наступая в нетронутое белое море.

— Мне тоже.

Из обуви у меня нашлись только кроссовки, так что носки уже промокли. Да и толстовка оказалась слишком тонкой. Приходилось держать руки в карманах, чтобы они не замерзли. Но прокладывать путь по свежему бруклинскому снегу было здорово. Обычно он через несколько минут превращался в мерзкую бурую жижу.

Добравшись до Седьмой авеню, мы оглядели пустую улицу.

— Сегодня это все — только для нас с тобой, — сказала Хейли.

— А куда мы идем, кстати?

— В Проспект-парк. Мне кажется, сейчас там просто потрясающе.

Магазины и рестораны не работали. Металлические жалюзи, разрисованные граффити, были опущены и закрыты на замок. Полные мусорные баки превратились в высокие сугробы. Снегоуборщики сюда еще не добрались, поэтому трудно было понять, где заканчивается тротуар и начинается проезжая часть. Да и машин все равно не было. Пешеходов, впрочем, тоже. Хейли была права: только мы с ней отважились выйти на улицу после такой метели.

Дойдя до середины следующего квартала, мы услышали музыку, доносившуюся из окна какого-то особняка. Обычная рождественская песенка, которая казалась не такой уж и банальной.

— Может, послушаем немного? — спросила Хейли. — Вдруг рождественское настроение появится.

— Давай.

Я очистил от снега два пятачка на нижней ступеньке крыльца, и мы уселись. Странно было находиться так близко к Хейли. Я подумал: может, стоит снова заговорить о прошлой ночи, чтобы все окончательно прояснить? Но момент был явно не самый подходящий, так что я промолчал. Мы просто сидели, слушали музыку и размышляли каждый о своем. Солнце уже спряталось за рядами домов к западу от нас, и ветер стал понемногу крепчать, но я почему-то больше не чувствовал холода.

Хейли толкнула коленом мою ногу.

— Я должна кое в чем тебе признаться.

— Еще один, последний раунд игры «узнай-меня-лучше»?

Слегка улыбнувшись, она покачала головой.

— Нет, это уже пройденный этап.

Хейли стала дергать за ниточку, торчащую из кармана пальто.

— Помнишь, как ты пришел чинить мой душ?

Я кивнул.

— Знаешь, так забавно получилось: ты ушел, а на следующий день все чудесным образом снова заработало.

— Погоди-ка, — я все еще не мог понять, к чему она клонит. — Но ты же все равно приходила

потом…

Ох.

До меня наконец дошло. Хейли использовала душ как предлог, чтобы… и дальше заходить ко мне в гости.

— Так твои трубы уже разморозились?

— Не уверена, что они вообще замерзали, — Хейли сунула руку в капюшон и показала мне свои влажные светлые волосы. — Я как раз закончила мыться, когда ты постучал в дверь. Мама убила бы меня, если бы узнала, что я сижу тут с мокрой головой.

Из дома, где звучала музыка, донесся детский смех, и мы оба посмотрели на окна. Но ничего не разглядели. Кажется, это смеялся мальчик.

— О, и еще кое-что, — добавила Хейли. — Я позвонила сегодня домой. И наконец-то перестала трусить.

— В каком смысле?

— Сказала Джастину то же, что и тебе вчера. Что у меня был билет домой, но я просто не могла заставить себя сесть в самолет.

Я решил, что сейчас не стоит ничего говорить. Лучше просто молча слушать и кивать.

— И знаешь что? — продолжала она. — Это было довольно тяжело. Мы оба полдня проплакали

в трубку.

Перестав дергать за ниточку, она сунула руки в карманы пальто.

— И все-таки я правильно сделала, что порвала с ним.

— Это нелегко.

— Мне ли не знать.

Нехорошо, конечно, радоваться горю какого-то парня. И все-таки я был чертовски рад. Потому что Хейли теперь свободна, а значит…

Возможно…

Мы уже собирались уходить, как вдруг заиграла новая песня, «Вот идет Санта-Клаус». Мы с Хейли взглянули друг на друга, рассмеялись и уселись обратно. Продолжая хохотать, я представил себе, как мальчик в комнате наверху сидит и слушает радио вместе с младшей сестренкой, мамой и папой. Мне захотелось сказать ему: запомни этот день, весь, до мельчайших подробностей. Не только подарки, которые получишь, но и семью тоже. Маму. Потому что однажды, возможно, ты окажешься вдали от дома. Будешь сидеть на заснеженном крыльце с девушкой, которая, возможно, тебе нравится, будешь смеяться и вдруг захочешь вспомнить, как все это было когда-то.

Дженни Хан
Ты найдешь меня на Полярной звезде

Эльфы. Когда эльфы двигаются — это нечто неземное. Они высокие, красивые и стройные. Когда они танцуют, то похожи на неистовый поток энергии, искрящийся и мерцающий, как лучи солнца на поверхности снега. Уж я-то знаю. Я наблюдала за ними всю жизнь.

* * *

Комитет по украшениям из кожи вон лез ради Снежного бала. Полагаю, это происходит ежегодно, но на сей раз все казалось особенно пестрым. Гирлянды с лампочками покрывали каждый дюйм Великого зала, их было так много, что можно было бы обойтись без обычного освещения. В центре стояла огромная ель. Верхушка упиралась в потолок, а на ветках висели деревянные фигурки, изображавшие всех эльфов, когда-либо живших на Северном полюсе. Одних только эльфов. По периметру зала красовались елки поменьше, высотой примерно два

с половиной метра, украшенные каждая в своем стиле. Японская ель с бумажными журавликами, голландская — с разноцветными деревянными башмачками, мексиканская — ко Дню мертвых, увешанная крошечными сахарными черепушками. Больше всего мне нравилась ель в стиле пятидесятых. Вокруг основания на ней была розово-фиолетовая юбка-пудель[11].

* * *

Для Снежного бала эльфы разбились по парам, ведь как-никак это самый романтический вечер сезона. Последняя возможность повеселиться, пока не началась праздничная суматоха. Для эльфов это своеобразный выпускной. Я никогда не была на выпускном, но, думаю, он должен выглядеть именно так.

По залу кружились празднично одетые юноши и девушки.

Элинор выбрала белое платье с серебряными пайетками. В свете гирлянд ее волосы казались такими же белыми, как у Флинна.

Мое платье было сшито из той же клюквенно-

[11] Сноски: 11

Юбка-солнце с аппликацией или вышивкой в виде пуделя; были очень популярны в 1950-е годы.

красной ткани, что и костюм Папы. Мы как никто подходим друг другу. Подарок перед Рождеством. Для меня это был первый год на Северном полюсе. По такому случаю у меня были пышные рукава и кружевной передник, овальный вырез и юбка-солнце. В комплекте шла белая меховая муфта. Такое платье куда больше подходит кукле, а не пятнадцатилетней девочке.

Ох, Папа. Разве ты не видишь, что я расту?

На Северном полюсе все знают историю о том, как Санта нашел меня. А точнее, как я нашла Санту. Пятнадцать лет назад на Рождество он доставлял подарки в жилой комплекс в Сеуле. Папе нравятся большие жилые комплексы, потому что в них можно пронестись сквозь этажи и закончить работу в мгновение ока. Когда он вернулся к саням, то в корзинке с надписью [illegible] («Пожалуйста, позаботьтесь о моей дочери») лежала я. Санта не знал, что делать. Каждый раз, когда он ставил меня на землю, я плакала, а ему нужно было доставить подарки по всей Азии. Тогда он решил взять меня с собой. Всю дорогу я спала. К утру Санта хотел вернуть меня обратно в Корею, но на рассвете я схватила его за мизинец и отказалась отпускать. Вот так я очутилась на Северном полюсе, в месте, где никогда прежде

не жила ни одна девочка.

Я стояла, прислонившись к стене, мои ноги буквально зудели — так мне хотелось, чтобы кто-нибудь пригласил меня потанцевать. Хотя бы из жалости. Я ловлю взгляд Флинна, когда он кружит с Элинор. Как же она хорошо выглядит в его объятиях. Так правильно. Если бы с ним танцевала я, то едва бы доставала ему до груди. И уж точно не смогла бы прижаться щекой к щеке.

Я решила держаться возле столов с закусками. Здесь безопасно. В первые двенадцать дней декабря десерты тематические. Это еще одна из множества традиций. В первый день Рождества обычно подают куропатку на грушевом дереве. Но на сей раз для нас приготовили шоколадных куропаток, фаршированных каштановым кремом, в кислом грушевом сиропе.

Шоколадные куропатки напомнили мне о деревянной птице в моем кармане.

Когда мне было восемь, в Великом зале застрял дрозд. Он влетел через открытое окно и не смог вылететь обратно. Он снова и снова поднимался к потолку, но все без толку. Никто не знал, как помочь птице. Я даже попыталась выгнать его в дверь с помощью метлы для квиддича (в тот год это был самый желанный подарок на Рождество).

Думаю, дети и в самом деле верят, что на ней можно летать. Внезапно Флинн забрался на перила, и, когда дрозд подлетел прямо к нему, поймал его и бережно вынес наружу. Все еще долго только об этом и говорили.

Именно поэтому на то Рождество я решила подарить Флинну птицу, вырезанную из дерева. Я попыталась сделать ее похожей на дрозда, но у меня не получилось. Вместо этого вышла просто птичка со стеклянными глазками.

Правда, поначалу я боялась вручать ему птичку. Ведь если ты хоть что-то понимаешь в эльфах, то знаешь — они не любят подарков. Одно дело, создавать что-то для других, мастерить, трудиться, совсем другое — получать самим. Это им не свойственно.

Был риск, что Флинн не примет подарок. Открыв коробочку, он долго и пристально смотрел на птичку. А я, затаив дыхание, наблюдала за тем, как он вертит ее в руках, поворачивает, взвешивает на ладони. Достаточно ли она хороша? Я ведь долго тренировалась, пока не решила, что наконец сделала птичку, достойную моего друга. Наконец он сказал:

— Никто раньше не дарил мне подарков.

— Так ты возьмешь ее? — выдохнула я с облег-

чением.

— Возьму, — ответил он.

С тех пор на каждое Рождество я дарю ему птицу. В этом году у меня наконец-то вышел достойный дрозд. Из черного ореха, выкрашенного в ягодно-красный цвет.

Я налила себе еще стакан малиново-имбирного пунша, как вдруг услышала голос Элинор:

— Грустно, что у Натти не нашлось никого, с кем можно пойти на бал. Сомневаюсь, что она вообще когда-нибудь видела мальчика.

— Видела, — сказал Флинн. — Тот парень, Ларс, помнишь?

Они стояли ко мне спиной и даже не подозревали, что я так близко и слышу каждое их слово. Я все еще могла улизнуть, и они бы ни о чем не догадались.

— О, Флинн, неужели не ясно, что она выдумала его, чтобы заставить тебя ревновать. Ведь ты же всегда ей нравился, — сказала Элинор.

Перед глазами у меня все поплыло, и я выпустила из рук стакан с пуншем. Красная жидкость растеклась по столу, забрызгав мое платье. Как у нее только язык повернулся такое брякнуть? Пусть даже она права, и Флинн мне нравится. Всегда нравился.

— Ничего она не придумывала, — ответил он. Его голос звучал громко и ясно, как колокол. — Я посмотрел в записях самого Санты. Там и правда был мальчик по имени Ларс.

— Ты так говоришь, потому что ты добрый, — сказала Элинор. — Мы все знаем, какая Натти сказочница.

У меня вспыхнули щеки. Пусть раньше, чтобы привлечь внимание, я и рассказывала всякие небылицы. К примеру, как потерялась в снежную бурю, а Рудольф, Красноносый Северный олень, прискакал и спас меня. Но я же больше так не делаю. Неужели люди не могут меняться?

Я закашляла. Они обернулись одновременно, будто так и было задумано. У Элинор хватило наглости сделать вид, что ей стыдно. На самом деле она боялась, что я пожалуюсь Папе. А я не буду. Я уже не маленькая ябеда и могу сама за себя постоять. Мое сердце стучало так сильно, что я даже испугалась, не слышат ли окружающие.

— Про Ларса я не лгала, — сказала я громко.

Два года назад я упросила Папу взять меня с собой развозить подарки. Это было мое рождественское желание, и ему пришлось согласиться.

Большинство воспоминаний о той ночи у меня расплывчатые, как и все, что связано с волшеб-

ством. Но когда я закрываю глаза, то слышу лай собак, чувствую запах домов, волнение от того, что нахожусь там, где меня быть не должно. Рождественские елки, рождественское печенье и рождественские чулки. Все рождественское. Больше всего мне понравилось смотреть, как Папа работает, потому что ему это доставляло удовольствие. Даже то, как он раскладывал подарки. Он действительно знал имя каждого мальчика и девочки. Он бы удочерил и усыновил всех потерявшихся детей, если бы мог. Но повезло именно мне. Иногда я думаю о своей матери, о своей настоящей матери, и мне интересно, знала ли она, кому меня отдает.

Мы зашли в домик у моря. Он был маленький, голубой с белыми ставнями. Я помню запах соли и звук воды. Пока Папа работал, я отправилась на поиски печенья. Больше всего мне нравилось арахисовое M&M's, которое я попробовала в Чарлстоне, в штате Южная Каролина. На втором месте стояло необычное малиново-миндальное печенье из Парижа, во Франции.

Я нашла сине-белую фарфоровую тарелку с печеньем, посыпанным сахарной пудрой. На вкус оно напоминало нугу и орех пекан. Я как раз слизывала с пальцев сахарную пудру, когда увидела

мальчика с волосами цвета лимонных леденцов. На вид ему было лет тринадцать или даже пятнадцать. Он стоял внизу лестницы и пристально смотрел на меня.

— Jävlar![12] — воскликнул он.

Это прозвучало как ругательство.

— Мой папа говорит, что ругаться — это скверная привычка, — сказала я, украдкой вытирая руки о пальто.

Мальчик смотрел на меня во все глаза.

— Прости. Ты, наверное, не говоришь по-английски? Где мы сейчас? В Швеции? — спросила я. — God jul.

Это значит «Счастливого Рождества» по-шведски. Я могу пожелать «Счастливого Рождества» на любом языке. Эльфы, те вообще могут свободно говорить на любом языке и диалекте, но я всего лишь человек.

— Вы с отцом — грабители? — спросил он.

У меня перехватило дыхание. Оказывается, он понимает по-английски!

— Мой отец раздает подарки, а не крадет их. Он Санта. — Мальчик продолжал смотреть на меня, потому я решила пояснить: — Клаус.

---

[12] Сноски: 12
Сволочи (*шведск.*).

Санта-Клаус. Святой Николай. Пер Ноэль. Ах да, мы же в Швеции: Томте. Ниссе…

Мальчик выглядел еще более озадаченным:

— Санта-Клаус — азиат?

— Нет, просто я приемная. Он не мой родной отец, — пояснила я.

Мальчик попятился назад.

— Если вы сейчас же не уберетесь отсюда, я вызову polisen. Полицию, ясно?

Полицию? Ой-ой.

— Папа… — еле слышно позвала я.

— Почти закончил, Натти! — донеслось из гостиной. — Возьми мне печенье и назад в упряжку.

— В упряжку, — повторил мальчик.

— В санки. Или… в повозку? Санта так путешествует.

Мальчик сердито на меня посмотрел:

— Я знаю, что такое упряжка.

— Она ждет нас на улице, — сказала я. — Если не веришь, пойди посмотри.

Мальчик подбежал к окну и выглянул наружу. Не веря своим глазам, он обернулся, пристально посмотрел на меня и рухнул на пол. Закрыв глаза, он не переставал повторять:

— Это все не по-настоящему. Мне это просто

снится.

Я ущипнула его за руку так сильно, что он вскрикнул:

— Видишь? Ты не спишь.

Он потер руку:

— Это ничего не доказывает.

Тут-то я заметила над нашими головами связку омелы и подумала: вот мой шанс. Я обняла его и поцеловала. На вкус его губы напоминали шведские рождественские сладости.

Я услышала, как кто-то откашлялся, сказав «хо-хо-хо», и мы тотчас отпрыгнули друг от друга. Глаза мальчика были готовы выскочить из орбит, когда он увидел Санту во всей его клюквенно-вельветовой красе.

— Натти, нам пора, — сказал Папа.

— Ты и правда настоящий, — прошептал мальчик.

— Верно, и я знаю, когда ты вел себя хорошо, а когда плохо, — пошутил Папа. Мне стало неловко.

Папа как раз выволок меня на улицу, когда мальчик подбежал к окну и крикнул:

— Меня зовут Ларс! А тебя?

— Натали! — ответила я.

Когда я вспоминаю об этом, то понимаю, что то-

гда у меня впервые появилась возможность кому-то представиться. На Северном полюсе меня все знали еще с пеленок. Эльфы звали меня Натти потому, что так называл меня Санта. А тут я впервые стала Натали.

Мы все еще стояли возле стола с закусками, когда Папа решил присоединиться к вечеринке, приветствуя всех взмахами рук и традиционным возгласом «хо-хо-хо». Эльфы пришли в полный восторг. Обычно они избегают публичного проявления чувств, но для Санты делают исключение. Для них он все равно, что рок-звезда.

— С первым декабря! — прокричал он.

— С первым декабря! — грянули эльфы в ответ.

— Вы хорошо поработали, и я чертовски вами горжусь. Дорога до финиша будет напряженной, но мы сделаем это, как делаем каждый год. Повеселитесь сегодня от души! А завтра начнется настоящая свистопляска! — Все хлопают, Папа осматривает толпу. — Где моя Натти? Натти, выйди сюда и скажи что-нибудь нашему отряду.

Это последнее, чего бы мне сейчас хотелось, но эльфы вытолкнули меня в центр зала. Папа обнял меня и посмотрел — как всегда, с любовью и гордостью. Я попыталась вытереть пятна, проступившие на платье. Хорошо еще, что оно

того же цвета, что и пунш.

— Скажи что-нибудь, Натти, — улыбаясь, попросил Папа.

Что я должна сказать? Я всего лишь дочь босса.

— М-м, счастливого Рождества, — промямлила я, и все вежливо захлопали.

Папа подал сигнал эльфийскому оркестру, и тот заиграл знаменитую песню «Last Christmas», любимую рождественскую мелодию моего отца. Эльфы думают, что это своеобразная эльфийская вариация песни Элвиса «Santa Claus is Coming to Town», но я-то знаю правду. Папа любит дуэт Wham![13]

— Потанцуй со своим стариком, Натти, — сказал он, взяв меня за руку. Он вел меня в фокстроте, а я изо всех сил старалась не отставать. Я чувствовала, что эльфы с жалостью наблюдают за тем, как я танцую с собственным отцом.

— Могу поспорить, у тебя сегодня ни одного свободного танца не осталось. Натти, скажи, что бы ты хотела получить на Рождество?

Я не знала, что ответить, потому что единственное, чего бы мне хотелось, разобьет ему сердце.

— Еще не думала, — солгала я.

---

[13] Сноски: 13

Британский поп-дуэт, который пользовался огромным успехом в 1980-е годы.

Папа понимающе посмотрел на меня и погладил по плечу. Казалось бы, пора уже поумнеть и не пытаться обмануть самого Санта-Клауса.

— Дорогая, если ты веришь, думаю, ты получишь именно то, чего хочешь.

Я хочу верить. Очень хочу.

Есть два типа детей. Те, кто верит, и те, кто нет. И тех, кто верит, с каждым годом все меньше. Папа говорит, что не так-то просто попросить ребенка поверить в то, чего он не видит. По его словам, в этом и заключается суть магии. Он говорит, что если у тебя внутри есть эта самая магия, то ее нужно беречь, ведь если она пропадет, это уже навсегда.

Когда песня закончилась, папа пожелал всем хорошего вечера и вернулся обратно в офис. Я хотела пойти с ним и уснуть возле камина, наблюдая, как он составляет списки плохих и хороших детей. Но я осталась в Великом зале, качалась в такт музыке и смотрела, как танцуют остальные. Ко мне проскользнула Сондрин, сказала, что ей нравится мое платье. Разумеется, оно ей не нравилось, но я поблагодарила ее, ведь она хотя бы попыталась быть доброй ко мне. И мне не пришлось стоять в одиночестве. Сондрин рассказала о танцевальной видеоигре,

которую состряпали в департаменте игр и для которой изготовили нескользкую платформу. Сначала все затевалось как шутка, но потом они так увлеклись, что теперь эта игрушка окажется под рождественской елкой у многих детей.

Потом Роан, эльф-кукловод, позвал Сондрин танцевать, и она переключилась на него, улыбаясь от одного острого уха до другого. Когда я была маленькой, то с помощью скотча пыталась изменить форму ушей — хотела, чтобы они выглядели острыми. Но ничего не вышло.

Элинор и Флинн снова танцевали.

На прошлой неделе в мастерской Элинор спросила меня за обедом:

— Натти, с кем ты пойдешь на Снежный бал?

После длинной паузы я ответила:

— Ни с кем.

— О! — сказала она, и в этом было столько жалости, что мне стало невыносимо горько.

Я проглотила кусок лосиного мяса и продолжила:

— Я хотела пригласить того мальчика из Швеции, но…

— У тебя разве есть знакомые в Швеции? — спросила она.

Тогда я рассказала ей историю о Ларсе, о его

желтых волосах и шведских сладостях. Взгляд Элинор стал таким напряженным, будто бы она мне не верила.

— Хм, звучит так, будто у вас прочные отношения. Но почему же мы впервые о нем слышим? — спросила Элинор, перебирая пальцами пряди серебристых волос.

Я закусила губу.

— У нас были отношения. Но мы… мы больше не общаемся. У меня даже нет его адреса.

У меня и раньше его не было, мы же на самом деле не общались.

— Думаю, ты должна найти этого мальчика, Натти. Узнать, суждено ли вам… Флинн, найди, пожалуйста, адрес шведского мальчика по имени Ларс. Возраст пятнадцать-семнадцать лет.

Флинн ничего не ответил, и Элинор снова его окликнула.

— Что? — наконец отозвался он.

— Нужно, чтобы ты нашел мальчика из Швеции. Его зовут Ларс, — попросила она голосом, сладким, как сахарная вата. — Натти, ты не знаешь, что он загадал на Рождество? Так нам будет легче искать его среди всех шведских мальчиков-блондинов по имени Ларс.

Флинн снял наушники и указал на часы с об-

ратным отсчетом. До Рождества осталось двадцать пять дней:

— Вы бы лучше вернулись к работе, если хотите выполнить сегодняшний план.

— Не будь таким занудой, — сказала она. Склонившись над клавиатурой, Элинор слегка ткнула Флинна локтем. Ее шелковистые волосы коснулись щеки эльфа.

— Хорошо, значит у нас есть год, имя, цвет волос, игрушка, страна. Натти, ты говорила, что он живет у моря?

Я кивнула.

Она напечатала еще пару слов.

— Хм. Ничего не вижу.

— Может, это было не в Швеции, а в Норвегии. Или в Финляндии.

В моем голосе звучало отчаяние, и они тоже его слышали. Это было ужасно.

Элинор выпрямилась.

— Мне пора обратно, на базу игрушечного оружия. С тех пор, как по телевизору начали показывать «Рождественскую историю», дети только о нем и грезят.

Когда Элинор ушла, Флинн сказал мне с улыбкой.

— Ты ведь выдумала эту историю, не так ли?

— Ничего я не выдумывала. Я сказала правду! Ты же мой друг и должен мне верить!

— Я твой друг, Натти. И потому говорю тебе, что не нужно сочинять истории, которые можно легко опровергнуть.

— Я не выдумываю! Ларс действительно существует! Я не знаю, почему его нет в базе данных, но этому должно быть объяснение. — Я глубоко вздохнула. — И я бы хотела, чтобы вы перестали называть меня Натти. Меня зовут Натали.

— Прости. Для меня ты не Натали. Звучит слишком… по-взрослому.

— Ну, я уже не маленькая девочка, — возразила я, положив голову на стол.

— Как скажешь, — сказал Флинн.

Я сидела и смотрела, как он работает. Обычно в такие моменты он выглядит очень напряженно. Его голова с серебристыми волосами склонена над игрушкой, глаза прищурены, сосредоточены. Он не любит, когда его отвлекают. Ни один эльф этого не любит.

— Флинн, кого… кого ты пригласил на Снежный бал? — спросила я, обращаясь к его спине. У меня перехватило дыхание. Только не Элинор. Кого угодно, только не Элинор.

Он помолчал. А потом, не оборачиваясь, от-

ветил:

— Элинор.

Я почувствовала, как во мне что-то умерло.

— Почему?

— Потому что я всегда хожу с Элинор.

— Ах да, конечно. Всегда.

Интересно, а если бы я пригласила его напрямую, а не просто намекнула, согласился бы он? Изменил бы свои планы? Или все было бы так же, как и каждый год?

Флинн, самый красивый из мальчиков-эльфов, и я. На Снежном балу. У меня хорошее воображение, но даже мне трудно себе это представить.

Мы оба притихли. Даже как-то слишком. Нужно было что-то сказать, иначе я бы расплакалась, а этого я допустить не могла.

Я поднялась и встала позади Флинна, пытаясь выглядеть также величественно, как эльфы. Плечи расправлены, подбородок гордо поднят вверх. Как можно выше, чтобы не потекли слезы. Так высоко, что я уже смотрела в потолок. Я откашлялась. Мой голос звучал вязко, как черная патока:

— Думаю, ванную стоит сделать яркой. Золотые краны и черная плитка. Да и лестница, которую ты спроектировал, уже устарела.

— Я говорил тебе, что это кукольный домик в стиле модерн, это середина двадцатого века! — Флинн ответил раздраженно, но с явным облегчением. Я это почувствовала. Он был доволен, что я сменила тему.

Я наклонилась ближе, так же близко, как Элинор, и замерла. Я чувствовала запах его волос: они слабо пахли хвоей.

— А я тебе говорю, что этому домику нужна женская рука. Он выглядит слишком безжизненно.

Чего эльфы точно не любят, так это критику.

— Ты можешь просто дать мне спокойно поработать? — спросил Флинн.

— Пока ты не скажешь, что веришь мне, нет.

— Я не стану говорить то, во что не верю, — Флинн повернулся и посмотрел на меня. — У меня есть работа, Натти. То есть Натали. Она у всех нас есть. Между прочим, Рождество на носу…

— Знаю. Через двадцать четыре дня.

Флинн кивнул, довольный, что я его поняла и мы на одной волне. Мы оба прекрасно понимаем, как важны эти двадцать четыре дня. И Флинн повернулся обратно к компьютеру.

— Ты имеешь в виду, что всем, кроме меня, есть чем заняться? — горько спросила я.

Флинн снова посмотрел на меня:

— Нет, это совсем не то, что я хотел сказать… — его голос звучал растерянно.

— Папа сказал, что мой вклад в костюмы девочек-ковбоев неоценим. Они стали самыми популярными нарядами для девочек от пяти до семи лет, так что не пытайся приуменьшить то, что я делаю. И просто, чтобы ты знал, про Ларса я не лгала. Он существует, и он действительно первый, с кем я поцеловалась. Меня не волнует, есть это в базе данных или нет.

Я повернулась и вышла прежде, чем он смог сказать еще хоть слово. Я понимала, что натворила. Затеяла ссору с единственным другом, потому что злилась. Из-за того, что Флинн выбрал Элинор, а не меня.

Было бы чему удивляться. Разве эльфы встречаются с людьми? Только эльфы с эльфами. Они женятся, заводят детей, жизнь на Северном полюсе идет своим чередом, дети получают игрушки, и все счастливы. Так было всегда. Тут никогда ничего не меняется.

Я так и вижу их через несколько лет. На ней серебряное свадебное платье под цвет волос, на голове венок из плюща. Флинн высокий и стройный. Они вместе стоят перед свадебным

деревом, возле которого женятся все эльфы на Северном полюсе. Конечно, Флинн полюбит Элинор, и, конечно, он женится на ней. Кого еще ему любить? Не меня же. Я же не эльф. Я не такая, как они.

Я вышла из Великого зала, чтобы подышать свежим воздухом, а потом решила пройтись. Воздух теперь все время пах перечной мятой. Кондитерская фабрика по соседству работала круглые сутки.

Разумеется, идет снег. Тут всегда снег, и кажется, что все вокруг покрыто бриллиантовой пылью. Что в снеге особенного, так это то, что он очень тихий. Вокруг вообще очень тихо. Как в церкви. Внушает благоговение.

Темно, но в это время года всегда темно. Солнца тут еще долго не будет. Эльфы не возражают, поскольку это их родина, но мой папа переживает, что у меня начнутся сезонные эмоциональные проблемы, поэтому в нашем доме везде стоят коробки светолечения.

Скрип снега под ногами и стук своего сердца — вот все, что я слышала, пока шла по тропинке от Великого зала к нашему дому. А потом я вдруг услышала, как Флинн зовет меня:

— Натти, подожди!

Я замерла. Обернувшись, увидела, что он почти догнал меня. Флинн стоял на дорожке, без пальто. Эльфам холод нипочем. Я устало смотрела на него:

— Будешь читать мне лекцию о праздничном веселье и духе радости?

— Нет. Просто хотел убедиться, что ты в порядке.

— А. — Собрав всю свою храбрость, я задала ему вопрос. Просто потому, что должна была знать: — Почему это обязательно должна быть она?

— Это всего лишь Снежный бал, Натти.

Но это не так. И это знали мы оба.

Флинн взглянул вверх. В небе над нами мерцала Северная звезда. Ее часто называют Полярной. Известная точка, вернее любого компаса. Ты всегда знаешь, где ты, стоит только взглянуть на нее. Ты дома.

— Северный полюс смещается, ты знала об этом? Из-за гравитации Солнца и Луны. Полярная звезда не всегда будет такой, как сейчас. — Я уже собиралась возразить, когда он внезапно спросил: — Ты когда-нибудь думаешь о будущем, Натали?

Меня бросило в дрожь от того, что он назвал меня по имени. Я специально ничего не отвеча-

ла, надеясь услышать это вновь.

— Натали?

— Обычно я думаю о будущем только перед Рождеством, — сказала я. Я загадываю на триста шестьдесят четыре дня вперед. Никогда не думала, что кто-то может делать иначе. Особенно эльфы. Но, видимо, Флинн и вправду другой. Наверное, я всегда это знала. Именно поэтому мы друзья. Именно поэтому он знал, что со мной не все в порядке и решил проверить. Кем бы мы ни были, мы всегда будем друзьями.

Я подумала, что сейчас прекрасная возможность отдать ему дрозда. Я как раз пыталась нащупать его кармане, когда услышала:

— Вообще тебе здесь не место.

Его слова ударили меня, словно снежок, попавший в лицо. Дрозд выскользнул из моих пальцев и упал глубоко в карман.

— Иногда я думаю, насколько все было бы иначе, если бы тебя здесь не было. Иногда я думаю, что, возможно, и я был бы другим, — продолжил Флинн.

Я хмурюсь:

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю. Возможно, если бы не ты, я бы не задумывался, каков мир вне Северного полюса.

Я отмахиваюсь:

— Флинн, он не такой уж прекрасный. Я видела его два года назад и могу утверждать, что у нас здесь намного лучше, чем там. Тут можно пить эгг-ног[14] хоть каждый день! Тут есть горячий шоколад с палочками-леденцами и эти зефирные тортики с маленькими красными крапинками.

— Я уверен, что все это у них тоже есть. Вот увидишь. Однажды ты уйдешь отсюда, — сказал он, и это прозвучало как предостережение. — Ты перестанешь верить.

Слезы застилают мне глаза:

— Только не я. Я никогда не перестану. Никогда-никогда.

Он упрямо качает головой:

— Однажды перестанешь и забудешь о нас.

— Перестань так говорить!

— Все правильно. Ты должна это сделать.

Мне не нравится выражение его лица, грустное и незнакомое. Мы никогда раньше не говорили ни о чем таком. Мне не нравится, что я при этом чувствую, все слишком реально. Я вытаскиваю из кармана дрозда и протягиваю Флинну.

— Вот, — говорю я. — Счастливого Рождества.

---

[14] Сноски: 14

Эгг-ног — яичный напиток с добавлением сахара и спиртного.

Он поднимает птичку вверх к лунному свету и разглядывает ее.

— Это твоя лучшая работа, — отвечает он. Большего комплимента от эльфа не дождешься. — Он прекрасен.

— Спасибо.

Я и глазом моргнуть не успела, как он дотронулся до моей щеки. Так быстро могут только эльфы. Убрал волосы мне за ухо. Я судорожно вздохнула. Это происходит на самом деле?

Я наклонилась ближе, закрыла глаза, подставила губы. И ничего.

Открыла глаза:

— Э… я думала, ты собирался меня поцеловать?

— Я… я не могу.

— Почему нет?

Он сомневался, но все же ответил:

— Я не хочу никому делать больно.

— Ты не сделаешь мне больно, — ответила я.

Флинн покачал головой. Я вижу, что он тверд в своем решении. И его ответ — нет. Поэтому я выкладываю свой козырной туз. Единственное, на что эльф не может ответить отказом: — Это мое рождественское желание, Флинн.

Он открывает рот, чтобы что-то сказать,

и тут же закрывает. Он пытается не улыбаться:

— Как это ты всегда находишь способ получить то, чего хочешь? Не отвечай. Просто закрой глаза, — просит он, прежде чем я успеваю возразить.

Я подчиняюсь.

— Итак, Натали?

— Да?

— Это не тебя я боюсь ранить.

Я еще не до конца осознала смысл его слов, когда он поднял мой подбородок и коснулся своими губами моих. Губы Флинна не такие холодные, как я представляла, — они теплые. Он теплый. Очень теплый, но почему он дрожит? Когда я снова открыла глаза, чтобы спросить, он уже отвернулся.

— У меня тоже кое-что есть для тебя, — сказал он.

Я протянула руку в перчатке, и он уронил мне на ладонь клочок бумаги и исчез, оставив меня в сомнении, а не выдумала ли я все это? Когда живешь в таком месте, порой сложно отличить магию от собственных фантазий.

Я развернула листок и прочла:

Ларс Линдстрем

Осби, дом 10

Стефани Перкинс
Это Йольское чудо, Чарли Браун

Мериголд очень нравился этот елочный базар. Там было светлее и, возможно, даже теплее, чем в квартире у них с мамой. В узорчатых подсвечниках потрескивали свечи. Мигали лампочки гирлянд, висевших крест-накрест над головой. А у входа стоял громадный пластиковый снеговик и светился изнутри ярко-оранжевым светом. Над его курительной трубкой поднимались настоящие клубы дыма.

Мериголд нравился насыщенный хвойный аромат елок «Фрейзер» и *шелестящий хруст* опилок под ногами. Ей нравились мужчины во фланелевых рубашках, поднимавшие деревья на крыши универсалов и седанов. Потом они привязывали их бечевкой, которую доставали прямо из кармана. Как фокусники. Мериголд нравился деревянный сарай: стены, украшенные гирляндами и венками, шумный старый кассовый аппарат и ветки омелы с прозрачными ягодками, свисавшие с крыши, будто сосульки. Но больше всего Мериголд нравился процесс

выбора идеальной ели.

Слишком высокая, слишком низкая, слишком пышная, слишком тонкая. А вот эта — в самый раз.

Сколько Мериголд Мун Линг себя помнила, они всегда приходили сюда всей семьей. Но в этом году она заходила в лавку одна. Много раз и вот уже целый месяц.

Как попросить совершенно незнакомого человека о таком странном одолжении? Она задавалась этим вопросом еще с «Черной пятницы» и до сих пор не нашла подходящего ответа. Но время поджимало. День зимнего солнцестояния уже завтра, так что действовать нужно сегодня.

Мериголд пришла сюда… ради парня.

Боже. Даже думать об этом странно.

Но дело не в том, что ей *понравился* этот продавец. Нет. Она пришла сюда потому, что ей от него кое-что было *нужно*.

Конечно, он был симпатичным. К чему лукавить? Надо признать очевидное: этот парень — вполне привлекательный образчик мужского пола. Просто не в ее вкусе. Чересчур… мускулистый. Когда человек целыми днями таскает елки, то у него, конечно же, появляется хорошо

очерченная мускулатура. А Мериголд нравились парни, ведущие преимущественно сидячий образ жизни и обладающие более художественными интересами. Чтение собрания сочинений Курта Воннегута. Создание популярного веб-комикса. Игра на контрабасе. Черт подери, да хоть видеоигры. От таких занятий человек становился либо пухлым, либо тощим, и именно такие ребята привлекали Мериголд.

Тем не менее у этого парня из елочной лавки было то, чего не хватало всем остальным. Что-то такое, что мог дать только он.

Ей был нужен его голос.

Впервые она услышала его, когда шла по автостоянке, отделявшей ее дом от автобусной остановки. Каждый год в начале праздничного сезона компания «Ели от семьи Драммонд» («Семейное дело. Работаем с 1964 г.») арендовала северо-восточную часть парковки, принадлежавшую продуктовому магазину «Ingles». В Эшвилле это было самое популярное место, где торговали рождественскими елями. В горах Северной Каролины таких мест было много — все-таки это край еловых ферм, — и потому, чтобы выделиться из толпы, Драммонды предлагали вдобавок дружелюбие, традиции и атмосферу. И бесплатный

горячий органический яблочный сидр.

В Эшвилле любят все органическое. Такой уж это город.

Услышав этот голос, Мериголд замерла. Парень доставал стройные, связанные деревья из грузовика, выкрикивая указания другому работнику. Мериголд пригнулась, забежала за какой-то минивэн и выглянула из-за капота, как плохой шпион. Ее поразило, что он выглядел, как ее ровесник, и голос ему явно не подходил — низкий, уверенный, насмешливый. И, казалось, чересчур мощный для юношеского тела. В нем чувствовались усталость и снисходительность, но в то же время много тепла и юмора.

Это был хороший голос. *Крутой* голос.

Тот самый недостающий элемент ее последнего проекта.

Мериголд снимала короткие комедийные анимационные фильмы. Еще в средней школе она начала делать их для себя, просто для развлечения. И к одиннадцатому классу, когда она запустила официальный канал на YouTube, у нее уже было достаточно сноровки и таланта, чтобы обзавестись тысячами подписчиков. А теперь она пыталась привлечь внимание одной анимационной студии в Атланте.

Чаще всего Мериголд все роли озвучивала сама. Иногда ей помогали друзья (в прошлом году) или коллеги из маминого ресторана (в этом году). Но этот фильм… он был особенно важен. Он станет подарком маме на день зимнего солнцестояния и *ее* билетом из этого города. Мериголд сходила с ума. Она не знала, сколько еще сможет протянуть здесь.

Ей нужна помощь этого парня, причем срочно.

Вечер выдался необычайно шумный. Сжимая в руках горячий стакан с сидром (как устоять перед таким соблазном, да еще бесплатным), она рыскала среди деревьев и прислушивалась, стараясь не обращать внимания на смех детей и рев бензопилы. В любых других обстоятельствах подобное сочетание вызвало бы тревогу. Здесь же оно дарило лишь веселье. Вернее, могло бы подарить, если бы ее желудок не сжимался от страха, как при просмотре фильмов ужасов.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

Там. В дальнем углу. Мериголд не слышала, что ответил покупатель, но угадать было нетрудно по следующей реплике продавца.

— Конечно. Просто позовите кого-нибудь из нас, когда определитесь.

Мериголд помчалась на голос, понимая, что все

получится, только если она столкнется с этим парнем на полной скорости и им придется заговорить. Трусливо, да. Зато честно. Она пробежала сквозь ряд двухметровых елей, недавно срубленных и щеголявших толстыми зелеными иголками. Продавец завернул за угол первым.

Мериголд едва не врезалась в него.

Парень вздрогнул. А потом увидел лицо Мериголд и вздрогнул снова.

— Я тебя уже видел тут.

Теперь уже Мериголд изумилась.

— Прическа, — он кивком указал на густую, стильную косу, которую она закрепляла вокруг головы. Остальные ее черные, как смоль, волосы тоже были подобраны. — Такую не забудешь.

И правда, коса была визитной карточкой Мериголд. Однажды некий сексапильный юноша лет двадцати со шрамом на брови сказал, что эта прическа выглядит мило. С ней Мериголд *ощущала* себя милой. Но только не сейчас. Сейчас она чувствовала, что ее вот-вот вывернет наизнанку.

— Знаешь, — продолжал парень, не дождавшись ответа, — это странно. Ведь люди, как правило, покупают елку только раз в году.

— Я живу вон там, — Мериголд указала на жилой комплекс по-соседству, — и сажусь на автобус

вон там.

Она указала на улицу рядом с магазином.

— А, ну тогда не буду стоять у тебя на пути, — сказал парень, не сдвинувшись с места.

— Я не иду на остановку.

— Значит… ты все-таки решила *купить елку*?

Он посмотрел на девушку, будто с ней было что-то не так. Но, по крайней мере, не разочарованно. Вблизи он казался еще крупнее, плечи и грудь — еще шире. Карие глаза и темные волосы теплого каштанового оттенка. Фланелевая рубашка в красную клетку с закатанными рукавами — униформа «Елей от семьи Драммонд». Интересно, он сам из этой семьи или просто сезонный работник?

Не то чтобы Мериголд не хотела купить елку. Хотела. Очень-очень хотела. Но мама откладывала на новый дом, а она сама — на квартиру в Атланте. Мозг лихорадочно искал другой выход из этой ситуации. Мериголд нужно было выгадать немного времени. Сначала надо узнать парня получше и убедить его в том, что она — нормальная, а уж потом задавать пугающий вопрос. Увы, похоже, купить елку — это единственный шанс.

— Да, — согласилась она. — Ну, *возможно*.

Лучше уточнить сразу.

— Мне было интересно, есть ли у вас… ну, знаете… Чарли Брауны?

Как только она задала вопрос, ей стало неловко. А когда она поняла это, то смутилась еще больше. Но парень неожиданно усмехнулся. Он сорвался с места, и Мериголд поспешила за ним. Они подошли к кассе, возле которой сгрудились низенькие ели, едва доставававшие девушке до колен.

— Они такие… крохотные.

Было сложно скрыть разочарование в голосе.

— Извини, — отозвался продавец. — Так ты просила или нет показать что-то похожее на елку Чарли Брауна из мультфильма?

По телу Мериголд пробежала дрожь, едва она снова услышала вблизи этот голос. Снисходительно-надменный, но в то же время с нотками дружелюбной насмешливости. Наверно, с таким голосом можно ляпнуть любую гадость, и все равно выйти сухим из воды.

Мериголд была готова ему подыграть.

— Елка Чарли Брауна была жалкой, — сказала она, — но все-таки почти что с него ростом.

— Да. А он был коротышкой.

Мериголд не могла не улыбнуться.

— Как насчет чего-нибудь повыше… но с боль-

шим, неприглядным и непригодным к продаже изъяном? У вас что-то подобное есть?

В глазах парня блеснул огонек.

— У нас все деревья пригодны к продаже.

— Но наверняка найдется хоть одна уродливая елка.

Он развел руками.

— Видишь тут где-нибудь уродливые деревья?

— Нет. Поэтому я и спрашиваю, где вы их прячете.

Парень улыбнулся хитрой лисьей улыбкой, и Мериголд почувствовала, что ему понравилось быть пойманным на слове.

— Ладно. Допустим. Возможно, у нас тут кое-что есть. *Возможно*.

Продавец пошел обратно к деревьям и привел Мериголд к дальнему ряду у забора. Наконец они остановились перед елью, которая была ниже *него*, но выше *нее*. Как раз посередине.

— Вот эту мы уже пару дней никак не можем продать. У нее не хватает веток вот тут, — он поднял елку и показал с другой стороны, — и тут. Но их можно скрыть, если поставить дерево к стене…

— Как вы и сделали?

Он снова коварно улыбнулся.

— … и любому гостю вашего дома она все равно будет казаться полноценной.

Шумное, говорливое семейство бродило по соседнему ряду: мать, отец и маленькая девочка. Девочка указала на самую высокую ель. Она возвышалась над всем вокруг, в ней было как минимум шесть метров.

— Можно, мы возьмем *вон ту*? — спросил ребенок.

Родители засмеялись.

— Для этого гостиная должна быть намного больше нашей, — объяснила мама.

— А у кого-нибудь *есть* такие гостиные?

— У кого-то есть, — ответил папа.

— Когда я вырасту, моя гостиная будет такая большая, что я смогу покупать здесь самую высокую елку каждый год.

Эти слова, как стрела, поразили Мериголд в самое сердце. В детстве на этом самом месте она сказала отцу эти самые слова. Воспоминания нахлынули. В прошлом году ее семья впервые не купила елку. Грусть сменилась четким желанием: Мериголд осознала, что… *она хочет ель*. Отчаянно.

Она дотронулась до ели, пробежала пальцами по ветвям дерева.

— Мне она *действительно* нравится…

Она перевернула картонный ярлык и вздрогнула.

— О, это старая цена, — сказал парень. — Я могу сбросить десять баксов.

И все равно мама не обрадуется, если узнает, что дочь потратила столько денег.

— Я бы взяла ее за полцены, — предложила Мериголд.

— За ель такого размера? Ты с ума сошла.

— Ты сказал, что она стоит здесь уже несколько дней и никому не нужна.

— Я сказал *пару* дней. Не несколько.

Она уставилась на него.

— Хорошо, я сброшу пятнадцать.

— Полцены, — увидев, что он вот-вот согласится, она добавила: — Послушай, это *все*, что я могу заплатить.

Продавец обдумал предложение еще раз. Потом рассмотрел *ее саму*. Силе его взгляда противостоять было нелегко, но Мериголд не сдавалась, не отводила глаз. У нее возникло отчетливое чувство, что она сейчас получит скидку.

— По рукам, — проворчал парень, но по голосу было слышно, что он доволен.

— Спасибо, — с чувством произнесла Мериголд,

когда он вытащил ель.

— Освежу ствол, пока ты будешь платить, — пояснил парень, а потом крикнул куда-то в сторону:

— Мам! Оранжевый ярлык — за полцены!

Значит, он все-таки из Драммондов.

Его мать — женщина с приветливым лицом, которое цветом, к сожалению, немного напоминало красно-коричневую картошку, — сидела в деревянном сарае. Оторвав взгляд от любовного романа в мягкой обложке, она удивленно вскинула брови.

— А, — сказала она, когда Мериголд подошла к кассе, — теперь все понятно.

— Простите? — переспросила Мериголд. Где-то неподалеку взвизгнула бензопила.

Женщина подмигнула.

— У моего сына обычно скидки не допросишься.

Мериголд чуть замешкалась: ей не давал покоя вопрос, который ей еще предстояло задать. Наконец она поняла намек, и ее щеки вспыхнули.

— Наши клиенты обычно уносят с собой *больше елок*, чем планировали.

Голос у женщины был приятный, но заурядный, с каким-то деревенским выговором, чего

Мериголд не заметила у ее сына.

— Я вообще не собиралась покупать елку, — быстро ответила Мериголд. — Так что это в любом случае больше, чем я планировала.

Женщина улыбнулась.

— Вот как?

— Он хороший продавец.

Мериголд не совсем понимала, почему защищает репутацию парня перед его матерью. Может, потому, что собирается попросить его об одолжении? Она заплатила наличными, желая как можно скорее закончить этот разговор и в то же время продолжая бояться другого, предстоящего. Желудок судорожно сжимался, будто в нем шевелились щупальца.

Мериголд посмотрела на телефон: уже почти восемь.

Визг бензопилы прекратился. Через мгновение парень с елью в руках подошел к девушке. Надо спросить у него. Надо спросить прямо…

— Где твоя машина? — произнес он.

Дерьмо.

До них дошло одновременно.

— У тебя нет машины.

— Нет.

— Ты пришла пешком.

— Да.

Некоторое время они пристально смотрели друг на друга.

— Ничего страшного, — сказала Мериголд. Как она могла забыть, что ей придется тащить чертово дерево *домой*? — Я смогу ее донести.

— Это просто смешно.

— Нет, все в порядке. *Вон* мой дом. Вон там.

Мериголд указала на единственное темное окно в соседнем жилом комплексе. В каждом из остальных было видно елку или менору. На каждом балконе перила были обмотаны гирляндами, там висели большие светящиеся леденцовые трости или мигающие таблички «Счастливого Рождества».

— Это твое? — спросил он. — Темное окно наверху?

— Ага.

— Я неделями смотрел на него. Грустное зрелище.

— Ты еще в квартире не был, — пошутила Мериголд. Потому что *никто* не бывал у них в квартире.

— Похоже, теперь придется зайти.

— Что? — встревожилась Мериголд. — Зачем?

— Ты с этой елью даже полпути не пройдешь.

Она очень тяжелая. Колоссальная.

В доказательство парень перехватил дерево покрепче и зарычал. Ель содрогнулась. Но Мериголд покорило то, как он произнес слово *«колоссальная»*. Ей представилось, как он диктует бесконечный список соблазнительно звучащих слов.

Дилемма. Синхрофазотрон. Пассатижи.

Мериголд вернулась к реальности. Она терпеть не могла чувствовать себя беспомощной, но сейчас ей и правда не обойтись без помощи этого парня, причем уже в *двух* делах. Сунув руки в промежуток между ветвями, она схватилась за ствол и потянула к себе, надеясь, что парень потянет его обратно.

— Все хорошо, — сказала она. — Я смогу.

— Отпусти.

— Нет, правда, я сильнее, чем кажется.

— От… — он резко дернул ель, — пусти!

Мериголд разжала руки, притворившись, будто ее пересилили.

— Прости, — сказал он через мгновение. — Но дело пойдет быстрее, если ты не будешь тянуть ее вниз.

Мериголд подняла руки вверх, сдаваясь.

— Как скажешь.

— Я намного выше тебя. Равновесия не будет, — объяснил он.

Мериголд пожала плечами, и парень крикнул:

— Буду через пятнадцать минут!

Глаза его матери подозрительно сузились.

— Уходишь на перерыв?

— Я помогаю клиенту.

— То есть уходишь на перерыв?

Парень вздохнул.

— Да, мам.

* * *

Он с трудом протискивался к выходу, а Мериголд шагала следом, чувствуя острый приступ вины. «Идиотка», — мысленно обругала она себя.

— Ты не должен был этого делать.

— Ты права. Не должен.

Холодный ветер резко усилился, и Мериголд одной рукой прижала вязаный шарф, а другой — шерстяную юбку. Хорошо, что колготки догадалась надеть самые плотные.

— Спасибо, — сказала она парню. — Мне очень приятно, правда.

Тот фыркнул.

Но прозвучало это довольно мило, и Мериголд продолжила:

— Как тебя зовут?

— Норт.

— Как? — удивилась Мериголд. — Значит… твоя мама тоже хиппи. Никогда бы не подумала.

— Почему? — парень остановился, чтобы взглянуть на нее, и иголки градом посыпались на тротуар. — А как тебя зовут?

— Мериголд. Мериголд Мун[15].

Норт улыбнулся.

— Очень по-эшвиллевски.

— Я родилась и выросла тут.

— Мои родители не хиппи, — произнес парень и снова зашагал. — И все-таки я Норт. Северный, как Северный полюс. К сожалению. Моего брата зовут Николас, а сестру — Ноэль.

— Ого. Боже. Это…

— Раз в сто хуже, чем твое имя.

— Я хотела сказать, очень *преданно*. Празднично-преданно.

Норт хмыкнул. Мериголд улыбнулась, радуясь, что заслужила его улыбку.

— А где твоя семейная ферма?

— В Шугар Коув, — ответил он. Мериголд пожала плечами. — Неподалеку от Спрус Пайна.

---

[15] Сноски: 15

Marigold (*англ.*) — бархатцы, Moon (*англ.*) — луна.

— А, ясно, — кивнула она. — Поняла.

Логично. К северу от города было множество еловых ферм.

— Ты знаешь, насколько маленькое местечко Спрус Пайн?

— Его едва находит GPS.

— Так вот, по сравнению с Шугар Коув — это Шанхай.

И снова Мериголд удивило то, как он подбирал слова. Родители ее матери были иммигрантами из Шанхая. Он не мог этого знать, но, возможно, хотел намекнуть таким образом, что она китаянка? Большинство американцев неазиатского происхождения с трудом угадывали ее национальность. Сначала говорили, что она, наверное, японка, кореянка или вьетнамка, и только потом произносили «китаянка». Будто боялись этого слова, как стереотипа. Боялись оказаться в неловком положении. Можно подумать, что Китай — не самая густонаселенная страна в мире.

Но у Мериголд не было времени мешкать. Он *наконец*, дал ей возможность достучаться.

— А по твоему говору и не скажешь, что ты из деревни.

— В отличие от маминого, да?

Мериголд вздрогнула. Ну вот, сама себя загнала

в ловушку.

— Прости.

— Раньше я тоже так разговаривал, — произнес Норт ровным голосом. — Пришлось немало потрудиться, чтобы перестать.

Они подошли к жилому комплексу, и Мериголд снова указала на свой дом. Норт застонал.

— Ну конечно в самом конце, где же еще.

— А почему ты перестал? — спросила она, возвращаясь к прежней теме.

— Потому *шо* городские называли меня «деревней» и сомневались в *маем интеллехте*.

Разговор не клеился.

Норт поставил ель у лестницы, испустив одинединственный вздох.

— Помогай, — он наклонил дерево набок. — Возьмись с этого конца.

Мериголд ринулась вперед, чтобы схватиться за верхнюю часть ели. Из-за большой разницы в росте и силе выровнять темп они смогли только спустя несколько неловких шагов.

– *Конечно же,* ты живешь в дальнем доме. И *конечно же*, на верхнем этаже.

– *Конечно же,* ты собираешься заставить меня, — пробурчала Мериголд, — сожалеть о твоей помощи всю жизнь.

Они неуклюже обогнули U-образную лестничную площадку между первым и вторым этажами.

— Можешь идти чуть быстрее? — спросил Норт.

— А ты можешь быть чуть добрее?

Он рассмеялся.

— Серьезно, ты, как морской огурец. Подозреваю, он очень медлительный, иначе бы его не назвали в честь овоща. Который вообще не двигается.

Когда они добрались до второго этажа, Мериголд чуть не уронила верхушку ели. Норт продолжал идти.

— Прости, — извинилась она, стараясь не отставать. — Тут трудно ухватиться.

— Это же дерево. За него очень удобно хвататься. Оно все целиком предназначено для хватания.

— Ну, может, я и смогла бы нормально ухватиться, если бы ты так сильно не тянул.

— Ну, может, мне бы не приходилось так сильно тянуть, если бы ты нормально несла свою часть.

— Никакой логики. — Мериголд ударилась локтем о перила следующей лестничной пло-

щадки. — *Ай*.

Норт ринулся вперед, вырывая ель из ее рук.

— А-А-А-А-А-А! — заорал он, словно гладиатор, и на полном ходу рванул вверх по лестнице. На третьем этаже он уронил дерево, и оно прокатилось на несколько футов вперед.

— Что это было, черт возьми? — крикнула Мериголд.

Норт улыбнулся.

— Так быстрее, правда?

— Ты мне чуть пальцы не оторвал.

— Похоже, в итоге мне твоя помощь не понадобилась. Потому что от тебя ее вообще не было. Помощи. От тебя вообще не было помощи.

— Я даже не хотела елку. — Мериголд пристально взглянула на него. Все, забудь. Никакой озвучки. — А ты уговорил ее купить. Сам виноват.

— Тогда в другой раз слоняйся где-нибудь еще.

Мериголд поставила ель вертикально и подтащила к двери.

— Я *не слонялась*.

— Что там происходит? — проскрежетал внизу чей-то голос.

Мериголд съежилась.

— Простите, мисс Агриппа!

— Так я и знала, опять ты! Опять там что-то замышляешь!

Норт удивленно поднял бровь.

Мериголд покачала головой и прислонила дерево к стене возле своей двери.

— Я просто принесла домой рождественскую ель, мисс Агриппа. Извините за крики.

— Надеюсь, ты не собираешься вынести ее на балкон? А то все иголки сюда полетят. Делать мне больше нечего, разгребать грязь за тобой.

Обе брови Норта поползли вверх.

Мериголд рылась в сумке в поисках ключей.

— Она будет стоять в квартире, мисс Агриппа. Как любая нормальная рождественская ель, — пробурчала она себе под нос. Дверь внизу с силой захлопнулась.

— Какая милая женщина, — произнес Норт.

Мериголд уже устала от всего этого. Все. Хватит.

— Ну, спасибо, что помог мне донести эту штуку. Теперь я уж как-нибудь сама, — она открыла дверь и включила свет. — Спокойной ночи.

Но Норт не смотрел на нее. Он смотрел ей через плечо, распахнув глаза от удивления. — И как же ты занесешь елку туда?

* * *

Мебель, пакеты и коробки были свалены горой до потолка. Буквально *до потолка.* Даже с включенными лампами квартира тонула во мраке. Высокие башни громоздились, закрывая практически весь свет. И среди всего этого пролегала узкая тропинка, где с трудом протиснулся бы один человек.

— Ты что, все собираешь в кучу?

В голосе Норта звучало удивление, смешанное с недоверием.

— Я не собираю все в кучу. И моя мама тоже.

— А что это тогда такое?

В груди Мериголд все сжалось, как от викторианского корсета.

— Это временная ситуация. Мы… переезжаем.

— Почему же вы не сдали вещи в камеру хранения?

— Потому что камеры хранения стоят денег, а мы копим на новый дом.

Тут Норту крыть было нечем. На его лице промелькнуло смущение, но быстро исчезло. Похоже, он все понял.

— Так… и где мы поставим ель?

— Я же сказала, дальше я сама справлюсь.

— Не справишься, это и так ясно. Она сюда даже не пролезет. — Норт указал на узкую тропинку. — И каким же будет твой последний ход? Куда ты собираешься ее ставить?

Мериголд накрыло знакомое чувство страха и стыда. Как она могла подпустить его так близко? Как могла потратить деньги на то, что они выбросят на следующей неделе? На то, что даже не влезает в квартиру? Мама будет в бешенстве. Ее сердце неистово стучало.

— Я… не знаю. Я собиралась поставить ее перед стеклянной балконной дверью. Как и все соседи.

Норт вытянул шею, заглядывая за угол.

— Перед балконной дверью? Вон той, которая *за* сервантом?

— Да. Наверное…

— С ума сошла? Зачем ты тогда вообще купила елку?

— Потому что ты умеешь уговаривать!

Норт обернулся и уставился на нее с каким-то непонятным выражением на лице. А потом… улыбнулся. При виде этой теплой — неожиданно теплой улыбки — Мериголд слегка успокоилась.

— Так что ты будешь делать? — спросил Норт.

— Думаю… немного сдвину эти вещи?

Ее лицо выражало то же сомнение, что и го-

лос. В конце концов, они с мамой так ни к чему и не притронулись с тех пор, как въехали сюда.

Норт осторожно шагнул в квартиру и остановился, почесывая затылок. В груди Мериголд все ухнуло вниз. Ей нечего стыдиться: *Это все не просто так, черт возьми. И это только временно, черт возьми,* — но она все равно смутилась.

— Безумие какое-то, — сказал Норт. — Причем опасное.

— Мы уже год тут живем, и на нас пока ничего не упало.

— Вы живете в этом колодце смерти уже *год*?

Он пробрался в глубь квартиры. Дорожка вела к самым жизненно важным местам: к кухне, ванной, спальням.

— Прости, но я не позволю тебе занести сюда мою ель, — крикнул Норт из-за угла. — Она засохнет еще до Рождества. А это всего через пять дней.

— Это не важно. Главное, чтобы *моя* ель протянула до завтра.

— А что будет завтра? Приедут рабочие и все тут порушат?

— Будет Йоль. Праздник зимнего солнцестояния.

Голова Норта показалась из-за шатающейся

колонны стульев для гостиной.

— Ты ведьма?

Мериголд удивленно рассмеялась.

— В смысле, викканка? Ты викканская ведьма?[16]

— Нет.

— Тогда язычница? Какая-нибудь… неоязычница?

Мериголд помотала головой.

— Друидесса? Или кто там еще празднует солнцестояние?

— Его может праздновать кто угодно, — Мериголд прошла за ним в глубь квартиры. — Это астрономический феномен. *Наука*. Зимнее солнцестояние — самый короткий день в году.

— Значит, вы с мамой… ученые?

Мериголд улыбнулась.

— Нет. Моя мама точно язычница.

— Тогда я снова должен спросить: зачем ты тогда купила рождественскую ель?

— Потому, что они мне *нравятся*. Мой отец, — Мериголд запнулась, а затем продолжила, чуть смутившись, — он праздновал Рождество, а мама

---

[16] Сноски: 16

Виккане — поклонники неоязыческой религии, основанной на почитании природы. Йоль — один из восьми больших праздников, которые отмечают виккане.

нет. Но она согласилась включить рождественскую елку в нашу традицию, потому что они красивые. И естественные. И, кроме того, у христиан их бы наверняка не было, если бы не язычники, праздновавшие Йоль. Это у *них* сначала появились вечнозеленые деревья.

Она ожидала, что Норт уличит ее в слишком рьяной защите — Мериголд всегда отчаянно защищалась, — но его лоб разгладился.

— А где сейчас твой отец?

Умер. Норт ожидал, что она скажет: «Умер».

— В Шарлотте, — ответила она.

— А, — на лице Норта промелькнуло облегчение. — Развод?

— Родители не были женаты.

— А братья или сестры у тебя есть?

— Я единственный ребенок.

— А где твоя мама?

Мериголд думала, что уже прояснила это.

— Я же сказала, она живет здесь.

— Я имею в виду, где она *сейчас*?

Мериголд снова почувствовала смущение, которое тут же сменилось досадой.

— На работе. Она работает в ночную смену.

Но едва эти слова слетели с губ, как Мериголд остолбенела. Она только что сказала *незнакомцу*,

что, кроме них, здесь никого. Как можно было сделать такую глупость?

Но Норт просто был раздражен.

— Значит, никто нам не поможет. Прекрасно.

— Ты о чем?

Он снял бирюзовый марокканский столик с верхушки мебельной башни так осторожно, будто играл в «дженгу».

— Теперь тебе придется отойти.

Досада Мериголд стремительно росла.

— Что происходит?

— Тут можно все разгрести, но мне понадобится намного больше места. Придется все вот это, — он мотнул головой, — перенести туда, — кивок в сторону коридора. — А ты загораживаешь проход.

С этими словами он ринулся вперед, выпихивая Мериголд ее собственным марокканским столиком из ее собственной квартиры.

Мериголд была потрясена.

— Что ты *творишь*?

— Помогаю тебе, — Норт поставил столик рядом с елью, — конечно.

— Разве тебе не нужно возвращаться на работу?

— Нужно. Так что ты продолжишь это делать,

пока меня не будет. Не больше одной вещи за раз, ладно? — он кивнул, отвечая на собственный вопрос. — Вот и славно. Я вернусь, когда закончится моя смена.

* * *

Мериголд не понимала, как он ее на это уговорил. Последние два часа она переносила в коридор пыльные стулья, грязные картонные коробки, пакеты для мусора, набитые постельным бельем, и корзины со всякими безделушками. Мисс Агриппа уже трижды на нее накричала.

Что скажет мама, когда рано утром придет домой и увидит, что *в квартире все переставлено*? И узнает, что Мериголд позволила *незнакомцу* помочь ей это сделать? Что это было его *предложение*?

Хотя… неправда. Не совсем.

Мериголд в общем-то догадывалась, почему позволила уговорить себя. И не только из-за мысли о том, что уж теперь-то сможет попросить его о помощи с озвучкой. В компании Норта ей было так весело, как не было уже давно, поскольку все ее друзья уехали в колледж прошлой осенью. С Нортом она не знала, что будет дальше. А последние несколько месяцев Мериголд всегда

точно знала, что ее ждет. Сломленная депрессией мать, бесконечная работа и облегчение, которое Мериголд находила лишь в молчаливом общении со своим компьютером и виртуальными людьми со всего мира.

А Норт был настоящий. Из плоти и крови.

И теперь ее собственная плоть покрылась тонким слоем пота. Замечательно.

В начале одиннадцатого Мериголд вытирала бумажными полотенцами подмышки, как вдруг услышала на лестнице тяжелые шаги. Поспешно избавившись от полотенец, она встретила Норта у двери.

— Веселого солнцестояния. — Норт протянул ей подставку для ели.

— У нас уже есть такая. Где-то, — ответила она.

— Не сомневаюсь. Мне кажется, у вас тут *уже есть* все на свете. Вот только шансы отыскать это близки к нулю.

Мериголд не знала, смеяться или обижаться. Он протиснулся мимо нее в квартиру.

— Спасибо, Норт, — сказал он.

Обижаться. Она стиснула зубы.

— Спасибо, Норт.

— Пожалуйста, Мериголд, — он окинул квартиру одобрительным взглядом. — Надо же.

Ты убрала больше, чем я предполагал.

— Я тебе уже говорила, что у меня больше сил, чем кажется.

— И светлее стало.

Мериголд не могла этого отрицать, но… вещи нужно будет занести обратно. Хотя она бы предпочла их просто выкинуть.

— Ты правда думаешь, что мы сможем разложить все так, чтобы хватило место для елки?

— Похоже, ты сомневаешься. С чего бы? Я, кажется, не сделал еще ничего сомнительного в твоем присутствии.

Сомнительное. Еще одно хорошее слово. Ей нравилось не только то, как он говорил, но и *что* он говорил.

— Ты сделал уже кое-что сомнительное.

— Например?

— Помогать *мне*, совершенно незнакомой девушке, таким экстремальным образом — это очень даже сомнительно.

— Хотел бы поспорить, — ухмыльнулся он, — но не могу.

– *Почему* ты мне помогаешь?

Он снова окинул взглядом квартиру, оценивая ее площадь, размеры всех укромных уголков и щелей.

— Потому что у меня хорошие организаторские навыки. Я чувствую, как можно правильно разложить вещи. Я — человек-тетрис. Это моя суперсила. И мой долг — помочь тебе.

Мериголд скрестила руки на груди.

— Суперсила, значит.

— Она есть у каждого, хотя бы одна. К сожалению, у большинства людей они идиотские — например, первым замечать четырехлистный клевер. Или угадывать вес человека с точностью до фунта.

Любопытно, правда? Мериголд приятно было думать, что внутри нее прячется суперсила, пусть даже глупая. Интересно, какая?

— Ладно, — голос Норта вернул ее в реальный мир. — Пока я буду двигать остальную мебель — (большие тяжелые предметы она перетащить не могла), ты все пропылесосишь и протрешь. Тут будто восемь кошек живут. У тебя восемь кошек?

— У меня их восемнадцать.

— А. Но пылесос-то здесь есть?

Мериголд вскинула подбородок.

— Да, конечно.

Хотя, надо признать, здесь они с мамой не могли им воспользоваться.

— Мисс Агриппа разозлится, когда услышит, что ты пылесосишь в такое время?

— Очень.

Глаза Норта вспыхнули.

— Отлично.

Пока Норт таскал мебель, Мериголд, забыв на время о претензиях соседки, пылесосила и вытирала пыль на вновь освобожденных местах. Не желая признаваться, что у них нет тряпок для пыли — вернее, где-то есть, но бог знает где, — она использовала махровые салфетки. Декоративные, которые хранились для гостей.

В квартире было две спальни, одна ванная комната, кухня, столовая и гостиная. Наконец первые комнаты были чисты. Стоя посреди маленькой столовой, Мериголд подумала о том, что ее ноги никогда еще не попирали пол на этом самом месте.

— Поскольку эта комната отделена от других, — делился Норт дальнейшими планами, — мы превратим ее в склад. Сюда должно поместиться почти все, включая вещи из ваших спален. А остальное сложим вдоль стены.

Он указал на самую длинную стену гостиной.

Мериголд нахмурилась.

— Главное, все правильно упаковать и раз-

ложить, — пояснил Норт. — Когда я пришел, то сразу увидел: пространство используется совершенно неразумно.

Мериголд понимала ход его мыслей, но, прожив здесь целый год, никак не могла представить, что все может быть иначе. Или, если вдуматься, просто *не позволяла* себе подобных мыслей? Чтобы не разочароваться еще больше.

— Это сделали перевозчики мебели, — сказала она. — Только они тут перекладывали вещи.

— Но *вы* это так оставили.

Устыдившись, Мериголд не ответила на незаданный вопрос. *Почему*? Она и сама не могла точно сказать. К счастью, Норт уже снова энергично расхаживал по квартире.

— Сначала нам понадобятся самые крупные и самые плоские вещи, — сказал он.

— Например, сервант?

— Именно.

Они перенесли его вдвоем, тяжело и неуклюже, но как только он оказался на новом месте, Мериголд стало… легче. Стеклянная дверь балкона была свободна. Сквозь нее она увидела улицу, ларек, деревья, продуктовый магазин, декабрьское небо. Серп луны. При желании можно было даже выйти на балкон. Если бы не было так холодно

и ветрено, конечно.

Но главное — появилось пространство для елки.

— Что дальше? — Мериголд с трудом сдерживала волнение. — Книжные шкафы?

Норт помотал головой.

— Это *пустой* сервант. Место тратится впустую.

— А, — Мериголд засомневалось. Обычно в серванте стояла разная керамика ручной работы, сделанная друзьями друзей матери, и фамильный фарфор, который дедушка с бабушкой привезли из самого Китая. Но она понятия не имела, где сейчас все это.

— Я не помню, где лежат красивые тарелки, — призналась она.

— Красивые тарелки нам ни к чему. Просто нужно его чем-нибудь наполнить.

Норт выбрал коробки и сумки подходящего размера, которые отлично поместились в сервант. Работа спорилась: большой фермерский стол из маминой спальни поставили на бок, напротив серванта. Между ними всунули шкафы, которые набили книжками прямо в коробках, и два стула с горками вещей на них. Подвесная лавка для террасы, два кресла-качалки, четыре стула

для внутреннего двора, газонокосилка и половина обычных стульев для столовой — все это тоже мастерски было размещено в комнате.

Норт *действительно* укладывал вещи, как в тетрисе: что-то вверх тормашками, что-то боком. Блоками. Устойчиво. Каждый предмет мебели наполнялся, обкладывался постельным бельем и полотенцами, а все оставшиеся щели забивались безделушками и мелкой утварью. Прежде чем занять свое место, вещи тщательно протирались. Норт наложил вето только на несколько предметов: лампу, стол, ковер и парочку других. Их отложили в сторону.

В квартире стало чище, появилось больше места, и Мериголд вздохнула свободнее. Она поняла, что *может* дышать. Жадно, полной грудью.

— Что будем делать с диваном? — спросила она. — Он все еще у меня в спальне.

Норт вытер лоб рукавом рубашки. Он вспотел.

— Перенесем в гостиную, чтобы вы могли им пользоваться.

Эта мысль, такая невероятно простая мысль, казалась необычайной.

— Вам нужно где-то сидеть помимо кроватей. Нужно место, где вы сможете расслабиться, придя с работы. — Он расстегнул пуговицы фланелевой

рубашки в красную клетку. — Где вы сможете сидеть и любоваться моей елью.

О, господи. Мериголд порадовалась, что она уже и так вся красная от уборки. Она попыталась сосредоточиться, но при виде раздевающегося Норта сделать это было нелегко.

— Ты по-прежнему называешь ее своей.

Он улыбнулся.

— Я же вырастил ее, не так ли?

— А я уже купила ее, не так ли?

— И я очень этому рад.

Норт откинул рубашку в сторону и остался в черной футболке… с логотипом NPR.

Мериголд окончательно потеряла дар речи.

Где-то в глубине души она предполагала, что нравится Норту. А иначе зачем он все это делает? Но сейчас Мериголд впервые призналась себе в том, что, возможно, Норт пришел к ней домой не только с целью продемонстрировать свои сверхчеловеческие организационные навыки.

Ее это взволновало.

И потом… эта футболка. Радио NPR обычно слушали парни с *домашними* интересами. Возможно, у Мериголд с Нортом было больше общего, чем она предполагала. Возможно, их объединяло не только удовольствие от словесных перепалок.

Когда в ответ не раздалось ни единого колкого словечка, остроумие Норта немного угасло. Казалось, Норт засомневался в себе, опасаясь, что неправильно все понял. Может быть, он вовсе и не интересовал эту девушку?

О, Мериголд была заинтересована.

Мериголд *точно* была заинтересована.

Она дерзко ему улыбнулась.

— NPR, значит?

Увидев выражение ее лица, Норт расправил плечи, и Мериголд невольно обратила внимание — пристальное внимание — на его торс. Отлично очерченный торс. Но тут до парня дошел смысл вопроса. Смутившись еще больше, он развернулся и стал засовывать коробку из-под обуви с винтиками и гайками в одну из оставшихся расщелин.

— Я получил ее во время одной из недавних выездных трансляций, — сказал он, имея в виду футболку.

— Угу, — кивнула Мериголд.

— Мне нравится быть в курсе событий. Узнавать что-то новое.

— Моя *мама* слушает NPR.

Норт по-прежнему стоял, отвернувшись.

— Так, я должен был спросить это раньше,

но есть ли здесь коробки с украшениями к Рождеству, — он помотал головой, — к *Йолю*, которые нам стоило бы поискать?

Сменил тему вместо того, чтобы подхватить игру? Интересно. А раньше казалось, что он не упустит случая подколоть в ответ.

— Или на солнцестояние елки не наряжают? — продолжил он сухо. — Оставляют в первозданном виде?

Вот, это уже похоже на Норта. Хотя… откуда ей знать, что похоже на него, а что нет? Внезапно Мериголд поразило то, как сильно ей захотелось узнать его получше.

Она шагнула к нему.

— У нас в семье — наряжают.

Норт обернулся, не осознавая, что она стоит почти вплотную. Но не отступил и не дрогнул.

— Значит, коробка с украшениями где-то есть.

Низкий голос отзвуком прокатился по всему ее телу.

— Да. Целых две.

Норт улыбнулся.

— Можешь их описать?

— Одна из-под игрушечного замка от «Fisher-Price», другая — из-под домика «Fisher-Price Tudor».

— Кажется, такие мне пока не попадались.

Его тон стал еще ниже. И даже — ладно, признаемся честно — сексуальнее. Низкий и сексуальный голос… который говорил о коробках из-под игрушек.

Мериголд отвернулась, улыбаясь самой себе.

— Тебе принести что-нибудь? Воду? Кофе? Чай?

Похоже, Норта забавляло ее веселое настроение.

Хоть он и не знал, в чем причина.

— Ага, кофе. Спасибо.

Кухня тоже лежала в руинах, но, в отличие от остальной квартиры, здесь было куда больше пространства для маневра. Пока Мериголд варила кофе, Норт переставил в угол гостиной круглый стол для внутреннего дворика и два стула для столовой. Получилось уютное место для ужина. Мериголд обычно перекусывала стоя, здесь или у себя в комнате. Она уже и забыла, когда в последний раз ела вместе с мамой.

Появившись откуда-то у нее из-за спины, Норт указал на устройство для приготовления кофе.

— Что это?

— Френч-пресс.

— Прикольно.

Она пожала плечами.

— Мама не верит в электронные кофеварки.

— Ну, зато она верит в кофе.

Мериголд рассмеялась, доставая из шкафчика две чашки ручной работы: ее мать верила в поддержку местных мастеров.

— Какой кофе ты пьешь?

— Черный.

— Ну, надо же. Какой крепкий дровосек.

Норт фыркнул.

Мериголд улыбнулась.

— Я тоже пью черный кофе.

Он наклонился к ней, вытянувшись во весь свой немаленький рост над островком посреди кухни.

— А я думал ты из тех девушек, кто пьет травяной чай.

— Ну, конечно. — Мериголд закатила глаза, протягивая ему кофе. — Из-за ресторана, да?

— Из-за *солнцестояния*. И твоего *имени*. И этой *керамики*, — он поднял чашку повыше. — А что за ресторан?

Она забыла, что не рассказывала ему. Казалось, он уже все знает и так. Мериголд уселась за столик, Норт сел напротив.

— Мама держит ночной веганский ресторан домашней еды в центре города, — выпалила она

на одном дыхании. — Да, я знаю. Это очень поэшвиллевски.

— «У Генриетты?» Твоя мама — *Генриетта*?

Брови Мериголд от удивления поползли вверх.

Норт пожал плечами.

— Тут не так уж много ночных ресторанов, а в Шугар Коув их и вовсе нет. Так что я часто забегал туда после кино или концертов. Все знают твою маму, — добавил он. — Или, по крайней мере, слышали о ней. О том, как она помогает бездомным и все такое. У нее отличная репутация. Это очень круто.

Мериголд ожидала, что он будет ее подкалывать, а вместо этого ощутила ком в горле. Она уже давно не слышала, чтобы кто-то хвалил Генриетту. Мамины работники устали и от ее грусти, и от ее гнева так же, как и Мериголд. Но Генриетта создала себе доброе имя тем, что хорошо кормила любого, сколько бы денег в кармане у него ни было. В меню ее ресторана было простое блюдо с бобами и рисом, за которое клиенты платили кто сколько сможет. Деньги тех, кто давал больше, чем стоило блюдо, переходили к тем, у кого денег было мало или совсем не было. И люди на удивление щедро платили сверх положенного.

— Спасибо, — едва слышно проговорила Мериголд.

— Ты веганка?

— Нет, я даже не вегетарианка. Но в основном ем веганскую пищу, — призналась она, — Мне нельзя хранить мясо в доме. Поэтому раньше я ела его в школьной столовой.

— Школьный мясной обед. Прямо бездна отчаяния.

Мериголд улыбнулась.

— Ты даже не представляешь.

— Значит… ты сейчас не в школе?

— Нет, уже окончила. А ты?

— Тоже. Сколько тебе лет?

— Девятнадцать. А тебе?

— Тоже.

Они улыбнулись друг другу. Смущенно. И удовлетворенно. Пауза начала затягиваться, пока не затянулась *слишком*. Норт поерзал на стуле.

— Я был вегетарианцем пару месяцев. Мне пришлось снова начать есть мясо, потому что для работы на ферме нужен определенный уровень протеина и энергии. Но как только я оттуда выберусь, я снова попробую.

— Тебя не привлекает семейное дело?

— Ни капли. А тебя?

Мериголд покачала головой.

— Ресторанный ген мне не передался. У дедушки и бабушки тоже свой ресторан, — пояснила она. — Китайский. В Атланте.

— Круто. А мои бабушка с дедушкой создали еловую ферму.

— «Семейное дело. Работаем с 1964 года», — процитировала она их слоган.

Что-то вспыхнуло в глазах Норта. Будто он чувствовал то же самое, что и она, когда Норт с уважением отозвался о ее матери. Гордость и, возможно, облегчение.

— Так и есть, — отозвался он.

— Почему же ты не хочешь быть фермером, Норт Драммонд?

— Просто это не мое, — он сделал глоток кофе. — Как у тебя с ресторанами, наверное.

Но в его словах слышалось что-то, чего он все-таки не смог скрыть. Скорее страдание, чем безразличие.

— И все же, почему ты не хочешь стать фермером, Норт Драммонд? — снова спросила Мериголд.

Он грустно улыбнулся.

— Эта работа действительно не по мне. Ферму должен был унаследовать Ник, мой старший

брат. Но оказалось, что ему она тоже не нужна. Года два назад он ушел посреди ночи. Собрал все свои вещи и переехал в Вирджинию, чтобы жить там со своей девушкой. Теперь они разводят смешанные породы собак. Паглей и лабрадудлей.

Мериголд поразила горечь, с которой он рассказывал эту историю.

— Но… он ведь просто пытался выбраться оттуда — так же как и ты. Нет?

— У моего отца недавно обнаружили болезнь Паркинсона.

— Черт. Вот черт. Мне так жаль.

Норт уставился в чашку.

— Ему становится все тяжелее работать, и родители все больше и больше теперь полагаются на меня. Они надеются, что я буду управлять фермой, но на самом деле больше всего ею хочет заниматься сестра. А мои родители — хорошие люди, но… старомодные, что ли. Прошлым летом из-за этого вышла большая ссора. В итоге Ноэль тоже сбежала.

Мериголд пожалела, что не может перегнуться через стол и обнять Норта. Она все поняла: любовь, стыд, необходимость остаться, пока все не наладится.

— Я пытался убедить ее вернуться. Пытался

убедить родителей отдать ферму ей, чтобы я смог уйти.

— Почему же ты не можешь просто уйти, как сделали твои брат и сестра?

— Даже в нынешнем положении ферма почти не приносит дохода. Без меня родители разорятся.

Мериголд сглотнула. Она приняла точно такое же решение: отложить свое будущее на потом.

— Я… Я тоже остаюсь здесь, чтобы помочь.

Норт поднял взгляд. Ни жесткости, ни напряжения в нем больше не было.

— Это как-то связано с твоим отцом?

— Это *все* из-за моего отца.

— Поэтому вы с мамой живете вот так?

Теперь уже Мериголд уставилась в чашку.

— Слышал истории о женщинах, которые не знали, что у их мужей была тайная, вторая семья?

— Ага.

Мериголд пожала плечами.

Повисла пауза.

— Серьезно? Нет, ты это серьезно?

— В Шарлотте. Жена и две дочери.

Норт выглядел ошеломленным.

— Они тоже были не очень счастливы, когда узнали о нашем существовании, — добавила Мериголд. — И теперь он живет там. С ними. Возмещает убытки. Им. Возможно, завел уже третью и четвертую тайную семью, я не знаю. Все выяснилось в прошлом году, незадолго до Рождества.

Норт помотал головой.

— Не представлял, что так бывает в реальной жизни.

Мериголд тоже не представляла.

— Так почему вы не оставили себе дом? — спросил он.

— Потому что мы с мамой… это *мы* оказались второй семьей.

Глаза Норта расширились от понимания.

— Он женился на другой женщине еще до того, как даже встретился с моей мамой. А мы были его экзотическим, легкомысленным, хиппи-проектом на стороне, — Мериголд выплюнула эти слова, будто яд. — Вот почему теперь его жена, его законная жена, забирает все деньги в судах. Он был вынужден продать наш дом, и нам пришлось переехать.

— Мне жаль. Я даже не знаю, что сказать.

Она оттолкнула чашку от себя.

— Мы собираемся найти новый дом этой вес-

ной.

— И… ты останешься тут, в Эшвилле? Будешь помогать матери?

Мериголд почти забыла, почему она в самом начале подошла к Норту. Почти. Ну и что, что он не сможет выполнить ее просьбу — или, скорее всего, она так и не выскажет ее вслух. Пускай. Достаточно того, что ей сейчас есть кому излить душу. Достаточно *сегодняшнего вечера*.

— Знаешь, это нелегко, — призналась Мериголд. — Мне здесь нравится. Мне нравится местная архитектура в стиле ар-деко, нескончаемые музыкальные фестивали и немного слишком дружелюбные жители. Но… тут для меня нет будущего. Нет карьеры. Когда у матери все наладится, я перееду в Атланту.

Норт нахмурился.

— Чтобы работать у бабушки и дедушки?

— Нет.

Но Мериголд снова улыбнулась: он запомнил.

— Анимация.

И она стала вдохновенно рассказывать о разных студиях, которые были всего в трех с половиной часах езды оттуда. О том, как годами рос рынок Атланты, как все основные телевизионные каналы создавали там шоу. Рассказала

о собственном канале на YouTube, о своем успехе, о своих планах.

Мериголд рассказала ему обо всем. Кроме той ключевой роли, которую он должен был сыграть в этой истории.

Норт наклонился к Мериголд.

— Ты хочешь поступить в колледж? Учиться на художника-аниматора?

— Я хочу работать. Я *готова* работать, — Мериголд замолчала. — А ты хочешь пойти в колледж?

— Да. Хочу… — он смущенно запнулся.

Мериголд наклонилась к нему, повторяя его движение.

И вдруг Норт выпалил, указывая на свою футболку:

— Я знаю, что это умирающее искусство и все такое, но я хочу изучать это дело. Я хочу работать на радио.

В голове Мериголд прозвучала сирена, на всю мощность.

— Мне как-то сказали, что у меня подходящий голос для радио, — продолжал он. — И с тех пор я никак не могу выбросить эту мысль из голо-

вы. Я *люблю* радио. И подкасты[17]. Слушаю *This American Life, WTF* и *Radiolab* целыми днями во время работы, как одержимый.

— У тебя *и правда* хороший голос. У тебя *замечательный* голос.

Норт, похоже, немного оторопел от ее напора, но обратного пути уже не было.

— Я должна кое в чем признаться, — сказала Мериголд и на одном дыхании выложила историю о том, как весь этот вечер оказался завязан на его голосе.

Норт замер.

— И ты, наверное, теперь в ужасе, мне очень стыдно. Все, умолкаю, — наконец сказала она. *И умираю.*

Повисла долгая, мучительная пауза. А потом напряженное лицо Норта наконец расслабилось.

— Во-первых, — произнес он так же спокойно и насмешливо, как и все, что говорил раньше, — мне льстит, что ты пришла в лавку ради меня, а не в поисках ели. Это наглядно демонстрирует твой прекрасный вкус.

Уголки губ Мериголд слегка дернулись.

---

[17] Сноски: 17

Подкаст — звуковой или видеофайл в стиле радио- или телепередачи, а также регулярно обновляемая серия таких файлов, публикуемых на одном ресурсе интернета, с возможностью подписки.

— Я пришла ради твоего голоса.

— Во-вторых, поверить не могу, что тебе понадобился *целый месяц*, — я уж молчу о том, что мне пришлось буквально *ворваться* в твою квартиру, — чтобы все-таки задать мне этот вопрос. Который, кстати, ты до сих пор так и не высказала в виде просьбы. А я не могу дать ответ, пока ты этого не сделаешь.

Мериголд откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди.

Норт усмехнулся.

— Очевидно, моя работа на сегодня закончена. Так что я могу сидеть тут столько, сколько понадобится.

— Норт, — процедила Мериголд сквозь стиснутые зубы, — не соблаговолишь ли ты предоставить свой голос для моего нового видео?

— Все зависит от того… — Норт закинул руки за голову, — сколько мне за это заплатят.

Эти слова поразили Мериголд в самое сердце. Невероятно, но она даже *не подумала* о том, чтобы заплатить ему. Ее друзья и коллеги всегда делали это бесплатно. Но, конечно же, Норту надо будет заплатить. *Разумеется.*

— Мериголд, — произнес он после того, как пауза затянулась секунд на двадцать, — я пошутил.

— Что?

— Это была шутка. Конечно, я согласен. Звучит классно.

— Я могла бы заплатить тебе продуктами, — сказала она быстро. — Из ресторана.

Норт уставился на нее.

— Знаешь, что в сегодняшнем вечере самое странное? Почему этот вечер выдался невероятно странным?

— Почему же?

— Потому что ты так и не догадалась, что я готов сделать все что угодно, *все*, — он очертил рукой круг, — только чтобы побыть с тобой. И не нужно мне платить.

У Мериголд сердце ушло в пятки. Прошел почти год с того момента, как она в последний раз оказалась в подобной ситуации. С парнем. С *красивым* парнем. Все мысли вдруг разом вылетели из головы.

Норт толкнул ботинком ее туфлю.

Ее нога задрожала.

Стук в дверь вырвал Мериголд из оцепенения.

— Потише там! Тут некоторые спать пытаются!

— О, господи, — вздохнул Норт. — Когда же она уймется?

— Никогда.

Мериголд встала и поплелась к двери.

— Мы ведь сейчас вели себя тише всего с момента моего прихода.

— Она стучит, даже когда мы с мамой спим. *Она нас будит.*

Открыв дверь, Мериголд изобразила фальшивую улыбку.

— Мисс Агриппа. Чем могу помочь?

— Уже полночь. Я не могу спать в таком шуме… — мисс Агриппа вдруг замолчала. — О, боже! Вас грабят!

— Нет! — Мериголд сделала шаг вперед.

Мисс Агриппа отскочила назад. Одну руку она прижимала к груди, дрожа от страха, а другой указывала на Норта.

— Мужчина! У тебя в квартире незнакомый мужчина!

— Это мой друг, — наконец совладала с голосом Мериголд. — Продавец из лавки елей по соседству. Вы же видели его раньше, верно? Он помогал мне убираться. Хорошо вышло, не так ли?

— Позвонить в полицию? — прошептала мисс Агриппа. — Ты в опасности?

— Все хорошо, честно-честно. Это Норт. Он мой *друг*.

Норт помахал рукой. Выражение лица мисс Агриппы изменилось.

— А твоя мама знает, что он здесь?

— Конечно, знает, — отчеканила Мериголд. Вот тут, пожалуй, лучше соврать. — Спокойной ночи, мисс Агриппа.

— Он скоро уйдет? Вы так *шумели* сегодня…

— Да, мисс Агриппа. Извините, что потревожили.

Мериголд хотела захлопнуть перед ней дверь, но соседка задержалась, пристально глядя на девушку. На улице стало прохладней, посвежело. Казалось, вот-вот… выпадет снег. Наконец, мисс Агриппа отступила и зашагала вниз по лестнице. Мериголд выдохнула.

— Привет, друг, — произнес Норт прямо у нее над ухом.

Мериголд вздрогнула.

И тогда она решилась: толкнула его плечом в грудь, легонько. Норт, похоже, обрадовался.

— Это же… — он принюхался, — снег. Пахнет снегом.

— Я тоже так подумала.

В этих краях снег шел не так часто, а если и выпадал, то обычно после Нового года. Пока что был только один короткий снегопад, еще в ноябре.

Снежинки ложились на землю и сразу таяли.

— Люблю снег, — хором сказали Мериголд и Норт.

Посмотрели друг на друга и улыбнулись.

– *Надеюсь*, снег все-таки будет, — добавила Мериголд.

— Знаешь, я всегда думал, что нам повезло со снегом. Он идет здесь нечасто, и это делает его особенным.

— То же самое можно сказать и о многом другом.

— Верно.

Норт взглянул на нее, и его улыбка стала шире.

Мериголд чувствовала то же самое. Исключительность, своеобразие Норта. И этого вечера. Ей хотелось, чтобы он длился вечно.

— О нет! — среди приятных мыслей вдруг возникла одна тревожная. Она втолкнула Норта обратно в квартиру. — Моя мама! Если пойдет снег, она закроет ресторан раньше.

Окинув взглядом лежащие в коридоре вещи и ель, они поспешили вернуться к работе. Очень быстро — быстрее, чем Мериголд могла себе представить, — они аккуратно расставили все в гостиной, возле самой длинной стены.

Осталась только ель.

Норт внес ее в квартиру на руках, как жених невесту, и гордо водрузил напротив стеклянной двери. Когда он закрепил дерево на подставке, Мериголд собрала пылесосом осыпавшиеся иголки. Затем снова быстро подмела в спальнях, пока Норт расставлял оставшуюся мебель — диван, кофейный столик, марокканский столик и стеклянную лампу — на свободном месте.

Мериголд почти закончила уборку, когда вдруг обнаружила в углу собственной спальни *это*. Коробки Fisher-Price.

Она внесла их в гостиную торжественно, будто реликвии.

— Смотри, — сказала она.

Норт включил лампу, и Мериголд подпрыгнула от радости. Уголок, который он создал на ее любимом ковре с узором в цветочек, выглядел теплым, удобным и манящим. Норт даже нашел радужный шерстяной плед, в который они с родителями кутались, когда смотрели телевизор, и накрыл им спинку дивана.

Выглядело идеально. *Все* выглядело идеально.

— Ну, тут не особо… — начал он.

— Нет. Особо, — оборвала его Мериголд. Это, наверное, был самый лучший подарок, который она когда-либо получала. На глаза навернулись

слезы. — Спасибо тебе.

Норт улыбнулся.

— Иди сюда. Давай нарядим твою елку.

Мериголд засмеялась, вытирая глаза рукавом свитера.

— О, так теперь это моя елка? Я ее заслужила?

Норт сделал вид, что пришел в ужас из-за своей «оговорки». Мериголд снова рассмеялась. Когда она открыла первую коробку, то счастье наполнило ее до краев. В коробке было полно аккуратно связанных гирлянд из белых и голубых лампочек.

Норт заглянул ей через плечо.

— Ого! Подумать только!

— Что?

Норт смутился, будто Мериголд поймала его на чем-то, но честно ответил:

— Я удивился тому, насколько аккуратно сложены эти гирлянды. Они ведь вечно спутываются в один жуткий клубок. Но это… самая аккуратная вещь, которую я видел во всей твоей квартире.

— Когда мы складывали их два года назад, — ответила Мериголд, — наша жизнь была совсем другой.

Норт взял связку бледно-голубых огоньков и начал их раскручивать.

— Можно много сказать о человеке по обстановке, которая его окружает.

— Если это так, — задумчиво произнесла Мериголд, — то моя жизнь теперь выглядит намного лучше.

— Но *чувствуешь* ли ты, что она стала хоть немного лучше?

Мериголд встретилась с ним взглядом. И улыбнулась.

— Несомненно.

* * *

Они украсили елку гирляндами. Множеством гирлянд. Мериголд захотела развесить *все* гирлянды, и когда они закончили, елка засияла как маяк, восхитительно ярко.

Норт открыл вторую коробку и вытащил сосновую шишку на белом бантике. Он удивленно поднял бровь.

— Ты не найдешь там никаких Санта-Клаусов или ангелов, — сказала Мериголд. — Это же *научный* дом, помнишь?

Он рассмеялся.

Каждая игрушка была завернута в папиросную бумагу. Они аккуратно разворачивали их одну за другой: красные птички-кардиналы, пят-

нистые олени, черные медведи. Солнце, месяц и звезды. Яблоки, жемчужины, груши и розы. И снежинки. Много-много серебристых снежинок.

— А ты знала, — спросил Норт, вешая на елку голубую сойку, — что настоящие ели намного полезнее для окружающей среды, чем искусственные? Многие люди думают, что искусственные лучше, потому что настоящую нужно выбрасывать каждый год. Но настоящие деревья синтезируют кислород и, пока растут, создают среду обитания для птиц и животных. А потом, когда засыхают, их можно использовать как перегной для удобрения почвы. А пластиковые просто… гниют на свалках. И разлагаются *сотни* лет.

Мериголд ждала, когда он закончит свои разглагольствования.

— Да, — отозвалась она. — Я знаю.

— А. — Норт затих, покачивая на указательном пальце крошечную безделушку.

Но она поняла, почему он почувствовал, что должен ей об этом сказать. Она слегка пихнула его локтем.

— Я рада, что ты работаешь на хороших парней, Норт.

— Я *и есть* хороший парень. Один из них, —

отозвался он.

Развесив последние украшения, Мериголд выглянула на улицу через стеклянную дверь. Крохотные снежинки кружились, падая с неба.

Мериголд побледнела.

— Ты знал, что идет снег?

— Видимо, он только что начался.

— Тебе пора. Мама наверняка уже закрывает ресторан и скоро будет дома.

Мериголд принялась судорожно запихивать бумагу в коробки, чувствуя на себе пристальный взгляд Норта. Он явно хотел у нее что-то спросить — наверное, то же, что и она у него, — но времени не было. Пока он прятал коробки, она ринулась на кухню, сняла с холодильника накрытое фольгой блюдо, прибежала обратно в комнату и сунула его Норту. — Пожалуйста, возьми это домой. В знак благодарности.

Лампочки гирлянд окрашивали его лицо то в синий, то в белый цвет.

— Что это?

— Печенье. Веганские имбирные леди. Это все, что у нас есть, но они очень вкусные, честно. Ты даже не почувствуешь, что в них нет масла.

— Имбирные леди?

Мериголд пожала плечами.

— Мою маму мужчины сейчас не очень интересуют.

— Ясное дело, — отозвался Норт. — Последний был так себе.

— Хуже некуда.

— А… как ты к ним относишься? — спросил он осторожно. — Нормально?

Она удивилась тому, насколько правда — простая, очевидная правда — может быть болезненной, если произнести ее вслух.

— Бывало и лучше, — наконец призналась она.

Норт внимательно смотрел на нее. Отблески огоньков мерцали в его теплых карих глазах.

— Мне жаль, Мериголд.

Ее сердце забилось сильнее.

Норт взял тарелку.

— Можно… можно я тебе как-нибудь позвоню? Я имею в виду, если тебя все еще интересует озвучка, я с радостью помогу. Я бы мог забежать после смены. Мне все равно нужно будет его вернуть.

Он приподнял блюдо неожиданным для него неуклюжим жестом.

Он ведь мог подойти и поцеловать ее. Он что? Проявляет уважение? Почему ей хочется раствориться в нем? Или чтобы *он растворился в ней*?

Выхватив у него блюдо и отставив его в сторону, Мериголд дотронулась до его щек. И притянула к себе.

И поцеловала.

И он поцеловал ее в ответ.

Их губы раскрылись; его вкус был чистым, здоровым и совершенно новым для нее. Он притянул ее ближе. Ее пальцы скользнули вниз по его затылку. Вниз, к его груди. Он поднял ее, а она обхватила ногами его за талию, и это казалось самым естественным в мире. Будто бы они заново открыли нечто важное, что утратили когда-то, не помня об этой потери. Поцелуй стал глубже. Так они целовались несколько минут, сплетаясь телами.

Когда она наконец соскользнула обратно вниз, у них обоих тряслись коленки.

— Я хотел сделать это весь вечер, — признался Норт.

Его голос над самым ее ухом отдавался в глубине тела. Он заполнял ее всю.

— Я хотела сделать это весь месяц.

— Я хочу делать это весь *остаток* месяца, — Норт поцеловал ее под носом, потом в подбородок. — И после.

— И после, — согласилась Мериголд.

И их губы снова сомкнулись.

— Ладно, ладно, — рассмеялась Мериголд минуту спустя. — Теперь тебе *точно* пора.

И они поцеловались снова.

— А-а-а-а, — закричал он, отрываясь от ее губ. — Все! Ухожу!

Волосы Норта были дико взъерошены. Коса Мериголд наполовину расплелась. Они снова рассмеялись. У обоих закружилась голова. Им открылось чудо и радость новых отношений.

Мериголд бросила ему рубашку.

— Не забудь.

Он накинул ее поверх футболки.

— Как ты думаешь, что скажет твоя мама, когда увидит все это?

— Честно? — Мериголд покачала головой, закрепляя волосы заколками. — Она будет в бешенстве. Но потом… Думаю, потом она будет рада. Возможно, даже счастлива.

— Я надеюсь.

— Вот, вбей сюда свой номер.

Мериголд вытащила телефон из кармана и бросила его Норту. Он сделал то же самое, и они добавили друг друга в записную книжку.

— Напиши мне, когда доберешься до дома, хорошо? Чтобы я знала, что с тобой все в порядке.

Норт улыбнулся.

— Напишу.

Они снова поцеловались у входной двери.

— Завтра вечером я работаю, — сказал Норт в перерывах между поцелуями.

— И слава богу!

— Знаю. Никогда еще так не радовался тому, что работаю на родителей.

Они рассмеялись.

— До завтра, Мериголд Мун.

И напоследок Норт поцеловал ее еще раз.

Мериголд выглядывала на улицу сквозь морозные узоры, которые разрастались и сверкали на стеклянной двери балкона. Она смотрела, как Норт идет к машине. Издалека его фигура казалась идеальной, и Мериголд до боли захотелось обнять его. Садясь в грузовик, он поднял голову и посмотрел на ее окно.

Улыбнулся, увидев ее силуэт, и помахал.

Сердце Мериголд подпрыгнуло, и она помахала в ответ. Она смотрела вслед грузовику, пока тот не скрылся из виду. Огни в елочной лавке погасли, фонари не горели. В тусклом свете ближайшего магазинчика Мериголд увидела, что ели стоят, припорошенные снегом. Снаружи было холодно, пусто и темно.

Вдруг в замке повернулся ключ.

Мериголд обернулась. В квартире было тепло, уютно и светло. Норт был ей нужен, чтобы сделать маме подарок. А вышло гораздо лучше — красивая квартира и прекрасное дерево.

Ручка двери повернулась.

— Мам, — произнесла Мериголд, — добро пожаловать домой.

Дэвид Левитан
Твой временный Санта

Когда друг просит тебя побыть Санта-Клаусом, сразу чувствуешь себя толстым.

— Но я же еврей, — протестовал я. — Ладно бы ты попросил меня побыть Иисусом — он из моего народа и хорошо выглядел в набедренной повязке. К тому же Санта непременно должен быть веселым, а от Иисуса на Рождество требуется только одно — *родиться*.

— Я серьезно, — сказал Коннор. Не так часто он бывает серьезным, чтобы я мог просто от него отмахнуться. — Возможно, это последнее Рождество, когда Райли все еще верит в Санту. Меня она сразу узнает. Так что Сантой можешь быть только ты. Больше у меня никого нет.

— А как насчет Ланы? — спросил я, имея в виду старшую из его младших сестер.

Он покачал головой.

— Без вариантов. Ну просто никак.

И неудивительно. От Ланы скорее дождешься издевки, чем подарка. Ей всего двенадцать, а я уже ее боюсь.

— Ну, *пожа-а-алуйста,* — принялся канючить Коннор. Я ушам своим не поверил: можно подумать, я быстрее соглашусь выставить себя дураком, если он сам будет валять дурака.

— Костюм даже подгонять не придется! — заверил он. Этого-то я и боялся.

Канун Рождества для меня — это традиционные семейные споры о том, какие фильмы смотреть на следующий день. (Выборы Папы Римского — ерунда по сравнению с нашими баталиями.) Покончив с этим, мы расходимся по разным углам, и каждый занимается своим делом. И хотя моя семья не религиозна, я все равно не мог допустить, чтобы они увидели, как я покидаю дом в костюме Санты. Поэтому незадолго до полуночи я тайком выскользнул на улицу и попытался переодеться на заднем сиденье своей машины. Это двухдверная Honda Accord, и от меня потребовалась изрядная сноровка. Случайный прохожий, заглянув в окно, подумал бы, что я либо душу Санту, либо занимаюсь *чем-то еще*. Штаны Санты не налезали на джинсы, и мне пришлось раздеться до трусов, чтобы ниже пояса тоже стать Сантой. Я думал, костюм будет сидеть, как пижама, но ощущения были такие, будто я замотался в старые шторы.

И это не считая белого меха. Интересно, откуда взялся этот мех, если Санта проводит большую часть времени на Северном полюсе? Похоже, белым медведям больше вреда от него, чем от глобального потепления. Ну, это так, к слову. Ерунда, но в такой час на заднем сиденье машины ничего умнее в голову не приходит.

Пока я пристегивал живот и надевал куртку, Коннор, наверное, уже уснул и беспечно видел сны. Вообще-то он не собирался ложиться, но я подумал, что это было бы слишком рискованно. Если бы нас поймали, мы бы не только огребли неприятностей, но и ужасно разочаровали бы Райли. Лана с матерью, наверное, тоже спят. Не думаю, что они подозревают, что я собираюсь нанести им визит. Они вообще с трудом представляют, кто я такой. А вот Райли спать не должна. Во всяком случае, когда я появлюсь в гостиной. Ведь мы затеяли все это только потому, что эта шестилетняя девочка еще верит в чудеса. Иначе я бы на это не пошел.

У меня был подарок и для Коннора — завернутая в красивую бумагу коробочка, которую я отчаянно пытался не помять, хватая в темноте сапоги и бороду. Я уйму времени потратил на то, чтобы придумать ему подарок на наше

первое Рождество. Коннор считает, что подарки — это не важно, но я так не думаю. Просто в них главное — не цена, а возможность сказать: «*Я тебя понимаю*». Правда, тут всегда есть риск: когда три недели назад я заказывал подарок, была вероятность, что мы расстанемся до Рождества. Но этого не случилось. Мы все-таки вместе.

Когда я оделся, оказалось, что я не могу перелезть на переднее сиденье. Пришлось изменить положение и сиденья, и руля, чтобы втиснуть мою сантовость на водительское кресло. Тут-то я и понял, зачем нужны открытые сани.

Дома у Коннора я был всего несколько раз, и в основном еще до того, как мы начали встречаться. Для его матери я был кем-то из толпы друзей: еще одно тело на диване, лицо над миской с чипсами… Долгое время нас было шестеро, а потом мы с Коннором стали парой. Время от времени Райли забегала на нашу территорию, чтобы стащить что-нибудь съедобное или пококетничать с любым, кто обратит на нее внимание. А Лана оставалась у себя в комнате и включала музыку так громко, что мы не слышали даже своих мыслей. Как-то странно было подъезжать к их дому в костюме Санты, так что я остановился у дома соседей. Могу только догадываться, как я

выглядел, выходя из машины. На улице было так тихо, что от этого даже становилось страшно — ничего себе канун Рождества! Я чувствовал себя не вестником добра и веселья, а скорее уж маньяком из малобюджетного фильма ужасов «Убийственная поездка Санты», в котором собирается искромсать парочку добропорядочных граждан и несколько не слишком сообразительных и плохо одетых подростков.

И тут я вспомнил, что оставил ключ от дома Коннора в джинсах. Пришлось возвращаться за ним. Неумелый из меня серийный убийца.

Да еще и лицо под бородой чешется.

* * *

Хоть мы и евреи, сначала родители уверяли меня, что Санта существует. Просто никогда к нам не приходит. Они говорили, что ему просто не хватает времени на всех. «Не так уж много домов он может обойти за ночь, — говорили они. — Поэтому и пропускает девочек и мальчиков, у которых уже было восемь дней Хануки. Но ты можешь помахать ему, когда он будет пролетать мимо».

Так что в раннем детстве в канун Рождества я допоздна не ложился спать, чтобы помахать

Санте, если он зайдет к соседям. Именно из-за соседей, у которых был сын моего возраста, мне и не говорили правду о Санте. Родители боялись, что я сразу же поделюсь с приятелем этим разрушительным знанием. Их опасения были не беспочвенны: к тому времени я уже успел убить в друзьях веру в пасхального кролика. Я считал, что толстяк, который летает по всему миру и дарит подарки, — это нормально, а вот кролик, раздающий пасхальные яйца, — просто глупость.

В конце концов, именно соседский мальчик и сказал то, что помогло мне узнать правду. Наш разговор был примерно таким:

Он: «Второе имя Санты — Святой Ник».

Я: «Святой Ник Клаус?»

Он: «Нет. Просто Святой Ник. Святой Николай».

Я: «Но разве не все святые умерли? И если Санта-Клаус — святой, разве это не значит, что он *мертв*?»

Я видел, что правда ошеломила его. И он расплакался.

* * *

Коннор дал мне такие подробные указания, будто я один должен был сыграть всех одиннадцать

друзей Оушена. Подарки уже лежали под елкой, и носки были заполнены и развешаны. От меня требовалось разворошить подарки, а потом якобы случайно наткнуться на дверь Райли, пошуметь, чтобы она проснулась, тихо выскользнула из комнаты и увидела, как я раскладываю все по местам. Коннору пришлось раз шесть повторить, что его мама не держит под кроватью ружье. Он поклялся и добавил, что она принимает столько транквилизаторов, что не проснется, даже если я проеду через ее спальню на санях, запряженных стадом северных оленей. Я подумал: что же с ней будет, случись пожар, но решил оставить свои страхи при себе.

Мне хотелось, чтобы Коннор не спал. Я хотел, чтобы он был со мной, когда я приду в его дом. Так странно красться на цыпочках по кухне без него. Странно слышать тишину в коридоре, не чувствуя рядом его дыхания. Я знал, что его присутствие испортило бы нашу задумку, но так хотелось, чтобы он подсказывал из-за кулис, как мой личный «рождественский» Сирано.

Зато он смотрел на меня с фотографий, висевших на стенах: вот он сам, вот его сестры, а вот фотография его матери в овальной рамке. Чем ближе я подходил к гостиной, тем стар-

ше становился Коннор на фотографиях. Лица на стенах уже едва ли не смеялись надо мной: я постоянно наступал на левую штанину, рискуя в любой момент оторвать ее.

Комнату освещала елка, украшенная разноцветными гирляндами. На верхушке была звезда, и я подумал: да, именно так и должно быть. Все рождественские елки похожи, но в каждой есть что-то свое, особенное. Под этой было не так много подарков, как я ожидал. Ну да, тут же живет не семейный хор Ван Траппов, а всего четыре человека. Да и Рождество — это только один день, а не восемь.

Я чувствовал себя крайне нелепо, передвигая подарки ближе к камину. Но раз уж я взялся играть эту роль, то нужно все делать по-настоящему, а это значит, что Санта, несмотря на свои габариты, все-таки «*пришел через камин*». Я старался двигаться тише мыши — только бы Райли не проснулась и не увидела, как Санта вытаскивает ее подарки из-под елки. Тогда весь наш план провалится. Благополучно разложив подарки, я добавил к ним еще один — для Коннора. Он не знал о нем, и мне очень хотелось его удивить.

Обычно в такое время я не сплю, только если

сижу за компьютером. Жара в комнате, добравшись до моих подмышек, еще раз напомнила мне, во что я одет. Подарки из носков я вынимать не стал, не был уверен, что запомню, где что лежало.

Теперь надо подойти к двери Райли и както дать ей понять, что я уже тут. Интересно, что же мне делать, если она не выйдет из комнаты. Войти и разбудить ее? Проснуться от того, что над твоей кроватью склонился Санта, — такое, пожалуй, может травмировать психику. Меньше всего мне хотелось, чтобы она закричала. И я совершенно не собирался объясняться с ее матерью.

Хорошо хоть, дверь Райли было легко узнать. Может, Коннор и гей, но на диснеевских принцессах свихнулся не он, а Райли. Эх, жаль, у меня нет колокольчика… Ну, или северного оленя, чтобы он громко стукнул копытом. Постучать? Плохая идея. Эльза с плаката на двери сверлит меня ледяным взглядом, а Ариэль смотрит так, будто я тону. Даже веселая улыбка Белль говорит: «Хуже, чем роль Санты, может быть только роль Санты, сыгранная спустя рукава. Так что ты уж постарайся, маленький еврей».

Я тихо наклонился к Белль, так что борода

коснулась ее щеки, а потом, повышая голос на каждом слоге, произнес: «хо… Хо… ХО!» За дверью послышался шорох: Райли явно этого ждала. Грузно, будто отяжелев сразу на сто килограммов, я зашагал обратно в гостиную.

Когда я миновал коридор, дверь со скрипом открылась. Легкие шаги прошелестели у меня за спиной: она старалась двигаться бесшумно, но получалось так себе.

Спросив себя: «*А что на моем месте сделал бы Санта?*» — я направился к припрятанным подаркам, и начал перекладывать их обратно под елку. Вообще-то Санте такая работа не по статусу — этим ведь эльфы занимаются, да? Но раз уж он путешествует один, то это тоже часть выступления. Может, начать насвистывать? Но песня «Santa Claus is Coming to Town», пожалуй, прозвучит эгоцентрично. А «Jingle Bells» наводит меня на мысли о…

— Извините, — детский голосок прервал мои размышления.

Я обернулся и увидел Райли. В ночнушке она была похожа на Венди из «Питера Пена» или, вернее, на фею Динь-Динь. В этот час она казалась сонной тенью Райли. Но голос ее звучал довольно бодро.

Коннор уверял, что она не будет мешать. Клялся, что, увидев меня, Райли тут же отправится обратно в кровать, довольная, что ее рождественская мечта сбылась.

— Да, детка? — сказал я. И понимая, что говорю, как Злой и Страшный Серый Волк, постарался закончить фразу чуть веселее. Вышло как у Злого и Страшного Серого Волка после трех «Ред Буллов».

— Ты настоящий?

— Конечно, настоящий! Вот он, я!

Она, кажется, удовлетворилась таким ответом… на секунду.

— Но кто ты? — спросила девочка.

«Кем ты хочешь, чтобы я был?» — чуть не спросил я. Но я знал ответ. И это был не я. И не Санта-Клаус.

Хорошо еще, что свет в комнате такой тусклый, а борода у меня — такая густая. И что я не забыл обуть сапоги. Но все равно я боялся облажаться. Один неправильный ответ, и все пропало.

В то же время я не мог заставить себя сказать: «Я — Санта-Клаус». Потому что я ведь не Санта. И не настолько хорошо вру, чтобы она поверила.

Так что я сказал весело, как клоун:

— Ты же знаешь, кто я! Я приехал к тебе прямо

с Северного полюса!

Она удивленно раскрыла глаза. И в тот момент, когда логика отступила перед чудом, я увидел, насколько Райли и Коннор похожи. Я увидел Коннора, который никогда не стесняется показать, что для него важно. От души смеется, когда мы смотрим комедию «Гарольд и Мод»; сияет, услышав любимую песню по радио; улыбается, если долго ждал меня и видит, как я захожу в комнату. В Конноре нет ни капли цинизма. Словно он об этом даже не слышал. И благодаря ему и я могу иногда отдохнуть от цинизма.

И вот передо мной Райли — в том возрасте, когда хрупкая скорлупка детства дает первые трещины. Я знал все подходящие случаю вопросы, которые можно было бы задать: «Ты хорошо себя вела в этом году? Что бы ты хотела получить от Санты?» Но мне хотелось сказать совсем другое.

— Не переставай верить, — произнес я.

Райли лукаво посмотрела на меня.

— Как в песне?

Усмехнувшись — «хо-хо-хо!» — я ответил:

— Да. *Именно* как в песне.

С этими словами я наклонился, чтобы посмотреть ей в глаза, и не успел выпрямиться, как она

потянулась к бороде. Я вздрогнул, ожидая рывка и разоблачения. Но Райли просто похлопала меня по плечу.

— У тебя очень хорошо получается, — сказала она.

Понятия не имею, мне она сказала это или Санте. Но чтобы у *меня* и дальше все получалось, я должен был вести себя, как Санта.

– *Хо-хо-хо!* Спасибо, Райли!

Она радостно изумилась.

— Ты знаешь, как меня зовут!

— Конечно! Иначе как я пойму, какой подарок кому?

Это мысль ей понравилась. Она кивнула и чуть отступила.

Я улыбнулся.

Она тоже.

Я улыбнулся еще шире. Переступил с ноги на ногу.

Она улыбнулась в ответ. И не двинулась с места.

«Интересно, будет невежливо, если Санта посмотрит на часы?»

Райли продолжала смотреть на меня.

— М-м… знаешь… я не могу доставлять подарки, пока ты тут. Таковы правила Санты.

— Но ты единственный Санта. Разве не ты устанавливаешь правила?

Я покачал головой.

— Не-а. Они передаются от одного Санты другому.

— А кто был Сантой до тебя?

На секунду задумавшись, я сказал:

— Моя мама.

Райли хихикнула.

Я улыбнулся.

Она тоже.

Она не собиралась уходить из комнаты.

Я представил, что Коннор, посмеиваясь, наблюдает за нами и как будто шепчет мне на ухо: «Ты не умеешь прощаться». Это правда. Обычно, когда мы общаемся в Сети, между первым «спокойной ночи» и моментом, когда мы действительно прощаемся, проходит примерно сорок семь минут.

— Северные олени ждут меня, — сказал я. — И другие дети тоже. Вообще-то, я только начал развозить подарки.

Я знаю, что на шестилетних детей редко действует просьба подумать о других. Но Райли, похоже, поняла. Задумавшись, она отступила еще немного.

А потом вдруг подбежала ко мне и обняла. Прижалась головой к подушке на животе. Обхватила меня за ноги. Райли наверняка поняла, что подушка — это подушка. Наверняка заметила, как мешковато висят на мне штаны. Но она думала не об этом. Все, чего ей сейчас хотелось, — чтобы чудо не кончалось.

Она хотела, чтобы я был настоящим.

— Счастливого Рождества, Райли, — сказал Санта. — Очень-очень счастливого Рождества.

Отстранившись, она подняла на меня глаза и серьезно сказала:

— А теперь я пойду спать.

— Сладких снов, — пожелал ей Санта. И для надежности добавил «Хо-хо-хо!».

Райли так же тихо вернулась к себе в комнату. Она хотела сохранить это втайне от остальных.

Проводив ее взглядом, я подождал и, услышав, как хлопнула дверь, начал перекладывать подарки обратно под елку. Через минуту до меня донесся звук… похожий на аплодисменты.

— Браво, Санта, — раздался голос, полный сарказма. — Приятно, да? Нравится обманывать маленьких девочек?

На пороге кухни стояла Лана. На ней была ночная рубашка и спортивные штаны, но не похоже

было, чтобы она сегодня ложилась спать. Впрочем, даже проспав целую ночь, она выглядит, как вампир, так что сложно сказать наверняка.

— Привет, Лана, — сказал я тихо, чтобы Райли не услышала.

— Привет, *Санта*. — Лана зашла в комнату и оглядела меня с ног до головы. Я не привык к испытывающим взглядам двенадцатилетних девочек. — Даже представить себе не могу, какие сексуальные услуги мой брат пообещал тебе за это. Нет, правда. Ты выглядишь, как полный придурок.

— Я тоже рад тебя видеть! — весело ответил я и продолжил заниматься подарками.

— Не скажешь мне «хо-хо-хо»? Это потому, что я плохо себя вела? Ну конечно, кому еще судить об этом, как не старому белому толстяку! Но ты ведь мне даже кусок угля не принес?

– *Тс-с-с*. Она тебя услышит.

— И что такого? Конечно, Коннору нравится поддерживать иллюзии. А, по-моему, хрень все это. Поверить не могу, что он дал тебе этот костюм. Он не имел права!

Я понимал, что недостаточно долго встречаюсь с Коннором, чтобы кричать на его сестру. Так что я просто молчал и даже не смотрел на нее. Почти

все подарки уже под елкой. Закончу, и можно уходить.

— Тебе что, олень язык откусил? — съязвила Лана. — А, понятно. Райли ты пудришь мозги, а на меня можно вообще не обращать внимания? Все вы такие.

— Лана, прошу тебя. Пожалуйста, говори тише.

– *Пожалуйста!* Санта, ты такой *вежливый*, — она подошла ближе. — Неудивительно, что ты нравишься Коннору.

Обычно я очень рад слышать, что нравлюсь Коннору. Но из ее уст это звучало как обвинение.

— Ты же знаешь, кто всегда это делал? — продолжала она. — Знаешь, чей это костюм? Знаешь, сколько лет я была такой же глупой, как и Райли, думала, что это Санта. Думала, что так будет всегда. А оказалось, что глупее всех — Коннор, раз он считает, что может просто напялить на тебя этот костюм и притворяться, будто его не бросили так же, как всех нас.

Я отнес последний подарок под елку.

— Ну что? Не собираешься его защищать? Не скажешь, что во всем этом есть смысл? Я до смерти хочу услышать, как ты попытаешься объяснить, почему ты здесь. Притвориться, что все в порядке, хотя все уже рухнуло.

Я впервые посмотрел ей в глаза. Но в ее взгляде сквозила такая неприязнь, что пришлось снова отвернуться.

— Я здесь, потому что он меня попросил, — сказал я. — Вот и все.

— О-о-о, — сказал Лана таким голосом, будто смотрела видео с милыми котиками. — Это лю-бо-о-овь.

И я не выдержал. Я должен был что-то сказать. Так что я снова посмотрел ей в глаза и твердо произнес:

— Да. Это. Любовь.

На секунду она замолчала. На секунду мне показалось, что она успокоилась. На секунду я поверил, что она поймет. Но Лана очень быстро опять стала собой.

— Ненавижу тебя, — выпалила она.

Теперь уже я опешил.

— Почему?

— Потому что он — не твоя собственность. Ты не имеешь на него никакого права, даже если вы с ним встречаетесь. Ты не настолько важен для него.

Первым моим порывом было сказать: «Прости». Извиниться за то, что я пришел в их дом. Что обманул ее сестру и в последний раз —

еще на год — заставил поверить в Санту.

Но сожаления в моем сердце не было. И вместо извинений я произнес:

— Ты так сердишься.

— Ага! И, думаю, есть из-за чего.

— Но не из-за меня.

Сказал, и тут же пожалел. Потому что дело и правда было совсем не во мне.

— Это не из-за того, что ты гей, — пояснила Лана. — Ты же понимаешь, да? Если бы ты был девушкой, я бесилась бы точно так же.

Странно было это слышать.

— Так чего же ты хочешь на Рождество, малышка? — спросил я голосом Санты.

Я подумал, что она взбесится из-за *малышки*. Но она просто ответила:

— Хочу, чтобы в этом костюме был не ты.

Кивнув, я произнес своим обычным голосом:

— Понятно. Но скажи мне, что Санта действительно может тебе дать?

— Не похоже, чтобы ты принес подарки.

— Я принес один.

— Для Райли? А, для Коннора…

— Надеюсь, ты понимаешь, почему я ничего не принес тебе.

— Почему?

— Потому что ты всегда чертовски зла со мной.

Рассмеявшись от удивления, Лана ответила:

— Справедливо.

Наступила тишина. И тогда мы оба услышали это.

Где-то открылась дверь. Мы продолжали молчать.

Легкие шажки…

— Вот дерьмо, — прошептала Лана.

Райли, похоже, не слишком удивилась, увидев Лану рядом со мной.

— Ты принесла ему печенье? — спросила она старшую сестру. — Я уже почти заснула, но вспомнила, что не дала ему печенья.

И старшая сестра, не мешкая ни секунды, ответила:

— Пойду принесу.

Лана ушла на кухню. Райли, не в силах оторвать взгляд, уставилась на подарки под елкой. Я помню, как точно так же разглядывал подарки вокруг меноры — пытался угадать, какой из них мой и что там внутри. Мама часто упаковывала подарок в коробку больше, чем нужно, просто чтобы сбить меня с толку.

— Куда ты поедешь дальше? — спросила Райли.

— В Небраску, — ответил я.

Она кивнула.

Лана вышла из кухни с тарелкой печенья и стаканом молока.

— Держи, — сказала она.

Я взял печенье. Оно было немного черствым.

— Лучшее печенье, которое я сегодня ел! — воскликнул я ради Райли.

Лана явно хотела сказать гадость, но удержалась.

— Ну, что же, — сказала она, — наверное, тебе пора.

— В Небраску! — подсказала Райли.

Как ни странно, мне уже не хотелось уходить. Теперь, когда мы собрались тут все вместе, а одна из них точно знает, кто я, мне захотелось остаться. И чтобы Лана предложила разбудить Коннора. И чтобы мы вчетвером до рассвета ели печенье.

— Давай, — прервала мои размышления Лана. — Небраска ждет.

— Ты совершенно права, — отозвался я и направился к двери.

— Не туда! — Лана указала на камин. — Это единственный путь на крышу.

Я чувствовал, что Райли смотрит на меня. Уверен, можно было что-то придумать, но в голову

не приходило ни одного внятного объяснения, почему мне нужно воспользоваться дверью.

Словом, я направился к камину. Выглядел он так, будто им никогда не пользовались. Наклонившись, я заглянул внутрь и увидел, что дымоход не очень широкий.

Я высунулся обратно и посмотрел в глаза Райли.

— Пора в кроватки! — крикнул я.

Райли помахала мне.

— В добрый путь, — усмехнулась Лана. Ничего не поделаешь. Я заполз в камин, подтянулся, влез в дымоход и начал считать до ста, что приблизительно равнялось количеству паутин, которые меня окружали. На одно страшное мгновение мне показалось, что я застряну тут со своим животом, но места хватило. Хорошо, что Санту не в каждом доме угощали печеньем. Пыль облепила язык, забилась в глаза. Неужели нет нормального способа попасть в дом? Почему Санта не может просто оставлять свои дурацкие сани у крыльца, как делают все приличные люди? Слышно было, как Лана пожелала Райли спокойной ночи. Потом обе двери хлопнули, закрывшись. Я потихоньку выбрался из дымохода и кое-как отряхнулся от пыли, обрушив настоя-

щий «снегопад» на ковер. Пусть Лана попробует это объяснить.

«Моя работа выполнена», — подумал я. Но я знал, что не уйду, не увидев его. Этого не было в нашем плане, как и многое из того, что сегодня произошло. Но я не мог побывать у Коннора и не дать ему знать, что я здесь был. Иначе дело останется незавершенным.

Дом вернулся к привычному ночному ритму — дыхание, шорохи, какие-то пощелкивания, невнятное бормотание во сне. Я сделал несколько осторожных шагов и замер. Скорее всего Райли еще не уснула, а ее дверь как раз на пути к комнате Коннора. Так что я стоял и не шевелился, вдруг осознав, как редко мне приходится это делать. Нужно перестать участвовать в происходящем и стать только наблюдателем. Телефон — оружие, с помощью которого я обычно убиваю время, — остался в машине. Безоружный, я осмотрелся. В тихой, по-рождественски освещенной комнате было очень одиноко. Чего-то не хватало, но точно не меня. На полках стояли книги, я не видел названий, только очертания прижавшихся друг к другу томов. На одной из полок книги стояли под охраной маленьких фигурок: солонки и перечницы — чья-то коллекция.

Я отпустил время — пусть минуты идут своим чередом, но, когда я думал о них, они шли медленнее. Это не мой дом, и я поймал себя на мысли, что он никогда моим не будет. Я ожидал, что Лана снова выйдет, чтобы выпроводить меня. «Почему ты все еще здесь?» — спросила бы она, и единственное, что я мог бы произнести в ответ, — это имя ее брата.

Я знал: он хочет, чтобы я был здесь. Но почему все должно быть именно так? Я хочу, чтобы Коннор представил меня родным как своего парня. Хочу сидеть за обеденным столом, шутить с Райли — так, чтобы Лана тоже не могла удержаться от смеха. Хочу, чтобы они увидели, как я держу его за руку. Хочу держать его за руку. Хочу, чтобы он любил меня, и когда я плохой, и когда хороший. Хочу. Хочу. Хочу.

Я боялся любви, ведь это значит, что я прошу очень много. Я боялся, что моя жизнь никогда не пересечется с его жизнью. Что я никогда не узнаю о нем всего. Что он никогда не узнает всего обо мне. Что мы будем слушать *истории*, но никогда не узнаем всей правды. «Хватит», — сказал я самому себе. Я должен был сказать это вслух, потому что мне нужно было это услышать.

Я прислушался у двери Райли. Прислушался у двери Ланы. Надеюсь, они сейчас не прислушиваются к шагам Санты. К моим шагам.

Я прошел по коридору, миновал их двери. Увидел впереди комнату Коннора.

Стоя напротив его двери и собираясь войти, я вдруг почувствовал, что в коридоре есть кто-то еще. Обернувшись, я увидел в дверях мать Коннора. Глаза почти закрыты, волосы спутаны. Я увидел ее ночнушку и мне стало грустно и неловко. Она свисала с безжизненного тела, изношенная, слишком длинная. Я не должен был видеть маму Коннора такой — погруженной в темное глубокое забытье.

Я хотел стать для нее таким же призраком, каким она казалась мне. Но не мог спрятаться. Я уже готов был все ей рассказать. Но она заговорила первой.

— Где ты был? — спросила она.

Внезапно я почувствовал, что ни за что не смог бы этого ей объяснить. Я просто не знал правильного ответа.

— Меня здесь нет, — отозвался я.

Она кивнула. Я думал, что будет продолжение, но нет. Она вернулась в комнату, закрыла за собой дверь.

Я знаю, что не должен был этого видеть. И даже если она этого не вспомнит, я буду помнить.

На долю секунды мне стало жаль Санту. Можно только догадываться, что ему довелось повидать в его путешествиях. Хотя он же не знаком со всеми этими людьми. Остается надеяться, что с незнакомцами как-то проще. Не буду ничего рассказывать Коннору. Просто скажу ему «привет» и пожелаю спокойной ночи.

Я пробрался в его комнату и закрыл дверь так тихо, как только мог. Я бы хотел, чтобы он все это время не спал и волновался за меня. И поздравил бы, когда опасность миновала. Но все, что меня ожидало, — лишь его сонное дыхание. В окно падал свет фонаря, подчеркивая темно-синие тени в комнате. Коннор лежал на кровати. Я видел, как поднимается и опускается его грудь. Телефон валялся на полу — выпал из руки. Я знаю — он держал его на случай, если мне вдруг понадобится помощь.

Никогда раньше я не видел, как он спит. Никогда не видел его таким — уплывшим в безопасные дали. Мое сердце тянулось к нему, как к магниту. Я смотрел, как он спит, и чувствовал, что мог бы любить его очень долго.

Но вот он я, стою вне окутывающего его кокона.

Я люблю его, но понимаю, что нахожусь снаружи, я — инородное тело, а не часть его сна. Я здесь, потому что забрался через дымоход, вместо того чтобы постучать в дверь.

Я снял шапку и отцепил бороду. Снял сапоги и отставил в сторону. Отстегнул живот и бросил на пол. Размотал и стянул через голову красные шторы. Снял штаны, почувствовал кожей, какой в комнате холодный воздух. Все это я проделал очень тихо. И только уже почти сложив одежду Санты аккуратной красной стопкой, услышал, как Коннор окликнул меня.

Мне было бы достаточно увидеть тепло в его глазах, когда я подошел ближе. Достаточно видеть его волосы, торчащие во все стороны, его пижамные штаны с ковбоями. Достаточно услышать: черт, не могу поверить, что я уснул. Всего этого было бы достаточно. Но что-то было не так. Я все еще чувствовал, что меня здесь быть не должно.

— Я — самозванец, — прошептал я.

— Да, — прошептал он. — Но ты — правильный самозванец.

Без костюма Санты я дрожал. Без костюма Санты я — это просто я, в доме Коннора в рождественскую полночь. Без костюма Санты я — настоящий, и хочу, чтобы все было по-настоящему.

Так, как есть, или хотя бы так, как будет.

Коннор почувствовал, что я дрожу, и молча укутал нас одеялом. Наш дом в его доме. Наш мир в этом мире.

Снаружи могут быть северные олени, пролетающие мимо луны. Вопросы с неправильными ответами и ложь, которую все-таки лучше произнести вслух. Снаружи может быть холодно. Но я здесь. Я здесь, и он здесь, и все, что нам нужно знать, — что я буду обнимать его, а он будет обнимать меня, пока я не согреюсь и не почувствую себя дома.

Холли Блэк
День Крампуса

Второй ежегодный День Крампуса[18] в Фэйрмонте мало походил на парад, скорее — на нашествие зомби, только нарядились мы в Крампуса — жуткого приятеля Святого Николая. Обычно мы проводили время не в Фэйрмонте. Там было полно чересчур дорогих бутиков, чересчур дорогих кафешек и Академия Моссли, в которой было полно чересчур дорогих придурков.

День Крампуса олицетворял собой все, что в Фэйр монте было не так. Его устраивали с благотворительной целью и раздавали бесплатный горячий шоколад. В общем, превратили в нечто *совершенно противное* настоящему духу Krampuslauf'a — парада чертей, когда нужно до смерти пугать людей, бегать туда-сюда с факелами и плетками, орать на плачущих детей, чтобы потом они вели себя хорошо. Какой горячий шоколад? Какая благотворительность? День Крампуса в Фэйрмонте — наглядный при-

[18] Сноски: 18

Крампус — спутник Св. Николая, его антипод. Является в обличье черта и наказывает непослушных детей.

мер того, что всегда делают богачи вроде Рота. Берут что-то действительно замечательное и выхолащивают, пока оно не превратится в нечто отвратительное.

Конечно, Рот считал всех друзей Пенни невежественными, ничтожными отбросами общества из-за того, что мы ходим в переполненную государственную школу. Но у меня все же хватило ума навести справки о Крампусе. Оказалось, он интересный малый, этот сын Хель[19]. Он старше дьявола, так что если они и кажутся похожими, то это потому, что дьявол перенял стиль Крампуса. Спорим, Рот ничего этого не знает? Уверена, Роту он нравится только потому, что выглядит круто.

Я надеялась, что Пенни поймет: мне, ей и уж тем более Врен тут не место; и тогда мы пойдем домой или устроим праздничный шопинг в хорошем супермаркете, раз уж приехали в такую даль. Но, конечно же, Пенни не поняла. Она тянула шею, высматривая Рота и его *другую* девушку — богачку из Академии Моссли, — в существование которой Пенни не желала верить.

— Отличный шанс все выяснить, — заявила

---

[19] Сноски: 19

Хель — повелительница царства мертвых в скандинавской мифологии.

Пенни, рассказывая о флаере с обведенной датой, который заметила в комнате Рота. — Мы замаскируемся.

Эта часть истории была забавной. Мы сделали рога из папье-маше — нарвали газет и смешали их с мукой и водой. Клейкая жижа налипла на волосы и одежду — и превратилась в шесть милых рожек.

У Пенни они торчали на лбу — острые, шипастые. У Врен получились витые, как у барана. А мои загибались назад, прямо к затылку. Выкрасив рожки в серебристый цвет, а кончики — в красный, мы стали рыться в шкафах в поисках демонической одежды. Я нашла бабушкину странную косматую меховую накидку с капюшоном. Врен раздобыла сумасшедшую пару шипованных туфель на платформе, они выглядели как копыта. А Пенни купила в комиссионном магазине красную венецианскую маску с длинным фаллическим носом, чтобы Рот ее не узнал. Словом, видок у нас был тот еще.

В детстве я не понимала, что эльфы Санта-Клауса вовсе не такие, как в книгах со сказками. Я думала, что на его фабрике игрушек полно фавнов и домовых, леших и троллей, гоблинов и фей. Пока мама была жива, в моих списках

для Санты всегда было много волшебных вещей. Я хотела плащ, чтобы летать. Крошечную куклу, не больше моего пальца и сложенную так же идеально, как живой человек. Когда мамы не стало, я попросила хрустальный шар для гадания, чтобы увидеть в нем маму, волшебный мел, чтобы нарисовать дверь к ней, и волшебное зелье, которое она выпьет и сможет вернуться к нам.

Потом мне объяснили, что эльфы Санты — это вовсе не эльфы, а список нужен для того, чтобы папе и бабушке не приходилось ломать голову, придумывая мне подарок. После этого я стала просить обычные вещи — узкие джинсы, новые кеды и все такое.

* * *

Мы по очереди записались у приятной женщины за стойкой. Я сразу поняла, что наши наряды ее не особенно впечатлили.

— Праздничное поздравление — праздничное избиение! — прокричал какой-то парень в зеленом мохнатом костюме и с рогами из пластиковых стаканов, выкрашенных в черный цвет. Глаза в контактных линзах светились желтым. Он приветствовал нас, подняв тяжелый глиняный кубок, в котором плескался горячий

шоколад.

Похоже, кое-кто из ребят все же в курсе, что нужно пугать людей.

Все мы — Врен, Пенелопа и я — получили номерки, которые дама за стойкой назвала «гоночными бейджиками». Их нужно было прикрепить булавкой к одежде, и едва мы справились с этим, как увидели Рота.

— А вот и он! — сказала Пенни, указывая куда-то поверх очереди за шоколадом.

Рот стоял в компании Крампусов из частной школы. Три девушки в коротких обтягивающих юбках из красного атласа и пластмассовых рожках из магазина костюмов. Плюс большие блестящие накладные ресницы и туфли на высоких каблуках. Два парня сдвинули маски Крампуса на затылок, чтобы можно было пить из белых пластиковых стаканов.

Они казались чистыми и стильными, как это очень хорошо удается богатым детишкам. Как и блондинка, которую обнял Рот. Я тоже блондинка, но я-то крашу волосы краской из магазина. А ее волосы от корней и до самых кончиков были словно пряжа из белого золота.

— Это его девушка? — Врен нахмурилась. — Ты точно сможешь ей наподдать.

— Я не собираюсь *драться* с какой-то девицей из Моссли. — Курчавые черные волосы Пенни шикарным нимбом обрамляли ее лицо, а карнавальная маска придавала грозный вид, но губы в черной помаде дрожали, будто она вот-вот расплачется. — Она даже обо мне не знает. Наверное, думает, что она — его настоящая девушка.

Она, наверное, и была его настоящей девушкой. Той, о которой он рассказывал родителям. Той, которую водил на танцы, угощал пиццей и приглашал куда-нибудь, кроме заднего сиденья своей машины или спальни Пенелопы. Пенни, очевидно, не хотела верить в существование этой девушки и как-то убедила себя, что мы устроили весь этот маскарад и приехали сюда, только чтобы убедиться, что на самом деле повода для беспокойства у нее нет.

Врен пожала плечами.

— Я просто сказала.

Врен росла под присмотром бабушки и дедушки. Она спала у них на раскладном диване, научилась свежевать белок, бить парней коленом в пах так, чтобы у них яйца взрывались, а скрученные ею сигареты были такие же тугие, как магазинные. Поэтому с нами она часто теряла терпение.

— Пойдем возьмем горячего шоколада, — сказала я девчонкам. Моя работа заключалась в том, чтобы быть переговорщиком, «разводилой» и послом у каждой из этих двух «наций». Зато они не называли меня чокнутой, когда я придумывала всякие рога из папье-маше. Временами я, конечно, подумываю бросить эту дело, но… Нет, на самом деле я никогда его не брошу.

— Нет, — всхлипнула Пенни. — Я не хочу, чтобы он нас увидел. А вдруг он меня узнает?

Врен схватила ее за руку.

— Тогда он или представит тебя своим друзьям, или будет неловко топтаться, пока его друзья не представятся нам сами. В любом случае мы его раскрыли. За этим ты сюда и ехала.

Пенни поникла, хотя весь план придумала именно она. Мы с Врен лишь поддерживали ее, чтобы она не вздумала соскочить.

Пока мы пробирались к Роту через толпу, мимо меня прошел парень. На нем был невероятный костюм, лучший из всех, что я видела. Мохнатые легинсы облегали икры, сужаясь к замечательным копытам. Просто потрясающе, совсем как настоящие! Черный килт скрывал границу между шерстью и кожей, а рельефный торс, несмотря на холод, был обнажен. Большие

рога, красивые, как у газели, возвышались над головой. Они выглядели так натурально, что я подумала: «Интересно, он отлил их из полиуретана или просто взял настоящие рога и как-то закрепил на ободке, спрятанном в волосах?» Загорелая кожа блестела темным золотом старой зеркальной рамы, а глаза были подведены черным.

— Обалденно выглядишь, — крикнула я ему, потому что действительно так думала. Если бы все Крампусы были такими, то повсеместно царил бы разврат.

Обернувшись, он наградил меня озорной улыбкой, от которой у меня все сжалось внутри. Он словно явился из другой сказки — гораздо лучше, чем эта. Из той, где нет Рота, рожденного только для того, чтобы быть богатым придурком. Из той, где мы с Пенни и Врен не должны постоянно оставаться реалистами, что бы это ни значило. Нет, парень с козлиными ногами, похоже, немного искажал реальность и делал это самым фантастическим образом.

Врен пришлось волочь меня за собой. Я усмехнулась, увидев, что она затащила-таки нас с Пенни в очередь за горячим шоколадом.

— Вы хуже всех, — сказала Пенни придушен-

ным голосом.

— В смысле, лучше всех, да? — отозвалась Врен, пихнув меня локтем в бок.

— Эй, — крикнула я и помахала Роту. Конечно, я не была уверена, правильно ли поступаю и не получу ли еще один тычок, но решила, что Врен обрадуется любому развитию событий.

Пенни одарила меня злобным взглядом, который из-за маски показался еще страшнее.

На мгновение Рот застыл в замешательстве, но тут же вспомнил, откуда он меня знает, и явно запаниковал. Я месяцами наблюдала, как Пенни из-за него страдает, так что меня это зрелище очень порадовало.

— Не думаю, что я тебя зна… — начал Рот.

— Привет, — перебила его Врен, обращаясь к блондинке. — Ты, наверное, девушка Рота. Он нам столько о тебе рассказывал. Так *много*. Но не переживай, только хорошее!

Девушка улыбнулась, выдав себя с головой. Остальные ребята совершенно не удивились: наверняка их приятель направо и налево рассказывал о том, какая классная у него девушка. Рот заткнулся, заскрежетал зубами и покраснел, как помидор.

Я знала, что Пенелопа собирается улизнуть.

В конце концов, тут ведь проходит *забег*, так что, если она просто рванет куда-то, это не покажется странным. Но я надеялась, что Врен крепко ее держит.

— У нас будет *абсолютно сумасшедшая* новогодняя вечеринка, — продолжала Врен. Никогда не берите ее с собой, если не хотите, чтобы вокруг начался хаос. Она обожает хаос больше всего на свете. — Приходите обязательно. Рот знает, как мы умеем веселиться. Отлично проведете время, я гарантирую. Правда, Рот?

Рот, заикаясь, пробормотал что-то утвердительное. Он знал, что нас сейчас лучше не злить. «Попробуй назвать теперь нас ничтожными отбросами общества, — подумала я. — Двуличный мерзавец».

Была только одна проблема. Мы не собирались устраивать новогоднюю вечеринку. На моей памяти последняя вечеринка, которую устраивал кто-то из нас, включала праздничный торт, свечи и записи Slip 'n Slide.

Но блондинка выглядела заинтересованной. Мы были из города, а для нее это значило, что у нас есть наркотики, выпивка и достаточно места для вечеринки, чтобы не попасть в неприятности. Первый пункт — ерунда. Конечно,

мы *могли* достать наркотики. Любой может, были бы деньги и связи. В Моссли, например, дилеры доставляют наркотики прямо к двери.

А вот насчет остальных двух она была права. Выпивка у нас водилась: старшие братья, сестры и кузены могли купить ее для нас, а еще родители никогда не трудились запирать от нас барные шкафчики. Да и обходилось все это гораздо дешевле наркотиков.

Но главное — у нас была свобода. Немного неуклюжей лжи — и можно не спать всю ночь. Несколько часов, а то и дольше, никто не будет волноваться, где мы и чем занимаемся. Теоретически все студенты Моссли на зимние каникулы уезжали домой, но большинство из них возвращались в первую же неделю января. В конце концов, они ведь почти весь год проводят здесь. А дома? Да кого они там знают?

— Ладно, договорились, — девушка наивно улыбнулась, переводя взгляд с приятелей на Рота, а потом — на нас с Пенни с Врен. — Звучит неплохо.

* * *

Мой отец обожал приносить домой вещи, которые, по его мнению, еще могли на чего-нибудь

сгодиться. Тронутые плесенью книги из местного колледжа, поврежденные спортивные снаряды, старую мебель, выставленную к мусорным бакам. Это из-за него я начиталась всякой ерунды про фей и однажды оставила молоко киснуть на солнце возле бабушкиного трейлера в надежде приманить домового, чтобы тот убрал мою комнату. Так вот, там была еще одна книга — с историями про дьявола.

Эти истории были очень похожи на сказки. Дьявол пакостничал и временно одерживал верх, но в конце его обычно побеждали. В рассказах, где он все-таки утаскивал душу в ад, человек, как правило, этого заслуживал.

Он наказывал непослушных и награждал послушных. Прямо как кое-кто, одетый во все красное. Переставьте буквы в имени С-А-Н-Т-А и получите С-А-Т-А-Н-А.

* * *

Девушку Рота звали Силке. Это северное имя удивительно подходило к светлым, как лед, волосам и голубым, как вода в бассейне, глазам.

Врен вбила ее номер в мой телефон. Рот смотрел на Пенни, как на опасного зверька, который может внезапно укусить. Хорошо бы, если так.

Под маской нос Пенни наверняка распух, а лицо покрылось красными пятнами от слез, но снаружи мы походили на мстительных дьяволиц. Правильно, Рот, бойся нас.

Врен записала адрес, где состоится новогодняя вечеринка: еще не проданный трейлер моей покойной бабушки.

— Врен, — сказала я, пытаясь вмешаться в процесс. Но Врен болтала и болтала, и потом уже поздно было ее останавливать. «В этом-то и проблема, когда начинается хаос в стиле Врен, — напомнила я себе. — Вечно она заварит кашу, а нам потом расхлебывать».

О чем она только думает? И как это поможет Пенни?

Я не могла представить никого из студентов Моссли на стоянке трейлеров, а уж тем более Рота и его друзей. Уверена, именно это и казалось Врен самой крутой частью плана. Она воображала, как Силке на своих высоких каблуках будет ковылять под руку с Ротом среди грузовиков-пикапов и пластиковых оленей. Хотя сам по себе бабушкин трейлер был не таким уж плохим местом для вечеринки. Я могла бы его вычистить, ведь отец всячески пытался от этого увильнуть. Вечеринка — это прикольно.

Только не та, где будет Рот и мажоры из Моссли. Только не та, которую мы не сможем даже выдать за прикольную, потому что само их присутствие будет напоминать нам, что вечеринка — отстой.

Я пристально посмотрела на Врен.

Ее улыбка стала только шире.

— Можешь и его позвать, — Врен повернулась и указала куда-то. Я обернулась и поняла, кого она имеет в виду. Красавчика Крампуса, которого я окликнула некоторое время назад. Он стоял в очереди позади нас, причем достаточно близко, чтобы услышать ее слова. Мои щеки запылали. Наверно, я выглядела так же смешно и нелепо, как Рот. Крампус с блестящей золотом голой грудью кивнул нам, подтверждая: он видит, как мы смотрим на него.

— Придешь на новогоднюю вечеринку? — крикнула я в порыве не свойственной мне храбрости. В конце концов, сейчас только пятое ноября — официальный День Крампуса. Возможно, у него еще нет планов на праздники.

— Всенепременно, — откликнулся он, и от его голоса мурашки пробежали по телу. Казалось, этот голос шел из той самой слегка искаженной реальности.

— И всех своих друзей приводи, — добавила

Пенни, мстительно улыбаясь мне, будто это мы решили гоняться за Ротом в День Крампуса, а не она. Будто что-то пойдет не так, если красавчик Крампус приведет друзей на вечеринку в трейлере. Будто мне есть чего стыдиться.

Через несколько минут мы получили свои стаканы дымящегося шоколада с зефирками и присоединились к параду. Размашисто шагая, мы слушали, как Пенни проклинает нас, Рота и любовь. Пройдя где-то полмили, мы отстали и направились в торговый центр.

* * *

Не то чтобы я не понимала, как можно встречаться с дерьмовым парнем. Я тоже один раз так вляпалась. Его звали Никандро, и он был слишком стар для меня. После разрыва с ним я была в полном раздрае. Вместо того чтобы ходить с кем-нибудь на свидания, я выдумала себе парня с таким же экстравагантным именем.

Иоаким.

Я писала его имя цветными ручками на обложках тетрадей, как будто он был реальным человеком. Так что, да, мне ли не понимать, почему Пенни делала вид, что Рот ее любит. Я тоже делала вид, что мой вымышленный парень ре-

ально существует.

* * *

Мне казалось, что наша новогодняя вечеринка так и не состоится, но я ошибалась. Чем больше времени проходило, тем отчетливей эта идея вырисовывалась у меня в голове. Сначала мы собирались просто заманить к нам Рота и, возможно, даже Силке, но постепенно наша задумка переросла в нечто большее.

Хотя первоначальный план был еще актуален.

— Нет, они придут, — сказала Пен, лежа на полу и просматривая сообщения в телефоне. — Рот поклялся. И еще извинился за то, что не представил меня Силке. Мол, просто очень удивился, увидев нас. Наверное, надо было все-таки предупредить его, что мы придем.

— Так она не его девушка?

Значит, эта жаба снова как-то уболтала Пенни не бросать его.

Пенни вздохнула, протяжно и мучительно.

— Вроде того. Хотя, в общем-то… он никогда не говорил, что у нас особенные отношения.

— Но он же называл *тебя* своей девушкой, — напомнила Врен.

Сидя рядом с осколками разбитого зеркала,

которые я приклеивала на стену, она провела рукой по наполовину выбритой голове, проверяя, насколько отросли волосы.

— Да, но не *единственной,* — слишком быстро выпалила Пенни, видимо, как попугай, пересказывая оправдания Рота. — И в любом случае он обещал бросить ее после праздников. Перед Новым годом. Просто не хотел, чтобы она приехала домой расстроенной. Их родители знакомы.

Врен фыркнула.

— Какая разница. Все равно он врет. Ладно, что у нас с вечеринкой?..

Еще никто из наших знакомых не устраивал такую шикарную новогоднюю вечеринку, как та, которую я задумала. Такую, как в черно-белых фильмах. Такую, где женщины в длинных блестящих серебристых платьях пили шампанское из бокалов и целовались в полночь. Такую, которую я собиралась устроить, несмотря на наши скромные ресурсы и еще более скромный опыт.

— Наверное, такой и должна быть настоящая вечеринка. У кого-то так все и бывает, — сказала Пенелопа, когда я изложила ей свой план.

— У родителей Рота, например, — предположила Врен. — У сенаторов штата. У кинозвезд. У людей, которым дарят машины на Рождество.

Которые проводят Рождество в шале на лыжных курортах. Но не у нас. Нельзя устроить такую вечеринку в трейлере.

— Конечно, можно, — в порыве воодушевления выпалила я. Порой казалось, будто моя настоящая жизнь вот-вот начнется. И в такие моменты мне больше всего хотелось как-нибудь ускорить появление этого нового. Я хотела, чтобы все вдруг стало не таким, как обычно. Хотела изменить реальность. — Не совсем, но… Мы все нарядимся. А вместо лукового соуса сделаем, например, канапе.

Врен рассмеялась.

— Канапе? Это что еще за чертовщина?

— Их едят руками, — поясняла я. — Такие штучки с начинкой сверху. Если вы собираетесь устроить вечеринку в доме моей покойной бабушки, то только такую, где мы в красивых нарядах будем пить из настоящих бокалов. Никаких пластиковых стаканчиков, пачек с чипсами или рваных футболок. Все должно быть красиво. Или я выхожу из игры.

Девочки согласились. И, как я позже поняла, это значило, что мне придется не только стащить ключи от трейлера, но и, собственно, организовать вечеринку, достойную моей грандиозной

речи. Когда я добровольно вызвалась вычистить бабушкин трейлер, отец взглянул на меня так, будто сразу понял, что у меня на уме. Но все равно разрешил.

— Там скопилось много барахла, — сказал он, не отрываясь от телевизора, где шел детективный сериал. На животе у отца покачивалась большая кружка чая.

— Но попадаются и хорошие вещи, — добавила моя мачеха Анна. Она сидела на диване, а Леди, наш питбуль, лежала рядом, пристроив свою квадратную голову у нее на коленях. — Не выбрасывай их, ладно? Можно будет потом устроить гаражную распродажу.

— Ты не станешь устраивать гаражную распродажу, — отрезал отец. — Все это просто сгниет у нас в подвале.

Леди моргнула, встрепенувшись, и тревожно гавкнула.

— Можно выбрать вещи получше, — продолжала Анна. Они с отцом прожили вместе слишком долго, чтобы она обращала внимание на его настроение. — И продать их в интернете.

— О, да. И кто же будет раскладывать их по коробкам? — отец взмахнул руками, едва не расплескав чай. — Кто потащит их на почту?

Уж точно не ты!

О моей вечеринке все уже забыли, и я выскочила из дома с ключами и без особых указаний. Забравшись в трейлер, я уселась на потертый вельветовый диван и задумалась. Бабушка любила выпить, покурить и рассказать пару историй о том, как работала медсестрой в больнице и попадала в безумные передряги, прежде чем вышла замуж за дедушку. Надеюсь, если ее душа витает над этим местом, то наша вечеринка ей понравится.

Отец всегда говорил, что я хороший ребенок с живым воображением, но все-таки немного не от мира сего. А мачеха упрекала его: мол, нельзя так, это плохо скажется на моей самооценке.

Когда он только женился на Анне, я поначалу не знала, как все обернется. Но мачеха оказалась милой, нормальной женщиной, совсем не такой, как мама. Та постоянно приходила в ярость, швырялась вещами, а потом и вовсе сбежала куда-то в Нью-Мехико после каких-то махинаций с кредитной картой. На наше первое Рождество Анна сшила мне крошечную тряпичную куклу с тонкими волосами из шелковых нитей. Наверное, отец рассказал ей о моих старых списках для Санты.

Я не знала об этом и заплакала, когда увидела куклу. Я была уже слишком взрослой для нее, но это было не важно. Куклу я все время носила с собой, в сумке, пока она не стала совсем грязной от шариковых ручек и липкой от конфет. Тогда пришлось отправить ее на пенсию, на книжную полку в моей комнате. Несколько месяцев после этого Рождества я делала вид, что Анна — моя настоящая мама.

Наверное, так у меня и появилась идея притвориться, что Иоаким существует.

* * *

Повсюду лежали вещи, аккуратно сложенные в стопки. И выглядели аккуратно, пока я не начала их разбирать. Коробки из-под обуви, засунутые под кровать. Шкаф, переполненный одеждой. Комод, забитый настолько, что ящики не выдвигались. Застекленный шкафчик с двумя наборами тарелок и кучей стеклянной посуды, которой, казалось, не было конца. Железная миска, в которую бабушка разрешала наливать молоко для фей (она их называла по-сицилийски: *donas de fuera*). Стеклянный террариум, заставленный кактусами, мраморными статуэтками и моими старыми фигурками из «Звездных

войн». Тарелка Санта-Клауса для печенья. Десятки салфеток, кухонных и банных полотенец. Шкатулки с бижутерией, коробки с праздничными украшениями, всевозможными свечами, которым был уже не один десяток лет, и множеством керамических фигурок.

Настоящая пещера с сокровищами.

Я откопала кулинарные книги шестидесятых-семидесятых годов с иллюстрациями, на которых люди сидели перед подносами с крекерами и горшочками с фондю. Нашла бокалы для шампанского, стаканы для виски, аперитива и коктейлей. Длинные блестящие платья — серебристые, розовые, золотые — и туфли к ним. Ожерелье из горного хрусталя и даже полбутылки скотча.

Потом пришла Врен со своим другом Ахметом, и мы славно потрудились, избавившись от того, что было не нужно для вечеринки. Отцу я оставила старые фотографии, Анне — фарфоровые сервизы и часть украшений, а себе взяла несколько нарядов. Большой деревянный шкаф мы сдали в комиссионный магазин и получили взамен еще немного посуды и небольшое ведерко для льда. А потом выкинули кучу ночных рубашек, полотенец и поздравительных открыток.

И тогда я стала составлять конкретный план.

Нужна еда.

Нужна выпивка.

Нужна музыка.

Нужно украсить трейлер внутри.

Нужны гости.

Я позаимствовала у отца карту супермаркета «Костко», мы опустошили свои рождественские копилки и купили целый круг сыра бри, еще кусок чеддера, несколько кисточек винограда и маленькие пирожки для запекания в духовке. Еще у нас были чипсы, крекеры, хумус и соус сальса, а также еще кока-кола в стеклянных бутылках. Конечно, это были не совсем канапе моей мечты, но я прикинула, что в готовом виде на подносах в окружении винограда все будет выглядеть очень даже неплохо.

Потом мы договорились о напитках. Кузену Пенелопы мы приплатим, чтобы он купил нам выпивку. Я сделаю много пунша с водкой в бабушкиной чаше для пунша. А еще, надеюсь, нам удастся скинуться и достать несколько бутылок шампанского «Korbel», еще парочку «André» и ящик самого дешевого пива. Да, я в курсе, что в Моссли наверняка хлещут крутейшее шампанское, доставленное прямиком

из французской провинции Шампань. Но как бы я ни старалась сделать вечеринку как можно изысканнее и сколько бы ни читала о роскоши, я понимала, что нашего бюджета хватит максимум на «Korbel».

Этого должно быть достаточно.

Ахмет согласился составить плейлист на своем телефоне и подключить его к древней музыкальной системе моей бабушки. Мы разослали приглашения нашим школьным приятелям. Врен даже спросила парня из местной кофейни, который ей нравился, не придет ли он? Он сказал, что собирается на другую вечеринку, но постарается заглянуть. И с тех пор она делала вид, что и думать о нем забыла.

Затем мы приступили к украшению трейлера. Перебрав кучу рождественских украшений, я остановилась на гирляндах из «волшебных огней». Вместе с Врен и Пенни мы развесили их под потолком и на деревьях во дворе. Вставили свечи в серебряные подсвечники в форме снежинок, накрыли мебель белой тканью и до блеска отдраили подносы.

На то, чтобы привести трейлер в порядок, ушло целых полторы недели. Иногда я оставалась там на ночь, растянувшись на шершавых

бабушкиных простынях и укутав ноги шерстяным одеялом с яркими узорами. Думала: может, увижу ее во сне? Но мне приснился сияющий золотом Крампус. Во сне он плетью содрал с меня кожу, и оказалось, что я сделана из спрессованного стекла, как один из красивых бабушкиных подносов. Потом стекло треснуло и рассыпалось острыми ледяными осколками. Они растаяли от горящего факела, обнажив мою подлинную сущность — ту, которую прежде не видел никто и никогда.

– *Ты создала меня*, — сказал Крампус. Его яркие глаза жарко горели, словно угли. — *Но однажды творение может вырваться из-под власти создателя.*

Беззащитная и дрожащая, я стояла, собираясь умолять его. О чем? Не терзать меня или, может быть, терзать еще больше? Не знаю… Тут я проснулась в холодном поту.

После этого я старалась спать поменьше. Да и работы опять же предстояло немало.

В ночь накануне Нового года я занялась внешним оформлением трейлера. Расставила садовые стулья вокруг уличного столика и поставила еще несколько свечей, обозначив зону для курящих. Украсила деревья серебряными елочными шара-

ми на рыболовной леске. А потом отошла назад и осмотрелась. Это было очень красиво. Все мерцало. Просто волшебно!

Еще одним трофеем, с которым отец вернулся после очередного набега на барахолку, стала книга оккультиста Алистера Кроули «Магия». И я твердо запомнила его определение магии: «Наука и Искусство вызывать Изменение, совершающееся в соответствии с Желанием». Моя воля превратила желание в реальность. На мгновение я почувствовала себя волшебником.

А потом я попыталась увидеть все это глазами Рота и Силке, глазами мажоров в красивой и, разумеется, дорогой одежде. Старый унылый трейлер, обвешанный дешевыми гирляндами.

— Они не придут, — сказала я. — Ты же это понимаешь, да?

— Что?

Врен сидела в дверях, пытаясь втиснуть ноги в узкие серебряные лодочки, позаимствованные у Пенелопы. Она никогда не носила туфли на каблуках.

— Ребята из Моссли. Зачем Роту приводить сюда друзей и Силке? Он ведь понимает, что, если обе его девушки окажутся в одном месте, произойдет катастрофа? Понимает. Да и зачем

Силке приходить на парковку трейлеров? А что если остальные гости тоже не придут? Что если на вечеринке не будет никого, кроме нас?

— Ну, значит, налопаемся, — заключила Врен. — Просто до отвала.

Я со вздохом рухнула на садовый стул.

— Будем есть все эти пирожки сами. И плакать.

Мы с Врен дружим уже много лет, с тех пор как встретились в грязном пруду, который у нас в городе почему-то называют купальней. Она пыталась утопить нравившегося ей мальчика и получила трепку от его матери. А мы с Пенни соврали, что мальчик начал первым. Тогда-то и возникла эта схема: если одна из нас попадала в неприятности, две другие вытаскивали ее из них.

Несмотря на то что с Пенни мы знакомы дольше, именно Врен знала мой самый глупый секрет. Когда Врен выяснила правду о вымышленном парне, мне пришлось разыграть для Пенни поддельный разрыв отношений с поддельными смсками и всем прочим, чтобы Пенни не догадалась. Ведь если бы они обе узнали, то нам пришлось бы обсудить это втроем.

Очень жаль. Вымышленный парень оказался

лучше всех моих настоящих.

* * *

Имя Иоаким я увидела на сайте, куда случайно забрела, когда искала значение собственного имени. Оно все крутилось и крутилось у меня в голове, пока я не начала произносить его вслух, утверждая, что так зовут парня, который мне нравился и которого никогда не существовало. А потом просто приукрасила эту ложь. Я выдумала подробности из жизни Иоакима, сочинила историю о том, как мы познакомились в интернете и теперь он собирается приехать ко мне летом. Я посылала сама себе длинные электронные письма, полные планов на будущее, нежных прозвищ для нас обоих и цитат из любимых фильмов и книг. А потом показывала эти сообщения знакомым, выдавая за настоящие. Словом, я создала Иоакима — человека, который меня действительно понимал. И — странное дело — порой казалось, что он знает меня лучше, чем я сама.

Моими руками он писал: нужно только верить, что мир неоднозначен. В нем достаточно места для множества разных историй и неожиданностей. Но я не знала, стоит ли верить. Ведь я

понимала, что говорю сама с собой.

После разоблачения и «расставания» с Иоакимом я так долго ревела в подушку, что на следующий день пришла в школу с опухшим лицом. Пенни выскочила во время обеда и вернулась, принеся соболезнования в виде мокка фрапучино. А Врен, зная, что и разрыв, и парень были ненастоящими, весь день поражалась моим актерским способностям.

Несколько дней спустя я никак не могла уснуть вечером. Выйдя на крыльцо, я уселась на ступеньки. Глядя вверх на огни уличных фонарей, вокруг которых вились мотыльки, и, дрожа от ветра, я пожелала, чтобы звезды, или эльфы Санта-Клауса, или сам Сатана принесли мне кого-нибудь такого, как Иоаким. Или хотя бы дали мне знак, что мир достаточно велик и полон неожиданностей, чтобы в нем был кто-то вроде него. Тогда я буду вести себя так хорошо или так плохо, как только нужно, чтобы заслужить это.

* * *

— Давай напишем Силке, — предложила Врен, вытаскивая телефон. Через несколько минут она ухмыльнулась.

— Что?

— Ты была совершенно права. Он сказал своим друзьям, что вечеринку отменили. А я ей написала, что Рот — кусок дерьма, что он ей изменяет и что она все равно должна прийти. Потому что мы можем это доказать.

— Неужели? — спросила я.

— Силке ответила, — вскинула брови Врен. — Она в бешенстве. Но если она придет, мы выложим ей все в красках.

Я застонала:

— Пенни нас не простит…

Врен перебила меня:

— Если мы хотим, чтобы Пен бросила Рота, нам придется ей доказать, что он — крыса. А теперь нужно доказать это еще и Силке.

— Мы ничего не сможем поделать с чувствами Пен. Мы же ее друзья. Мы должны просто закатывать глаза и поддерживать ее, верно?

— Ну, у *меня* есть план, — произнесла Врен, посмотрев на меня так, будто я немного тормозила. — Думаю, можно хорошенько напоить Рота и заставить его признаться, какой он ублюдок. А если это не сработает — устроим ему темную в туалете, будем бить, пока не скажет правду.

Мне захотелось отобрать у нее телефон и заглянуть в их переписку с Силке.

— Это ужасный план. Пожалуй, худший из всех, какие у тебя были.

Врен пожала плечами.

— Я просто думаю, что он в конце концов сознается. Хотя, возможно, кому-нибудь приспичит в туалет раньше, чем он это сделает.

Вообще-то, Врен неплохо разбиралась в людях. Ее предположения частенько подтверждались. Но на этот раз я не была так уж уверена.

— Ладно, не важно, — сказала она, вставая и пошатываясь в чужих туфлях. — Придет он или нет, нам нужен новый план. Причем такой, чтобы в итоге Силке и Пен сравнили свои заметки и увидели, что он водит их за нос.

Вот тогда я пожалела, что нельзя все отменить. Я пахала как проклятая, потратила кучу денег — и вдруг поняла, что это кончится катастрофой. Но теперь оставалось только идти домой, распластаться на кровати и пообещать себе больше никогда-никогда не устраивать вечеринки. Как бы мне ни захотелось поесть канапе и закуски из свежих овощей.

Отец был прав. Пора обуздать свое воображение.

* * *

На следующий день я выползла из кровати, приняла очень горячий душ и стала готовиться к вечеринке. Надела один из бабушкиных нарядов — коктейльное платье в пол из блестящей серебристо-черной полупрозрачной ткани с широкими длинными рукавами, тяжелыми манжетами и вырезом на груди. И кеды: сделать предстояло еще немало. Потом, не без помощи видеоурока на YouTube, я попыталась заколоть волосы, но поторопилась, и прическа вышла не такой, как я хотела. Зато макияж «смоуки айз» получился отлично, а с губами я провернула ту штуку, когда сначала наносишь пудру — и помада якобы держится вечно.

Потом я сказала отцу, что останусь ночевать у Пенелопы, и отправилась сначала за льдом, чтобы насыпать в ванну, где будут охлаждаться кола, пиво и шампанское, а затем — готовить алкогольный пунш.

— Если нужно будет куда-нибудь подвезти — дай нам знать. Мы с Анни не ляжем спать, пока новогодний шар не опустится на Таймс-сквер, — крикнул отец мне вслед, ставя на пол миску с едой для Леди, в нетерпении вертевшейся

под ногами на кухне.

Мы ничего не успевали. В прошлый раз Ахмет быстро подключил свой телефон к стерео, а вот именно перед Новым годом провозился целый час — и это при том, что он и так опоздал на три часа. Кузен Пенелопы явился без выпивки и потребовал заново выдать список и еще двадцать баксов в придачу. Врен пришла в спортивных штанах, чтобы сразу приступить к работе. Зато потом она взяла длиннющий перерыв, включавший в себя укладку «от Пенни» в бабушкиной ванной. Так что часа два подруги мне толком не помогали. Закончив возиться с электроникой, Ахмет уселся на диване и с таким энтузиазмом принялся лопать крекеры и сыр, что я забеспокоилась, останется ли что-нибудь к началу вечеринки (сыр точно бы не закончился, а вот насчет крекеров я была не уверена). Когда появились первые гости, у меня уже слезы наворачивались на глаза. Поприветствовав Сэнди, Джен и Ксавьера, я предложила им еду, а потом пошла в спальню в задней части трейлера, захлопнула ногой дверь и рухнула на кровать.

Простыни пахли так же, как бабушка: выветрившимися розовыми духами, лекарством и пылью. Словно она высохла и осыпалась,

а не умерла от рака. Музыка Ахмета доносилась сквозь стену, призывая вернуться к гостям.

Но я никуда не пошла.

Послышался стук в дверь. Не дождавшись ответа, в комнату зашла Пенни с двумя бокалами шампанского. На ней было золотистое платье-футляр, расшитое пайетками. Ее глаза выглядели потрясающе: золотые ресницы, золотая пудра и жидкие золотистые тени.

— Я тут, — сказала я и повернулась к ней. — Просто отдыхаю.

Пенни присела на краешек и протянула мне бокал.

— Я добавила сюда водки. Она пробуждает шампанское.

Я сделала большой глоток, и пузырьки тут же начали щипать язык. Водка прорезалась сквозь дешевую сладость «André». Не знаю, проснулось ли шампанское, но *меня* оно точно разбудило. Впервые за весь день во мне родилось мечтательное чувство ожидания. Предчувствие, которое охватывает тебя, когда приходишь на вечеринку. Предчувствие, что реальность вот-вот растает, словно помадка, и все вдруг изменится, и что угодно станет возможным.

— Спасибо, — сказала я.

— Думаю, нам надо поставить перед собой задачу: сделать так, чтобы сегодня ты влюбилась, — сказала Пенни, изящно отпив из своего бокала. — Я собираюсь найти кого-нибудь, в кого ты влюбишься.

— А мне нельзя самой выбрать? — спросила я.

— Выбирает судьба, — отрезала Пенни. — Жестокая судьба. Но не повторяй моих ошибок. Не довольствуйся малым. Не понижай планку.

— Что ты имеешь в виду? — я залпом допила шампанское и встала.

— Ничего, — ответила Пенни. — Новый год, новая я. Все кончено. Я уже забыла его.

— Ну да, — я улыбнулась, потому что мы уже слышали это раньше. И не раз.

— Новый год, новая я. — Она тоже осушила бокал. — Знаешь, ты ведь отлично тут все устроила. Это первая шикарная новогодняя вечеринка в моей жизни. И сделала это ты. Ура! Так что давай вставай и наслаждайся.

Я встала. Гостей уже прибавилось. Все были одеты по высшему разряду и пришли не с пустыми руками. Они принесли яркую и разноцветную домашнюю водку Skittles, загадочный шоколадный пирог, шампанское — персиковое и розовое, и полбутылки бурбона. Девушки были в шикар-

ных платьях, а парни — в рубашках, застегнутых на все пуговицы. Некоторые даже при галстуках-бабочках. Оскар сделал себе розовый ирокез и надел розовые ботинки. Марк пришел в кожаном жилете поверх белоснежной рубашки, которая выглядела так, будто ее даже погладили. Все сияло в отблесках свечей.

Врен и парень из кофейни присосались друг другу на кухне. Видимо, он все-таки решил пожертвовать своими планами.

Словом, все отлично проводили время. И если чуть прищуриться, то все выглядело так же прекрасно, как я и представляла. Подойдя к барному столику, я снова наполнила бокал водкой с шампанским. Уголки губ на моем лице были приподняты в улыбке.

Еще несколько школьных друзей зашли в трейлер, смеясь. Они принесли шампанское «Prosecco» и блестящие шляпы для вечеринок. Все шло как по маслу, просто отлично. Пенни поделилась грязной историей об одном из своих кузенов. Подруга Марка рассказала, как пошла на свидание с парнем, который на сайте знакомств написал, что он страховой агент, а на самом деле оказался проповедником. Он пытался шутить, утверждая, что впаривать религию

и торговать страховками — почти одно и то же. Я вспомнила историю об одном вечере накануне Рождества, когда моя тетя так напилась, что описалась в кровати. В моей кровати, когда я там спала! Все вскрикнули от ужаса.

Потом мы несколько раз сыграли в «Я никогда не», и когда кто-то сказал: «Я никогда не думал о том, чтобы замутить с кем-нибудь на этой вечеринке», — многим пришлось выпить.

К тому времени, как приехала Силке, я уже подумала, что никто из Моссли не объявится, и успокоилась. Но тут дверь открылась, и вошла она — в коротком серебристом платье, дрожащая и совершенно растерянная от того, что оказалась в трейлере. За ней вошел Рот, а за ним — еще трое: два парня и девушка, которая выглядела расстроенной. Все, кроме этой девушки, казались пьяными.

— И это вы называете вечеринкой? — презрительно фыркнул Рот. Его глаза блестели, волосы были взъерошены, щеки покраснели от холода и распиравшего его веселья.

— А ты кто вообще такой? — возмутился Марк, пересекая комнату. Марк был большим парнем с длинными волосами, легким намеком на щетину и мягким, глубоким голосом. Однажды после

того, как я вывихнула лодыжку в гостях у нашего общего друга, он отнес меня домой на руках, как супергерой.

Бить богатых детишек, конечно, плохая идея, но в глубине души я надеялась, что он это сделает.

— Все хорошо, — выпалила Пенни, схватив его за руку. — Мы их пригласили.

Я осмотрелась в поисках Врен, но она ускользнула в заднюю комнату вместе со своим парнем из кофейни.

— Может, выпьете чего-нибудь? — предложила я, но прозвучало это совершенно неискренне.

— Думаю, нет, — пренебрежительно бросил Рот, поворачиваясь ко мне. — Это ты писала всякую чушь моей девушке?

— Чушь? — хмыкнула я. Пенни застыла как вкопанная. Как будто знала, что случится дальше; знала, что больше не сможет притворяться. Попятившись, она тяжело опустилась на подлокотник бабушкиного дивана. Казалось, она даже не злится на нас, хотя наверняка догадалась, что это мы заварили всю кашу.

Разговоры стихли. Снаружи завыла сирена. Музыка все еще играла в колонках, но недостаточно громко.

— Это с тобой он спит? — спросила меня Силке, и я увидела, что глаза у нее покраснели, как будто от слез. Потом она посмотрела на Пенни и, похоже, сразу все поняла. — Или с…

— А если и со мной, то что? — встряла я, ведь это было бы слишком: стравливать ее с Силке сразу после того, как Рот разбил ей сердце. — Ты же знаешь, что он тебе изменял, даже если говорит, что нет. А вот то, чего ты не знаешь: на самом деле он изменял *с тобой*. Ты — вторая женщина.

Силке повернулась к Роту.

— Она была *твоей девушкой*?

— Нет! Ты с ума сошла? Я же тебе *говорил*. Я привел тебя сюда, чтобы ты увидела, какие они жалкие. Чтобы ты поняла, что они врут. Может, денег хотят, не знаю… Это же просто мусор, отбросы на трейлерной парковке. Переспать с одной из этих девчонок — хуже, чем по трущобам лазить. Или в канализации плавать. Потом от вони не избавишься.

Услышав это, его друзья захохотали. Но больше никто даже не улыбнулся. Только Оскар хрустнул костяшками пальцев. Силке, похоже, стало неловко.

Я вытащила телефон из кармана. Конечно, до Врен мне далеко, но алкоголь гулял по венам,

и я чувствовала, что должна что-то сделать.

— У меня тут есть фото, где Рот…

— Ничего у тебя нет, — Рот попытался отобрать телефон. — Дай сюда.

На самом деле у меня не было фото, где они с Пенни вместе, но Рот этого не знал. Он бросился на меня. Увернувшись, я бросила телефон на диван, и тут Рот так выкрутил мне запястье, что я вскрикнула.

Дальше все произошло очень быстро. Врен выскочила из спальни в одном нижнем белье. Марк попытался вклиниться между мной и Ротом. Один из друзей Рота попытался помешать Марку. Оскар кого-то ударил. Я оказалась на полу. Парни били друг друга кулаками, Врен колотила кого-то по голове лампой, и все кричали.

Именно тогда Рот пнул стол с пуншем. Ножка хрустнула, чаша перевернулась, и волна замороженной клубники вперемешку с выпивкой хлынула на еду, заливая сыр и крекеры, хумус и луковый соус, размачивая пирожки. Разрушая все.

Я заорала во весь голос. Намного громче, чем когда мне выкрутили руку. Я кричала так громко, что Марк выпустил Рота, у которого был разбит нос. Повернувшись, Рот увидел мое

полное ужаса лицо. Думаю, только тогда он осознал, как я расстроилась из-за испорченной вечеринки. Его улыбка была самодовольной и омерзительной.

Мне захотелось выцарапать ему глаза. Спрятаться в спальне. Выйти на улицу и сидеть на холоде, пока не замерзну. Мне хотелось сделать все это одновременно, но я не сделала ничего. Просто стояла там и чувствовала, как глаза наливаются слезами, а улыбка Рота тем временем превращалась в смех.

И тогда дверь распахнулась снова, впуская холодный ветер, который задул свечи.

На пороге стоял золотой красавчик с козлиными ногами. Должно быть, он неправильно понял, какая у нас будет вечеринка, потому что нарядился в вариацию костюма на День Крампуса. На козлиные ноги он надел бриджи до колена с крошечными серебряными пуговицами вдоль отворотов, а сверху — зеленую парчовую куртку в тон, прошитую серебряной нитью. Два его спутника тоже были в карнавальных нарядах. Девушка — в белом платье с одним рукавом, обшитом блестящими кристаллами, а парень — в черном шерстяном костюме начала XX века. Из-под его длинных светлых волос выглядывали

искусственные эльфийские уши.

Рот и его друзья, казалось, опешили при виде таких гостей. Но не они сейчас со слезами на глазах смотрели на разоренный стол.

— Мы пришли с подарками, — сказал парень с копытами. Блондин сунул руку в карман, достал бутылку с прозрачным напитком и вытащил пробку зубами. — Я принес вам праздничное веселье.

— Вы что, серьезно? — спросил один из мажоров Моссли.

Рот хмыкнул, все еще нарываясь на драку. Силке попятилась в сторону кухни. Наши друзья решили приготовиться на случай, если Рот и ребята из Моссли снова захотят помахать кулаками. Я попыталась пробраться к месту, где оставила бабушкин веник. Если Рот решит еще что-нибудь натворить — двину ему по башке.

— У меня тоже есть подарок, — сказала девушка. Достав из-за корсажа изогнутый кинжал, она сделала шаг вперед и, прежде чем кто-нибудь успел что-то сделать, приставила его к горлу Рота. Тот вытаращил глаза. Уверена, никто еще не приставлял оружие к его шее, и уж тем более девушка. — Насколько я поняла, этот юноша доставил вам проблемы.

— Это что, ограбление? — спросила темноволосая девушка из Моссли. — Серьезно? В таких костюмах?

Парень с козлиными ногами рассмеялся.

Блондин с эльфийскими ушами посмотрел на меня, потом на Пенелопу, Силке и, наконец, на Рота.

— Какой же будет его судьба?

Отставив метлу, я шагнула к Роту и девушке в белом.

— Не навреди ему. Я понимаю твой порыв, но он подаст в суд.

– *Кто* вы такие? — с трепетом в голосе спросила Пенни.

— Я — Иоаким, — ответил красавчик Крампус. — А это мои спутники, Гризельда и Исидор.

Брови Врен поднялись так высоко, что, казалось, вот-вот исчезнут со лба. — Я думала, он…

Пенни посмотрела на меня.

— Так *это* — Иоаким?

Но, конечно, это был не он. Он не мог быть им. Иоаким не мог быть никем. Его не существовало.

— Так что прикажете сделать с ним? — спросила Гризельда. — Я бы хотела, чтобы мой подарок пришелся вам по нраву.

Силке вышла из кухни, будто ее тянуло в ком-

нату наперекор здравому смыслу.

— Я хочу, чтобы он был наказан, — она повернулась к Пенни. — А ты разве нет?

Пенелопа подошла к Роту. Чем ближе она подходила, тем шире распахивались его глаза. И тогда я поняла, о чем она думает. Она может его спасти, и тогда он останется у нее в долгу. Пенни может доказать, что она лучше его второй девушки, лучше него самого. Но потом Рот все равно ее бросит, и она почувствует себя еще большей дурой.

Но при этом все равно будет лучше, чем он.

— Я не хочу ему навредить, — сказала Пенни, взглянув на меня. Она сомневалась. — Но я хочу, чтобы он был наказан. Ты нарядилась, как на День Крампуса, да? Так накажи его, как Крампус.

В Рождество все должны делать друг другу добро, прощать и все такое. Но главный смысл Рождества — в *подарках*. В реальном мире Санта несправедлив. Богатые детки получают все, а бедным достается второсортное дерьмо, которое могут себе позволить их родители, вкалывая с утра до вечера. Ведь даже за то, чтобы посидеть у Санты на коленях, приходится платить.

Зато Крампус вершит правосудие. Если плохо

себя ведешь — получаешь большую тарелку дымящихся горячих углей. Тебя до крови хлещут розгами. Заковывают в кандалы и тащат вилами из бассейна с чернилами. Таков истинный дух Крампуса. Он может сколько угодно прятаться под маской хипстерской благотворительности, но в глубине всегда таится правосудие. И в этом — его притягательность.

— Легко, — сказала Гризельда. — Парень, ты вел себя, как осел, и потому, пока эти две дамы тебя не простят, будешь выглядеть вот так…

Она потянулась губами к щеке Рота и запечатлела поцелуй, не убирая кинжала от его шеи. Когда Гризельда отстранилась, Рот начал изменяться. На лице проросли серые бакенбарды. Шея удлинилась, нос расширился и вытянулся. Голова Рота превращалась в голову животного.

Да, я мечтала о волшебстве, мечтала прогнуть реальность. Но теперь, глядя на то, что происходит, я спрашивала себя: а что, если реальность согнется настолько, что сломается?

Друзья Рота переглянулись, потом посмотрели на нас с Гризельдой, будто пытаясь понять, кто и чем их напоил. Но мы все с одинаковым изумлением наблюдали за происходящим.

Рот закричал по-ослиному, когда Гризельда

убирала нож. Спотыкаясь, он направился к своим друзьям, но те заорали и рванули к двери трейлера. Силке придвинулась ближе к Пенни, которая, похоже, была напугана не меньше моего.

Иоаким обнял Рота. В его глазах плясали лукавые искорки.

— Ой, да брось, не все так плохо. У тебя отличная шерсть и прекрасный нос. Намного лучше предыдущего. Готов поспорить, такая судьба тебе вскоре понравится.

Оскар с интересом потянулся к одному из дергающихся ослиных ушей, а когда Рот отпрянул, захохотал.

— Блин, прямо как в «Гарри Поттере»!

— Это невозможно, — сказала Врен, хохоча. Она все еще стояла в лифчике и трусиках, уперев одну руку в бок, будто сошла с пин-ап открытки сороковых годов. — Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Но это было возможно. И мы были достаточно пьяны, чтобы повестись на это. В голове проносились мысли о том, что, если теперь у Рота и правда ослиная голова, значит, волшебство существует. И козлиные ноги Иоакима, наверное, не часть костюма. И когда я оставляла молоко для фей, наверное, нужно было мыть миску

каждый раз. Загнав эти мысли на задворки сознания, я занялась восстановлением праздничного стола. Нельзя же было просто стоять и беситься до конца своих дней. Друзья помогли вытереть разлитый пунш. Я промыла сыр, сняла верхний слой хумуса. На кухне обнаружились небольшие запасы чипсов, и я наполнила ими миски. Большинство бутылок остались целы. Некоторые закуски уже было не спасти, но учитывая, что магия оказалась реальной и волшебные существа пожаловали к нам в гости, я все равно была готова считать вечеринку успешной.

Исидор перелил прозрачную жидкость из своей бутылки в бокалы для аперитива, стоявшие на стойке в бабушкиной кухне. Напиток, отдававший чабрецом и тмином, обжигал горло. Гризельда научила нас застольной песне, и мы принялись горланить, танцевать, крутиться и скакать по мебели.

Кто-то нашел яблоко, чтобы покормить Рота.

Около полуночи мы включили канал MTV, где показывали, как новогодний шар опускается на Таймс-сквер, и стали считать вместе со всеми.

Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один!

Мы завизжали и стали дудеть в бумажные ду-

делки, обниматься и целоваться. Все горланили «За дружбу прежних дней», а Исидор пел строки, которых я не знала: «С тобой топтали мы вдвоем траву родных полей. По кружке старого вина — за дружбу прежних дней». А потом я очутилась в коридоре, целуя Иоакима — парня, которого я почти не знала; парня с именем, которое я выдумала; парня, который мог оказаться демоном, духом или опасной галлюцинацией.

В голове все поплыло. Вплетаясь пальцами ему в волосы, я прижала его к стене. Он ловил ртом воздух, а я, притягивая его губы к своим, понятия не имела, что творю.

Потом Ахмет сменил плейлист на более громкий, безумный и полуночный, и мы снова пустились в пляс. Мы танцевали и пили, пили и танцевали, пока музыка не закончилась, а Ахмет не уснул под столом, обнимая Гризельду.

В пять утра я очнулась на улице, скрючившись на стуле и кутаясь в побитое молью шерстяное пальто из бабушкиного чулана. Солнце начало согревать замерзший горизонт, его луч упал в стоящий на столе бокал коричного шнапса, и на просвет он стал такого же цвета, как нос олененка Рудольфа.

Иоаким курил табак из луговых трав. Он нашел

где-то бутылочку с мыльными пузырями, и теперь наполнял дымом хрупкие переливающиеся шары и улыбался, глядя, как они уплывают навстречу рассвету.

Он был так красив, что это даже раздражало. Мне всегда нравились обычные парни: плотные и долговязые, с плохими стрижками и едва пробившимися усиками, с кривыми зубами и прыщавой кожей. Наверно, никто в это не поверит, но неприкрытая сексуальность Иоакима меня как-то смущала. Он был как картина, которую хочется сжечь, чтобы только перестать на нее пялиться. Медно-золотые волосы и медно-золотые глаза. Вьющиеся волосы. Он выглядел, как экспонат в музее, на который можно смотреть, но прикоснуться к нему нельзя.

Я помнила медленное движение наших теплых губ.

— Почему *Иоаким*? — спросила я.

Он посмотрел на меня немного пьяным и слегка озадаченным взглядом. Я обрадовалась, что, кем бы он ни был и как бы ни выглядел, он тоже мог напиться в хлам на Новый год.

— Я имею в виду твое имя, — пояснила я.

Он рассмеялся, откинув голову.

— Ты же заключила договор со вселенной,

помнишь?

От этих слов по спине у меня пробежала дрожь. Я даже не помнила, что именно я сказала или обещала, но я знала, что сделала это.

— И вселенная меня услышала?

— Не-а. — Мыльный пузырь у него над головой лопнул, создав сверхновую звезду из дыма, которую тут же развеяло ветром. — Зато *я* услышал. Многие существа слышат такие опрометчивые предложения.

— И что ты хочешь?.. — я застыла в тревоге, пытаясь собраться с мыслями, хотя они и были затуманены алкоголем.

Иоаким помотал головой, легкомысленно улыбаясь.

— Ничего. Просто вспомнил это имя, когда увидел тебя в День Крампуса. У нас, в отличие от вас, нет постоянных имен. Исидора и Гризельду по-разному называли раньше, по-разному будут называть и впредь. Имена к нам почему-то не пристают. Но мне нравится, как звучит «Иоаким», и я знаю, что тебе это тоже нравится.

Я попыталась представить, как имя сползает с меня, будто ему не за что зацепиться. Это казалось неправильным, как будто теряешь свою тень. Я всегда была Ханной и не могла предста-

вить, как это — не быть ею.

— Почему ты вообще там появился?

— На Дне Крампуса? — он рассмеялся и ответил низким гортанным голосом: — Хотел побыть среди людей в своем настоящем обличье. Замечательная выходка, тебе так не кажется?

— О, да. Определенно.

Я отпила из бокала. На вкус напиток был похож на густой сироп из топленых коричных сердечек. Интересно, кто его принес? Интересно, почему я решила выпить его? — подумала я, делая еще глоток.

— С меня подарок, — произнес Иоаким, нарушая тишину. — Гризельда свой уже вручила, Исидор тоже. Теперь моя очередь. Просто скажи, чего ты хочешь, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы осуществить его.

Его предложение меня рассмешило.

— Я рада, что вы пришли. И превращения Рота в осла было более чем достаточно.

— Мой народ часто умоляют об одолжениях, но редко приглашают принять участие в празднике, — в словах Иоакима слышалась скрытая усмешка, будто он был серьезен лишь наполовину. — Позволь мне сделать тебе подарок в обмен на такой радушный прием.

— Ладно, — сказала я, отступая и оглядываясь на трейлер. Оттуда доносилась тихая музыка, люди сновали туда-сюда. Похоже, у них открылось второе дыхание. Значит, вскоре кто-нибудь выйдет на улицу и затянет нас обратно в пучину пост-поствечеринки. А потом я рухну на бабушкину кровать вместе со всеми, кто на ней поместится. Вот-вот наступит утро, а я откуда-то твердо знала, что Иоаким, Гризельда и Исидор исчезнут с первыми лучами света подобно тому, как роса испаряется на солнце.

— Ладно. Вот чего я хочу: никогда не забывать о том, что в мире есть волшебство. Хочу всегда помнить о сегодняшней ночи.

На губах Иоакима зазмеилась улыбка. Склонившись надо мной, он вдавил сигарету в массивную стеклянную пепельницу и прижал губы к моему лбу. От него пахло горелой травой.

— Обещаю, — прошептал он, обжигая губами мою кожу.

Честно говоря, в тот момент я не была трезвой. Ни капельки. И все же именно тогда я решила, что раз уж волшебство существует; раз уж Иоаким возник просто потому, что я этого захотела; раз уж мне хватило двухсот баксов и решимости, чтобы устроить эту вечеринку… Значит, пожалуй,

я заблуждалась насчет того, что не предназначено для меня и никогда моим не будет. Возможно, стоит мечтать о большем. Возможно, я смогу получить все, что захочу.

Первый рассвет нового года загорался на горизонте, и я решила изменить мир силой своих желаний.

Гейл Форман
Что же ты наделала, Софи Рот?

Софи поступила в Университет Задрипанвилля пятнадцать недель назад, и за это время успела уже не меньше дюжины раз мысленно воскликнуть: «Что же ты наделала, Софи Рот?» Впервые это произошло, когда мама высадила ее у дверей общежития — кирпичного дома, увитого плющом, как и обещали в каталоге. Мотор машины, взятой напрокат, еще не успел заглохнуть, а Софи уже догадалась, что мысль об учебе в деревенском колледже в самом в центре страны — это не пастораль, как она расписывала друзьям в Бруклине, — а нечто настолько незнакомое и чуждое, как если бы она вдруг решила подать документы в Университет Бейрута. Вместе с ощущением тяжести в животе наконец наступило прозрение. Хотя какое там прозрение, когда все и так очевидно. И для друзей Софи, которых это решение озадачило, и для ее матери, которую оно ничуть не удивило.

Втаскивая чемоданы в общежитие, Софи старалась не выдать свои истинные чувства, чтобы

не расстраивать маму. Ведь Софи отправилась в Университет Задрипанвилля вовсе не из-за пасторального пейзажа.

Второй молчаливый возглас «Что же ты наделала, Софи Рот?» раздался позже в те же выходные, когда она знакомилась с соседками по общежитию. Девушки были милые, симпатичные, радушные. Но в первый же вечер (посиделки с пивом и пиццей, корка толщиной с большой палец) Софи пришлось произнести «я шучу» раз шесть, не меньше. Так продолжалось до тех пор, пока она не поняла, что сарказм — нечто вроде диалекта, который доступен далеко не всем. «Ты такая *городская*», — то и дело говорила одна из Кейтлин (их тут было трое). И Софи никак не могла понять, пытаются ее обидеть или нет?

Она-то думала, что будет здесь в роли девушки-загадки — в конце концов, она ведь и правда *городская*. Но загадочными и непостижимыми оказались девчонки из маленьких поселков на Среднем Западе, всю жизнь мечтавшие поступить в колледж, где учились их родители.

Да и парни были не лучше. Здоровые зубастые типы, которых звали Кайл, Коннор или еще как-нибудь в том же духе. В начале семестра один из них пригласил Софи, как она думала, на сви-

дание. А оказалось, поиграть во фрисби. Софи поворчала немного, но потом, как ни странно, втянулась, стала принимать пасы и выкрикивать оскорбления в адрес команды-соперника. На обратном пути к общежитию Кайл или Коннор сказал ей: «А ты боевая девчонка, я смотрю». И тут уж Софи не сомневалась, считать это оскорблением или нет.

Тогда мысленный возглас «Что же ты наделала, Софи Рот?» раздался в четвертый раз. Или, может, в пятый? С местными парнями такое случалось не однажды, и она уже начала сбиваться со счета. А надежду и вовсе потеряла.

* * *

Но за сегодняшний вопль «Что же ты наделала, Софи Рот?» винить некого, кроме себя самой. Экзамены закончились два дня назад, и большинство студентов разъехались на зимние каникулы.

На следующей неделе цены на билеты в Нью-Йорк снизятся вдвое, так что Софи пока пришлось остаться, груши околачивать. С утра она сдала учебники обратно в книжный магазин — и выручила за них всего ничего: как пояснил продавец, скоро должны выйти обновленные издания. Софи попыталась вступить с бедолагой в дискус-

сию о необходимости перехода к электронным учебникам, которые будут обновляться автоматически, но из этого ничего не вышло — продавец отказался поддерживать разговор. На обратном пути на глаза ей попалось объявление: «Вечером во дворе колледжа состоится Рождественский концерт». И почему-то ей это показалось отличной идеей.

Когда же она наконец поймет, что поначалу многое кажется заманчивым, но даже самого поверхностного анализа обычно хватает, чтобы выяснить: все эти якобы отличные идеи далеки от совершенства. Возьмем, к примеру, коммунизм. На первый взгляд прекрасная идея: все со всеми делятся, никто не голодает. Но стоит хорошенько поразмыслить — и приходишь к выводу, что для осуществления этой идеи потребуется нечеловеческая способность к взаимодействию. Ну или куда более человеческая способность к тоталитаризму. Да и от своей бабушки Любы Софи наслушалась достаточно историй об очередях за хлебом, телефонных жучках и ГУЛАГе, чтобы отчетливо представлять себе, к чему все это может привести.

Рождественский концерт? Надо было догадаться, чем все это обернется. Главный смысл

рождественского концерта — участие в нем. Но, во-первых, Софи — еврейка. Ей и так пришлось пропустить Хануку, что само по себе уже плохо. А если в последнюю ночь еврейского праздника она вдобавок будет воспевать рождение Иисуса… Нет. Вот просто нет — и точка. Даже если бы в программу включили «I Have a Little Dreidel»[20] (хотя этого произойти не могло: в Задрипанвилле дрейдл был диковиной похлеще метеорита), Софи все равно не стала бы петь. Только не на публике. Только не здесь.

В ее защиту можно сказать, что сами по себе рождественские гимны ей нравились — нет, не ужасные заунывные песнопения, раздававшиеся из колонок в супермаркетах, а те, где голоса сливались в прекрасной гармонии. Софи вспомнила, как впервые услышала людей, поющих рождественские гимны на улице, под окнами ее квартиры в Бруклине. Их голоса звучали так гармонично, что она спросила у бабушки, не ангелы ли это? «Нет, милая, — ответила Люба, — просто гои».

В самом концерте не было ничего плохого, пели прекрасно. Но ничего похожего на волшебство

---

[20] Сноски: 20

«У меня есть маленький дрейдл» (четырехугольный волчок, с которым дети играют во время Хануки).

или ангельское пение. А еще все были в рождественских свитерах с изображениями Санты и оленя Рудольфа… У одной девушки на груди даже мигала огоньками елка. В Нью-Йорке так вырядиться можно разве что в шутку. А тут-то все на полном серьезе. От чистого, чтоб его, сердца.

И гимны тоже. Не то чтобы Софи ожидала услышать, к примеру, «Динь-динь-динь, Бэтмен — сгинь, а Робин снес яйцо». Кажется, так они переиначивали «Jingle bells» в младших классах? И все же с такими горящими глазами и воодушевлением петь про маленьких барабанщиков, так вкладываться в «па-рам-пам-пам-пам»… Да еще и эти свитера. Невыносимо.

— Нед Фландерс[21] кругом какой-то, — пробурчала Софи себе под нос, что в последнее время случалось все чаще. Когда она призналась в этом Зоре, подруга предупредила ее, что так можно и Сумасшедшей Кошатницей[22] стать. Софи только расхохоталась в ответ, но потом вспомнила о маме, которая осталась одна в окружении

---

[21] Сноски: 21

Нед Фландерс — персонаж мультсериала «Симпсоны». Сосед семейства Симпсонов, крайне набожный христианин.

[22] Сноски: 22

Сумасшедшая Кошатница — персонаж мультсериала «Симпсоны». Психически неуравновешенная женщина, живущая в окружении огромного количества кошек. Речь ее чаще всего невнятна.

скульптур, а теперь еще и в компании Любиных кошек. Смеяться как-то сразу расхотелось.

— Эй, ты что-то сказала про Неда Фландерса?

Кто-то застукал ее за «сумасшедшим кошатничеством»? Ох. Софи стало так стыдно, будто она по двору голышом бегала. Она сделала вид, что не слышала вопроса.

— Точно-точно. Ты говорила «Нед Фландерс то-то и то-то».

Софи обернулась. Футах в трех от нее стоял один из черных парней из кампуса. Она мысленно выругала себя за такое определение — в конце концов, она сама выросла в Бед-Стае[23]. Но тут оно казалось вполне уместным, ведь черных студентов в колледже набралось не больше двадцати, и многие из них учились на бесплатном, как и Софи. Это выяснилось, когда она столкнулась с ними в самом начале учебного года, на приеме у декана в честь поступивших с отличием. Поначалу приглашение на мероприятие ей польстило, но уже на входе Софи получила кучу

[23] Сноски: 23

Бедфорд-Стайвесант (сокр. Бед-Стай) — район на севере Бруклина в Нью-Йорке, традиционное место проживания итальянцев, чернокожих и евреев.

буклетов с программами «работа-учеба»[24] и поняла, что это просто общий сбор стипендиатов. Забившись в укромный уголок, она стала подслушивать, как парни из баскетбольной команды (оказалось, баскетбол был здесь в чести, что ее удивило) обмениваются впечатлениями и пересказывают друг другу самые дурацкие замечания из тех, что успели нахватать за первую неделю учебы. Софи до смерти хотела добавить еще парочку реплик от себя, но сдержалась. Поскольку она ощущала себя в меньшинстве, ведь она все-таки белая.

«Интересно, этот парень был на том приеме? Он смотрит так, словно меня знает».

— Не говорила, а скорее бормотала, — пробурчала она в ответ.

Парень рассмеялся так громко и искренне, что в сердце Софи на секунду закралась робкая надежда: может, шутка все-таки удалась? Но ей на смену тут же пришли сомнения, ведь местные не понимали ее юмора. Скорее всего, смех начинал звучать сразу же, как только за ней захлопывалась дверь. И вот это больше всего

[24] Сноски: 24

Программа «работа-учеба» предусматривает такой график занятости студентов, который позволяет им параллельно работать на территории университета.

бесило Софи. Дома людям хотя бы хватало вежливости, чтобы не рассмеяться ей в лицо.

Зря она пошла на этот концерт, очень зря.

Софи развернулась, чтобы уйти, и тут почувствовала, как огромная ладонь легла ей на плечо.

— Прости. Не хотел к тебе лезть, честно. Просто думал о том же, что и ты.

Софи оглянулась.

— Ты думал про Неда Фландерса?

Она ждала услышать в ответ «диддли-о»[25] или что-то вроде того. Кайл или Коннор наверняка выдал бы именно это. А потом спросил о ее специальности. Но этот парень только улыбнулся. Его губы медленно расползлись в усмешке, слишком жаркой для такой холодной ночи.

— Да, про Неда Фландерса. И не только.

И это «не только» прозвучало так двусмысленно, что щеки Софи запылали.

— Рассел, — парень протянул ей руку в перчатке без пальцев.

Она посмотрела на него, вверх: очень уж он высокий. Выше Софи на целый фут, если не больше, а ведь ее рост — пять футов и пять дюймов.

---

[25] Сноски: 25

Диддли-о — одно из бессмысленных слов, которые Нед Фландерс часто вставляет в разговор.

В баскетбол играет, наверно. Может, он тоже учится на бесплатном, как и она? Эта мысль успокаивала, как и его рукопожатие — твердое, но не сокрушительное; он явно был не из тех, кто девушке руку готов сломать, лишь бы доказать, что считает ее равной.

— Софи, — отозвалась она.

— Итак, Софи, — он широко развел руки, — что же привело тебя сюда?

Вопрос в духе «какая у тебя специальность?», за которым скрывается совсем другой — «что ты тут забыла?» Софи ненавидела, когда ее спрашивали о специальности. (Да не выбрала я пока! Сейчас же только первый семестр первого курса идет. Я вас умоляю! Не у всех жизнь распланирована наперед еще с пеленок).

А вот что она тут забыла… Еще год назад Софи понятия не имела об этом заведении, но школьный консультант посоветовал именно его, вероятно, взвесив все за и против и не понаслышке зная о том, какие астрономические бюджеты бывают порой у совершенно неизвестных колледжей. Ну и когда Софи предложили там очень приличную стипендию — намного больше, чем в других местах, — отказаться она просто не смогла. Не успев даже толком подумать

о том, во что может вылиться вся эта пастораль, et cetera[26], она подала документы. И вот теперь ставила крестики в календаре, считая дни до выхода на свободу. (Да, она понимала, что драматизирует ситуацию, что должна быть благодарна за бесплатное обучение, которое вообще-то стоит пятьдесят штук баксов в год. Но сколько бы она ни убеждала себя, радости это не прибавляло.)

— Я верю в ценность классического образования, — выдала Софи один из своих стандартных ответов на надоедливые вопросы. Впрочем, она уже успела к ним привыкнуть. А заодно и к кочанному салату в столовой, и к сыру, которым тут посыпали все блюда подряд — независимо от того, сочетаются продукты или нет.

Рассел рассмеялся:

— Сюда — в смысле, на этот концерт имени Неда Фландерса в исполнении лучшего рождественского хора всех времен и народов.

В его тоне промелькнуло что-то такое… словно они с Софи были заодно. И ее сердце дрогнуло.

— Провожу антропологическое исследование, — отозвалась она.

---

[26] Сноски: 26
И так далее (*лат.*).

— Увлекаешься этнографией?

— Ага. Особенно меня интересуют свитера. Символическое значение аппликаций с огоньками.

Софи замолчала, ожидая увидеть непонимание на лице собеседника, а потом услышать «что, правда?», как часто бывало с Кайлом или Коннором. Тогда ей пришлось бы ответить «нет, я просто шучу», и разговор окончательно испортился бы.

Но Рассел с профессорским видом кивал, поглаживая подбородок.

— Полагаю, это часть ритуала ухаживания.

— Ухаживания?

— Да. Самец зажигает огоньки, чтобы привлечь самку и осуществить спаривание.

— Как светлячок? — спросила Софи.

— Да. Или рыба-удильщик, — подтвердил Рассел.

— А спариваться будут свитера или люди, одетые в них? Вот в чем вопрос.

Он фыркнул, и от его профессорского вида не осталось и следа.

— Кто знает, Софи! Но оба варианта пугают меня просто до чертиков.

Софи засмеялась. Не похихикала из вежливости, а расхохоталась от души, едва не хрюкая.

Давно такого не было.

— Если бы ты знала, чем заканчивается ритуал, тебе было бы не до смеха, — таинственно прошептал Рассел, прикрывая рот ладонью.

— Даже спрашивать боюсь, — Софи чуть подвинулась к нему, прислушиваясь и немного флиртуя, чего с ней тоже давно не бывало.

— Сигналом служит фраза «олень Рудольф, Красный нос». Стоит ей прозвучать, как все свитера… — он покачал головой. — Поверь, ты не захочешь это увидеть.

— Что? Оргию свитеров?

— Только представь: светящийся нос Рудольфа, красный и пульсирующий, символизирует…

— Поняла, поняла, — прервала Софи Рассела, со смехом пытаясь отогнать возникшие в голове картинки. — Я смотрю, ты успел подробно изучить эту тему.

— Ужас, правда?

Софи не совсем поняла, о чем это он. Имел ли он в виду свою теорию или то, как может выглядеть оргия с участием таких милых, опрятных, поющих людей?

Но когда несколько секунд спустя хор затянул: «Олень Рудольф, красный нос, ярко-красный нос…» — Софи и Рассел переглянулись и, не сго-

вариваясь, рванули прочь.

Проблема в том, что пойти-то было и некуда. Пасторальный университет окружали сплошь леса и фермы. На территории кампуса — всего пара закусочных, да и те закрывались рано даже в разгар семестра.

Софи и Рассел стояли напротив двери студенческого союза. Она была открыта, но войти внутрь означало признать поражение, а после всего, что случилось за последние месяцы — или, может, минуты? — Софи не вынесла бы этого.

— У меня машина тут рядом, — Рассел достал ключи и нажал на брелок. Машина с техасскими номерами чирикнула; в салоне зажегся свет.

— Надеюсь, я не окажусь потом на дне какой-нибудь каменоломни? — уточнила Софи для порядка. Она просто хотела показать, что храбрая девчонка из Нью-Йорка к первому встречному в машину не сядет, но тут же испугалась. «А что если Рассел неправильно поймет? Ведь он черный. Глупости какие, не надо зацикливаться на этом. Вот Зора тоже черная, а я с ней так себя не веду. С другой стороны, Зора не парень…»

Но Рассел только ухмыльнулся и расстегнул две верхние пуговицы, показывая свитер. Просто серый, без рисунков.

— Ни оленей, ни огоньков. Можешь быть спокойна.

Рассел сразу завел двигатель и тронулся с места. Похоже, он уже знал, куда собирается ехать, и это было здорово. Все немногочисленные вылазки Софи с Кайлом или Коннором каждый раз превращались в дурдом. Все галдели: «Чем хочешь заняться? — Не знаю; а ты?» И это сразу отбивало у Софи желание заниматься хоть чем-то.

В салоне было круто: сплошная кожа, запах новенького авто.

— Хорошая тачка, — одобрила Софи.

— Спасибо, — отозвался Рассел. — Отдали ненужную.

— Правда? Я так разве что шубу могу получить или коньки. Ну или яхту. Подсовывают свои старые яхты постоянно, спасенья уже от них нет.

— Понимаю, меня это тоже ужасно бесит, — рассмеялся Рассел.

На приборной панели Софи увидела кнопки управления сиденьем с подогревом. Она обожала такие сиденья. Обожала все, от чего становилось теплее. В этих краях было на удивление холодно. Казалось, мороз пробрал ее до костей да так там и остался. Софи могла минут двадцать простоять под горячим душем, но так и не согреться.

Ей очень не хватало родной ванны.

— Может, раскочегарим сиденья? — спросила Софи.

— Для тебя я раскочегарю что угодно, — отозвался Рассел, и от одних этих слов ее вдруг бросило в жар. А когда он включил подогрев, Софи и вовсе растаяла. Так тепло ей не было с самого начала зимы, которая наступила за день до Хэллоуина, словно по расписанию.

— Как насчет музыки? — поинтересовался Рассел.

— Я за.

Он включил приемник.

— Выбирай.

Софи огляделась в поисках айфона, пульта или чего-то в таком роде. Заметив это, Рассел пояснил:

— Он активируется голосом. Просто назови песню.

— О-о, магия, — восхитилась Софи, но с сожалением подумала, что теперь не сможет позволить себе роскошь покопаться в коллекции Рассела. Музыкальные вкусы самой Софи были такие, будто ей самой было лет пятьдесят. Словом, совпадали с маминым. Но это как-то неловко. Что же любят нормальные люди? Зора слушала какую-то

фолк-альтернативу, от которой Софи клонило в сон. Может, Канье Уэст[27]? Или это уже наглость? А что если Лорд[28]? Ее же все любят, да?

— Ты не на экзамене, — напомнил Рассел. — Просто скажи, какая песня тебе больше всего нравится.

— «You Can't Always Get What You Want», — выпалила Софи. Она хотела было пояснить, что это Rolling Stones, но Рассел уже попросил волшебную машину найти девятый трек с альбома «Let it Bleed». Несколько секунд спустя салон наполнился прекрасными звуками: сначала вступил хор мальчиков («Все-таки это куда лучше сегодняшних гимнов, — подумала Софи), а следом раздался чудесный хрипловатый голос Мика Джаггера.

Так они ехали по темным проселочным дорогам, под тихое пение Мика Джаггера. Софи шептала любимые строчки, изо всех сил стараясь не поддаться соблазну запеть во весь голос. Один из мысленных возгласов «Что же ты наделала, Софи Рот?» раздался как раз после опрометчивого решения исполнить в караоке «To Sir, with Love» в общем зале кампуса. «Наверное, стои-

---

[27] Сноски: 27
Канье Уэст (*англ.* Kanye West) — американский рэпер.

[28] Сноски: 28
Лорд (*англ.* Lorde) — новозеландская певица и автор песен.

ло выбрать что-нибудь попроще, если у тебя нет слуха», — выдала тогда одна из девочек. Конечно, она сделала это из лучших побуждений, но в Нью-Йорке никто из друзей Софи — даже те, кто окончил музыкальную школу, — не считал себя вправе делать подобные замечания.

Софи не могла понять, куда же ее везет Рассел. Они просто ехали и ехали вдоль каких-то полей, и это было хорошо. Ладно, прогулка на машине под песни Stones в любом случае была самым лучшим свиданием Софи с начала учебного года. (Хотя это и не свидание вовсе. Или все-таки свидание?)

Минут через двадцать Рассел свернул с шоссе. Сияя всеми огнями, точно маяк, посреди пустыря стояла закусочная. Самая настоящая старая добрая закусочная с алюминиевыми боками, похожая на огромный трейлер.

— Где это мы? — спросила Софи, когда колеса зашуршали по гравию парковки. Все это было так неожиданно, словно ей вдруг без всякого повода вручили красиво упакованный подарок.

— Там, где готовят лучшие пироги в штате.

— Но откуда это здесь взялось? — невольно вырвалось у Софи. Вопрос был из серии «что ты тут забыла», только теперь речь шла о закусоч-

ных. Ведь на территории кампуса ей попадались только сетевые забегаловки: Applebee's, Fridays и так далее.

— Из страны Оз, — ответил Рассел.

Прямо в точку. Ей как будто впрыснули что-то, и мир вдруг заиграл всеми красками, хотя последние несколько месяцев казался черно-белым. Пожалуй, теперь, когда у Софи будут спрашивать, откуда она приехала — знаете, таким чересчур заботливым и слегка подозрительным тоном в духе «где бы это ни было, мы рады, что сами не оттуда», — вместо «из Бруклина» (так по-городскому!) стоит отвечать «из страны Оз».

В стране Оз было не протолкнуться. Софи и Рассел еле нашли свободную кабинку. Официантка в джинсах и футболке с сенбернаром в шапочке эльфа шлепнула на стол два меню. «Веселого, мать его, Рождества», — прокуренным голосом прогудела она.

— И тебе того же, Лорейн, — отозвался Рассел. — Что у вас тут сегодня из вкусненького?

— Почему ты каждый раз меня об этом спрашиваешь?

— Мне нравится, как ты рассказываешь о пирогах.

— Ой, да перестань.

— А еще я сегодня не один.

Официантка смерила взглядом Софи.

— Вот оно что, — Лорейн откашлялась. — У нас есть несколько особых пирогов: с банановым кремом, с арахисовым маслом, с бататом. Еще вишневый очень хорош. Фрукты у нас замороженные, а вот вишни растут всего в двух милях отсюда.

Рассел повернулся к Софи.

— Ну что?

— А яблочный пирог у вас есть?

Лорейн посмотрела на Рассела.

— Серьезно?

— Эй, я же не знал.

— Чего не знал? — спросила Софи, но никто ей не ответил.

— Значит, два яблочных, — записала Лорейн. — Как будете, à la mode или с сыром?

Софи поморщилась. Пирог с сыром. Может, еще и подливкой полить заодно?

Рассел заметил ее недовольство.

— А ты ела когда-нибудь яблочный пирог с сыром?

Софи помотала головой.

— И заранее уверена, что это невкусно?

— Да.

— Но ты ведь даже не пробовала.

— Ну, яблочный пирог с обрезками ногтей я тоже не пробовала, но вполне уверена, что он мне не понравится.

Рассел улыбнулся. Лорейн нетерпеливо постучала карандашом по блокноту.

— Мы возьмем по одному того и другого, — сказал Рассел официантке, а затем повернулся к Софи. — Держу пари, ты соблазнишься.

— Смотри не проиграй.

— Да я вообще люблю рисковать.

Он дразнит ее, в этом Софи не сомневалась. Но только ли о пироге идет речь?

— Это все? — спросила Лорейн.

— Почти, — отозвался Рассел и заговорщицки подмигнул Софи. — Кофе, да?

— А как же.

— И два кофе, пожалуйста.

Когда Лорейн ушла, Софи огляделась по сторонам. Публика собралась самая разная: тут тебе и фермеры в рабочей одежде, и явно городские жители, хотя до ближайшего города больше сотни миль. Как же они все узнали про это место?

— Эта закусочная есть на сайте Yelp[29]?

— Я не уверен, что у нее даже название есть.

---

[29] Сноски: 29

Yelp — сайт для поиска на местном рынке услуг, например, ресторанов или парикмахерских.

Какой там Yelp.

— Как же ты ее нашел?

— Постучался трижды в четвертый по счету красный ангар слева по дороге, и кто-то шепнул мне адрес.

— Надо же, какая секретность.

— Ага. Место только для крутых ребят, — Рассел указал на пожилую пару за соседним столиком. — Никого, кроме своих.

Софи рассмеялась. Она в общем-то никогда нигде не была «своей», но последние месяца три ощущала это особенно остро.

— Я скучаю по таким закусочным.

— В Нью-Йорке отличные закусочные, — отозвался Рассел.

— Да уж. Мы с мамой иногда ходим туда на «ужин наоборот». Это…

— Завтрак вместо ужина, — перебил ее Рассел. — Просто обожаю.

— И я тоже. Погоди, а как ты догадался, что я из Нью-Йорка?

Рассел не ответил, только расплылся в улыбке.

— А, ясно. Я же «такая городская».

— Городская?

— Мне это постоянно твердят. Правда, тут дело не в географии, а скорее в том, что я какая-то

странная, на их взгляд. «Ты смотришь иностранные фильмы и говоришь с сарказмом, это так по-городскому».

Рассел на минуту задумался.

— Ты ешь острые блюда, это так по-городскому.

— Ты читаешь «Нью-Йорк таймс» не для учебы, это уж точно по-городскому.

— Ты слушаешь джаз? Ничего себе, так по-городскому.

— Ты носишь черное, это так по-городскому.

— Ты *сам* черный, это так по-городскому. Правда, в этом случае они говорят «урбанистически».

Софи рассмеялась.

— Иногда мне кажется, что «городской» — это кодовое слово для обозначения евреев. Просто местные не осознают этого, потому что никогда раньше не видели евреев.

— Правда, что ли?

Правда. Когда Софи приехала сюда впервые, у нее спросили, какую церковь она посещает. Пришлось объяснить, что у евреев не церковь, а синагога (хотя сама она туда не ходит; ее семья не настолько религиозна). Ей казалось, что это общеизвестный факт, но на самом деле многие были не в курсе. Мама положила ей с собой ма-

ленькую менору для Хануки, но та так и лежала в дальнем углу шкафа. Софи было страшно представить, сколько придется всего объяснять, если все-таки зажечь свечи.

Она задумалась, о чем из этого стоит рассказать Расселу, но тот уставился в телефон, а потом помахал Лорейн. На секунду Софи испугалась, что зашла слишком далеко (вечно она заходит слишком далеко) и он сейчас попросит счет. Но он только спросил у официантки, есть ли у них хашбрауны[30]. «Такие, как оладьи, а не дольки».

— То, что дольками, называется хоум-фрайз[31]. Хашбрауны это и есть оладьи. У нас есть и то, и другое, — вздохнув, нетерпеливо объяснила Лорейн. Впрочем, Софи начала уже подозревать, что официантке нравится, когда Рассел испытывает ее терпение.

— Ладно. В общем, нам хашбрауны с яблочным соусом и сметаной, — Рассел взглянул на Софи. — Правильно?

— Да, — с трудом выдавила Софи: у нее вдруг сдавило горло. Хашбрауны — это же, по сути, латке, с яблочным соусом и сметаной? Это же

---

[30] Сноски: 30
Hash browns — картофельные оладьи с луком.

[31] Сноски: 31
Home fries — картофель по-домашнему.

едят на Хануку.

— Откуда ты знаешь? — спросила она наконец, опомнившись.

— Есть такая штука — календарь называется. Гениальная вещь, оттуда столько всего можно узнать.

— Разве что дату. Но про латке там точно не пишут. Откуда же ты родом на самом деле?

Рассел усмехнулся.

— То есть чувак из Техаса никак не может знать про латке?

— Готова спорить, это нарушает сразу несколько законов штата.

Рассел засмеялся.

— Пожалуй, да. Ладно, сдаюсь. Я встречался с еврейкой.

Ясно.

— Значит, в Техасе есть евреи?

— Это было не в Техасе.

— Вот как.

Если подумать, его говор и правда не похож на техасский. Впрочем, когда она сказала, что приехала из Нью-Йорка, в кампусе все удивились. Видимо, ее речь была не такой уж «городской».

— Так откуда ты на самом деле?

— На самом деле? Не уверен, что я вообще откуда-то *на самом деле*.

— А вот сейчас ты просто стараешься напустить туману.

— И как, получается?

— Вылитый Джеймс Бонд. Но даже он был откуда-то.

Лицо Рассела поскучнело.

— Я нигде не задерживался настолько, чтобы считать, что я оттуда.

И он выдал целый список мест, где успел пожить: Дубай, Сеул, Амман, Мехико, Северная Дакота, Колорадо. А в последнее время его домом стал Хьюстон в штате Техас.

— Отец занимается нефтяным бизнесом, — добавил Рассел.

— О, а я-то подумала… — начала Софи, и тут к ней, наконец, пришло осознание еще одного очевидного факта: Рассел богат. Почему же она решила, что он учится на бесплатном, когда все указывало на обратное?

— Что подумала? Что я «городской»? — он взглянул на Софи, и, похоже, обо всем догадался по ее лицу. — А, ты решила, что я — качок с бесплатного отделения?

Голос Рассела звучал все так же беспечно, но те-

перь в нем появились настороженные нотки. Его способ защиты, как фраза «я шучу» для Софи.

— Мне очень жаль, — сказала она. И это была правда. Более того, она вдруг ощутила какую-то опустошенность. Она уже свыклась с мыслью о том, что у нее с этим парнем есть что-то общее. А теперь оптимистический настрой, на крыльях которого она летала весь вечер, разбился о кирпичную стену.

— Ничего страшного, — отозвался Рассел, но на лице его читалось совсем другое. — Дай угадаю. Баскетбол.

Задумавшись, Софи потеряла нить разговора.

— Что? А, да. Кажется.

Рассел слегка кашлянул. Софи вздрогнула и подняла взгляд, рассчитывая увидеть в его глазах злость или насмешку. Но все оказалось куда хуже. Рассел был, словно рождественская елка, на которой разом погасли все гирлянды. Софи стала в один ряд с другими тупыми комментаторами. Она разочаровала его. Ей хотелось объяснить, почему она так решила. Рассказать ему, что ее лучшая подруга — чернокожая, и о детстве в Бруклине, и обо всех своих «городских» приключениях. Но не стала. Ведь он, в общем-то, тоже ее разочаровал.

Неловкое молчание затягивалось, но тут подошла Лорейн с подносом, полным еды. Пирог с сыром. Пирог la mode. Хашбрауны с яблочным соусом. Вот только вместо сметаны официантка подала творог. «Кто бы сомневался», — подумала Софи.

Еда просто стояла на столе между ней и Расселом, постепенно остывая. Софи вдруг ощутила острый приступ одиночества, отверженности и тоски по дому. Пожалуй, этот мысленный вопль «что же ты наделала, Софи Рот?» был самым горьким из всех, звучавших до сих пор.

Она приехала сюда, чтобы получить знания, но почему-то чувствовала, что глупеет с каждой минутой. И эта неловкая ситуация — яркий тому пример. И дело не в том, что Софи не привыкла общаться с богатыми людьми. Правда, росла она в неприглядном, дешевом квартале: еще до ее рождения мама сняла там квартиру по программе ограничения арендной платы[32]. Но со временем район преобразился. Когда Софи исполнилось десять лет, одна семейная пара выкупила особняк

---

[32] Сноски: 32

Rent stabilization program — программа поддержки населения, в рамках которой ограничивается рост арендной платы за жилье. Это делается, чтобы стабилизировать жилищные условия, в которых находятся малоимущие семьи.

по соседству. Эти люди полностью переделали дом по своему вкусу и переехали туда вместе с дочкой, ровесницей Софи. Девочки быстро подружились, и потом на протяжении многих лет Ава постоянно предлагала заплатить за двоих — в кино, в ресторанах, в поездках за город. Поначалу эти «дружеские дотации», как их называла Ава, даже радовали Софи. Но со временем они стали тяготить ее, остро напоминая об их неравенстве, о том, чего она лишена. Софи начала отказываться от «дотаций». Чем больше Ава настаивала, тем больше Софи обижалась. Наконец, в десятом классе они разругались в пух и прах. «Я тебе не оборванка какая-нибудь!» — закричала тогда Софи, и «дотации» прекратились. А вскоре умерла и дружба. Софи было совестно, но она не знала, как все исправить.

Вот и сейчас совершенно неясно, как все исправить. Но остывающая еда с немым укором смотрела из тарелок, намекая, что пора действовать. Рассел уже спас первую половину вечера. Он не только рассмешил Софи и помог ей улизнуть от оргии свитеров, но еще и дал возможность хоть немного побыть собой. А ведь она даже не догадывалась, как ей этого не хватало. Странное дело: вроде в последнее время Софи

успела соскучиться по множеству людей и вещей. А больше всего, оказывается, — по самой себе.

Глубоко вздохнув, она прервала молчание.

— Я подумала, что ты — такой же, как я. Вот что я хотела сказать.

Рассел снова посмотрел на Софи — уже прогресс, но на его лице читалось недоумение. Он явно не понимал, к чему она клонит.

И тогда Софи сказала ему то, чего не говорила здесь больше никому, хотя прекрасно знала, что стыдиться нечего. Наоборот, гордиться надо.

— Я учусь на бесплатном. Я думала… Надеялась, что если и ты тоже, то у нас может быть что-то общее.

Снова воцарилось молчание. Софи не знала, поможет ли ее признание спасти вечер, но чувствовала, что сделала все правильно. И вдруг Рассел произнес:

— А кто сказал, что нет?

С этими словами он подтолкнул к ней пирог с сыром. «Это вызов или оливковая ветвь — знак примирения?» — подумала Софи, беря вилку. Сыр вздулся одним большим пузырем; пирог выглядел совершенно неаппетитно. И все же она отломила небольшой кусочек и отправила в рот.

Господи. Боже. Мой.

Резкий вкус чеддера добавил корочке пикантности и оттенил сладость яблок. А потом она почувствовала удивительное сочетание: рассыпчатость, вязкость, сочность. И все это окутано теплом.

Софи отломила еще кусочек, побольше. Рассел с интересом наблюдал за ней. Когда третий кусок отправился в рот, он ехидно улыбнулся.

— Что? — спросила Софи.

— Похоже, я только что выиграл пари.

Они умяли пирог и почти все хашбрауны, которые, как оказалось, не так уж плохо сочетаются с творогом. Вскоре на тарелках кое-где остались только печальные островки мороженого. Когда принесли счет, Софи потянулась за сумочкой, но Рассел покачал головой.

— Я собирался заплатить за двоих, еще когда думал, что ты богата. А теперь вдруг каждый сам за себя? Попахивает снисходительностью.

Софи рассмеялась.

— Погоди, ты что, правда думал, что я богата?

Рассел сделал вид, что смутился.

— Получается, ничья? — спросила Софи.

— Я не веду счет, — отозвался Рассел. — Но так определенно интересней.

Он положил пару двадцаток на стол.

— Спасибо, — сказала Софи. — За все. Особенно за латке. Скорее всего, больше я их в этом году не поем.

— Почему?

— Сегодня — последняя ночь Хануки. Лавочка закрывается.

— Ты не собираешься домой на праздники?

— Только на Рождество и Новый год, но не на Хануку. Не в этот раз.

— И почему же?

Софи помолчала, думая, как бы лучше на это ответить.

— Двести шестьдесят семь долларов, — наконец сказала она. — Ровно настолько будут дешевле билеты на следующей неделе.

Софи даже поссорилась из-за этого с матерью, а это случалось нечасто. Вообще-то Софи привыкла экономить. Так уж повелось в их семье: дань необходимости, ведь жили они лишь на скудные мамины доходы. А если излишки и появлялись, их откладывали Софи на учебу. Но прошлой зимой, когда она уже заполняла формы на поступление, у бабушки случился инсульт. Ее рассудок помутился. Ни Софи, ни ее мама не нашли в себе сил отдать Любу в государственный дом престарелых (порядки там слишком напоминали

советские). И когда пять месяцев спустя бабушка умерла, от сбережений не осталось и следа. Нью-Йоркский университет, куда Софи мечтала поступить, согласился ее принять и покрыть часть расходов на обучение. Но даже оставшаяся сумма была для их семьи неподъемной. Так что щедрое предложение местного университета подоспело очень кстати.

Мама не смогла пригласить Софи домой на День благодарения, и вот теперь поездку снова пришлось отложить. Это были первые праздники без Любы. «Может, билеты — только повод? — размышляла Софи. — И мама просто не хочет ничего отмечать в этом году? Да и я, пожалуй, тоже».

Задумавшись об этом, она вдруг заплакала. О, господи, да что такое! Тут уж нельзя было не воскликнуть «что же ты наделала, Софи Рот?»

— Ты чего? — спросил Рассел.

— Да так, накатило, — всхлипнула Софи. — Сама не знаю, чего реву. Ханука — отстой. Ну пропущу ее, подумаешь.

Рассел посмотрел на нее. С любопытством. С нежностью. С пониманием.

— А кто сказал, что ты ее пропустишь?

Заговорив о Хануке, Софи и Рассел решили до-

вести затею до конца: зажечь бабушкину менору, спрятанную где-то в глубине шкафа. Последний раз ею пользовались год назад, незадолго до Любиного приступа. Ханука тогда наступила очень рано и совпала с Днем благодарения, так что получилось настоящее семейное пиршество: тут тебе и индейка, и грудинка, и латке, и картошка, и пончики, и пирог на десерт. Но вспоминать об этом Софи позволяла себе не дольше секунды. Такие мысли обжигали, словно раскаленный горшок, который можно ненадолго схватить голыми руками, но тут же нужно поставить на стол.

На обратном пути в кампус Софи осенило, что менора-то у нее есть, а свечей нет, и они с Расселом заехали в небольшой магазинчик на окраине города. Там оказалось почти пусто. Вдоль узких проходов тянулись ряды грязных потертых стеллажей. Рассел усадил Софи в тележку и стал катать ее по магазину, игнорируя настороженные взгляды усталого персонала. Софи хохотала. Гонки в тележках! Кто бы мог подумать, что на свидании можно так развлекаться. К этому моменту Софи уже была уверена, что у них свидание.

Выбор свечей оказался ожидаемо унылым. Целая полка свечек-таблеток, странная под-

борка цифр для именинного пирога (четверок и семерок гораздо меньше, чем всех остальных) и несколько больших свечей на случай отключения электричества и прочих экстренных ситуаций. Ничего из этого и близко не годилось для меноры.

Рассел достал телефон и стал искать магазины, которые работают допоздна. Но Софи уже потянулась за большими свечами.

— Этот праздник связан с умением приспосабливаться, — пояснила она. — Мой народ известен своей изворотливостью.

— Ясно, — отозвался Рассел. — Так сколько всего нам нужно?

— Девять. Восемь — на каждую ночь Хануки, и еще одна, от которой зажигают остальные. Если строго соблюдать обычай.

На полке оказалось ровно девять больших свечей.

— Ничего себе, — удивилась Софи. — Прямо как настоящее чудо Хануки.

Она рассказала Расселу об истоках праздника, о масле в меноре, которое должно было прогореть за один день, но его хватило на восемь.

— Это всего лишь маленькое чудо, — добавила Софи.

Рассел взглянул на нее, чуть склонив голову набок.

— А по-моему, чудеса маленькими не бывают.

По дороге из магазина в машине по-прежнему играл альбом «Let It Bleed». Они снова включили «You Can't Always Get What You Want», и на этот раз Софи подпевала — сначала тихо, потом во весь голос. Мимо нот? Ну и что, ей было наплевать.

Вернувшись в кампус, они оставили машину и направились к общежитию Софи. Во дворе университета было пусто: ни следа оленьей оргии, от которой они удирали, кажется, миллион лет назад.

— Почему ты заговорил со мной? — спросила Софи. — Из-за Неда Фландерса?

— С одной стороны — да, — протянул Рассел так, что она тут же попалась на эту удочку.

— А с *другой* стороны?

— Значит, ты меня совсем не помнишь?

Не помнит? Если бы она где-то видела его раньше, то наверняка уже вспомнила бы. И все же Рассел смотрел на Софи так, будто их связывала какая-то история.

— Введение в поэзию.

Софи продержалась на этих ужасных занятиях всего неделю. Вел их даже не профессор,

а его гнусавая ассистентка, которая настаивала, что стихотворения нужно толковать только так и никак иначе. Однажды Софи крепко сцепилась с ней из-за стихотворения Йейтса «Когда состаришься». Тогда мысленный вопль «что же ты наделала, Софи Рот?» прозвучал особенно отчетливо. И заставил ее задуматься, стоило ли вообще сюда приезжать.

— Я пожалел тогда, что не вступился за тебя, когда у вас вышла… размолвка.

Размолвка. Скорее уж словесная баталия. Они стали спорить о строке из стихотворения — «Твой грациозный стан пленял столь многих» — и в итоге Софи чуть не расплакалась и ушла из аудитории. И вообще перестала ходить на эти занятия.

— Если тебя это утешит, после того случая многие из нас выступили против нее, — добавил Рассел. — С боевым кличем: «Поэзия — не математика!»

Именно это Софи тогда говорила преподавательнице. Ее вдруг охватило какое-то запоздалое чувство облегчения. Оказывается, у нее были защитники. Сторонники. Пусть даже она и не заметила их. Не заметила *его*. По правде говоря, Софи многое упускала из виду в университете.

Не поднимала голову, пряталась «за шорами». Все это было частью ее тактики выживания. И вот теперь она задумалась — может, от этой дурацкой тактики не больше проку, чем от свинцового спасательного жилета?

— С тех пор я стал наводить о тебе справки. Разузнал кое-что — ну там, что ты «такая городская» и все такое, — продолжал Рассел с дразнящей усмешкой — Но увидеть тебя удавалось только мельком. До сегодняшнего вечера. И тут я… засомневался, стоит ли говорить что-нибудь. Ты казалась такой суровой, нелюдимой.

Рассел снова улыбнулся, но в этот раз скорее смущенно, чем лукаво, и оттого в тысячу раз сексуальнее.

— А потом ты упомянула Неда Фландерса, и я понял: надо что-то сказать.

— Почему? Нед Фландерс — твой дух-наставник, что ли?

Рассел расхохотался — искренне, от души.

— Мы где только не жили, порой переезжали каждый год. И повсюду показывали «Симпсонов». Где-то они шли на английском, где-то — с субтитрами, не важно. Они были для меня своего рода константой, отдушиной. Как любимые с детства конфеты.

— Звучит как-то печально. А мне казалось, жить во всех этих местах здорово.

— Далеко не все такое, каким кажется.

Рассел и Софи обменялись взглядом, в котором промелькнули основные вехи этого вечера.

— И каково же это на самом деле? — спросила Софи.

— Смотрела «Трудности перевода»?

Софи кивнула. Фильм ей нравился.

— Вот ровно так же, только снова и снова. И еще умножь на тысячу, потому что я был черным в тех краях, где просто не понимают, что это такое. В Корее меня называли Обамой, — Рассел вздохнул. — А еще раньше я был Майклом Джорданом.

— Ты поэтому приехал учиться сюда? Чтобы заранее знать, на что рассчитывать?

Рассел немного помолчал, глядя на Софи.

— Да, отчасти. А еще чтобы взбесить предков. Они решили, что я свихнулся, а я-то хотел сделать такой демонстративный жест. Мол, видите, вот так я всегда себя чувствовал, и в этот раз просто отправляюсь за добавкой.

Рассел снова рассмеялся, но в этот раз чуть печальней.

— Проблема в том, что они меня так и не по-

няли. А если бы и поняли, то моя учеба здесь наказание не для них. Разве что обойдется недешево, — он вскинул руки. — Ну что ж, зато тут хорошая программа подготовки журналистов.

— И отличная программа по гуманитарным дисциплинам.

— И красивые городские девушки, которые болтают сами с собой про Неда Фландерса.

— Да, про них в буклете тоже упоминали, — ответила Софи слегка взволнованно — то ли из-за слова «красивые», то ли потому, что уже стояла на пороге общежития. — Вот мы и пришли.

Рассел взял ее за руку. Тепло.

— Ну что, устроим с тобой Хануку?

— Окили-докили[33], — отозвалась Софи.

* * *

В блоке никого не было. Кейтлин, Мэдисон и Черил уже разъехались на каникулы, но перед этим все же успели замусорить помещение праздничной атмосферой. Оказавшись в комнате наедине с Расселом, Софи вдруг занервничала

[33] Сноски: 33

Okily dokily — одно из странных слов, которые часто использует Нед Фландерс. Вероятнее всего, это измененная версия слова «оки-доки», образованного от «окей» (хорошо, ладно).

до дрожи в коленках и начала болтать со скоростью мигающей гирлянды.

— Здесь стоит наша искусственная елка с традиционными украшениями: мятными палочками и нитями с попкорном. Обратите внимание на мишуру повсюду — понятия не имею, что она символизирует. А вот воздушный шарик в виде Санты.

Теперь сделайте глубокий вдох и ощутите тонкий аромат освежителя воздуха с нотками хвои. Добро пожаловать в край, где Рождество стошнило.

Софи пыталась подхватить шутку про свитера с оленем Рудольфом, но вышло натянуто. Может, это лишний раз свидетельствовало о том, как далеко они с Расселом зашли сегодня?

— Покажи, где ты живешь, — мягко попросил Рассел.

Комната Софи напоминала декорации к передаче «Улица Сезам»: те выпуски, где учили находить предмет, не похожий на остальные. На стенах — ни постеров, ни доски с дружескими коллажами. Только на книжной полке стояло несколько фотографий в рамках: Зора; молодая эффектная Люба с лукавыми искорками во взгляде; и Софи с мамой в гондоле, в Венеции.

Они несколько раз попадали к одному и тому же гондольеру, так что тот стал узнавать их. Называл девочку по имени — «София» — и пел ей песни на итальянском.

Рассел смотрел на последний снимок.

— Мама тогда участвовала в Венецианской биеннале, — пояснила Софи.

В детстве ей так часто хотелось, чтобы мама работала адвокатом, банкиром или продюсером, как у некоторых друзей. Но когда маму пригласили на престижную выставку, Софи испытала огромную гордость за нее — художницу, не изменившую своему предназначению. Бабушке пришлось продать кольцо, чтобы оплатить билет для внучки, но оно того стоило. Путешествие было чудесным: гондолы, узкие извивы каналов и улочек, многолюдные картинные галереи, но самое главное — ощущение, что теперь все пути открыты. Такого Софи не испытывала уже давно. До сегодняшнего дня.

— А что делает твоя мама? — спросил Рассел.

— Скульптуры. Но не традиционные, из глины или мрамора, а абстрактные композиции.

Софи потянулась к верхней полке и сняла с нее маленький куб, весь из спутанных проволок и кусочков стекла.

— Как правило, ее работы гораздо масштабнее. Одна из них легко могла бы занять всю комнату. Но, к сожалению, моей соседке Черил нужна кровать, так что с большой скульптурой не сложилось.

На секунду Софи вообразила ужас на лице соседки, если бы одна из этих крупных, странных инсталляций действительно оказалась у них в комнате. Но потом вспомнила, что Черил, кажется, понравилась мамина миниатюра. Она долго разглядывала ее, когда увидела впервые — так же как и Рассел сейчас, — а потом выдала: «Твоя мама делает скульптуры, а моя — устраивает распродажи домашней выпечки». Тогда Софи услышала в этих словах очередной намек на свою чужеродность. Но теперь она вдруг подумала: «Может быть, Черил таким образом проявила сарказм, а я просто этого не поняла?»

Рассел вертел фигурку в руке, следя за тем, как свет играет в гранях.

— Моя бабушка делала всякие штуки… не знаю, скульптуры или как они называются… из дерева и водорослей. На острове Сент-Винсент. Слышала о таком?

— Это в Карибском море?

— Да. Моя мама оттуда. Приехала в Штаты

учиться, познакомилась с папой и решила не возвращаться. В детстве я каждое лето проводил там. Жил у бабушки, в маленьком домике, выкрашенном «в цвета острова», по ее словам. По двору вечно мотались мои двоюродные братья. А еще куры и козы.

Рассел улыбнулся воспоминаниям, а вслед за ним улыбнулась и Софи.

— Потом папа стал отправлять меня на лето в спортивные лагеря, где занимались теннисом, парусным спортом, гольфом. Теперь мы всей семьей бываем на Сент-Винсенте только на Рождество. Последние несколько лет жили в дорогом отеле, как туристы. И люди стали к нам относиться иначе. Как к туристам. Даже мои родственники. — Он поставил скульптуру на полку, и взгляд его в этот момент был полон тоски. — Все, кроме бабушки.

Софи закрыла глаза. Она представила себе его бабушку: красивые черты лица; руки, огрубевшие от многолетнего тяжелого труда; сдержанные манеры, за которыми скрывается глубокая, сокрушительная любовь. Потом этот образ смешался с образом Любы, какой Софи видела ее в прошлом году: стоит с веником в руке, колотит по детектору дыма, который сошел с ума из-за чада

от жареных латке. Софи не стала резко прогонять воспоминание, а позволила ему постепенно исчезнуть. И странное дело: оно больше не обжигало. За него можно было ухватиться и держать.

Открыв глаза, Софи спросила:

— Твоя бабушка еще жива?

— Да, — ответила Рассел.

— Ты собираешься навестить ее?

Для Софи вдруг стало жизненно важно услышать «да».

— Да, улетаю в воскресенье. Жду с нетерпением, — он помолчал. — И боюсь. Знаешь, накатывает что-то. Вся эта праздничная суета.

— Все будет хорошо, — произнесла Софи, и вдруг фраза будто эхом вернулась к ней.

«Все будет хорошо». Сколько раз она слышала эти слова в последнее время. Когда умерла Люба: «Все будет хорошо; время лечит». Когда поступила в колледж: «Все будет хорошо; ты освоишься». Но Софи не верила. Нельзя восполнить потерю. Нельзя отменить ошибку.

А теперь она засомневалась. Что если сад воспоминаний раскинется над провалом, оставшимся после смерти Любы? Что если поступление в университет — как первое купание летом? Софи с нетерпением ждала этого момента, и все рав-

но каждый раз приходилось заново привыкать к холодной воде. Так может быть, куда бы она ни отправилась в этом году, ей везде почудился бы Задрипанвилль?

А ведь здесь, в *этом* Задрипанвилле, есть закусочные прямиком из страны Оз. Есть те, кто готов прикрыть ее спину на поэтическом семинаре. Есть такие люди, как Черил: вполне «по-городскому» саркастичные, если подумать. А еще есть такие парни, как Рассел.

Так может, она совершила ошибку не когда приехала сюда, а когда отказалась замечать все это?

«Что же ты наделала, Софи Рот?» — мысленно в который раз воскликнула она. Но теперь ощущение от возгласа стало совсем другим. Ошиблась? Ну и пусть. Еще есть время, чтобы все исправить. И она стремилась к этому всей душой.

* * *

Софи и Рассел выключили все гирлянды, расставили свечи на полу, чтобы они выглядели как менора. Затем достали подарок Любы и поставили его рядом. Когда свечи зажглись одна за другой, темнота уступила место теплому си-

янию света.

— Вообще-то, теперь полагается произнести молитву на иврите, — сказала Софи. — Но мы тут вроде как что-то свое решили затеять, да? Тогда я хочу выразить благодарность за тот дурацкий рождественский концерт.

— Ладно, — отозвался Рассел. — А я тогда поблагодарю за свитера с оленями.

Софи сдержала смешок.

— За машины, где есть сиденья с подогревом.

— И задницы, сидящие на этих сиденьях.

— За хашбрауны, — продолжила Софи.

— Про пирог не забудь.

— За пирог с сыром.

Рассел мягко притянул Софи к себе. Он был высоким, и она легко уместилась у него на коленях, поджав ноги.

— За идеальные совпадения, — пробормотал Рассел.

— И за неидеальные тоже, — добавила Софи.

Она потянулась к его губам, а он перехватил ее руку и стал целовать пальцы, один за другим: большой, указательный, средний, безымянный, мизинец; потом в обратном порядке.

— За Неда Фландерса, — предложил Рассел.

— О да, тысячу раз да. Ему нужно посвятить

отдельный праздник.

Рассел приподнял ее волосы и коснулся губами выступающих косточек шеи. Софи затрепетала. «За Rolling Stones», — промурлыкал он, и в тот момент даже Мик Джаггер не произнес бы это сексуальнее.

— И за то, что «You Can't Always Get What You Want»[34], — сказала Софи.

— Но иногда можешь получить то, что тебе нужно, — отозвался Рассел.

И тогда она поцеловала его в губы. И ощутила вкус яблок и сыра, вкус поразительно удачного сочетания, которое раньше было даже невозможно представить. А еще — вкус тающего мороженого, тающих преград между ними, вкус слияния двоих.

Софи целовала Рассела и не знала, будет ли этот поцелуй длиться минуту, час или целую ночь. Она целовала его и не знала, что их ждет в следующем семестре, в следующем году. Но в тот момент все это было не важно. Единственно важным был только поцелуй. Вернее, даже не сам поцелуй, а то, что он означал. То, что он открыл. То, что открыла эта ночь. То, что открыли эти

---

[34] Сноски: 34
Ты не можешь всегда получать то, чего хочешь.

двое.

Завтра все будет иначе.

Софи вдруг поняла: и правда, чудеса маленькими не бывают.

Майра Макинтайр
Ведра пива и младенец Иисус

Проблемы начались, когда я поджег церковь. Вообще-то, я обошелся без спичек, да и горело не само здание церкви, а сарай рядом с ней. Тот самый, в котором методистская церковь с Мейн-стрит хранит оборудование для ежегодного рождественского представления. Который они *раньше использовали*.

Вывод из этого я сделал один: праздничная мишура, ангельские крылья и сено в яслях горят, как травка на концерте Майли Сайрус.

Я заработал сомнительную репутацию еще в первом классе, когда намазал классного кролика клеем, от души посыпал его блестками и запустил в учительскую. Оказалось, учителя считают блестки герпесом в мире ремесел: их невозможно хранить, от них невозможно избавиться. Хиппити Хоп отправился в детский зоопарк, а я — в кабинет директора. Но было слишком поздно. Я узнал, как может быть весело, если используешь творческий подход. Я вошел во вкус.

Я был тем парнем, который учит других ребят швыряться сырыми яйцами, наматывать на ветки деревьев туалетную бумагу и намертво заклеивать почтовые ящики. И чем старше я становился, тем искуснее были мои приколы. В средней школе я завалил медпункт пенопластовой крошкой. В прошлом году, перейдя в старшую школу, украсил городскую елку неоновыми стрингами.

Список моих достижений впечатляет — насколько я сам могу судить.

Количество моих провалов — один.

Если бы я мог найти оправдание, вернее того, на кого можно было бы переложить вину, то им стал бы Шелби Барон. Еще до того, как меня выгнали из спортивной секции, Шелби считался первоклассным квотербеком. Я был на третьем месте. Ладно, на пятом. В баскетболе он был центровым и начинал игру, а я убирал разлитую под скамейками газировку. А еще он встречался с Грэйси Робинсон. Он всегда был лучше меня, и именно поэтому мне и не нравился.

В день *происшествия* Шелби случайно оставил свой мини-купер (серьезно, хлыщ по имени Шелби водит мини-купер!) под деревом, который облюбовала стая голубей. А у меня была пачка

петард в рюкзаке. Идея возникла сама собой: я представил, что может получиться, и решил узнать наверняка.

Получилось много птичьего дерьма.

А еще одной-единственной шальной искрой я поджег церковь.

Впервые в жизни у меня были *реальные* проблемы. Имеющие отношение к правосудию по делам несовершеннолетних. Но потом случилось нечто еще более неожиданное: пастор вмешался и договорился с властями. Мне предложили выбор. Если вместо каникул я помогу церкви восстановить все для рождественского представления, этот инцидент будет вычеркнут из моего дела.

Сорок часов общественных работ.

Я подстриг несметное количество газонов, чтобы накопить денег на поездку в Майами. Если я соглашусь, придется ее отменить. Никаких пляжей. Никакой ночной жизни. Никаких бикини. И что расстраивало больше всего, так это то, что не придется праздновать Рождество со всей своей семьей.

То есть вдвоем.

Но альтернативой был условный срок, а то и что похуже. У меня хватало баллов, чтобы попасть в несколько колледжей из моего топ-листа,

но слишком многие консультанты, принимавшие заявки, сомневались в моей репутации, и я переживал, смогу ли получить хоть одно рекомендательное письмо. А поджог церкви — это новость, которая распространяется быстро. Если я попаду в колледж, то смогу выбраться из этого города. Подальше от дома. Подальше от своей репутации.

Судья сказал, что у меня есть выбор, но на самом деле выбора не было.

* * *

Это должно было быть рождественское представление.

Я не мог отвести глаз от живота беременной Грэйси Робинсон. Ну, то есть не от ее живота, а от живота Марии, Матери Божьей.

У Грэйси темные волосы, невинные голубые глаза, а кожа похожа на масло. Нет, она не желтая. Но я уверен, что, если бы мне удалось прикоснуться к ее коже, она была бы мягкой. Не то чтобы я планировал прикасаться к ней или еще что-то. Ее отец был пастором церкви на Мейнстрит, тот самый пастор, из-за которого я здесь, на шоу «Ребел Йилл», за два дня до Рождества.

«Ребел Йилл» — это театрализованное шоу,

на котором подают жареную курицу и пиво в ведрах, из которых обычно поят животных. А еще родео с клоунами, фокусами и трюками, а также зажигательные музыкальные номера. Главная идея мероприятия — стравить Север и Юг. Зрители выбирают сторону и болеют за любимую команду, низводя Гражданскую войну до уровня соперничества между футбольными фанатами. Я ненавижу стереотипы о Юге, но «Ребел Йилл» действительно заставляет краснеть за мой родной штат Теннесси.

Хотя церковь не связалась бы с этими «саквояжниками», если бы я не уничтожил их помещение.

Уже прошло двадцать девять часов. Нужно отработать еще три выступления — в день открытия, то есть сегодня, и два завтра, в канун Рождества. Еще одиннадцать часов, и я буду свободен от переноски дров, рисования декораций, подметания полов и лазания по узким мосткам, чтобы заменить выгоревшие прожекторы. Скоро поднимется занавес и начнется представление.

Когда у меня находилась свободная минутка, я мог побыть с Грэйси. Она всегда была милой со мной, очень милой, но не настолько, чтобы я начинал задумываться, сколько в этом про-

центов жалости. С тех пор как начались мои общественные работы, я встречался с ней семь раз. Не то чтобы я считал. Я заметил, что она часто за мной наблюдает, но это было всегда, когда я наблюдал за ней или когда она была со своим парнем, так что я старался не зацикливаться.

Сейчас ее парня тут не было.

Когда она села рядом со мной на тюк сена, все мои мысли куда-то испарились. Лучше уж ничего не говорить, чем сморозить какую-нибудь глупость, потому я ждал, когда она сама начнет разговор.

И ждал.

И ждал.

Я ерзал, искоса поглядывая на ее живот, минут пять, и вдруг она полезла под свой бледно-фиолетовый халат, вытащила оттуда кусок пенопласта в форме арбуза и протянула его мне.

— Пожалуйста, — сказала она. — Осмотри мое чрево.

— Оно… приятное. Как плюш.

Я его слегка помял и вернул ей. Не могу сказать, что умею обращаться с искусственными животами. И просто не могу поверить, что она сказала «чрево».

— Благодаря тебе его обновили, сделали

из пены, которая запоминает форму. Не могу дождаться, когда увижу весь костюм целиком. Она расправила складки на халате. — Если, конечно, его успеют доделать.

Я обернулся. Родители выступающих отчаянно суетились, внося последние штрихи в костюмы, которые должны были заменить те, что я превратил в пепел. Как я понял, хламиды и нимбы было не так уж трудно сделать, но вот с ангельскими крыльями — полная задница. Возможно, это из-за блесток, но я не предлагаю тут аналогию с герпесом. Ну, вы же понимаете. Церковь.

— Мне жаль.

Я взглянул на огромный, выше меня, ворох ткани. Прошлая неделя была полна откровений. Оказывается, методистская церковь на Мейн-стрит уже двадцать лет показывала рождественскую пьесу, а я все испортил за одну минуту.

— Все еще жду, когда меня ударит молнией.

— Перестань оглядываться. Я не для того это сказала, чтобы ты чувствовал себя виноватым. — Грэйси на секунду дотронулась до моего колена, а потом отстранилась и сунула руку в карман халата. — Если уж мой отец тебя простил, то Бог-то точно.

Я уставился на свое колено.

— Если бы мы с Богом говорили о прощении, то я бы просидел в исповедальне до конца жизни.

Она улыбнулась.

— У методистов нет исповедален.

— Твой отец помог мне не попасть в тюрьму, — ляпнул я. — В тюрьму. На Рождество.

Как же неловко.

— Это же хорошо, верно? Не знаю, посещает ли Санта несовершеннолетних преступников?

Она должна быть в бешенстве, а ее сочувствие делало меня совершенно беспомощным, как будто я вице-президент.

Грэйси Робинсон была просто хорошая.

Ее репутация — полная противоположность моей. Капитан патруля безопасности в начальной школе, представитель школьного совета в средней школе, а совсем недавно Грэйси стала королевой выпускного бала. Сейчас она один из кандидатов на чтение выпускной речи от нашего старшего класса. У нее всегда найдется запасной карандаш, и он всегда остро заточен. Такие девочки, как она, и такие парни, как я, обычно не общаются. Кроме тех случаев, когда над головой висит решение суда.

— Так жаль, что мы не успели починить са-

рай, — сказала она. — Мы пытались.

Я почувствовал укол стыда, где-то под левым ребром. Возможно, я бы смог работать в какомнибудь обществе самобичевания. Но сомневаюсь, что это помогло бы. Я указал на флаг конфедератов и мини-пушку, которую задвинули в угол.

— Как именно вы оказались… здесь?

Я не сказал на шоу «Ребел Йилл», потому что меня передергивает от того, что Гражданская война может быть поводом для развлечения.

Грэйси скривила губы.

— Мы оказались тут благодаря Ричарду Барону.

Отцу Шелби.

— Шоу принадлежит ему, — проговорила она, не глядя мне в глаза.

Точно. А еще он купил своему сыну мини-купер.

Она продолжила:

— Когда стало понятно, что мы не успеваем, он предложил нам выступать здесь в течение недели, ведь это единственное достаточно большое здание в округе.

— Да уж.

Тут места, как на стадионе, и громадная земляная арена.

— Все равно было тяжело добиться, чтобы нам выделили тут место. — Она покачала головой. — Но, мне кажется, ты об этом знаешь.

Список моих общественных работ был переполнен. Я делал все — от переноски остатков реквизита, который я не сжег, до помощи рабочим сцены. Трудно было разобраться, что тут кому принадлежит. Приходилось пробираться через мешанину из реликвий конфедератов, громадных свитков и пастушьих посохов. И я все еще не знаю, кому принадлежат трубы — горнистам Гражданской войны или небесному воинству.

— Удивительно, что твой отец все не отменил, — заметил я.

— Так было бы проще всего, но это двадцатая годовщина спектакля. Так много людей ждали этого дня, и отец не смог отказать мистеру Барону, особенно после того, как тот предложил оплатить все необходимые материалы.

Еще один драгоценный камень в корону семьи Барон.

— А почему он это предложил?

— Шелби играет Иосифа.

— Точно.

Как раз в этот момент отец Грэйси выбежал на сцену, держа в руках планшет с зажимом

для бумаг и громадную кружку кофе. Он выглядел слишком молодо, чтобы возглавлять общину из пятисот людей. Молод, как мальчик-репортер. Но только не его глаза; они казались намного старше. У Грэйси такие же темные волосы, но глаза не как у отца.

Пастор Робинсон помахал рукой, чтобы привлечь внимание людей, устанавливающих декорации.

— Прошу прощения, но этот конь, когда его заменит осел, должен стоять слева за волхвами, после того как они подойдут к Святому Семейству. Не могли бы вы передвинуть стог сена, чтобы было проще? Ослы не умеют прыгать.

Поскольку я весьма искушен в предсказаниях, то должен был задать очевидный вопрос.

— А что будет, если конь навалит кучу?

И тут, как по заказу, конь поднял хвост и воспользовался своим вечерним конституционным правом.

— Ух ты, — сказала Грэйси.

Кофе пастора Робинсона расплескался, когда он зажал планшет под мышкой. Я ждал, что он заорет и прикажет все убрать, что он бросит планшет или швырнет на землю кружку. Я никогда не видел, чтобы он злился, но именно это

произошло бы, если бы кто-то облажался перед *моим* отцом, когда тот чем-нибудь руководит.

Я услышал реакцию пастора Робинсона раньше, чем увидел ее. И не сразу ее понял, потому что это было нелогично, для меня по крайней мере. Когда он поднял лицо, оно было мокрым от слез.

Конь сделал *такое* посреди его репетиции, а он смеется.

— Это не то, чего я ожидал, — проговорил я. Юмор не был частым гостем в моем доме, даже когда отец жил с нами. Особенно, *когда* отец жил с нами.

— Это смешно, поэтому он и смеется. Люди иногда смеются, знаешь ли. — Грэйси сказала это так, будто знала, о чем я думаю. Будто понимала разницу в нашем воспитании.

Пастор Робинсон прижал руку к трясущемуся под рождественским пледом животу. На пальце у него блестело обручальное кольцо. Меня это удивило. Мама Грэйси умерла, когда мы были во втором классе.

— Воун? — Она дотронулась до моей руки. — Ты тоже можешь смеяться.

— Ага.

Я встал и взял совок.

* * *

В моей семье над неприятностями не смеялись.

Отец ушел, когда мне было восемь, и мать так никогда и не оправилась от этого. Я пытался убедить себя, что я не виноват в том, что он ушел, но у меня не получалось. В восемь лет я был жутким ребенком, все время попадал в неприятности, и мне всегда было интересно, насколько мое поведение добавляло напряжения в их брак. Я отчетливо понимал, что не нравлюсь отцу, но именно он всегда ходил на родительские собрания и разбирался, когда меня пытались отчислить из школы. Он сделал все, чтобы у меня были еда и деньги, но этим и ограничилось его искупление вины за то, что он нас бросил.

У моей матери был целый вагон таблеток. С их помощью она как-то умудрялась делать так, чтобы у меня были нормальная еда и чистая одежда. Когда ей было плохо, она почти не следила за собой, и уж тем более за мной, а когда становилось лучше, она была как удар молнии — красивая и непредсказуемая. Я очень старался, чтобы ее состояние оставалось для всех тайной, хотя дети вообще-то не обязаны этого делать. Хорошая

тема для слезливых баллад, но для меня это было правдой жизни.

Вслед за стыдом появляются секреты, вслед за секретами — ложь, а ложь разрушает все. И в первую очередь — дружбу. Ни один ребенок не захочет объяснять, что его мама не может принести закуски для класса, потому что у нее закончились транквилизаторы, а новых в аптеке пока не выдали. Тебя перестают приглашать на дни рождения, потому что ты не приглашаешь в ответ. Никто не предлагает тебе вступить в спортивную команду, потому что ты не успеваешь зарегистрироваться в срок, а если успеваешь, то постоянно задерживаешь взносы в лигу.

Поэтому ты придумываешь, как сделать что-то такое, что *заставит* тебя запомнить.

* * *

Опустив голову, я сгребал конский предрождественский подарок в ржавую тачку. На своем веку эта тачка повидала много навоза. Колеса скрипели, но крутились хорошо. Деревянные ручки были истертые, но надежные. Я вывалил содержимое в компостную кучу, прислонил тачку к стене и вымыл руки в раковине за кулисами. И подпрыгнул, когда Грэйси скользнула пальца-

ми по моему плечу.

Ей нравились прикосновения. Я этого раньше не замечал.

— Зачем ты это сделал? — спросила она.

— А что, неприятный запах? — Я так сильно дернул бумажные полотенца, что у меня в руке оказалось сразу пятнадцать штук, а рулон сорвался с держателя. — Разве ваши хламиды не волочатся по земле? Кто-то же должен был это сделать…

— Ты знаешь, о чем я. Петарды…

Я смотрел на бумажные полотенца, выравнивая края и наматывая их обратно на картонный рулон.

— Я много чего делаю просто так. Мне было скучно. Хотелось посмотреть, что будет.

— Если хочется экспериментов, то люди ходят на уроки химии, а не подрывают стаю голубей.

— Я не собирался их подрывать. — Я посмотрел ей в лицо. — Я не издеваюсь над животными.

— Хиппити. — Она подняла бровь. — Хоп.

— Это не было издевательством. Это было искусством. Неудачный эксперимент шестилетки.

А что касается птиц, я просто хотел спугнуть их с дерева.

— Сработало.

— Они все выжили.

Грэйси забрала у меня рулон бумажных полотенец и повесила обратно.

— Ты так и не сказал, зачем ты это сделал?

Отвечать на такие вопросы не входило в мои планы. Я собирался просто пережить эти два дня и получить зачет от судьи, а не рассказывать о том, что давно и пылко влюблен, или о том, что я жутко ревнивый. Мои мысли метались, отчаянно ища выход из ситуации.

— Ладно. Ты когда-нибудь смотрела «Шерлока Холмса»?

Глаза Грэйси сузились, она решила, что я ухожу от разговора.

— Сериал или фильм?

— Не важно, — сказал я.

— И сериал, и фильм, — ответила она.

— Ты же знаешь, что Шерлок замечает то, что на первый взгляд не имеет никакого отношения к делу. Но как только он находит все связи, ответ становится очевидным. А на экране мы обычно видим только быструю смену кадров.

— Ох. Меня от этого тошнит. — Но она улыбнулась и скрестила руки на груди. — Так ты говоришь, что твой мозг работает быстрее, чем у других?

— Я просто говорю… Я хорошо вижу связи, которые могут вызвать проблемы. — Я оглянулся вокруг. — Возьмем, например, освещение. Я мог бы изменить направление лучей прожекторов. Или переклеить на сцене ленту, которая обозначает места для актеров. Перемешать реквизит на столе или просто все спрятать. Если перепутать тросы ангелов, получится масса интересных неприятностей. Не тросы детей-ангелов, конечно, а взрослых. Это будет похоже на вечеринку. На похабную вечеринку.

— Значит, твоя цель — хаос?

— Это просто для примера, я вовсе не собираюсь этого делать. А разве твоя цель — играть Марию до конца своих дней?

— Конечно, нет. — Она встала. — Но когда твой отец — пастор… В общем, люди от тебя ожидают определенных вещей.

— Да, безупречной кожи и послеродовой депрессии. И разве это не перегиб?

Ее нос сморщился при слове «безупречной». Я и раньше видел у нее это выражение лица — обычно, когда кто-то говорил ей комплименты.

— Возможно. Но вот смотри: настоящая Мария была с Ближнего Востока. И ей было около двенадцати. А настоящему Иосифу было, наверное,

лет тридцать.

— Какая гадость.

— Волхвы были астрономами, и они пришли, когда Иисусу было уже около двух лет, и никто не знает, сколько их было. А вместо хлева, скорее всего, была пещера.

Грэйси начала заводиться, говорить быстрее и жестикулировать.

— И я уверена, что Иисус плакал, — сказала она. — Он был младенцем. Так нелепо, что из-за ожиданий публики, привыкшей к коммерческой версии Рождества, нам приходится увековечивать мифы. — Она плюхнулась рядом со мной на деревянный ящик.

— Тогда почему ты в этом участвуешь? — Я посмотрел на нее. — Из-за отца?

— Ты, наверное, думаешь, что он заставляет меня. Но это не так. — Она закрыла лицо ладонями и посмотрела на меня сквозь пальцы. — Ты, наверное, думаешь, что я ужасная.

Я сделал паузу, ожидая, пока мимо пройдет школьный хор. Потом сказал:

— Невозможно думать о тебе плохо, Грэйси Робинсон.

Она села ровнее. И, возможно, немного покраснела. Я сделал ей комплимент, не скрывая

восхищения в голосе.

— Наверное, иногда хорошо быть тем… на кого все обращают внимание.

Я склонил голову набок, как кокер-спаниель.

— Ты же была королевой бала.

— Это просто случайность. Если бы Эшли Стюарт и Ханну Гэйл не отстранили за то, что они залезли в кабинет директора и отправили всем учителям электронные письма об увольнении, я бы никогда не выиграла. Они были фаворитками.

Я принялся очень внимательно рассматривать ногти. Глаза Грэйси расширились.

— Воун!

— Я просто подкинул им идею. Без всяких задних мыслей. Ну, и, возможно, подогнал универсальный ключ от всех дверей.

Иногда хорошо быть тем… на кого никто не обращает внимания.

— Ты сделал это для меня?

Я старался не смотреть ей в глаза.

— Ну, в общем, все это было не совсем случайностью.

У нее просто челюсть отпала, и лицо было такое, словно она пыталась понять, наорать ей на меня или поблагодарить.

— Я не хочу быть в центре внимания. Я знаю, что меня любят и мне не нужно искать похвалы. Но в тайне, — она вздохнула и понизила голос, — подозреваю, что я говорю себе это, чтобы не грустить, когда меня не замечают.

— Так ты хочешь, чтобы тебя замечали, или нет? Потому что все это звучит довольно странно. — Я рискнул слегка толкнуть ее в плечо. — Но я тебя не осуждаю.

Грэйси не отодвинулась.

— Не то чтобы мне нужно было одобрение, признание или еще что-нибудь. Не в этом счастье. Но… иногда мне нравится чувствовать себя особенной, это правда. Понимаешь?

— Каждый раз, когда захочешь почувствовать себя особенной, просто найди меня.

Слова вылетели прежде, чем я смог их остановить, и зависли в мультяшном облачке у меня над головой.

Грэйси нахмурилась.

— Ты флиртуешь со мной?

— Прости. — Я чувствовал, как мое лицо заливается краской, а ведь я никогда не краснел. — Я зашел слишком далеко?

— Нет. Ты зашел так далеко, как надо. — Хмурый взгляд сменился улыбкой. — Я просто

пытаюсь найти наиболее эффективный способ флиртовать с тобой.

Волна адреналина прокатилась по моему телу. Я не знал, как выбраться из этой ситуации, и сменил тему. Потому что я трус.

— Кстати, о флирте, где твой муж?

Она моргнула.

— Твой муж по сценарию. А в реальной жизни — твой парень.

— Мой… ты имеешь в виду Шелби? — простонала Грэйси. Запустила руки в волосы и схватилась за голову так, как будто она болела. — Он не мой парень.

— О, правда?

Я скрестил руки и откинулся назад, чтобы выслушать эту историю.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы мы держались за руки? Или на свидание ходили? Настоящее, официальное свидание, не в стенах церкви или на школьном мероприятии? Нет, не видел. Потому что мы *никогда* не были на свидании.

— Тогда в чем же дело?

— Я — прикрытие для настоящей девушки Шелби.

Я чуть не упал.

— Для настоящей девушки?

— Она очень милая либеральная феминистка-христианка. Ее зовут Элли, она из Нью-Джерси. Они познакомились два года назад в христианском летнем лагере.

— А что, либеральные феминистки могут стать христианками?

Грэйси закатила глаза.

— Кто угодно может стать христианином.

Я понял, почему Шелби приходится использовать Грэйси в качестве алиби. Отец-южанин с катушек бы слетел, если бы узнал, что его сын встречается с кем-то из Нью-Джерси. Не говоря уж о *либеральной феминистке* из Нью-Джерси.

— Если ты просто прикрытие, почему он так тебя защищает? Настолько, что даже становится настоящей задницей… — я быстро добавил: — Для всех, кто на тебя хоть посмотрит?

— Он относится ко мне, как брат, и мой отец этим пользуется. — Грэйси внимательно смотрела, как доброволец оклеивает блестками коробку с дарами, в которой хранилось миро для младенца Иисуса. — Кстати, что тебе Шелби вообще сделал? Он, конечно, футболист, но, так скажем, не типичный. Он ведь не загоняет тебя в угол туалета и не натягивает тебе трусы на голову, верно?

Я покачал головой.

— Или он тебя запирает в шкафчике? Приматывает скотчем к флагштоку? Заливает спортивный бальзам в суспензо… рий… ну, что-то в этом роде?

Я улыбнулся.

— Ты такая милая, когда краснеешь.

— Не меняй тему. — Она заставляла себя не отводить глаза. — Почему тебе не нравится Шелби?

Разговор зашел настолько далеко, что можно было уже и довести его до конца.

— То, что у него есть ты, казалось мне достаточной причиной.

— О!

Я пялился на ее пенопластовый живот. Невероятно, но он смущал меня меньше всего.

— Полагаю, твой отец не очень-то был бы счастлив, если бы я пригласил тебя на свидание. Я не либеральная феминистка из Нью-Джерси, но и ничем не лучше.

— Ты уже забыл, что отец ходил в суд ради тебя?

Смотри на живот. Сосредоточься на животе.

— Я не забыл. Но есть большая разница между тем, чтобы вытащить кого-то из неприятностей

и позволить своей дочери встречаться с хулиганом.

— Не стоит недооценивать моего отца. Он не такой, как отец Шелби. То есть я уверена, сначала между нами состоялся бы серьезный разговор — между мной и папой, но я достаточно умна, чтобы отличить плохое от хорошего. Отец это знает и доверяет мне. Что касается тебя, он верит в то, что делает, и во второй шанс тоже. Он любит людей. Я бы даже рискнула сказать, что он любит тебя.

Это меня просто потрясло.

— Почему? Я же не следую правилам. Разве религиозные люди не любят правила?

— Правила позволяют людям чувствовать себя в безопасности. Но от правил недалеко до осуждения. Осуждать легко, Воун. Любовь — гораздо сложнее, и именно ее он выбирает каждый день.

— Он все равно не разрешит тебе проводить время с кем-то вроде меня, — продолжал я спорить.

— Ты говоришь так, будто мое мнение не имеет значения. — Грэйси не выглядела обиженной. Скорее сильной, уверенной.

Адреналин пульсировал в моих венах.

— А ты бы хотела? — Я остановился. Подумал.

Продолжил: — Ты бы захотела такого, как я?

Грэйси наклонилась ко мне. От нее пахло… древесным дымом. И кондиционером для белья.

— Если бы ты был меньше занят своими приколами и был бы внимательнее, то знал бы ответ.

Если она имеет в виду то, на что я надеялся, я никогда больше не буду прикалываться.

Наверное.

Дверь за кулисами открылась и с шумом захлопнулась. Холодный ветер всколыхнул занавес, подхватил страницы сценария. Там было описание каждой сцены, диаграммы, сценические пометки и, возможно, даже местонахождение Святого Грааля. Мы вскочили и стали ловить страницы.

Грэйси вздрогнула и сильнее закуталась в свой халат, пока ловила очередную летающую страницу.

— Мы никогда их все не поймаем.

— Конечно, поймаем. И это будет так же легко, как снова сложить их в правильном порядке.

— Я так не думаю. — Она показала мне страницы, которые уже поймала. — Никаких номеров. Миссис Армстронг взбесится, ведь ей придется их снова складывать в правильном порядке. А это нарушит ее драгоценный график.

Миссис Армстронг гордилась тем, что она режиссер, и сообщала об этом всем и каждому с помощью ламинированного бейджика с именем, который носила на шее.

— Почему она не проставила номера страниц?

Грэйси рассмеялась.

— Это гарантия занятости. Если никто больше не знает, в каком порядке идут сцены, где должны стоять актеры или где пометить сцену лентой, она нужна.

Стоя на коленях, я шарил под столом.

— Зачем нужна гарантия занятости, если человек делает это добровольно?

— Чтобы забраться на самую высокую ступеньку социальной лестницы, до которой только можно дотянуться.

— Эти церковные активисты такие странные. — Когда я это сказал, то почувствовал себя придурком. — Извини. У меня словесное недержание. Ты наверняка уже заметила. Можем ли мы вернуться к моменту до того, как я тебя обидел?

— Так далеко? — спросила она.

— Как далеко? — Я встал.

— В третий класс.

— Что случилось в третьем классе?

Я отодвинул коробку с нимбами, чтобы достать еще одну затерявшуюся страницу.

— Ты переломал все карандаши в моем пенале, а потом сказал учительнице, что это я сама сделала. Мне пришлось пятьсот раз написать «На пенни изображен Авраам Линкольн».

Я рассмеялся.

— Мне жаль.

Глаза Грэйси блеснули.

— Мне тоже было жаль.

Дверь снова открылась, и сценарий опять разлетелся. Грэйси побежала направо, протискиваясь между флагом Южных штатов и кучей свитков, а я — налево, на сцену, петляя между корзинами с юбками и корытом, служившим яслями. Посреди арены стоял конь в шапке конфедерата. Рядом с ним — генерал Роберт Э. Ли во всех своих регалиях и со «смит-вессоном». За ним — пятеро солдат, увлеченных разговором с генералом Грантом.

Пастор Робинсон подошел к ним с улыбкой, но на моих глазах она растаяла, как снеговик в натопленном доме.

— Ой-ой, — сказал я.

— Что ой-ой?

Грэйси выглянула из-за моей спины, положив

руку мне на пояс. Я бросил все силы на то, чтобы стоять прямо. Интересно, выйду ли я за рамки приличия, если тоже положу руку ей на талию?

— Почему они здесь? — спросила она.

Я пожал плечами.

— Не знаю.

После короткой и бурной дискуссии, во время которой нежная рука Грэйси так и не покинула моей спины, ее отец взобрался по ступенькам на сцену. Он натянуто улыбался. Я запаниковал.

— У «Ребел Йилл» шоу сегодня вечером, — сказал он.

Грэйси отдала мне свои страницы и показалась ему на глаза.

— Это *у нас* шоу сегодня вечером, — возразила она.

— Мистер Барон так и не убрал сегодняшнее выступление «Ребел Йилл» с сайта, так что люди все еще покупали билеты онлайн.

Пастор Робинсон поманил нас за собой, и мы пошли в театральную кассу. После короткого разговора с кассиршей он обернулся к нам.

— Велика вероятность, что людей придет в два раза больше, чем мест в зале! Билеты в «Ребел Йилл» полностью раскуплены, а билеты на рождественское представление были разосланы

в прошлое воскресенье. Я… Я не знаю, что делать. Шоу начнется через два часа.

Пастор Робинсон провел рукой по лицу. Он выглядел уничтоженным, а ведь только двадцать минут назад смеялся.

Меня накрыла вина. Но за ней следом явилась и надежда.

— Сэр? — Я шагнул к нему, сжимая сценарий в руках. Мой голос был тонкий, как у крошечной и широкоглазой диснеевской зверушки. — Думаю, я могу помочь.

— Правда? — спросил он. — Как?

— Катастрофы — это моя специальность.

* * *

— Поверить не могу, что ты сделал это. — Благоговение Грэйси могло бы придать мне сил для триатлона. — А что теперь? Будешь просто подсовывать что-то и надеяться, что это сработает?

— Вроде того. Это как прикол со спагетти: кидаешь их на стену и смотришь, прилипнет или нет.

— Интересно, реально ли это, — размечталась она, постучав пальцем по подбородку. — Например, как ты думаешь, есть ли в «Оливковом саду»

стена спагетти? И приходится ли официантам тянуть жребий, чтобы решить, кто будет отдирать их после вечеринки?

Я улыбнулся.

— За работу.

Грэйси написала список традиционных газет и радиостанций, а я сделал черновик объявления для социальных.

— Сначала я позвоню на радио, — сказала она. — На HOTT FM играют рождественские песни, так что я начну с них.

Она подмигнула мне, прежде чем убежать.

Они не крутили ничего, кроме рождественских песен, начав сразу после Хэллоуина, и мне казалось, что большинство слушателей переключились на гангста-рэп, чтобы хоть как-то спастись от этого веселья. Но я не возражал. Грэйси выглядела такой воодушевленной.

Чей-то голос перебил мои мысли.

— С толпой мы как-нибудь разберемся. Но как быть с парковкой?

Пастор Робинсон стоял рядом со мной, а я даже и не заметил. Спасибо, что Грэйси все еще была в фиолетовом халате, иначе он бы увидел, как я ищу ее глазами.

— Нам придется кого-то поставить на самой

дороге, — сказал пастор. — У нас есть несколько оранжевых конусов… и можно обозначить ими вход и выход…

Он замолчал, оглядывая мусор за кулисами в поисках решения.

— Вы ведь всегда работаете, да, пастор Робинсон? — спросил я.

— Дэн. Ты можешь звать меня Дэн, — проговорил он.

Нет, не могу.

Потом он нахмурился.

— Нет, я не работаю по пятницам и субботам.

— Я имею в виду… вы всегда включены. Ваш мозг не пропускает информацию без обработки: влетев в одно ухо, она не вылетает через другое. Внутри всегда что-то варится.

Я видел, как что-то варится прямо сейчас. Мгновение спустя пастор задумчиво кивнул. А потом ответил так, как взрослые обычно не отвечают: честно.

— Я довольно много читаю, учусь, консультирую. Много говорю. Конечно, я могу на время выкинуть все это из головы, особенно, когда дело касается Грэйси. Но ты прав. Всегда есть люди, о которых нужно заботиться, и я никогда не смогу это просто взять и выключить.

Я хотел поблагодарить его за доверие, но не знал, как.

— Грэйси сказала, что вы верите в то, что делаете.

— Да, это правда.

— М-м… круто.

Мы смотрели друг на друга, не зная куда дальше повернет разговор. У меня были вопросы, но я не мог найти в себе силы задать их. Почему он так добр ко мне, после того как я испоганил ему весь декабрь? Почему он дал мне второй шанс? Почему у него такая прекрасная дочь?

— Пастор Робинсон!

Голос пронесся над снующей толпой. «Ребел Йилл» против церкви Мейн-стрит. Каковы шансы? Женщина, которая держала три комплекта ангельских крыльев и поддельный золотой слиток, помахала рукой перед лицом пастора, чтобы привлечь его внимание.

— У нас проблемы. Плохие, плохие новости!

— Давайте просто притворимся, что я уже в курсе? — Он потер виски и закрыл глаза. — Вам обязательно мне это говорить?

— Ага. Несмотря на то что вы с этим ничего не сможете поделать. Спасти нас может только чудо.

Пастор открыл глаза.

— Давайте.

— Снег пошел.

Из-за суеты дверь на сцену распахнулась. Наш городок выглядел, как снежный стеклянный шар, который встряхнули. Снежинки кружились хороводами и спиралями и, упав на землю, превращались в лед. Блестящий белый слой покрыл все, включая дорогу. С каждой секундой он становился все толще.

Зима в этом году пришла рано и была не по сезону холодной, но никто в нашем городке не ожидал снега. Насчет снега тут волновались, только если собирались в путешествие. Если так и дальше пойдет, то никто несколько дней никуда не сможет проехать. Люди даже не успели запастись хлебом и молоком. Или туалетной бумагой.

— Будем надеяться… что это скоро прекратится… — сказал пастор Робинсон. Он выглядел так, будто вот-вот упадет лицом вниз.

— Я так не думаю. — Вошла Грэйси, без живота, в распахнутом халате поверх обычной одежды.

— Сто процентов, что он не остановится. Это что-то вроде урагана. Метеорологи на седьмом небе. Вы же знаете, как они обожают погод-

ные катаклизмы. А дети просто с ума посходили, ведь занятия в школе уже закончились.

Дети в нашем городке проводили свое детство в постоянном разочаровании — и все из-за розовой линии в прогнозах погоды, которая никогда не опускалась достаточно низко к югу, чтобы пошел снег, зато всегда включала нас в предупреждения о торнадо. Я не так далеко ушел от «детства», чтобы победить свое волнение, но я хотя бы пытался.

И чувствовал, что у меня голова идет кругом. Как бы редко ни шел у нас снег, сегодня он определенно создавал проблему.

— Это еще не все. — Грэйси подошла к отцу и нежно положила ладонь ему на руку. — Федеральная автострада на севере от нас уже закрыта. Верблюды застряли.

— Верблюды, — сказал он глухим голосом, как будто только что проснулся. — Застряли?

— Да, верблюды. И овцы.

— Овцы?

Грэйси быстро сообщила остальные новости.

— Осел и бык тоже. Транспорт не движется, и они вместе с ним. Гринпис схватит нас за задницу (в прямом смысле), если мы станем подгонять транспорт в такую погоду.

Все, кто слышал Грэйси, поникли головой. Я не знал, как церковь относится к алкоголю, но пастор Робинсон выглядел так, будто ему не помешала бы «маргарита». Он глубоко вздохнул. Этот вздох знает любой подросток. И любой подросток его боится.

— Грэйс Элизабет Робинсон. Я знаю, что это было сказано для красного словца, и твоя попытка разрядить ситуацию не осталась незамеченной, так же как время и место, когда ты решила это сделать. Положи доллар в банку ругательств.

Прежде чем Грэйси успела ответить, телефон пастора зазвонил. Он взял трубку.

Я вытаращился на Грэйси.

— Ты же просто сказала «задница».

Она пожала плечами и улыбнулась.

— Обычно я выхожу сухой из воды, поскольку это слово есть в Библии.

— *Ты сказала «задница».*

— Я знаю.

— У вас есть *банка ругательств*.

Она выскользнула из халата, явившись нашим взорам в голубом свитере, который так ей шел, что это стоило отдыха на Багамах.

— Это старая банка из-под солений, которая стоит у нас на кухне. Мама ввела это правило

для отца, когда он был в семинарии, а он ввел это правило для меня.

— Твой отец тоже ругается?

— Уже нет. В прошлом году он опустошил ее, чтобы оплатить поездку в тематический парк Гарри Поттера во Флориде.

Ее улыбка засияла на полную мощность. И я ужасно захотел ее поцеловать.

— Ты хулиганка. Совсем не такая, какой я тебя представлял.

— Ты тоже, — сказала она. — Сколько дней прошло с тех пор, как ты что-то выкинул? Я и подумать не могла, что ты столько продержишься.

— Может, я пытаюсь измениться. Раньше я уже так делал.

Я сел на деревянный ящик и похлопал рукой по свободному месту рядом.

— Помнишь Награду Хорошего Гражданина в четвертом классе? И что нужно было сделать, чтобы ее получить?

Она кивнула и села на ящик.

— Я очень старался. Все кидались в меня дерьмом, говорили, что я никогда не смогу быть хорошим достаточно долго, чтобы ее получить, но в последний месяц учебного года я ее заработал. Я доказал, что могу себя контролировать.

А мистер Викли пропустил мое имя на собрании. Я знаю, что мое имя было в списке, но он назвал всех, кроме меня. Никто мне не верил. Именно тогда я понял, что у всех уже сложилось мнение обо мне. Так чего же их разочаровывать?

— Почему же не стараться еще больше?

— Мне было девять, — сухо проговорил я. — «Старайся еще больше» звучит как родительский совет, а у меня таких советчиков не было.

— Я считаю, — сказала Грэйси, беря меня под руку, — что если одно событие может повлиять на всю твою жизнь, то все, что тебе нужно, чтобы измениться, если ты, конечно, хочешь, — это другое событие.

Я смотрел на ее руку поверх моей. И когда поднял глаза, увидел, что она пристально смотрит на меня.

Вдруг все зашумели.

Грэйси перевела взгляд на отца.

— Что на этот раз?

— Миссис Армстронг поскользнулась на обледеневших ступеньках, и ее отвезли в больницу с переломом ноги. Мы потеряли режиссера.

— Вот это да, — пробормотала Грэйси. — Двойные билеты на все мероприятие, снежная буря, застрявшие животные. А теперь у нас нет режис-

сера. Ситуация с каждой секундой становится все хуже. — Она цокнула языком. — Легче сдаться. Никто не будет нас винить. Или…

— Или?

Она отпустила мою руку и начала раскачиваться из стороны в сторону на ящике, чуть ли не подпрыгивая.

— Ты знаешь, как сделать так, чтобы все пошло плохо. В этом ты лучший. — Если бы это сказал кто-нибудь другой, я бы обиделся. — И только попробуй сказать, что ты не знаешь, как сделать, чтобы вечер удался!

— Ты пытаешься сделать так, чтобы твой отец меня принял?

Я так не думал, но я должен был спросить.

— Мы уже говорили об этом. Он и так примет.

— Ты пытаешься меня исправить?

— Зачем? Разве ты сломан?

Что-то во мне все-таки было сломано. И я чувствовал, что Грэйси видит каждый надлом. Я пожал плечами.

— Ты сказал, что хочешь измениться, — напомнила она.

— Я сказал: *может быть*.

— Ты сам сделал первый шаг, когда предложил отцу помощь. Я вижу следующую возможность

и просто указываю на нее. Это твой выбор.

Я был рад, что она больше не держит меня за руку. Мои ладони были влажными, как тропический лес.

— Ты так ослеплен своим мнением обо всем, что не видишь правды. Приколы, шутки — они не делают тебя плохим. — Она наклонилась ко мне. — Они делают тебя *тобой*. Ты многое можешь предложить, Воун. А начать сначала — это и есть суть Рождества.

— Что насчет тебя, Грэйси? Ты бы хотела начать что-то со мной? Или боишься уничтожить свою репутацию?

— А почему ты думаешь, что я не уничтожу твою?

Я чуть не подавился. Грэйси кивнула в сторону сцены, где царил невообразимый хаос.

— Ну?

Долю секунды я пристально смотрел на нее.

— Хорошо. — Можно подумать, что я мог ей сопротивляться. — Я сделаю это.

— Черт побери!

— Еще один доллар, — прокричал пастор Робинсон, на секунду оторвавшись от телефона.

Я рассмеялся.

— Это ведь тоже есть в Библии, разве нет?

— В последнее время он не так снисходителен, — сказала она, улыбаясь и показывая отцу большой палец в знак одобрения. — Думаю, следующим летом он собирается на Гавайи.

Перед глазами у меня встала картина: Грэйси в бикини, а рядом пастор Робинсон в плавках. Я затряс головой, чтобы отогнать видение.

— Ты должна надеть костюм. Где твой пенопластовый ребенок?

— Кто-то из ангелочков спит на нем вместо подушки.

Она встала и потянула меня за собой.

— Эй, пап! У Воуна есть идея.

* * *

Пастор Робинсон согласился продолжить подготовку к спектаклю.

Сообщения о ситуации на дорогах в северной части городка становились все хуже и хуже. На юге дела были немногим лучше, но там транспорт хотя бы двигался. Телефон пастора Робинсона разрывался от звонков и сообщений от тех, кто опоздает или вообще не сможет прибыть. Генерал Грант и генерал Ли, сбившись в кучу с солдатами, отвечали на звонки от своих застрявших в дороге актеров.

— Почему здесь нет мистера Барона? — спросил я. — Разве не он должен заниматься этими звонками?

Это означало, что Шелби-Иосифа тоже не будет, но… Теперь я относился к нему лучше, чем обычно.

— Да, он должен. Так же как и Шелби. — Пастор Робинсон взглянул на свои часы. — Они живут прямо за холмом, так что погода не должна была их остановить.

Я не только слушал, но и думал. Сумасшедший мозг Шерлока заработал.

Мой взгляд метался от солдат Гражданской войны к рождественским костюмам, от арены к сцене.

Грэйси наблюдала за мной.

— Ты снова это делаешь, да? Эту штуку с мозгом. Прямо сейчас.

Я ей не ответил.

— Нам не хватает актеров. «Ребел Йилл» не хватает актеров. Мы могли бы объединиться.

Пастор нахмурился.

— Ты хочешь, чтобы генерал Грант и генерал Ли вместе с Сантой дарили подарки младенцу Иисусу?

Я вовсе не это имел в виду, но на секунду пред-

ставил себе эту картину.

— Нет, пап, просто у нас есть костюмы волхвов, — объяснила Грэйси. — Мы могли бы одеть в них кого-нибудь из «Ребел Йилл».

— Это может сработать, — ответил он.

— И, — теперь настал мой черед говорить, — если у нас только по половине актеров из каждого состава, возможно, то же самое будет и с публикой. Мы могли бы объединить шоу. Но вы вряд ли сможете участвовать в гонках вокруг бочек. — Я посмотрел на пастора, и он кивнул. — Зато ребята из «Ребел Йилл» могли бы нам помочь.

— Мне нравится эта идея. Очень нравится. Позвольте мне узнать их мнение.

Я еще не сказал, что, видимо, придется позвать официанток на роль ангелов. Детей-ангелов. А в их костюмах официантки скорее всего будут выглядеть, как проститутки. Зато у нас есть пастушьи посохи с крюками. И если все станет слишком скандально, мы всегда сможем утащить официанток со сцены. Грэйси ведь не сказала, что я должен организовать классическую постановку.

— Хорошо, что еще?

Она держала планшет и карандаш. Было приятно видеть, что она так верит в меня, но планшет

напомнил мне о более серьезной проблеме.

— Сценарий. — Он все еще валялся на скамейке режиссера в полном беспорядке. — Мы не знаем, в каком порядке идут сцены. Людям из «Ребел Йилл» понадобятся отметки, чтобы знать, куда идти.

— С этим я могу помочь.

Этот голос мог принадлежать только одному человеку.

Светлые волосы Шелби отросли после стрижки в честь начала футбольного сезона и торчали во все стороны. Он был небрит, темные круги залегли под глазами, рубашка была неправильно застегнута. Я никогда раньше не видел его таким.

— Прости, — сказал я. Если честно, просто выпалил.

— В смысле?

— Прости, что заставил тех птиц нагадить на твою машину. — Я никогда раньше не извинялся, но сейчас это казалось мне правильным. — Это не было круто, и у меня не было причины. Не было настоящей причины…

Грэйси выступила вперед.

— Я рассказала ему о твоей девушке.

— А ты рассказала ему о мини-купере? — тре-

бовательно спросил Шелби.

Грэйси покачала головой.

— Это твоя проблема.

— Чувак. — Шелби обошел ее и схватил меня за плечи, пристально глядя в глаза. — Я вожу мини-купер только потому, что *вынужден* это делать. Иногда моему отцу приходят в голову странные идеи. — Он кивнул в сторону лассо и клоунских париков, которые висели рядом на стене. — И эта машина — одна из них. Он сделал мне сюрприз и был так счастлив… Лучше бы сжег ее, а не церковь.

— Эй, расслабься. Я ничего не собирался поджигать.

Грэйси подошла и сбросила гигантские потные руки Шелби с моих плеч.

— Ты ведь его простил, верно?

Шелби был качком, но соображал быстро. Он перевел взгляд с меня на Грэйси.

— Серьезно? Вы двое?..

— Так ты поможешь со сценарием или нет? — Она стояла, уперев руки в бока. — Напоминаю, что за тобой должок.

— Точно. — Шелби поник головой. — Хорошо, давай его сюда. Я уверен, что смогу правильно разметить сцену. Она всегда напоминала мне

футбольное поле.

Грэйси отдала ему сценарий, и Шелби тяжело опустился на табурет, как будто был совершенно без сил. Сцена заскрипела под его весом.

— Я дам вам знать, когда закончу, — крикнул он. — И, Грэйси?.. Потом поговорим.

Она отмахнулась от него и потянула меня в сторону.

— Твое извинение было впечатляющим. Неожиданно.

Рядом был угол. Темный угол, где ее отец не мог нас видеть. И она восхищалась мной.

— Было ли это достойно вознаграждения? — спросил я, переводя взгляд с нее на угол и обратно.

— А ты наглый.

— Я знаю, как воспользоваться ситуацией.

— Нахал. Да еще и умный.

Она схватила меня за рубашку и утащила в темноту.

Я был рад, что она еще не надела свой костюм. Не то чтобы я прижимал ее к стене или еще что-то, но так я был ближе к ней, чем когда-либо. Это превзошло мои ожидания. Ее волосы пахли по-девчачьи, весной.

Моя рубашка все еще была зажата в ее руке.

— Я пытаюсь теперь поступать правильно, — сказал я, — но я готов совершать преступления каждый день, чтобы быть здесь с тобой.

— Это нелогично. — Она вздохнула. — Если бы ты каждый день совершал преступления, мы бы смогли быть вместе только час по воскресеньям.

— Так ты говоришь, что хочешь проводить со мной время?

Она хихикнула в ответ. Грэйси обычно не хихикает.

— Ты нервничаешь.

— Я… я никогда… Я целовалась только один раз, с Мило Кратчером в шестом классе, и он засунул язык мне в рот. Сейчас я понимаю почему, но тогда нет. Потому что я с тех пор… вроде как… избегала этого.

Она думала, что я собираюсь ее поцеловать, и не убегала.

— Как жаль. — Я дотронулся до ее лица, провел большим пальцем по скуле. — Хотя я рад, что он испортил тебе впечатление. С радостью стану тем, кто все сделает правильно.

— К-конечно, станешь…

Я убрал руку от ее щеки.

— У тебя зубы стучат. Прости…

— Эй! — Она схватила мое запястье. — Это я

сделала шаг.

Я поднял ее подбородок одним пальцем.

— Я рад. Но сейчас, наверное, не время и не место для этого, и, возможно, я хочу сначала угостить тебя стейком.

Ее глаза были такими голубыми и такими большими.

— Я вегетарианка.

Я улыбнулся.

— Тогда я угощу тебя салатом.

Затем я поцеловал ее в лоб и вышел на свет.

* * *

Я хорошо себя вел тридцать один час, был сдержанным с Грэйси и сумел на облажаться в разговоре с ее отцом. Я нашел скатерти, чтобы прикрыть ноги официанток, которые теперь стали ангелами, убедил Ли и Гранта надеть парики и хламиды (два волхва застряли в пробке) и облепил лошадей ватой, чтобы превратить их в овец.

Я орудовал клеевым пистолетом, подшивая костюм Грэйси, не уронив при этом своего мужского достоинства, и одолжил геймера-восьмиклассника из хора средней школы, чтобы тот управлял светом. Я создал исторический костюм, распоров сзади штаны у ничего не подозревающего

пастуха, снял шапки конфедератов с лошадей, которые теперь стали ослами, и нашел бенадрил для одной нервной мамаши.

А вы еще говорите о рождественских чудесах! Оставалась только одна проблема.

У нас не было Иосифа. Мы сочинили идеальный сценарий, но Шелби исчез.

— Мы его чем-то обидели? — спросил я Грэйси. — Это тоже из-за меня?

— Нет, он бы так не поступил. — Она подняла руки. — И мы никогда с ним не встречались, ни разу. Что-то здесь не так.

У нас не было лишних людей, никто не мог заменить Иосифа. Отец Грэйси был на улице и разбирался с билетами и транспортом, но даже если бы он был свободен… это было бы как-то… не очень. И я даже не мог забрать самого высокого мальчика из хора, потому что он был у них единственным тенором.

У меня закончились идеи, как вдруг снова появился пастор Робинсон.

— Мы нашли Шелби, — сказал он, — без сознания, в куче мешковины. У него высокая температура и он бредит. Все твердит о демократах, Нью-Джерси и поцелуях.

— Значит, Иосифа у нас нет.

Грэйси продолжала смотреть на отца, но ее рука потянулась к моей.

— Нет, у нас его нет.

Он тоже старался не смотреть на меня.

Ой, нет.

— Да ладно вам. — Я сделал шаг назад. — Ни за что. Никто в этом городе не поверит, что я Иосиф. Они освищут Рождество. Нельзя, чтобы люди плевались в такой момент. Я, может быть, и приношу неприятности, но делаю это закулисно. Исподтишка. Я не люблю, когда на меня смотрят. А тут людям придется на меня смотреть.

Я молол чепуху, ведь последнее, что я хотел — так это надеть хламиду, искусственную бороду и изображать божьего человека.

— Ничего страшного, Воун. Ты и не должен этого делать. — Грэйси сжала мою руку. — У нас еще есть время, чтобы что-то придумать.

— Десять минут! — в наушниках раздался голос геймера-восьмиклассника.

— Мы можем использовать одного из волхвов, — предложила Грэйси. — Взять кого-то из толпы на его место. Ему всего-то и нужно, что постоять вон там.

Пастор Робинсон кивнул.

— Да, это хорошая мысль. Возможно, нам придется открыть занавес на пару минут по…

— Я сделаю это. — *Это я сказал?* Да. — Я буду Иосифом.

— Сынок, тебе не нужно этого делать. Честное слово, — сказал пастор Робинсон. Я знал, что он думал обо мне, о моих чувствах. И он назвал меня «сынок». — Выступление не было частью сделки.

Я смотрел на Грэйси, на ее отца, и все, что я видел, была забота. Ни осуждения, ни разочарования, ни ожидания. Ничего.

Только любовь.

— Режиссура тоже не была частью сделки, — ответил я.

— Это другое дело, — проговорила Грэйси. — Никто не хочет, чтобы тебе было не по себе…

— Я хочу это сделать. — Я поднял руку, когда Грэйси начала было спорить. — Нет, правда, хочу. — Я повернулся к ее отцу. — Надеть искусственную бороду и постоять за то, во что вы верите, — это меньшее, что я могу для вас сделать.

Грэйси прикусила губу. И, кажется, я даже увидел слезы в ее глазах.

— Спасибо, — сказал пастор Робинсон. И потом он обнял меня.

— Да. — Я проглотил ком в горле. — Так где борода?

* * *

Мы с Грэйси были одни на сцене, ждали, пока откроется занавес. Просто молодая пара на пути из Назарета в Вифлеем, чтобы поучаствовать в переписи. Минус осел, но некоторые вещи не исправить. А Грэйси сказала, что осла в Библии все равно не было.

Я вспотел и нервничал, но Грэйси улыбалась до ушей. Так что все это того стоило.

— Я бы пожелал нам удачи.

Повертев в руках полоску, намазанную клеем, я пришлепнул ее себе над верхней губой. *Привет, 1975-й.*

— Нужно сказать: «Ни пуха ни пера!» — верно?

Борода отвалилась.

— Вот дерьмо!

Грэйси рассмеялась и потянулась, чтобы ее поправить. Или мне так показалось.

— На удачу можно еще кое-что сделать.

Она встала на цыпочки, подняла ко мне лицо и поцеловала меня в губы. Это был нежный и сладкий поцелуй.

У меня коленки начали подкашиваться.

Настолько, что мне пришлось на нее опереться.

— Вот это неожиданность. Не пойми неправильно, это приятная неожиданность. Но все же.

— Прости. Я зашла слишком далеко? — спросила она мягко.

— Нет, — ответил я. Занавес начал подниматься. — Ты зашла так далеко, как надо.

Кирстен Уайт
Добро пожаловать в Кристмас, штат Калифорния

Если вы решите поискать в Интернете «Кристмас[35], город в США» (займитесь лучше делом, чудики!), то получите пять ответов: Аризона, Флорида, Кентукки, Мичиган и Миссисипи. В каждом из этих штатов нашелся человек, который сказал: «Эй, давайте назовем наш город в честь Рождества — и у нас будет Рождество круглый год!»

Если вы когда-нибудь наткнетесь на могилу одного из этих людей, плюньте на нее, потому что — *ну честное слово!*

И тем не менее, на автомагистрали I-15, между феерическим городским пейзажем Барстоу и сногсшибательным мегаполисом Бейкер есть ветхий съезд с автострады, настолько крошечный и унылый, что даже Google о нем не знает. Именно там, в глубине уродливой бурой пустыни, и притаился мой дом: Кристмас, штат Калифорния.

---

[35] Сноски: 35
Christmas (*англ.*) — Рождество.

Собственно говоря, это не город. Даже не городок. Это «статистически обособленная местность»[36].

— Откуда ты, Мария? — спросят меня когда-нибудь, и я отвечу так точно, что и придраться будет нельзя: «Да так, из одной *местности*».

Кристмас постепенно погружается в пропасть морального устаревания. Эта пропасть — местная шахта по добыче бора, где пятьдесят работников буквально выжимают свой заработок из камней. Однажды бор закончится, и нашей статистически обособленной местности наконец позволят умереть.

Я сижу в восемнадцатилетнем «Шевроле Нова» рядом с маминым бойфрендом и молюсь, чтобы этот день наступил как можно скорее. Лучи декабрьского солнца холодны и ослепительны. До ближайшей школы ехать сорок пять минут, а это значит, что каждый день мы полтора часа «посемейному» общаемся с Риком.

Наш обычный сценарий: Мария садится в машину. Рик вытаскивает из магнитофона кассету, потом вставляет одну из двух записей: Джонни Кэша или Хэнка Уильямса.

---

[36] Сноски: 36

Административная единица США, которую создают раз в десять лет в рамках переписи населения; аналог населенного пункта.

— Как прошел день? — спрашивает Рик.

— Нормально, — отвечает Мария.

— Что с домашним заданием?

— Делаю его прямо сейчас.

И так каждый день, вот уже три с половиной года.

Но сегодня, выезжая с автострады на нашу суматошную основную «магистраль» (мимо автомобильной мастерской, заправки, ряда ветшающих двухквартирных домов и «Кристмас Кафе»), Рик вдруг отступает от сценария.

— Пилар нашла нового повара.

Прищурившись, я смотрю на унылое кирпичное здание «Кристмас Кафе», которое на самом деле и не кафе вовсе, а закусочная. Но «Закусочная Кристмас» звучит неблагозвучно, а у нас тут нелепые названия запрещены.

Тед, предыдущий повар, умер на прошлой неделе. Он работал здесь с тех самых пор, как мать Рика, Дотти, открыла это заведение тридцать лет назад. Дотти живет в доме престарелых во Флориде и до сих пор называет мою маму «эта милая мексиканская девушка», хотя та вот уже восемь лет живет с Риком. «Эта милая мексиканская девушка» управляет закусочной: следит за выполнением заказов и финансовой отчетностью,

заставляет свою дочь работать только за чаевые — в общем, делает все, о чем у Дотти нет времени заботиться, поскольку она поглощена своей жизнью на пенсии. А еще мама работает полную смену на шахте с Риком.

Я все еще пытаюсь грустить по Теду, хотя мы почти друг друга не знали, даже проработав три года вместе. И все же странно, что его тут больше нет. Правда, я его воспринимала скорее как кухонную утварь. А сейчас заходишь — и такое чувство, словно морозильная камера просто… исчезла.

Вот и еще один повод выбраться отсюда, прежде чем я застряну, как Тед, застряну, как Рик, застряну, как мама. Здесь все несчастны. Все мы просто тянем время до смерти. Ну, или в моем случае — до мая, когда я окончу школу и навсегда уеду из Кристмаса.

* * *

Рик высаживает меня возле дома и сразу отправляется на шахту, у него ночная смена. Вообще-то мне позволяли брать машину с шестнадцати лет, но я попала в две аварии (обе — по моей вине), и мама с Риком решили: пусть уж Рик меня возит, тогда не придется оформлять

на меня страховку. Чем дешевле, тем лучше.

Открываю дверь и попадаю на тускло освещенную прохладную лестничную клетку. Мама не верит в отопление. И Рик решительно поддерживает ее. Зимой внутри холоднее, чем снаружи. Закутавшись в куртку, которую я обычно оставляю возле двери, проверяю почту, как всегда аккуратно разложенную на кучки — Санчес и Миллер, и поднимаюсь наверх, на кухню. На холодильнике висят все полученные мной за эти годы табели с оценками. Их столько, что они уже превратились в некое подобие обоев. Я отодвигаю молоко с пометкой «Рик», йогурт с пометкой «Рик», яйца с пометкой «Рик» и, наконец, нахожу маленький контейнер без пометки с остатками индейки. По вкусу она напоминает картон. Вываливаю ее в мусорное ведро, хотя есть очень хочется.

Обычно мы забиваем холодильник остатками продуктов из закусочной, но после смерти Теда она временно закрылась, поэтому запасы оскудели. Мама уже много лет ничего не готовит. Никогда не думала, что буду скучать по «умеренно съедобной» стряпне Теда Диксона.

Раньше мама часто готовила. Накануне Рождества мы всей семьей собирались за столом. Если

жили с родственниками — то вместе с ними, если нет — то сами по себе. И какой бы маленькой ни была кухня, мама всегда справлялась. Она часами готовила тамале, танцевала и рассказывала истории на певучем испанском. Говоря по-испански, она становится другой. Теплой. Счастливой. Смешной. *Моей*.

Английской мама стала, когда мы переехали в Кристмас. Она стала работать администратором на шахте — красивое название для должности секретаря, который отвечает за все. Мы жили в маленьком трейлере прямо возле шахты. Потом она устроилась на вторую работу, менеджером в закусочную, и начала встречаться с Риком. С тех пор «нас двоих» не стало. Теперь я со дня на день жду, когда она появится с пометкой «Рик» на лбу.

Изучив содержимое холодильника, я направляюсь в закусочную, чтобы проверить, не изменилось ли расписание смен, и раздобыть что-нибудь из еды. На парковке стоит помятый мини-фургон: внутри — несколько сидений, сверху ремнями привязан багаж. Хм-м… Это плохо.

Дверь открывается со ржавым скрежетом, и игрушечный Санта тут же трижды оскорбляет мое чувство прекрасного: «Хо-хо-хо!» Железнодорож-

ные пути опоясывают все помещение. Пыльный Полярный Экспресс навсегда застрял, не доехав до Северного полюса. Все места, не предназначенные для еды, завалены праздничными украшениями. Блестящие пенопластовые снежинки, пустые коробки, завернутые в выцветшую подарочную бумагу; мерцающие гирлянды, часть которых постоянно мигает не в такт; носки со следами клея там, где раньше были помпоны; набивная голова оленя с давно погасшей красной лампочкой вместо носа и обрывками «дождика» на рогах. И, словно мало этого парада уродов, с дверного косяка над входом в кухню злобно таращится эльф, склонив голову, словно в фильме ужасов.

Год назад я сунула ему в руку крошечный нож. Никто даже не заметил.

Я ищу взглядом другую официантку, Кенди. Она работает по утрам и в обед, а я — в послеобеденное время и по вечерам. Но ее здесь нет. А насчет мини-фургона я была права: за столиком в углу скоро понадобится большая уборка. Измученная женщина в темных очках с одним целым стеклом укачивает кричащего младенца. Второй карапуз, чуть постарше, карабкается на стол, несмотря на то что мать делает ему замечания,

еще один ноет, а самый старший недовольно дуется.

Она встречается со мной взглядом, и на ее уставшем лице отражается смесь безнадежности и раздражения.

— Удачи. Мы тут уже пять минут, а официантки и след простыл.

Я замираю. Если быстренько развернуться, то еще можно сбежать. Сейчас ведь не моя смена.

На окне для выдачи заказов звякает колокольчик. Тед был такого же маленького роста, как и я, и никогда не пользовался этим окном. Мы всегда забирали заказы прямо с кухни.

— Заказ готов! — раздается радостный голос.

Женщина, прищурившись, смотрит на меня.

— Я… Э… Я тут работаю. *Обязательно нужно было это говорить, да, Мария?* Сейчас принесу меню.

— Спасибо, — натянуто отвечает она.

Подойдя к окошку, вижу коробочку с овсяными хлопьями, три детские чашки с шоколадным молоком, одну большую колу и глубокую тарелку с… запеченными макаронами? Наклоняюсь вперед, принюхиваюсь и… ух ты. Я не фанат пасты, но это пахнет как утешение, покрытое сыром. Свер-

ху слой панировочных сухарей, поджаренных до идеального золотистого цвета. Над тарелкой поднимается пар.

Привстаю на цыпочки, но мне все равно не удается увидеть всю кухню.

— Эй! Я здесь работаю! Для кого этот заказ?

— Второй столик, — отзывается голос.

Оглядываюсь, чтобы проверить. В ресторане больше никого нет. Только эта безумная семейка.

— Она сказала, что заказ еще не приняли. Кенди там?

— Это для второго столика.

Нахмурившись, забираю поднос.

— Вот, пожалуйста.

Тяжело вздыхая, женщина пытается разжать детский кулачок, вцепившийся ей в волосы.

— Но мы еще даже не сделали заказ. Можно нам… погодите, что это?

Я уже забрала поднос, но замерла на полпути.

— Думаю, это запеченные макароны. Принести вам какой-нибудь напиток? За счет заведения.

Женщина поднимает очки на лоб и наконец-то замечает отсутствие одного стекла. К моему удивлению, она хохочет, и ее смех звонко разносится по залу.

— Ох, как стыдно! По мне сейчас и не скажешь, что у меня день рождения. Знаете, это очень странно, но макароны выглядят и пахнут точно так же, как мамины. Она всегда готовила их мне на день рождения.

— Бабушка? — оживившись, спрашивает старший мальчик.

Лицо матери смягчается.

— Да. — Она прикасается к бледно-желтой тарелке. — Даже выглядит, как одна из ее тарелок для духовки. Так странно! Знаете, что? Оставьте это, пожалуйста.

— Правда? — с удивлением переспрашиваю я.

— Да. Можно нам еще пару тарелок?

— Конечно!

Забежав за стойку, я хватаю четыре тарелки, столовые приборы и мчусь обратно. Женщина увлеченно рассказывает детям об игре «охота за сокровищами», которую устраивали на ее день рождения. Дети успокоились: старшие перестали ныть, младший хрустит хлопьями, а самый маленький довольно потягивает шоколадное молоко. А их мать выглядит помолодевшей лет на десять.

— Принести вам еще что-нибудь?

— Спасибо, все и так идеально, — радостно

кивает она.

Я удаляюсь с легким сердцем, но в некотором замешательстве. Почему новый повар это приготовил?

Может, тут был кто-то еще? Распахиваю дверь на кухню, чтобы узнать, в чем дело… и радуюсь, что мой рот уже открыт, иначе мне не удалось бы скрыть отвисшую челюсть.

Новый повар не какой-нибудь пузатый бездельник и заядлый курильщик лет шестидесяти. Он высокий, а из-за нелепого поварского колпака выглядит еще выше. Худой, слегка сутулый, поэтому кажется, что он занимает меньше места, чем на самом деле. Брови густые, темные. Складка, которая пролегла между ними, должна была бы придать ему озабоченный вид, но его лицо излучало природное обаяние. Может, из-за чуть наморщенного, как будто в улыбке, носа.

О, и еще он не старый. Ему лет двадцать, не больше.

О, и еще он весьма привлекателен.

— Привет! — Повар поднимает взгляд от того, что кипит на плите. Он улыбается, и все его лицо озаряется таким светом, что любое другое выражение на нем кажется лишним.

Я вдруг замечаю, что невольно улыбаюсь в от-

вет, и тут же беру себя в руки, чтобы не выглядеть полной дурой.

— Привет. Так ты наш новый повар? — *Спрашивать парня, который готовит, не он ли новый повар? Ты серьезно?*

— Ага! Отличное местечко, правда?

— М-м… Я не услышала в твоих словах сарказма. Это странно.

Он смеется.

— Просто поверить не мог в свою удачу, когда меня наняли.

Возможно, я еще плохо его знаю, поэтому не могу понять, когда он шутит. Он ведь не может искренне так считать.

Сняв кастрюлю с плиты, он вытирает руки насухо и одну протягивает мне.

— Я Бен.

— Мария.

Ладонь у него большая. Смутившись, отдергиваю руку первой. Понятия не имею, как я сейчас выгляжу. Даже в зеркало не посмотрела, прежде чем явиться сюда, ведь я никак не ожидала увидеть тут такое.

Нет, с этим парнем точно что-то не так. Совсем не так. С чего он вдруг решил, что ему повезло с работой?

Входная дверь открывается, позвякивая, и Санта набрасывается на очередного посетителя. Бен возвращается к тому, что он готовил — видимо, просто так, а не для кого-то конкретно, — а я выхожу в зал. Тут все еще пусто, если не считать семьи, которая, кажется, замечательно проводит время. Проверив, все ли у них в порядке, я снова возвращаюсь к Бену и облокачиваюсь на стойку так непринужденно, как только могу. Но теперь кухня вызывает странное чувство. От утешительной обыденности не осталось и следа. Бен превратил ее в нечто неведомое.

— Так кто заказал макароны? — спросила я.

— Они были нужны для второго столика.

— Да. Но та женщина их не заказывала.

Бен пожимает плечами — мол, сам не знаю, как это вышло, но в уголках его губ прячется улыбка.

— Им ведь понравилось.

Он не спрашивает, а утверждает.

— Они в восторге. Ты хоть заглядывал в меню? Там нет запеченных макарон. Наверное, потому, что Дотти не знала, что их можно подавать на Рождество.

Фирменное блюдо Дотти — салат «Счастье Рудольфа»: кочанный салат, сливочный соус,

а сверху — помидорка-черри.

Бен снова пожимает плечами и на этот раз не прячет улыбку.

— Первый день на новом месте. Потом разберусь, что к чему.

— Может, тебе и не нужно разбираться. Это блюдо выглядело гораздо аппетитнее, чем все, что тут готовили раньше.

Кенди нет на месте, и я неохотно снимаю с гвоздя форму: красное платье из полиэстера, которое плохо на мне сидит, и фартук в красно-белую полоску. А еще мы носим ободки с блестящими оленьими рогами.

Круглый год.

Дверь в женский туалет всегда липкая, поэтому я толкаю ее плечом — и чуть не попадаю в Кенди, склонившуюся над раковиной.

— Ой, прости! Я думала, тут никого нет.

Поворачиваюсь, чтобы выйти, и вдруг замечаю, что ее плечи трясутся.

— Кенди? Что с тобой?

В свете флуоресцентной лампы ее лицо кажется очень бледным. У нее темные круги под глазами, но это далеко не новость. Хорошо хоть синяков сейчас нет. Два года назад, когда Кенди только переехала к своему парню, Джерри, она была

живой и яркой. Иногда после работы мы ходили куда-то, если Джерри еще был в шахте. Кенди мечтала стать стилистом-парикмахером, открыть салон. Собиралась даже пойти в бизнес-школу, выучиться на управляющего. Но постепенно разговоры о школе сошли на нет. Джерри эта идея не нравилась. Потом Кенди перестала говорить о прическах. А потом вообще почти перестала разговаривать. Мы видимся каждый день, но я так по ней скучаю…

На ее лице нет никаких эмоций, она показывает мне белую полоску.

— Я беременна.

Закрываю за собой дверь.

— Поздравляю?

— Пришлось улизнуть с работы, чтобы купить тест. Прости. В другое время я не могла, потому что тогда он узнает.

Джерри всегда заходит за ней после работы. Иногда я вижу, как, стоя на крыльце, он пересчитывает чаевые Кенди. А в день зарплаты молча протягивает руку за ее чеком.

Кенди снова склоняется над раковиной.

— Что же мне теперь делать?

Я заставляю ее остаться в туалете. Все равно народу в закусочной почти нет. Когда женщина

с детьми уходит, я нехотя подхожу к их столику, ожидая увидеть полный разгром. Ничего подобного: никаких разлитых напитков, никаких перевернутых тарелок. Все аккуратно сложено. И — потрясающе и невероятно! — целых двадцать долларов на чай.

Я так громко взвизгиваю, что Бен высовывается в окошко для раздачи.

— Все в порядке?

— Даже лучше! Самые щедрые чаевые в моей жизни! Спасибо, Бенджамин!

— Не за что. Но Бен — это не сокращение от Бенджамина.

Звенит колокольчик на двери, возвещая приход мамы… и Рика? Рик всегда говорит: «Почему я должен платить кому-то за приготовление еды?» — пока варит рис, бобы или еще что-нибудь, купленное по дешевке.

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю я.

Мама оглядывает все вокруг. Обычно она работает в кабинете и старается пореже выходить в зал, не в силах смириться с шокирующим и пугающим украшением интерьера. На этот раз ее внимание привлекла сцена пингвиньего Рождества с маленьким пингвином в роли Иисуса.

— Нашу смену отменили по техническим при-

чинам. Мы думали, ты дома. Хотели убедиться, что у тебя все в порядке.

— Кенди… заболела. Так что я ее подменяю.

Рик засунул руки в карманы джинсов.

— Ты сделала домашнее задание?

— Да, — спокойно отвечаю я.

Он кивает — каждый вечер, задавая один и тот же вопрос и получая один и тот же ответ. Хотя обычно это происходит дома, когда мы все возвращаемся с работы. Потом я передаю ему пульт, чтобы он мог посмотреть старые выпуски сериала «Бонанца». Несколько лет назад, когда меня мучила бессонница, я всякий раз заставала его на диване. Мы молча сидели, убивая время, а пространство между нами занимали скучные приключения черно-белых ковбоев.

Ладно, пара серий была очень даже ничего. И все же…

Колокольчик звенит, сообщая о готовом заказе, и я хмурюсь. Бен ставит на полку три пакета на вынос.

— Никто ничего не заказывал! — кричу я. Мама, похоже, сердится, так что я стучу по окошку. — Бен! Тут никого нет. Никто ничего не заказывал.

Он наклоняет голову.

— А, точно! Стыдно признаться, но я все перепу-

тал. Может, не будешь это выбрасывать, а отдашь родителям?

Стыдно ему, как же. Вон, весь светится от радости.

— Рик — не мой отец.

— Круто. Ну что, может, спросишь, возьмут они еду или нет?

Я прожигаю его взглядом, хотя сделать это не так уж просто: похоже, улыбка Бена заразительна.

— Прекрати готовить, не получив заказа.

— Понял, — улыбнувшись еще шире, он выпрямляется, и я больше не вижу его лица.

Я протягиваю пакеты маме и Рику.

— Похоже, повар перепутал заказ. Хотите немного бесплатной еды?

Рик даже не спрашивает, что это. Главное — бесплатно. Он поворачивается к двери.

— Идем, Пилар?

Мама хмурится.

— Скажи Бену, пусть записывает, что использовал. У нас система заказов, которая не позволяет тратить продукты впустую.

Когда они уходят, я заглядываю в женский туалет и вижу: Кенди спит, свернувшись в углу и подложив под голову свернутый фартук. Пове-

сив на дверь табличку «Не работает», я начинаю отрабатывать ее смену. В качестве маленького бунтарского жеста я не переоделась в униформу. И Бен тут совершенно ни при чем.

Ну, разве что чуть-чуть.

В закусочной сегодня работы больше, чем обычно: несколько местных жителей решили оценить нового повара. Бен особо не разговаривает, только улыбается и машет из окошка: слишком занят, чтобы выйти. Просовываю голову к нему и вижу, как он вытаскивает из духовки печенье. Предательский аромат имбирного теста висит в воздухе, словно обещание праздничного веселья. У Бена даже нос в муке. Его изогнутый улыбчивый нос. Просто очаровательно.

— Ты ужасный повар, — говорю я.

Он поднимает взгляд. На лице тревога.

— Кто-то жаловался?

— Ты не следуешь ни одному стандартному рецепту. Я здесь достаточно долго, так что могу сказать наверняка.

Картофельное пюре более нежное. Картошка фри более хрустящая. А его рулеты — это золотистое чудо, смазанное маслом, а не «только-что-разогретые-полуфабрикаты», которые мы обычно подаем.

На мгновение Бен застывает в испуге, но потом его волнение исчезает, а брови ползут вверх, исчезая под копной каштановых волос. Он похож на живую иллюстрацию к слову «веселье».

— Но разве кто-то *жаловался*?

Я сдуваю волосы, которые лезут в глаза.

— Нет. Но гости просто добры к тебе, потому что ты новенький.

Это неправда. Постоянным посетителям нравится привычная дрянная еда, и если что-то меняется, мне приходится выслушивать их крики. Не такие уж они и добрые.

Вот только… сегодня и правда подобрели как-то. Стив и Берни обычно приходят после смены, заказывают стейк и едят молча. Ни с кем и словом не перекинутся. А тут смотрю — сидят у стойки, смеются и болтают. Лорна вечно следит за мной, когда захожу на ее заправку, хотя я в жизни ничего не украла. А сегодня она сделала мне комплимент перед уходом. И даже Энджел — водитель грузовика при шахте, здоровенный детина весом в сто десять килограммов, от которого постоянно веет угрозой, несмотря на его ангельское имя, — так вот, клянусь вам, даже Энджел сегодня улыбнулся мне.

Кажется. Или поморщился от несварения же-

лудка?

Но он же оставил чаевые! Полных десять процентов от стоимости заказа, то есть на сто процентов больше, чем раньше.

Бен что-то напевает, посыпая печенье сахарной пудрой.

— Пришлось сделать его круглым. Что у вас за рождественская закусочная без формочек для выпечки?

— У нас и имбирного печенья нет в меню.

— Точно. Но, опять же, какой в этом смысл?

— Тут ни в чем нет смы… О нет, который час? — метнувшись в туалет, я потрясла Кенди за плечи, чтобы разбудить ее. — Твоя смена заканчивается через десять минут.

Кенди садится рывком, бледнея.

— Все хорошо. У тебя еще есть время. Приведи себя в порядок.

Убирая столы, я вижу, что Кенди выходит ровно тогда, когда в дверях появляется Джерри. Его глаза, серые и тусклые, как кожа акулы, замечают необычное оживление в кафе. Я так и вижу, как он в уме подсчитывает чаевые.

Кенди поднимает дрожащую руку.

— Привет. Я… тут такое дело…

— Ты кое-что обронила. Вот, держи, — подхожу

к ней, достаю чаевые из джинсов и засовываю их в карман ее фартука. Она не решается даже взглянуть на меня, но украдкой пожимает руку, проходя мимо. Фрэнк Синатра тихо желает мне веселого Рождества, а я смотрю, как мои чаевые перекочевывают из кармана Кенди прямиком в руку Джерри.

Засунь это веселое Рождество куда подальше, Фрэнк.

* * *

Я кое-как дотягиваю еще час до закрытия. Все хотят задержаться подольше, собираются возле старого телевизора, где постоянно крутится изображение горящего камина. Гости смеются, болтают, ведут себя, как друзья. Как люди, которые рады, что оказались в Кристмасе.

Песня «Feliz Navidad»[37] врезается мне в уши из колонок, и я понимаю, что больше не выдержу. Подумать только, отработала чужую смену — и даже чаевых не получила, черт возьми! Я уже собираюсь рявкнуть, чтобы все проваливали,

[37] Сноски: 37

Feliz Navidad (*исп.*) — «Счастливого Рождества». Песня, написанная в 1970 году пуэрториканским певцом Хосе Фелисиано. Один из классических музыкальных символов Рождества и Нового года в США.

но тут появляется Бен с подносом имбирного печенья.

Почти зримый шлейф аромата тянется к гостям, манит их за Беном. Повар открывает дверь, вручает каждому по мягкому, теплому печенью и провожает их, улыбаясь так же мягко и тепло. И они уходят.

Я переворачиваю табличку с надписью «Тут веселье и радость» другой стороной — «Закрыто на ночь» — и запираю дверь.

А потом поворачиваюсь, уперев руки в бока, и обрушиваю весь свой гнев на единственного оставшегося человека.

— Чаевыми я с тобой делиться не буду.

Бен протягивает мне печенье.

— Ладно.

— Обычно мы делим чаевые с поваром. Но сегодня этого не будет.

— Ясно.

Бен пытается всучить мне печенье, но я отталкиваю его.

— Больше тебе нечего сказать? «Ясно» — и все?

Опустив голову, он смотрит на печенье так, будто я ранила его чувства.

— Да. Ну, в смысле, это же твои чаевые. Тебе решать, что с ними делать.

— Конечно. Но вообще-то предполагается, что мы ими делимся.

— Если ты считаешь, что это несправедливо, то я пойму.

Я всплеснула руками.

— Ты должен разозлиться на меня. Тогда я смогу на тебя накричать, и мне станет легче.

— И почему же тебе станет лучше? — смеется он.

— Потому что мне хочется на кого-нибудь накричать!

Рухнув на диванчик, я начинаю скрести потрескавшуюся часть столешницы. Бен садится напротив и ставит между нами тарелку с печеньем. Это подарок или преграда? Кто его знает.

— На кого ты на самом деле хочешь накричать?

— Хм. Даже не знаю. На Кенди, наверное. И уж точно на ее тупого жуткого парня. И еще иногда на маму и Рика. Я бы поделилась с тобой чаевыми, но у меня их нет. Получается, я весь вечер проработала просто так.

Я опустила голову на стол.

— Никто не оставил тебе чаевых? — в голосе Бена наконец-то послышались гневные нотки.

– *Все* оставили мне чаевые. Но я отдала их

Кенди.

— Ну, ты заслужила печенье.

— Я не люблю имбирное печенье.

— Просто ты никогда не пробовала *мое* имбирное печенье.

Я прищурилась.

— Это что, особый поварской подкат?

Бен краснеет. Пока он судорожно пытается придумать ответ, его щеки розовеют все больше, и это выглядит так мило, просто невыносимо. Не выдержав, я хватаю печенье, чтобы разрядить обстановку.

– *Dios mío!*[38] Что ты туда добавил? Там что, дурь? Имбирное печенье должно быть твердым и хрустящим. А не вкусным. Оно *ненормальное*.

Мягкое, но не как торт, а скорее, как идеальное сахарное печенье. Специи ласкают вкусовые рецепторы, но не перегружают их, сахарная пудра оттеняет свежий имбирь, и в целом печенье получилось теплым, прекрасным, по-настоящему рождественским. Тот самый вкус из детства, почти забытый. *Как* у него это получилось?

— Теперь веришь? — спросил Бен. — Никаких подкатов.

---

[38] Сноски: 38
О боже! (*исп.*)

— Хорошо, а то это был бы полный отстой.

Беру еще одно печенье и откидываюсь на спинку уютного диванчика. Обычно в конце смены во всем теле тяжесть, вялость и сонливость. Но сейчас я ощущаю себя такой легкой, воздушной. Прямо, как это печенье.

Так что, пожалуй, возьму еще одно. И, раз уж я сегодня щедрая, побуду милой с Беном. Это не так уж сложно, в конце концов. Он же добрый. И даже если бы он не был единственным в Кристмасе парнем примерно моего возраста, то все равно, наверное, оказался бы самым симпатичным.

— Всем понравилась твоя еда.

— Я рад, — чуть смущенно, но радостно отозвался Бен.

Я тоже рада. Благодаря ему время, оставшееся до моего побега отсюда, станет куда более терпимым. Возможно, даже интригующим.

— Так где ты научился готовить?

— В колонии.

Резко выпрямляюсь.

— В колонии? В смысле, для несовершеннолетних?

Он кивает все с тем же приятным, открытым выражением лица.

— Когда ты был в колонии? За что? Мама пе-

реманила тебя прямо у них с кухни или как? Я *знала*, что ты согласился здесь работать не просто так.

Он смеется.

— Меня выпустили шесть месяцев назад. Я подал заявку сюда, потому что люблю Рождество. И мне показалось, что это… судьба. Счастливый случай или что-то вроде. И мне не нравится вспоминать, каким я был, так что, если можно, я бы лучше не говорил об этом. Скажу только, что сидел я не за насилие.

Изнываю под тяжестью собственного любопытства.

— Хорошо. Но любопытство меня убьет.

— Не убьет. И я тоже не убью. Потому что, опять же, никакого насилия.

Смахиваю несколько крошек в его сторону.

— Пора приниматься за уборку.

Встаю, потягиваюсь и снимаю фартук. Бен пристально смотрит на меня. Я поднимаю брови, и он тут же смущается и отводит взгляд. Хорошо все-таки, что я сегодня не надела униформу.

Оглядываю фронт предстоящих работ. Ну что, не так уж страшно. Главное — это посуда, но сначала, пожалуй, помою полы и протру столы.

Выключаю аудиосистему посреди «Baby, It's

Cold Outside».

— Спасибо! — кричит Бен с кухни. — Это не песня, а ужас какой-то.

— Вот именно.

— А знаешь, какая еще — просто кошмар? «Santa Claus Is Coming to Town».

— Санта в роли Большого Брата? Только представь плакаты, которые смотрят на тебя с каждой стены. САНТА СЛЕДИТ ЗА ТОБОЙ.

— Мне нравится Рождество, но Санта — жуткий.

— Вот это да! Никто больше этого не понимает. Если кто вдруг будет наблюдать за мной, пока я сплю, то пусть уж лучше это будет страстный вампир, а не то я вызову копов.

Бен смеется и начинает греметь тарелками. Наверное, готовит что-то на завтра. Надеваю наушники и принимаюсь за уборку, пританцовывая под Daft Punk. Кенди открыла их для меня в те времена, когда ей еще нравилась музыка. Закончив наводить порядок, я качу желтое ведро со шваброй на кухню. Устала — сил нет, и так неохота мыть посуду.

Но на кухне царит чистота. Все тарелки вымыты и расставлены по местам, стойки протерты. Даже ручки громадного морозильника продез-

инфицированы. Осталось только несколько поддонов с тестом, которое должно подняться за ночь, но мне тут больше нечего делать. На двери вижу записку с большим неуклюжим веселым лицом, нарисованным от руки.

Я прикрываю рот, стараясь спрятать улыбку. Ведь мне не нравится Кристмас, а значит, тут ни на кого нельзя западать. Даже на талантливых поваров с кривоватыми носами.

* * *

Обычно я стараюсь подольше задержаться в школе после занятий. Шкафчик, туалет, библиотека — и только потом еле-еле плетусь к машине. Но в понедельник я почти запрыгиваю в нее.

«Ты с нетерпением ждешь чаевых, — напоминаю себе. — *А не встречи с поваром».*

Когда я распахиваю дверцу, Рик подпрыгивает от неожиданности. Я застегиваю ремень безопасности, а он неуклюже пытается вытащить кассету, которая уже стоит в проигрывателе. «*Quieras bailar conmigo?*» — медленно произносит мягкий женский голос. Пауза, и Рику наконец-то удается извлечь кассету.

— Что это было? — спрашиваю я, протягивая руку за кассетой. — Ты… учишь испанский?

— Нет. Ничего.

Спрятав запись в карман застегнутой на все пуговицы рубашки, Рик откашливается и заводит мотор. Я наблюдаю за ним с подозрением, но он даже не смотрит на меня. Испанский — это *моя* территория. То, что есть общего у нас с мамой, а не с Риком. Даже если она со мной больше на нем не разговаривает. Я не хочу, чтобы он в это вмешивался.

По мере нашего приближения к Кристмасу я наклоняюсь вперед, подскакивая от нетерпения. Теперь уже Рик смотрит на меня с подозрением. Смутившись, я собираю свою сумку. Ни разу еще я не была так счастлива выбраться из машины. Когда мы с Риком притворяемся, что не замечаем друг друга, поездка тянется долго. Но когда мы оба ведем себя странно, она становится просто бесконечной.

Приняв душ, я экспериментирую с макияжем и, наконец, радостно насвистывая, выскакиваю на работу на десять минут раньше.

Все это исключительно ради чаевых.

— Хо-хо-хо тебе, толстое брюхо, — поглаживаю игрушечного Санту по макушке.

В кафе царит оживление. Это уже не мертвая зона, как раньше. Кенди принимает заказы.

Она уже два дня подряд задерживалась допоздна, чтобы справиться с необычным наплывом посетителей, хотя ей то и дело приходится бегать в туалет, потому что ее тошнит. Сегодня она выглядит выжатой, как лимон.

Сидя за стойкой, Энджел улыбается мне.

– *Hola*, Мария!

Никогда еще не видела его зубов, а тем более улыбку. Я-то думала, что он всегда хмурится.

— Принести вам что-нибудь?

Надеюсь, по мне не видно, как я растерянна и нервничаю.

— Не торопись, *chica*, ты же только что пришла.

— Да. Спасибо.

Влетаю в кухню.

— Что ты сделал с Энджелом?

Пожав плечами, Бен довольно потирает ладони.

— Ему был необходим хороший обед.

— Ну да, конечно. Последние три года он только бурчал, делая заказ, а теперь называет меня chica и улыбается.

— Ага.

— Ладно, давай начистоту. Ты наркотой торгуешь? И за это угодил в колонию?

Бен смеется, помешивая что-то на плите.

— Нет. Дело не в наркотиках.

— Уверена, ты добавляешь в печенье что-то нелегальное.

— Корица не запрещена законом.

— Назови так свои мемуары.

Неохотно надеваю униформу поверх майки и легинсов. Кенди возвращается на кухню, когда я отмечаю время прихода на работу.

— Эй! — ясные глаза Бена полны надежды. — Я приготовил тут для тебя кое-что.

— Нет, спасибо, — она прижимает руку к животу.

— Думаю, это поможет.

Дождавшись, пока она снимет фартук и сложит униформу, Бен протягивает ей пакет с едой на вынос.

— Ладно. До завтра, — взяв пакет, она выходит из закусочной.

Бен танцующей походкой идет к окну — и сразу сникает, опускает плечи от разочарования.

— Она отдала его Джерри, да? — спрашиваю я.

— Это было не для него, а для нее, — хмурится Бен. — Завтра приготовлю ей что-нибудь в начале смены.

Следующие несколько часов игрушечный

Санта твердит гостям «хо-хо-хо», а я мечусь, обслуживая их. Бен готовит в основном то, что ему заказывают, и никто не жалуется. Мои ноги гудят от беготни, но карманы пухнут от чаевых.

Энджел пересел за столик в углу, развернулся и теперь оживленно болтает с Лорной, владелицей заправки. Рисует ей картинки на салфетке. Раньше они разве что изредка переглядывались, а сейчас вон, сидят как лучшие друзья. Да и заходят каждый день. Многие местные стали заглядывать гораздо чаще, так что это уже не спишешь на интерес к новому повару.

— Беннет, — предполагаю я.

— Нет, мое полное имя — не Беннет, — отвечает Бен.

— Заказ Энджела готов?

Он ставит поднос, и я хмурюсь.

— Не то.

— Это для него.

— Он заказал куриный стейк. Он всегда заказывает куриный стейк. А это что? Фруктовый салат? Ты видел Энджела? — я указываю на него: бритоголовый качок с татуировками и парой заметных шрамов. — Он не из тех, кто ест фруктовые салаты.

— Это свекла, морковь, джикама и фрукты

с цитрусовым соусом. Ensalada Navidad![39] И еще вот, — он показывает вторую тарелку. — Тамале.

Некая боль, словно от сведенной мышцы, пробегает по всему телу, и мне вдруг нестерпимо хочется обнять маму.

— Мы здесь такое не подаем.

Мое сердце ноет, становится очень грустно. Я сердито смотрю на Бена.

— Просто сделай для него чертов стейк!

— Мария, доверься мне. Отнеси ему это.

— Нет.

Бен вздыхает.

— Давай так: если ему это не понравится, тебе не нужно будет делить со мной чаевые всю неделю.

— И ты расскажешь мне, как научился готовить в колонии, — он хмурится, и тогда я поднимаю руку: — Не о том, как ты оказался в колонии. Только про еду.

— Договорились.

Беру поднос, сердитая, но уверенная в победе. Все время, пока я здесь работаю, Энджел всегда берет одно и то же. Когда я ставлю перед ним тарелки с новым блюдом, на его лице отражается

---

[39] Сноски: 39
Рождественский салат (*исп.*).

недоумение.

— Я этого не заказывал, — рычит он.

— Прошу прощения, наш новый повар…

— Это тамале?

Я все еще держу тарелку, готовая в любой момент ее унести.

— Да.

Энджел наклоняется вперед, расплываясь в улыбке. В уголках его глаз появляются морщинки. Клянусь, я почти слышу скрип кожи, когда его лицо пытается растянуть сложившееся за десятилетия угрюмое выражение в улыбку. *«Y ensalada navidad! Mi madre siempre…»*[40] Суровый взгляд темных глаза смягчается, направленный куда-то вдаль, за пределы стола.

— Так… вас устраивает это блюдо? Если что, я могу его унести.

— Нет! — он наклоняется, словно защищая его. — Я хочу это!

— Отлично. Дайте знать, если понадобится что-нибудь еще.

Я гневно смотрю на раздаточное окно: Бен улыбается от уха до уха. Показываю ему средний палец пониже стола, чтобы Энджел этого

---

[40] Сноски: 40
Рождественский салат! Мама всегда… (*исп.*).

не увидел.

— Мария! — в ужасе произносит мама.

Я прячу руки под фартук, будто это поможет стереть обидный жест.

— Что ты тут делаешь?

— Марш на кухню. Сейчас же.

Плетусь за ней, еле волоча ноги. Мама идет прямо к задней двери, открывает ее и выходит в переулок между закусочной и заправкой.

— Что это было?

— Просто… дурачилась.

— Мы не можем позволить себе дурачиться!

Отступив на шаг, я складываю руки на груди.

— Мне не платят. Дуракаваляние — вот, пожалуй, и все, что я *могу* себе позволить.

– *Ох.* Мария, мы уже это обсуждали. Мы — одна семья. Все, что мы зарабатываем, идет на один и тот же счет, так что…

— Мы этого не обсуждали! Мы никогда ничего не обсуждаем. Зачем тебе все мои деньги? Чтобы жить в задрипанном городке, который находится черт знает где, в задрипанной холоднющей квартире со своим задрипанным жмотом. Да, мама, я понимаю.

Ворвавшись на кухню, захлопываю дверь и пробегаю мимо Бена, который так сосредото-

ченно склонился над плитой, что я уверена — он слышал каждое слово.

* * *

Мама ненадолго задержалась, обсуждая с Беном его необычные пожелания к заказу продуктов. Но он убедил ее, что оно того стоит. Видимо, *ему* дурачиться можно. А вот меня она полностью игнорировала, пока не отправилась на шахту. Вот закрою закусочную, отправлюсь домой, прямо к себе в комнату, и пересчитаю чаевые, которые мне удалось скопить. Энджел оставил мне сегодня пятнадцать баксов — до сих пор не верится. Всего у меня сейчас 2792 доллара. Все, что я получила за три года ежедневного труда.

Поворачиваюсь и вижу, как Бен выжимает тряпку в желтое ведро с горячей мыльной водой.

— Это не твоя работа, — произношу я резко.

Но он только пожимает плечами и молча принимается за уборку. С его помощью ресторан становится чистым в рекордное время. Мы с Беном убираем моющие средства обратно в кладовку, и я снимаю униформу.

— Я все еще злюсь на тебя. Я должна была выиграть этот спор.

Бен достает поднос с печеньем.

— Как насчет шоколадного печенья с эгг-ногом в знак примирения?

— Идем со мной.

Мы выходим на задний двор, где к стене привинчена ржавая лестница, и забираемся на ровную крышу закусочной. Я показываю Бену, куда ступать, чтобы не зацепиться за ободранное покрытие, и веду его к двум шезлонгам, которые мы с Кенди вытащили наверх несколько лет назад. Как давно она не поднималась со мной сюда.

В последний раз я была здесь в канун Рождества. Мама и Рик тогда ушли на шахту работать сверхурочно. Мы «отпраздновали» заранее, но торчать одной в квартире Рика было слишком грустно, так что я залезла сюда. Сидела тут, смотрела на ветхие здания вокруг, ненавидела Рождество и Кристмас.

Ночь выдалась холодная, и наше дыхание превращается в облачка пара. Днем довольно тепло, а вот ночью температура в пустыне падает. Мы уселись, и Бен протянул мне печенье. Обалденно вкусное. Теплые яркие вспышки шоколада с густой прослойкой эгг-нога.

— Выпендрежник, — толкаю его локтем в ребра. Опять ищу повод, чтобы прикоснуться к нему.

Пора это прекращать.

Откидываюсь назад, глядя вверх, в небо. Вот, пожалуй, единственное преимущество жизни в статистически обособленной местности. Здесь ничто не затмевает звезды.

— В нашей колонии все должны были помогать по хозяйству, — вдруг заговорил Бен. — Стирка, уборка, готовка. Я раньше никогда ничего не готовил, но у меня обнаружился талант. Так что вскоре я оказался в основном составе кухонных работников. Персонал в колонии замечательный. Они действительно хотят, чтобы дети стали лучше, прожили хорошую жизнь. Поэтому мне разрешили заниматься тем, к чему лежит душа. Готовя для других, я чувствовал, что все правильно, я на своем месте. Ничего подобного я раньше не испытывал.

Я задрожала и плотнее закуталась в куртку.

— Как ты угадываешь, чего хотят люди?

Бен косится на меня из-под капюшона.

— Что ты имеешь в виду?

— В первый же день, та женщина с макаронами… Никто даже не принял у нее заказа. Не думай, что я забыла. Потом Энджел и его случайное тамале. А в выходные это ужасное зеленое желе со взбитыми сливками, ананасом и тертой

морковью. Никто в здравом уме не стал бы такое заказывать, а ты взял и приготовил специально для Лорны. И она расплакалась. Ты заставил Лорну плакать из-за желе! Это ненормально, Бен.

Он неловко сутулится.

— Если я расскажу, ты подумаешь, что я свихнулся…

— Ты добровольно приехал в Кристмас, штат Калифорния, чтобы работать в дыре, которую мы называем закусочной. Я *уже* думаю, что ты свихнулся.

— Тоже верно… Я обнаружил *это*, когда был в колонии. Что-то вроде… шестого чувства. Я угадываю, какая еда кому понравится. Вижу человека — и просто сразу знаю.

— Выходит, ты — кулинарный экстрасенс.

Он вдруг съеживается, а дружелюбное лицо становится настороженным, замкнутым. Мне это совсем не нравится, и я быстро продолжаю:

— Тетя моей мамы могла увидеть любую болезнь или проблемы со здоровьем, просто посмотрев человеку в глаза. Я не шучу. Ее многие знали.

— Правда?

— Когда я была маленькой, мы ненадолго останавливались у нее в Лос-Анджелесе. Люди

постоянно приходили к ней за консультацией. Так вот, по-моему, твое чутье к выбору еды — куда более приятная штука, чем ее фокусы с глазами.

Увидев, что я его не испугалась, Бен расслабляется, облегченно вздыхает.

— Мне кажется, если подобрать такое блюдо, которое связано с приятными воспоминаниями, с тем временем, когда человек был счастлив, это может ему помочь. Помочь снова стать счастливым, стать собой. И тогда можно все изменить. Скажем, вот когда я тебе понравился?

Я заикаюсь, пытаясь найти какой-нибудь ответ, кроме «*сразу, как только тебя увидела*». Неужели это настолько очевидно?

Бен отвечает за меня:

— Когда я приготовил для тебя имбирное печенье. Именно тогда ты решила со мной подружиться.

— Точно! Именно. Имбирное печенье.

Он смотрит на меня так, словно хочет сказать больше. Или, может быть, хочет, чтобы я сказала больше. Но я не знаю, что именно, и он снова отворачивается.

— Мне нравится использовать то, в чем я хорош, чтобы помогать другим людям. Даже если это нечто настолько глупое, как готовка.

— Это не глупо. Ты знаешь, что ты любишь, и ты в этом хорош. Хотелось бы мне, чтобы у меня было нечто подобное.

Момент излишней откровенности между нами затягивается, и то самое ощущение, как от сведенной мышцы, снова заставляет сердце ныть. Я прочищаю горло.

— К тому же, если ты и дальше будешь делать свое печенье, то мне не важно, волшебное оно или нет.

Печенье балансирует в длинных пальцах Бена. Его безымянный палец согнут под странным углом. Как и нос, он наверняка был когда-то сломан.

— Если бы ты была едой, то — имбирным печеньем. Достаточно специй, чтобы жить было интересно, но достаточно и сладости — для гармонии.

— Я не сладкая и не милая, — смеюсь.

— Ты отдала свои чаевые Кенди.

Запихиваю свой ботинок под уголок драного покрытия. Мне не хочется говорить о ней, поэтому я меняю тему:

— А чем бы ты был сам, если бы был едой? Нет, даже не так! Что ты бы выбрал для себя, используя свое шестое чувство?

Он кладет руку на край шезлонга, держа ее ладонью вверх, как будто приглашает. Так легко было бы скользнуть своей ладонью в нее. Я чуть было не сделала этого, но… это якорь. А на якорь мне становиться нельзя.

— Такого блюда я пока не нашел. — Бен выпрямляет длинные пальцы, раскрывая ладонь еще шире. — Мне здесь нравится. Я снимаю комнату почти даром, а то, что зарабатываю, могу откладывать. К тому же в маленьких городах так уютно. Здесь все как будто уже знакомо. Можно влиться в повседневную жизнь других людей, стать ее частью. Я останусь тут, пока не накоплю денег на кулинарную школу.

— А я уберусь отсюда, как только смогу, — выпаливаю я.

Его пальцы сжимаются.

— Почему?

— Почему бы и нет? Тут меня ничего не ждет.

— Но… это же твой дом.

— Я живу в квартире маминого любовника. Тут нет ничего моего. Я все здесь ненавижу. Вот окончу школу и сразу уеду.

— Куда?

— Не знаю. Не важно. Сяду в автобус и поеду, куда глаза глядят. Пока дальше уже ехать будет

некуда. Пока не найду место, где почувствую себя дома.

Бен долго молчит.

— А как же ты поймешь, что чувствуешь себя дома?

Вопрос повисает в воздухе, будто облачко пара. У меня нет ответа.

* * *

Бен высовывает голову из раздаточного окошка.

— Как вафли?

Кенди едва удостаивает его взглядом.

— Отлично. Спасибо.

Бен с потерянным видом смотрит на ее нетронутую тарелку. Вафли были хрустящими снаружи, воздушными внутри, с начинкой из Nutella и порезанной клубникой сверху. Моих уже и след простыл.

— Они фантастические, — вступаюсь я, но он исчезает, бормоча что-то под нос.

До Рождества остается всего три дня. В закусочной народу много как никогда. Местные теперь приходят так часто, как только могут. Да еще и с автострады кто-нибудь постоянно заезжает. В праздничный сезон путешественников осо-

бенно привлекает наше название. И впервые за все время, что я тут работаю, я не считаю их отчаянными оптимистами — «Кристмас Кафе», осмелюсь сказать, стоит того, чтобы в нем перекусить.

Бен выдает праздничные блюда одно за другим. Каждую смену он готовит для Кенди что-то новое. Но ее неизбежно выворачивает наизнанку, или она просто отказывается, равнодушно, словно зомби. И с каждым разом Бен выглядит все более расстроенным.

Хватаю тарелку Кенди и поворачиваюсь к кухне, по дороге привычно бросая взгляд на своего эльфа над дверью. Но теперь вместо ножа он держит крошечную склянку с нарисованным черепом и скрещенными костями.

Я хихикаю так громко, что Кенди подпрыгивает. Ее даже бьет дрожь.

— Прости! — говорю я, но она уже бежит прямиком в туалет.

Бен, склонившись над стойкой, яростно вычеркивает пункты из списка.

— Бенедикт! Это ты трогал моего эльфа?

Он рассеянно поднимает взгляд, а затем трясет головой, будто пытаясь вытряхнуть что-то из уха. Весело прищурившись, Бен убирает во-

лосы со лба. Дурацкий поварской колпак лежит на стойке рядом с бумагой и ручкой.

— Мое полное имя — не Бенедикт. А насчет эльфа — да, это я. Решил, что немного глупостей не помешает.

Я снова смеюсь.

— Кроме меня, его никто даже не замечает.

— Я все замечаю.

Бен задерживается взглядом на моем лице — и тут же краснеет, откашливаясь и вертя ручку в пальцах.

— Это рождественское меню никуда не годится. Ума не приложу, что делать.

Я слегка толкаю его плечом.

— Ты всегда знаешь, что делать.

Глубокая складка появляется у него между бровей.

— Я тоже так думал, но ничего не выходит.

— Все отлично выходит! Люди никогда еще не были так счастливы, заходя к нам на обед. Похоже, они и правда наслаждаются жизнью в Кристмасе.

Он снова смотрит на свой листок.

— В отличие от тебя.

Я зависаю, не зная, обнять его или отстраниться. Мне нельзя привязываться к этому месту

или к кому-нибудь из тех, кто здесь живет. У меня должна быть возможность уехать.

— А еще Кенди… — Бен роняет ручку. — Я не приготовил ни одного блюда, которое бы ей понравилось.

— Ну, просто ее тошнит все время. Выворачивает наизнанку, все дела.

— Я должен помочь. Что ей может понравиться?

— Не знаю. Раньше она была моей подругой, но потом это закончилось. Он вообще перестала быть кем-либо. — Прямо как моя мама. Они обе перестали быть теми, кем мне хотелось бы их видеть. — Так что не переживай. Она не позволит тебе ничего сделать. Никто не может ей помочь.

Карие глаза Бена смотрят так нежно и в то же время пронизывающе, словно он видит меня насквозь.

— Но кто-то же должен.

Санта произносит «хо-хо-хо», приветствуя нового посетителя. Нахмурившись, я иду к двери. Скомкав список, Бен бросает его в мусорное ведро.

* * *

Позже в тот же вечер я влетаю в квартиру, с раздраженным фырканьем натягивая домашнюю толстовку.

— Мария? Это ты?

— Ага, — кричу я в ответ маме.

— Как там работа, mija?

Оставшаяся часть моей смены прошла ужасно. Бен был такой… не знаю… нормальный? Готовил людям то, что они заказывали. Я пыталась пожаловаться ему на Пола Маккартни, который отлично проводит рождественское время, а он просто пожал плечами. Два клиента зажали мои чаевые. И в довершение всего жуткий парень Кенди пришел слишком рано, а ее как раз тошнило в туалете. Она все еще ничего ему не рассказала, так что мне пришлось соврать, что у нее пищевое отравление. Его взгляд был холоднее, чем эта чертова квартира.

Мама стоит у плиты, помешивая макароны в кастрюле. От этого на меня накатывает тоска по Бену, и я выхожу из себя еще больше. С чего бы это мне скучать по человеку, с которым я попрощалась пять минут назад?

— Мария, нам нужно поговорить.

Мама указывает на кучу конвертов на столе.

— Ты была в моей комнате?

В конвертах бланки заявок в университеты, которые прислали по почте или, точнее, которые мне навязал школьный консультант. Я столько раз хотела их выбросить, ведь все это совершенно бессмысленно. Но просто выбросить их было бы слишком грустно, а смотреть на то, что мне недоступно, — невыносимо. Поэтому я просто запихала их под кровать. Туда, где лежит сумочка, в которой я храню чаевые.

— Ты трогала мои вещи?

— Я пылесосила. Почему ни один из них не открыт? Куда ты подала заявку?

— Ты взяла мои деньги?

— Я бы никогда не взяла твои деньги. Я хочу…

— Ты каждый день забираешь мои деньги! Я рву задницу на работе в этом чертовом ресторане, а ты даже не позволяешь мне получать зарплату.

Мама откладывает ложку, встревоженно глядя на меня.

— Не брала я никаких денег из твоей комнаты. Я просто хочу узнать, в какой колледж ты подала заявку?

У меня вырывается горький смешок.

— Ни в какой. С какой стати мне подавать заявку в колледж?

Ее глаза расширяются.

— Ни в какой? Ты же пропустишь все сроки!

Схватив конверты, она принимается отчаянно перебирать их.

— Как насчет этого? Он в Барстоу. Выглядит неплохо. Или Университет штата Калифорния в Сан-Бернардино. Не так уж далеко.

— А я хочу уехать далеко! И с каких пор я собираюсь поступать в колледж? Мы не можем себе этого позволить.

Мама подсовывает мне конверты.

— Ты не можешь себе позволить не поступить. Ты же не хочешь стать такой, как я. Мы так тяжело и долго работаем. Мы не хотим, чтобы и ты жила так же. Ты достойна большего, — ее взгляд становится напряженным, умоляющим. — Por favor, mija, necesitas aplicar. Para tu future[41].

Столько испанского сразу я не слышала от нее уже много лет. Мама всегда говорила, что мы не должны оставлять Рика за бортом, используя язык, которого он не понимает. Но сейчас эта речь снова превращает меня в ребенка. Как по-

---

[41] Сноски: 41

Пожалуйста, доченька, подай заявку. Ради твоего будущего (*исп.*).

слушная девочка, я хватаю первый же бланк и начинаю его заполнять, а мама наблюдает за мной, затаив дыхание.

* * *

— Можешь помочь мне? Я тут кое-что задумала, — спрашиваю я Бена за два дня до Рождества.

Он вертится как белка в колесе, занимается подготовкой к празднику, но, услышав мой вопрос, тут же бросает все дела.

— Что тебе нужно?

— Я хочу сделать кое-что. Для мамы. Что-то особенное. Но не знаю, как.

— Что ты задумала?

— Она рассказывала мне о рисовом пудинге. Ее бабушка готовила его на каждое Рождество. Мама пыталась сделать его пару лет назад, но потом расстроилась и все выбросила. Сказала, что он вышел не такой. И больше не пыталась. Она очень тяжело работает. И заслуживает немного твоей магии.

Улыбка Бена — словно сахарная пудра на печенье.

— Думаю, это можно сделать.

Мы работаем все утро. Бен показал мне, как заставить молоко медленно кипеть. В первый раз

я все испортила, пришлось все выкинуть. Но Бен настаивал, что волшебство будет настоящим, если я приготовлю пудинг сама. И вот я пробую снова, на этот раз строго следуя его указаниям. Выдерживаю температуру постоянной и едва касаюсь шумовкой поверхности, чтобы на молоке не появилась пенка. Мы добавляем рис, и я мешаю его с лихорадочным энтузиазмом. Потом Бен помешивает, а я взбиваю яйца, сахар, ваниль, еще немного молока.

— Тут не хватает… — постукиваю пальцем по стойке и гляжу на Бена в поисках подсказки, — мускатного ореха?

Его улыбка становится шире. Добавив немного муската, я выливаю смесь в рис. Бен вплотную ко мне, и мы оба одновременно наклоняемся к плите, вдыхая сладкий пар. Поворачиваюсь лицом к нему и вдыхаю его аромат.

— Продолжаем помешивать? — шепотом спрашиваю я.

Он кивает. И не двигается. Мы стоим, прижавшись друг к другу, и наблюдаем, как обычные ингредиенты смешиваются во что-то волшебное. Я надеюсь.

* * *

— Мама?

Закрываю ногой дверь, аккуратно держа все еще горячую посуду. Обычно рисовый пудинг подают холодным, но когда я посыпала его корицей, то возникло чувство, что это… правильно. Идеально.

— Ты дома?

— Мы здесь.

Я быстро поднимаюсь по лестнице. Они только что вернулись с очень ранней утренней смены. Мама явно устала, это видно по кругам под глазами, по согнутым плечам. И все же она смогла мне улыбнуться.

— Садись, — командую я. Ставлю кастрюлю на плиту и достаю две тарелки. Слышу, как Рик вставляет диск в DVD плеер. Знакомые звуки заставки «Бонанца» воскрешают воспоминания о бессонных ночах.

— Он продолжает смотреть этот сериал до четырех утра? — спрашиваю я, перемешивая пудинг в последний раз.

— М-м? А, нет. С чего бы?

— Я думала, ему это нравится.

— Ты же знаешь, что он делал это только ради

тебя, правда?

Перестаю помешивать.

— Что?

— Я не могу не спать. У меня никогда это не получалось, что бы я ни делала. А Рик не хотел оставлять тебя одну. Вот и сидел, смотрел телевизор, пока ты не заснешь.

— Он… но… я думала, что ему просто не нужно много спать.

— Рик был совершенно вымотан. Но в детстве у него тоже несколько лет была бессонница. Он говорил, что, когда все остальные спят, а ты один не спишь — так одиноко, что с ума можно сойти. И не хотел, чтобы ты чувствовала то же самое.

— Странно. Все эти ночи, сон, от которого он отказывался… И зачем?

— Что же тут странного?

— Ну, я ведь ему не нравлюсь.

— С чего ты взяла?

— Он никогда со мной не говорит. А когда говорит, то только о том, когда я уеду. Как будто ждет не дождется.

— Золотце, Рик просто говорит мало, и все, точка. И он поддерживает тебя в стремлении уехать. Как по-твоему, кто вешает твои табели

на холодильник?

Я поражена. Рик? Вешает что-то с моим именем на свой холодильник?

— Это была его идея подвозить тебя до и после школы. Он не хотел, чтобы ты тратила время, ожидая городского автобуса. Переживал, что это плохо скажется на успеваемости и тогда ты не попадешь в колледж.

— Колледж нам не по карману. Да, и еще. Еда в холодильнике. Подписанная. И экономия на всем, даже на отоплении. Я незваный гость в его доме. Он терпит меня только из-за тебя.

У мамы слезы наворачиваются на глаза.

— О, Мария. Почему ты так думаешь? Ты чувствовала это все эти годы?

У меня тоже глаза на мокром месте. Я достаю еще одну тарелку. Для Рика. Мама берет меня за руку.

— Ты вообще помнишь своего отца?

Я помотала головой.

— Отлично, — в ее голосе звучит ярость. — Если я чем и горжусь в жизни, так это тем, что тот мужчина не оставил на тебе своего отпечатка. Уйти было непросто. Пришлось выкраивать и откладывать деньги годами, прежде чем набралось достаточно и я смогла уехать далеко-далеко,

в безопасное место. Я очень боялась, что ты запомнишь, каково нам было.

— Нет, я не помню. Помню только, что мы много ездили, пока не остановились тут.

Мама кивает.

— В отличие от большинства людей, Рик не умеет показывать свои чувства, но жестокости в нем нет. И после той жизни он — именно то, что мне было нужно. Что нам с тобой было нужно. Да, я знаю, что Рик странный. Он подписывает еду, чтобы убедиться, что не тратит на продукты больше, чем нужно. Мы отключили отопление, чтобы накопить побольше. По той же причине мы работали сверхурочно и по праздникам. По той же причине мы переводим весь твой заработок в сбережения. Он откладывал деньги с того дня, как мы стали жить вместе. Вообще-то, мы собирались сделать тебе сюрприз, но… Рик? Думаю, стоит отдать Марии ее подарок прямо сейчас.

Телевизор замолкает. Рик возвращается на кухню, засунув руки глубоко в карманы джинсов.

— Как насчет Рождественского утра?

Мама смеется, вытирая слезы.

— Тут уже пахнет Рождеством. Мария приготовила рисовый пудинг.

Она наклоняется над своей тарелкой и глубоко вдыхает. Я скрещиваю пальцы, надеясь, что все сделала правильно.

— *Mi abuela*[42] раньше так его готовила. Потом мы пели, а чуть позже съедали апельсин. Рисовый пудинг и апельсины, — мама улыбается, и слезы радости текут у нее по щекам. — Этот пудинг просто идеален. Честно говоря, я уже и забыла, как он должен пахнуть.

Она пробует кусочек, счастливо вздыхает и кладет голову мне на плечо. Я понятия не имею, каким должен быть этот пудинг, но мне нравится то, что я приготовила. Если бы я описывала его, я бы сказала только одно: теплый, идеально теплый. И чувствуя его во рту, я начинаю понимать, каким маме запомнилось ощущение Рождества.

Рик уже съел свою порцию. Откашлявшись, он произносит, тщательно выговаривая каждое слово:

— *Muchas gracias. Esta comida es muy buena. Me gusta.*[43]

Мама открывает рот от удивления. Я тоже

---

[42] Сноски: 42
Бабушка (*исп.*).

[43] Сноски: 43
Большое спасибо. Все было была очень вкусно. Мне понравилось (*исп.*).

смотрю на него изумленно. А Рик с испуганным видом продолжает:

– *Yo estoy aprendiendo español. Para hablar contigo. Por que… te amo.*[44]

Мама плачет, и Рику становится еще страшнее.

— Я что-то не так сказал? — спрашивает он.

— Нет! — вскрикиваю я, понимая, что он не пытался ничего у меня забрать. Он просто пытался войти в нашу жизнь.

— Это было замечательно, — смогла наконец выговорить мама. — *Muy, muy bien.*[45]

Рик облегченно вздыхает, весь мокрый. Перенервничал, наверное. Как мило! Поверить не могу, что думаю так о Рике.

Смотрю на маму. Впервые за несколько лет я *по-настоящему* смотрю на нее. Она прекрасна. Милая, мягкая и теплая. Интересно, как мы могли так долго не разговаривать о том, что действительно важно. И почему мне понадобилась кастрюля с пудингом, чтобы понять, что мама здесь, рядом со мной. И пусть она никогда не любила нежничать, но всегда была рядом. И делала

---

[44] Сноски: 44

Я учу испанский. Чтобы говорить с тобой. Потому что… люблю тебя (*исп.*).

[45] Сноски: 45

Отлично (*исп.*).

для меня все, что могла.

— Это тебе, — Рик придвигает ко мне листок бумаги, а мама встает у него за спиной, сжимая его плечо. Тут какой-то набор цифр… Нет, это банковский счет. Сберегательный счет на сорок тысяч долларов.

На мое имя.

— Как? Что? *Откуда это?*

— Я же сказала, — поясняет мама, — Рик начал откладывать деньги с того дня, как мы стали жить вместе. Каждый излишек, все, что нам не нужно было для жизни.

— Но… я не могу… А как же вы? Шахта не будет работать вечно. У вас не останется никаких сбережений!

Я каждый заработанный цент откладывала, чтобы сбежать далеко-далеко, в пустое будущее. А они каждый заработанный цент откладывали на то, чтобы мое будущее было лучше, чем то, что досталось им от родителей.

Я самый ужасный человек в мире.

Я рыдаю — и от благодарности, и от чувства вины.

— У нас все будет в порядке, — говорит мама. — Шахта протянет еще несколько лет.

— Мы сможем найти работу где угодно, — голос

Рика звучит мягко и ровно. Мне он всегда казался монотонным, а на самом деле он нежный, как рисовый пудинг. — Где бы ты ни оказалась, мы сможем переехать туда и найти работу.

— Но ведь твой дом — здесь, — говорю я.

Рик удивленно вскидывает брови.

— Мой дом там, где вы. *Tu… eres mi casa*[46]. Наверно, я что-то напутал, — он хмурится.

Я сжимаю их обоих в объятиях. Рик откашливается — очевидно, ему неловко. Но мне все равно.

Я ошибалась.

Столько лет ошибалась.

Как же здорово ошибаться.

* * *

В канун Рождества я показываюсь на работе и вижу, как Бен поливает белым шоколадом веточку перечной мяты, опять бормоча себе что-то под нос. Похоже, он совсем не спал.

— Ты замечательный! — обхватываю его сзади.

Он вздрагивает.

— Что же я сделал?

— Рисовый пудинг! Он был просто идеален!

Бен осторожно накрывает мои руки своими.

---

[46] Сноски: 46
Ты — мой дом (*исп.*).

— Это же ты его приготовила, помнишь?

— Только потому, что ты одолжил мне свою магию.

Наверно, я обнимаю его слишком долго. Нехотя выпускаю его из объятий и указываю на веточку перечной мяты.

— А это зачем?

— Я подумал, может, Кенди это понравится. Не знаю. Я не могу… ничего не получается. С ней ничего не выходит, — понурив голову, он усмехается так горько, что у меня сжимается сердце. — Может, у меня и нет никакой магии. Наверно, это все глупости.

— Бен, я должна тебе сказать…

Игрушечный Санта приветствует нового гостя.

Поднимаюсь на цыпочки — и вижу макушку Джерри.

— Кенди! — зовет он.

Вылетаю из кухни, гневно сверкая глазами.

— Ты пришел извиниться?

Джерри смотрит на меня. Его взгляд спокоен, но он уже сжал кулаки.

— За что?

— За свою подружку! Если она решила пропустить смену в канун Рождества и свалить все на меня, хотя я просила отгул еще месяц назад,

то могла бы хоть предупредить! Она не пришла, и Бену пришлось вызвать меня.

— Ее здесь нет?

Я показываю пустую закусочную.

— Если бы она была здесь, тогда я тут зачем? Передай ей, что если она опять не появится, я позвоню Дотти.

Он подходит на шаг ближе, нависая надо мной. *Не показывай, что ты боишься, Мария. Будь злой.*

— Знаешь, где она может быть?

Я закатываю глаза.

— Чувак, она не *моя* девушка.

Его ноздри раздуваются, он наклоняется еще ближе.

— Мария, — Бен опирается на дверной косяк, непринужденно помахивая большой скалкой, — мне тут нужна помощь.

Он кивает Джерри:

— Передай Кенди, чтобы в следующий раз позвонила, если решит не приходить, ладно?

Джерри уносится прочь, а я падаю грудью на стойку. Сердце бешено колотится.

— Спасибо, — указываю на скалку Бена.

— Но *где* Кенди? Что это все было?

— Она на полпути к станции Амтрак. Собирается пожить у старой школьной подруги.

Рик забрал ее сегодня в четыре утра, пока Джерри работал в ночную смену.

Когда я поделилась с мамой и Риком новым планом побега с использованием моих чаевых, но с Кенди в главной роли, они даже не колебались. При мысли об этом меня накрывает волна признательности к Рику — тихому, странному, нежному Рику.

— Она уезжает?

— Не уезжает, а уже уехала.

Бен идет за мной на кухню. Я сую палец в миску с белым шоколадом и облизываю его.

— Ты ошибался. Ты — самый что ни на есть волшебник. Но людям не нужно вспоминать, как они себя чувствовали, когда были счастливы и спокойны в прошлом. Им нужна надежда, что они смогут почувствовать это в будущем. Порой единственное, что может помочь, — это, например, немного денег, которых хватит, чтобы сбежать.

Брови Бена поползли вверх.

— Ты отдала ей свои сбережения.

— Оказалось, что мне все-таки не нужно срочно уезжать.

Его лицо — глаза, рот, брови, даже кривоватый нос — все целиком превратилось в одну большую

улыбку, когда он переспросил:

— Так ты не уезжаешь?

— Не раньше осени, когда пойду в колледж. Пожалуй, мне нравится Кристмас. И Рождество. В последнее время оно мне кажется особенно… волшебным.

Бен наклоняется ко мне, я поднимаю голову и жду, жду… как вдруг нас прерывает Санта. Хо, черт возьми, хо.

Может, Рождество мне и нравится, но Санта по-прежнему отстой.

* * *

Остаток дня пролетает в компании заезжих коммивояжеров и еще большего, чем обычно, количества местных. Все хотят еще разок попробовать блюда из нового рождественского меню Бена, как будто боятся, что оно вот-вот исчезнет. Раньше это был самый грустный рабочий день в году, но завтра намечается вечеринка. Мама и Рик освободятся, чтобы успеть к ужину. Мама даже приготовит тамале.

У нас с Беном никак не получается выкроить минутку, чтобы поболтать. Он слишком занят сегодняшними заказами и приготовлениями к Рождеству. Но он постоянно следит за мной

взглядом, и мы то и дело обмениваемся улыбками, словно секретами. Когда уходит последний посетитель, мы оба чувствуем себя вымотанными и ошалевшими.

— Столько всего еще надо сделать, — Бен почесывает лицо, оставляя на щеке полоску муки. Я подхожу и стираю ее большим пальцем.

Он опускает голову ниже, ближе.

Я прижимаю пальцы к его губам — очень нежным губам.

— У меня тоже есть работа, — смеюсь и убегаю прочь.

Закончив уборку в рекордный срок, я выскальзываю через главный вход. То, что я планирую, сделать будет непросто. Велика вероятность получить ожоги второй степени.

* * *

Сорок пять минут спустя, отделавшись всего одним небольшим ожогом, я стучу в заднюю дверь закусочной. Бен открывает, держа над головой скалку.

И смущенно опускает ее.

— Я думал, это парень Кенди.

— Ха! Нет. Идем со мной.

— Куда мы…

— Просто идем со мной!

Я лезу наверх. Благополучно добираюсь до крыши и слышу, как металлическая лестница поскрипывает под ногами Бена. Потом показывается его улыбающееся лицо. Я протягиваю ему руку, чтобы помочь подняться.

И не отпускаю, когда мы подходим к краю крыши и смотрим вниз, на Кристмас. Красота, которой я всегда любовалась, глядя вверх, в небо, сегодня спустилась на улицы нашего старого городка. Энджел и несколько других ребят из шахты заканчивают устанавливать громадную рождественскую елку посреди парковочной площадки на заправке. Она светится и блестит в ночи. Лорна выходит и начинает на них кричать, а потом заливается смехом и раздает бесплатное пиво. Постепенно к ним присоединяется еще больше народу, и сверху Кристмас больше не кажется просто жалким поворотом на автостраду. Он выглядит как теплое, счастливое место. Выглядит… в общем, как Рождество.

Я оттаскиваю Бена от края и подвожу к картонной коробке, которую поставила перед шезлонгами. Коробка накрыта скатертью в красно-белую клетку. Сверху на ней лежат две карамельные трости, стоят две кружки, чайник и баллончик

взбитых сливок.

Мы садимся. Продолжая держаться за руки.

— Обожаю канун Рождества, — говорю я. — По-моему, ожидание веселее всего. Похоже, я потеряла это чувство. Ощущение, что еда, традиции, случайная дата в календаре могут стать особенными, потому что мы сами так решили. Потому что *мы* делаем их особенными. Не только для нас самих, но и для других. Всю жизнь люди вокруг делали для меня что-то особенное, даже когда я этого не замечала. И ты так тяжело работал, чтобы сделать жизнь особенной для всех, кто заходит в эту нелепую закусочную. А кто же сделает жизнь особенной для тебя?

Бен опускает глаза, застенчиво моргая. И мое сердце наполняется тем, что, пожалуй, нельзя назвать духом Рождества, но по ощущениям очень похоже на гимн «Радуйся, мир».

— Что бы ты приготовил самому себе? — толкаю Бена локтем, чтобы был повод придвинуться к нему ближе. Мои практические занятия по подталкиванию не прошли даром и наконец-то дают результат.

— Не знаю. У меня не так много счастливых воспоминаний, которые можно было бы использовать.

— Ну так вот, я *создаю* для тебя счастливый момент. Сегодня. Прямо сейчас. Только не забывай, что я не волшебница.

Я заливаю воду в кружки со смесью для горячего шоколада.

Он смеется, распаковывая карамельную палочку, чтобы помешивать какао. Я беру баллончик и выкладываю сверху горку взбитых сливок.

— Если я — имбирное печенье, то ты — чашка горячего какао. Она радует в такую холодную ночь, как сегодня. Мы можем назвать это «Горячее какао Бенджи».

— Я не Бенджи.

— А кто же тогда? Скажи!

Он улыбается, слизывая сливки из уголков рта.

— Это фамильное имя. Так звали персонажа одного известного рассказа. Он сначала был злым, но потом осознал, сколько горя сам себе причинил. И поклялся идти вперед, стать добрым, делать добро и оставаться с Рождеством в сердце весь год…

– *Dios mío*. Бен — это сокращение от Гринча?

— Нет! От Эбенезера. Из повести Диккенса[47], кажется? И… ты ведь знала, о чем я говорил все

[47] Сноски: 47

Эбенезер Скрудж — персонаж повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь».

это время, правда?

Я смеюсь, и он присоединяется ко мне.

— Иногда в тебе больше специй, чем сахара, — говорит Бен.

— Ты же повар. Ты любишь специи. Но я буду продолжать звать тебя Беном, если можно. А то полное имя звучит так, будто ты старик.

— Конечно. Кстати, это какао — лучшее в моей жизни.

— Обманщик.

— Ты уверена, что не хочешь пойти со мной в кулинарную школу?

Фыркаю, поднимаю кружку и чокаюсь с ним.

— Совершенно уверена. Но, возможно, мы найдем место, где колледж и кулинарная школа будут рядом, — улыбнувшись, подношу чашку ко рту и делаю большой глоток, чтобы успокоиться. — Разве хоть одна девушка, попробовав твое имбирное печенье, согласится променять его на что-нибудь другое?

— Это что, особый подкат от официантки?

— Да. Именно так.

А потом, когда канун Рождества превратился в Рождество, ожидание стало реальностью. Мы поцеловались, и вкус поцелуя был, как какао со взбитыми сливками. Он был полон надеж-

ды, счастья и волнения. Именно таким, каким и должен быть поцелуй с Беном — наши губы улыбались вместе.

* * *

Если вы будете искать в интернете «город Кристмас, США» (ничего страшного, у каждого свое хобби), вы не найдете мой дом. Кристмас — это даже не город. Так, поворот на автостраду.

Вы не найдете Энджела, который с улыбкой и гордостью показывает свои новые картины — единственные нерождественские объекты на стенах закусочной. Вы не найдете Лорну, которая открывает в Кристмасе книжный клуб и спрашивает у Бена, что лучше подать в качестве закусок на открытие. Вы не найдете нашу семью, которая сидит на диване и смотрит «Бонанца» в переводе на испанский (эти DVD мы с мамой подарили Рику на день рождения).

Вы не найдете Кенди. И Джерри, кстати, ее тоже не найдет.

И вы не найдете нас с Беном, сидящих на крыше, разговаривающих, смеющихся и строящих планы в нашей теплой, дружелюбной, полной надежд статистически обособленной местности.

Не важно, сможете ли вы найти мой дом.

Главное, что я сама его нашла.

Элли Картер
Вифлеемская звезда

Эта история не такая грустная, как обычные рождественские истории.

Я ведь не Малютка Тим. Ко мне не приходил ни Дух Рождества прошлых лет, ни Дух нынешнего или будущего Рождества[48]. В этом рассказе не будет ангелов или эльфов, волхвов или пастухов. Даже Санта тут не появится.

Нет. Как оказалось, меня посетила Хульда[49].

— Да. Да, — ее высокий, чистый голос донесся до меня сквозь толпу людей, стоявших слишком тесно и одетых в слишком тяжелую зимнюю одежду. Наше дыхание оседало на окнах, почти скрывая очертания «Боинга 747», стоявшего снаружи. Я переминалась с ноги на ногу, думая о том, найдется ли на Земле еще более суматош-

---

[48] Сноски: 48

Малютка Тим, Дух прошлого Рождества, Дух нынешнего Рождества, Дух будущего Рождества — персонажи повести «Рождественская песнь в прозе: святочный рассказ с привидениями» из сборника Ч. Диккенса «Рождественские повести».

[49] Сноски: 49

Hulda (также Holda, Holla, Holle) — изначально скандинавская богиня, прародительница всех богов. Позже превратилась в фольклорный персонаж — «госпожу Метелицу» (см. «Сказки братьев Гримм»).

ное место, чем чикагский аэропорт О'Хара за пять дней до Рождества.

Люди ждали своих рейсов. Подхватив детей, бежали на пересадку. Толпились у стоек регистрации. И надо всем этим через скрипучие динамики раздавались рождественские песни. А я почему-то не могла отвести взгляда от блондинки, облокотившейся на стойку возле выхода H18.

— Нью-Йорк, — сказала девушка. — Я лечу туда. Один билет, пожалуйста. Как можно скорее.

Ее английский был идеален, и все же в голосе чувствовался акцент, но я не могла понять какой. Слишком уж четко она выговаривала согласные. Словно боялась, что ее могут не понять.

Девушка протянула сотруднице аэропорта билет, выдавив чуть запоздалую улыбку.

— *Пожалуйста*.

Мельком взглянув на бумажку, сотрудница натянуто улыбнулась в ответ.

— Ох, извините, но этот билет — не в Нью-Йорк.

Блондинка закатила глаза.

— Да. Потому я и стою в этой очереди и разговариваю с вами. Вы можете поменять его на билет в Нью-Йорк, нет? Ничего страшного. Я подожду.

Покачав головой, сотрудница стала что-то на-

бирать на клавиатуре. Девушка ждала, как и обещала.

— Нет. Простите, — через мгновение сказала сотрудница. — Ваш билет обмену и возврату не подлежит. Вы понимаете?

— Я исландка. А не идиотка.

— Разумеется. Да. Просто… — сотрудница отвела взгляд, пытаясь подыскать нужные слова. — Боюсь, что *этот* билет нельзя использовать на *этом* рейсе. И даже если бы такая возможность была, все места уже заняты.

— Но мне нужно в Нью-Йорк! Я думала, что могу полететь туда, куда позволит этот билет, а потом сесть на автобус или поезд до Нью-Йорка, но это слишком далеко. В Исландии расстояния… не такие большие. И теперь я полечу туда, где не хочу быть, чтобы увидеть того, кого я не хочу видеть, и…

— Извините, — покачала головой сотрудница аэропорта. — Вы можете купить другой билет в Нью-Йорк. У нас есть другой рейс, который улетает завтра в шесть утра. Если вы хотите попасть в Нью-Йорк, вам нужно купить билет на этот рейс.

— Но у меня уже есть билет! — перебила ее девушка, снова протягивая тот же билет.

Тем временем другая сотрудница подошла к выходу, открыла дверь и объявила:

— Здравствуйте, дамы и господа, добро пожаловать на рейс 479. Он проследует без пересадок в аэропорт Ла Гуардиа в Нью-Йорке.

Женщина за стойкой сочувственно посмотрела на девушку, во взгляде которой сквозило отчаяние.

— Вам придется либо купить билет на следующий рейс, либо лететь туда, куда вы собирались изначально.

— Но мой парень в Нью-Йорке! И если вы просто поменяете мой билет…

— Мест нет.

— Но я не люблю его!

Женщина, похоже, запуталась.

— Вашего парня, который в Нью-Йорке?

— Нет, — покачав головой, девушка пожала плечами. — Моего другого парня.

– *Оу*, — произнесла женщина, сложив губы в идеальный кружок. Потом она наклонилась ближе. Ее глаза лучились добротой. — А твои родители здесь?

Девушка помотала головой.

— Я одна.

И в тот момент мне, как никому другому, были

понятны ее чувства.

Я проследила взглядом, как девушка отошла от стойки и стала пробираться сквозь бурлящую толпу. Услышав объявление: «На посадку приглашаются пассажиры первого класса», — люди засуетились, двинулись вперед. Девушку начали толкать, она выронила сумку. У нее подкашивались ноги, в глазах стояли слезы.

И тогда я сделала это.

Сама не знаю, почему. Это была даже не мысль, не осознанное решение. Мной руководил лишь инстинкт, когда я вышла вперед и выпалила:

— Хочешь попасть в Нью-Йорк?

Девушка смущенно посмотрела на меня, и, прежде чем она смогла что-то ответить, я протянула ей свой билет и сказала:

— Вот. Держи. Можешь взять, если отдашь мне свой.

— Но это же твой билет, — ответила она.

— Возьми его. Давай поменяемся. Вот.

Я помахала своим билетом, но девушка с опаской смотрела на сотрудницу аэропорта, стоящую у выхода на посадку.

— Все хорошо. Они не проверяют паспорта во время посадки, — успокоила я девушку. — Если тебе нужно в Нью-Йорк, это твой шанс. Просто

отдай мне свой билет. Отдай свой билет и иди.

Я почти что видела, о чем она думает. Что я — такая же девушка-подросток. И мы находимся в хорошо охраняемом аэропорту. Я не была гадким типом, предлагающим сесть к нему в машину, но мое предложение было слишком заманчивым. А значит, вероятно, тут какой-то подвох.

Но она все же выхватила билет и протянула мне свой.

— Давай, — кивнула я в сторону открытой двери. — Посадка уже началась.

Она указала на другой выход, возле которого тоже толпились люди.

— У тебя тоже.

Верьте или нет, но все вышло очень просто. Я развернулась и направилась к выходу. Впервые в жизни я не обернулась, пока не услышала, как та девушка крикнула:

— Ты даже не знаешь, куда я должна была лететь.

Я пожала плечами, тряхнула головой и сказала единственное, что имело значение:

— Если просто хочешь *уехать прочь*, то попасть туда можно с любым билетом.

— Мисс? — услышала я голос во тьме, но не по-

шевелилась. — Мисс!

Казалось, стюардессе неловко меня будить.

— Вам пора. Мы уже на месте.

Тогда я поняла, что самолет уже приземлился, пассажиры давно вышли, свет погасили, и на площадке перед ангаром темно. Куда бы ни собиралась та девушка, я туда прибыла.

Я шла через безлюдный терминал и прикидывала, что нужно сделать. У меня хватало денег на номер в отеле и на аренду машины, но никто не сдаст их несовершеннолетней. Особенно несовершеннолетней, которая путешествует одна. Я вытащила аккумулятор из телефона, понимая, что нужно будет купить к нему зарядку. И еще…

— Хульда! — крикнул кто-то.

Я посмотрела на людей, ожидавших за оградой.

— Хульда! — снова крикнула женщина, стоявшая в первом ряду с громадной табличкой *«Добро пожаловать в (твою новую) семью, Хульда!»* — Мы так рады, что ты здесь!

Ринувшись вперед, она, видимо, пересекла границу охраняемой зоны, и тут же зазвучал сигнал тревоги — и в моей голове, и снаружи.

Это опасно.

Это неправильно.

Эта женщина вторгалась на огражденную территорию.

На изолированную территорию. Забаррикадированную, недоступную для незваных гостей. Но брешь уже была пробита, и я позволила заключить себя в объятия.

В конце концов, это были хорошие объятия.

— Ну, вы только посмотрите! — женщина взяла меня за плечи. — Ты прическу сменила.

Я вспомнила короткие светлые волосы той девушки в аэропорту. Девушки с акцентом. Девушки из Исландии. Девушки, которую, очевидно, ждали эти люди.

Меня охватила паника, захотелось сбежать…

— Ты совсем не похожа на свои фотографии, — сказала женщина, и я перевела дух.

Девушки, которую эти люди наверняка видели лишь на фотографиях.

Возможно, они ничего не заподозрят, не вызовут охрану. Или полицию. Возможно, стоит немного подождать, а потом тихо улизнуть и…

— Ой, что же это я? Не мне одной хочется обнять тебя скорее. Этан! — окликнула кого-то женщина, оборачиваясь. Проследив за ее взглядом, я увидела парня, выходившего из-за угла.

На нем были джинсы, ботинки и накрахмален-

ная рубашка в клетку. Раньше я думала, что такие парни существуют только на обложках любовных романов. Он наверняка тоже был шокирован моим видом, потому что осекся и замер, пряча телефон в карман. Я вспомнила слова Хульды: *«Я не люблю его. Моего другого парня».*

— Этан! — снова крикнула женщина. — Она здесь!

Парень уже был рядом. Взглянул на меня — и я увидела, как на его лице отразилось понимание. Того, что я не исландская девушка по имени Хульда. Не его девушка.

— Это… — начал парень, а я мысленно закончила за него.

Самозванка!

Лгунья!

Он подошел ближе.

— …чудесно, что ты прилетела, — сказал он.

И поцеловал меня.

Оказывается, если махнуться билетами с девушкой, которая не хочет видеть своего парня, то велика вероятность, что этот парень будет встречать тебя в аэропорту.

Вместе со всей своей семьей.

— Это тетя Мэри, — сказал Этан, указывая на женщину, которая так хорошо обнималась. —

Ты будешь жить у нее, — добавил он, а потом представил остальных: — Моя мама, Сьюзан. Папа, Клинт.

Клинт сжал мою ладонь большой крепкой, мозолистой рукой и тепло улыбнулся:

— Добро пожаловать.

В его голосе слышался легкий южный говор. Как и у остальных членов семьи.

— О, а это Эмили. Моя сестра, — произнес Этан, и девочка посмотрела на меня самыми большими, самыми голубыми глазами, которые я когда-либо видела. Казалось, она видит меня насквозь.

— Мне двенадцать, — сказала она, опережая мой вопрос. — Я просто выгляжу младше.

Мы направились к ленте выдачи багажа. Проходя мимо картины со сценой рождения Христа, где все волхвы были одеты как ковбои, мама Этана вдруг взглянула на меня и спросила:

— Так ты впервые в Оклахоме?

Оклахома.

Середина страны. Черт знает где. Приблизительно в тысяче миль от Нью-Йорка и еще в тысяче от Лос-Анджелеса. Это было… идеально.

— Впервые, — подтвердила я.

Повисла длинная пауза. Все остальные жда-

ли, что я… сделаю что-то. Я почувствовала себя животным в зоопарке, в вольере с вывеской «*Исландская девушка в дикой природе*». Но я не была исландской девушкой. И они не должны были об этом догадаться.

— Приятно со всеми вами познакомиться, — сказала я.

— Боже мой, — начала тетя Мэри, — Этан говорил, что у тебя хороший английский, но он идеален. Просто идеален.

— Я часто смотрю американские каналы, — объяснила я, и они кивнули, как будто это было вполне логично.

— Ладно, давай заберем твои сумки, — сказал Клинт, потирая ладони.

— У меня нет… — не успела я закончить фразу, как по конвейеру проехал огромный чемодан с наклейкой в виде флага Исландии. — Кажется, это мое.

Клинт подошел и поднял эту старомодную громадину так легко, будто она ничего не весила. Интересно, сколько времени Хульда собиралась здесь провести?

Не важно. Я ведь не Хульда.

* * *

— Итак… Хульда? — окликнул Этан. После неприлично долгой паузы я наконец поняла, что он обращается ко мне.

— Да, Эван?

— Этан, — прошептал он. — Меня зовут *Этан*. Возможно, тебе стоит это запомнить, раз уж ты только что пролетела полмира, потому что так влюблена в меня.

Я повернулась и взглянула на его профиль в тусклом свете заднего сиденья внедорожника его родителей, отъезжавшего от аэропорта. Парень с массивной челюстью смотрел прямо перед собой, будто пытался разглядеть горизонт.

— Знаешь, тебе ведь это с рук не сойдет. Что прикидываешься Хульдой…

— С Хульдой все хорошо, — перебила его я. — Никто ей рот кляпом не затыкал и в кладовке не запирал, если ты об этом.

— О, я знаю. Она позвонила сказать мне, что не села в самолет. И попросила меня поискать тебя. Вот единственная причина, по которой я участвую в этой безумной затее. Хульда хороший человек. Ты сделала ей одолжение, а я делаю одолжение тебе, потому что… — он замолчал,

потом снова взглянул на меня. — У тебя какие-то проблемы?

— Нет.

— Потому что если да… и если из-за тебя проблемы возникнут у моей семьи…

— Нет у меня никаких проблем.

— Конечно, ведь это обычное дело — обменяться с незнакомкой билетом на самолет… И полететь на встречу с парнем этой девушки.

— Забавно. Люди в этой машине думают, что ты парень Хульды. Но сама Хульда так не считала.

— К чему ты клонишь?

— У каждого свои секреты.

Он отвернулся и снова уставился вперед.

— Прошлым летом я ездил по обмену в Исландию.

— И…

Уголки рта Этана изобразили нечто, не совсем напоминающее улыбку.

— То, что случилось в Исландии, остается в Исландии.

— Буду иметь это в виду.

Он снова взглянул на меня.

— А тебя как сюда занесло?

— Не хотела лететь в Нью-Йорк.

— А что в Нью-Йорке?

Тетя Мэри наклонилась между сиденьями, разговаривая с отцом и матерью Этана. Эмили была в наушниках — я слышала слабые звуки музыки, а она моргала, то засыпая, то просыпаясь. Мы с Этаном сидели сзади одни, но внутри внедорожника было слишком тихо. Кто-нибудь мог услышать. Заподозрить что-то. Все узнать.

В тот самый момент я поклялась, что никто никогда не узнает правду.

— Мне нужно было сбежать, ясно? Я увидела возможность — и ухватилась за нее. Скоро я уйду и не буду беспокоить ни тебя, ни твою семью. Можешь уже начинать склеивать свое разбитое сердце или что ты там собирался делать. Как только мы остановимся, я исчезну с твоих глаз навсегда.

Я ожидала, что он будет возражать, начнет жаловаться, что я ставлю его в неловкое положение. Но чего я никак не ожидала, так это заявления: «Ты не можешь просто взять и убежать».

Но у меня не было ни малейшего желания слушать о том, чего я не могу сделать. Наслушалась уже по горло, хватит.

Не ешь то-то.

Не ходи туда-то.

Не будь тем-то.

Этан не знал, что я оказалась в его семейном внедорожнике на пути в какую-то глушь именно поэтому. Потому что торжественно поклялась: отныне никто и никогда не будет решать за меня, что мне можно делать, а что нельзя. Наклонившись к парню ближе, я ответила:

— *Посмотрим.*

Но он только рассмеялся:

— Нет. Ты не понимаешь. Я хорошо знаю отца: эта машина точно не остановится, пока мы не доберемся домой.

— Значит, я сбегу, как только мы туда доберемся.

Видимо, в моих словах было что-то забавное, потому что Этан только громче расхохотался.

— Что тут смешного? — спросила я, но он только сполз ниже по сиденью, закрыл глаза и прошептал: — Увидишь, *Не-Хульда*. Скоро увидишь.

Если вам вдруг интересно, «скоро» Этана растянулось на четыре часа.

Именно столько мне пришлось вжиматься в кресло, слушая храп ненастоящего парня Хульды. Он спал, натянув кепку на глаза, а я сидела в темной машине и смотрела в окно — на огни небольших городков вдали, на красные задние

фонари грузовиков, проезжавших мимо.

Когда Клинт съехал с магистрали на маленькую трассу, я подумала, что мы уже почти приехали. Но прошел еще час, прежде чем мы наконец-то свернули на узкую гравийную дорогу, которая извивалась и изгибалась в темноте. Городские огни давно исчезли. Светили только звезды. Миллионы звезд. Честное слово, мы словно остались единственными людьми на Земле, как вдруг Клинт остановился возле маленького белого дома с широким крыльцом и сказал:

— Приехали.

— Это твой дом? — спросила я у Этана, вслед за ним выбираясь с заднего сиденья.

— Нет, — он зевнул, и я поняла, что уже, должно быть, за полночь. — Тут живет тетя Мэри. А мы — по соседству.

Я оглянулась вокруг, но увидела лишь темные холмы под покровом звезд. Луна была такой большой, что казалось, до нее можно дотронуться.

— А по-соседству — это…

— Где-то с полмили отсюда, по другую сторону холмов.

Этан махнул рукой в темноту.

Холодный ветер швырнул мне волосы в лицо, сдувая последние остатки сна. Я увидела,

как Клинт поднял громадный чемодан Хульды по лестнице и, распахнув дверь, внес его в дом. Тут до меня дошло, что я оказалась в тех краях, где люди не запирают двери на ночь, а расстояние до ближайших соседей измеряется милями.

Если бы я хотела просто сбежать, то с легкостью могла бы это сделать. Но тетя Мэри радостно мне улыбалась. Родители Этана обнимали и желали спокойной ночи. А Этан смотрел на меня так, будто ждал, что я в любой момент улизну во тьму.

Можно себя поздравить: я нашла идеальное убежище. Как жаль, что нельзя здесь остаться.

— Тебе больше ничего не нужно, милая?

Тетя Мэри постучала в дверь спальни, и та распахнулась. Возможно, ей показалось странным, что я все еще сижу на кровати с рюкзаком на коленях, но вслух она этого не сказала.

— Тебе помочь разобрать вещи?

Она указала на громадный чемодан Хульды, но я помотала головой.

— Нет, спасибо.

— Ничего, — тетя Мэри скрестила руки на груди, прислонившись к дверному косяку. — У тебя есть еще пять месяцев на обустройство.

Пять месяцев. Целый семестр. Я попыталась представить, каково это — прожить почти пол-

года в крошечном белом фермерском домике в какой-то глуши. От заряда на телефоне остался всего один штрих (я проверила, а потом снова вытащила аккумулятор), и тут не было кабельного телевидения. Тут вообще можно жить? Потом я вспомнила о незапертой двери, громадной рождественской елке и самодельном чулке с вышитым зелеными пайетками именем «Хульда». И поняла, что для некоторых людей ответ был, несомненно, «да».

— У вас милый дом, — сказала я.

— Он старый. Как и я, — тетя Мэри засмеялась. — А теперь еще и пустой, ведь моего мужа и малышки нет со мной. Но он мой. Знаешь, я родилась здесь.

Она посмотрела на старые стены, будто ожидая, что они сами расскажут ее историю.

— Когда я была такой, как ты, это была моя комната. А потом — моей дочери. Теперь она твоя, — тетя Мэри широко мне улыбнулась. — Мы рады, что ты здесь, Хульда.

— Я тоже очень рада, — выдала я первую ложь, пришедшую в голову.

И на секунду мне показалось, что надо было соврать как-то иначе. Ведь тетя Мэри взглянула на меня так, будто поняла — с Хульдой что-то

не то. Со мной что-то не то.

Потом она покачала головой.

— Никак не привыкну к тому, что ты так хорошо говоришь по-английски.

— Спасибо, — ответила я и, вспомнив, что сказал мне Этан в машине, добавила: — Этан помог мне подтянуть его, когда был в Исландии прошлым летом.

— Конечно. Он хороший мальчик, — сказала тетя Мэри и вдруг посерьезнела, снова смерив меня взглядом: — Мне очень не хочется, чтобы ему причинили боль.

Я посмотрела в ее большие карие глаза.

— Мне тоже этого совсем не хочется.

И в тот момент я говорила искренне.

Клянусь.

* * *

— Она такая тихая.

Я могла разобрать слова, но не понимала, откуда доносится голос. И где находится моя комната. И весь дом. Не понимала удивительного спокойствия, которое, казалось, пронизывало все вокруг. Не было слышно ни гудков машин, ни грохота лифта или тележек для обслуживания номеров, которые вечно везут куда-то по безликим кори-

дорам. И тогда я сказала себе, что сплю, что все это только сон.

— Перелет был долгим. Она наверняка устала, — произнес другой голос, и я вдруг вспомнила: тетя Мэри. Маленький белый фермерский домик с большой рождественской елью.

Этан. Исландия. Хульда.

Я играю роль исландской ученицы по обмену, которую зовут Хульда.

Откинув одеяло, я села на кровати. Солнце слишком ярко светило сквозь белые кружевные занавески, висящие на окнах. На меня словно падали лучи прожектора, и я знала, что должна сбежать, выбраться отсюда, пока никто не присмотрелся ко мне получше и не начал задавать слишком много вопросов. К этому времени уже наверняка стало известно, что я не прибыла в Нью-Йорк, и меня начали искать. Если они выйдут на Хульду, то найдут и Этана. А если найдут Этана, найдут и меня.

— Хульда! — позвала тетя Мэри из-за двери. — Отлично. Ты проснулась. Спускайся вниз, дорогая. Все уже ждут.

— Хорошо… я… как это — все?

Оказалось, я только *думала*, что познакомилась со всей семьей Этана.

У Клинта и Мэри была младшая сестра, а у нее — двое близняшек, на год младше Эмили. Девочки одновременно уставились на меня. Что-то жутковатое, как из фильма ужасов, было в том, как они синхронно наклонили головы и хором спросили:

— Мы тебя знаем?

— Нет. Извините. Просто лицо такое, — ответила я и продолжила пробираться сквозь толпу.

У старшего брата Клинта было три дочери, две из них — замужние, одна даже с ребенком. Все имена и лица перемешались у меня в голове. Кухня начала расплываться от улыбок, объятий и тарелок, полных яичницы, бисквитов и подливы. Как много подливы. Меня слегка затрясло.

— Хульда, может, расскажешь нам о своей семье?

Я услышала вопрос, но не знала, кто его задал.

— Как прошел полет, Хульда? — спросил другой голос.

— Что тебе нравится делать?

— Как тебе Оклахома?

— Ты когда-нибудь бывала на ранчо?

Водоворот вопросов затягивал меня. Голова уже начинала кружиться, как вдруг тетя Мэри положила руку мне на плечо.

— Дорогая, ты звонила домой? Твоя мама знает, что ты добралась нормально?

— Моя мама… — начала я, но не смогла закончить. — Мне… мне нужно в туалет, — выпалила я, убежала в маленькую комнату и закрыла дверь.

Увидев узкое окошко, я не задумываясь распахнула его и перекинула ногу через край. Я уже почти вылезла, как вдруг рядом раздался голос:

— Доброе утро.

Я замерла, свесившись из окна. Ноги не доставали до земли, а на то, чтобы подтянуться обратно, не хватало сил, вот я и висела там, слушая, как Этан смеется.

Наконец, я сдалась и спросила:

— Тут очень высоко?

Две руки обхватили меня за талию.

— Отпускай, — сказал Этан, что я и сделала.

— Ну, спасибо, — убирая волосы с глаз, я попыталась придать голосу максимум твердости.

За ночь выпал снег, и без пальто меня пробирала дрожь.

Этан был в сапогах, джинсах, толстой куртке и старых перчатках.

— У тебя в комнате двери нет, что ли? — спросил он, смерив меня насмешливым взглядом. — Как нехорошо со стороны тети Мэри поселить

тебя в комнату без двери…

— Я…

— Ты решила сбежать утром, — продолжил Этан. — Что ж, по крайней мере, это лучше, чем убегать ночью. Но я знаю тетю Мэри: она наверняка уже приготовила подливу. А от подливы тети Мэри никто убегать не должен.

«Мне нельзя есть подливу», — хотела было сказать я, но вместо этого спросила:

— Как далеко отсюда ближайший город?

— Что значит — «город»?

Я пристально на него взглянула.

— А мне казалось, это для меня английский должен быть иностранным.

— Вифлеем в трех милях в том направлении, — Этан указал на восток.

— Вифлеем? — я чуть не вытаращила глаза. — На Рождество. Идеально.

— Хотя это не совсем город. Просто почта и баптистская церковь. Если ты имеешь в виду город с продуктовым магазином и школой, то он в сорока милях вон в той стороне, — на этот раз он указал на север. — Если тебе нужен кинотеатр, супермаркет или больница, тогда это в шестидесяти милях вон там, — он показал на юг. — И, как ты видела вчера, ближайший

аэропорт — в Оклахоме, но до нее ехать несколько часов. Так что скажи, *Не-Хульда*, какой же город тебе нужен?

Отвернувшись от него, я пошла к ограде. Солнечные лучи отражались на гладких белых холмах, и я зажмурилась. Мне нужно такси. Нужен отель. Нужна другая жизнь.

Я бы что угодно отдала за другую жизнь.

— Кстати, настоящая Хульда прислала сообщение, — крикнул Этан мне вслед. — Она добралась до Нью-Йорка.

Я обернулась к нему.

— А она… — я запнулась, осознав, что не могу напрямую спросить: «*А она не видела, ждал ли меня кто-нибудь? Они нашли ее? Они знают, где я?*» Так что я просто промолчала.

Но что-то менялось в глазах Этана. Он становился холоднее, как и ветер. Его сердце замерзало. Все это уже не было приключением, каким казалось вчера. Теперь, при свете дня, Этан был обеспокоен, и я не могла его винить.

— Кто ты такая? — тремя большими шагами он преодолел расстояние, разделявшее нас. — Что ты здесь делаешь? От кого убегаешь?

— Ни от кого. Ничего. — Я отступила назад и почувствовала, как холодный металл ограды

вдавился в спину сквозь рубашку.

— Тогда, может, мне войти туда прямо сейчас и попросить родителей позвонить в полицию, или ФБР, или куда там надо звонить, чтобы потерявшуюся девушку-подростка вернули в семью?

— Так вот что у тебя на уме? — я не хотела кричать, но не смогла сдержаться. Мне трепали нервы столько дней. Столько недель. Столько лет. И вот теперь я почувствовала, что они уже на пределе. — Ну, ты ошибаешься, мистер У-Меня-Полон-Дом-Людей-Любящих-Меня. Мои родители меня не ищут. На данный момент нет никого, кто бы любил меня и переживал за меня. Честное слово.

— Ладно, — Этан снял шляпу и пробежался рукой по волнистым каштановым волосам. — Тогда хоть имя свое назови. Пожалуйста. Просто скажи, как тебя зовут.

Даже на этот несложный вопрос ответить было нелегко.

— Лидия, — сказала я, помолчав. — Можешь называть меня Лидией.

— Ладно. Привет, Лидия.

— Привет, — я улыбнулась. — Так что произойдет теперь?

— Теперь мне нужно идти кормить коров.

Я посмотрела на дом, полный незнакомцев, вопросов и подливы. Потом я взглянула на широкое небо над головой и на очень милого парня.

— Составить тебе компанию?

* * *

Шины старого побитого грузовика с грохотом переваливались через глубокие выбоины на дороге. Выжав сцепление, Этан переключил скорость, и это показалось мне самым сексуальным движением, которое я когда-либо видела. Он был таким уверенным, чувствовал себя расслабленно и спокойно. Это все — его территория: и кабина старого грузовика с большими тюками сена, и длинная вереница черных лохматых коров, бредущих следом. Они бы пошли за ним на край света, уверяю вас.

Но мы с Этаном молчали. В кабине было холодно: даже с нагревателем, включенным на полную мощность, мне было видно, как дыхание становится облачком пара. Я спрятала руки между коленями, а Этан снял перчатки и отдал их мне.

Наконец, тишина стала, видимо, совсем уж невыносимой, потому что Этан включил радио и кабину тут же заполнила музыка. Исполняли вроде бы «Святую ночь», но бэк-вокалистов было

слишком много, а темп — слишком быстрый. Меня чуть не стошнило.

— Извини за станцию, — сказал Этан. — Эмили или близняшки наверняка были тут. Им нравится подростковая попса.

Он выключил радио, а я надела его перчатки. Они все еще были теплыми внутри.

— Ничего страшного.

— Тебе нравится музыка?

— Раньше нравилась. В детстве.

— А теперь ты так состарилась, что переросла ее? — спросил он с улыбкой.

— Да, — ответила я. — Вроде того. Ты давно тут живешь?

Мне вдруг отчаянно захотелось сменить тему разговора.

— Ну, мне сейчас семнадцать, так что… семнадцать лет.

— Твоя семья всегда здесь жила?

— Я — пятое поколение, — ответил он, но эти слова прозвучали странно. Так, словно Этана связывали с этим местом не корни, а скорее цепи.

— Хорошо, что у тебя большая семья. Что вы все можете жить вместе и работать вместе.

— Да. Наверное.

— А зачем ты летал в Исландию?

Не знаю, откуда взялся такой вопрос, но я почувствовала, что он попал в точку, что ответ на него почему-то был очень важен.

Этан снова переключил передачу, и грузовик перевалил через вершину холма. Перед нами раскинулось ранчо — белое, чистое, на много миль вокруг. Большинство людей видят такое только в кино или когда летят на самолете.

— Я родился здесь. Буду жить и работать здесь до конца своих дней. И однажды — если повезет, то через много-много лет — я здесь и умру. Так что… наверное, я просто хотел, чтобы хоть одна маленькая часть моей жизни прошла *не здесь*. А Исландия — это в общем-то настолько *не здесь*, насколько возможно.

Я посмотрела на пробегающие мимо холмы, на стада коров вдали.

— По-моему, тут не так уж и плохо.

— Ага, — Этан снова переключил передачу, даже не взглянув на меня. — А что насчет тебя? Где твой дом? Или это тоже секрет?

Не секрет, — ответила я. — У меня нет дома.

* * *

— Здравствуй, милая, — сказала тетя Мэри, когда я наконец вернулась в дом. Она сидела

на корточках на коврике в гостиной, а Эмили стояла на тахте в костюме ангела, раскинув руки в стороны. — Нам не хватало тебя за завтраком.

— Простите, что ушла, не предупредив. Я…

— Тебе пришлось выбирать между тем, чтобы сбежать с красивым ковбоем, которого ты столько месяцев не видела, и тем, чтобы остаться в доме, полном шумных незнакомцев…

— И подливы, — добавила я. — Еще я сбежала от подливы. Зря, наверное.

— Тогда завтра я покажу тебе, как ее готовить. Хочешь научиться этому, Хульда?

Казалось, будто она ожидает, что я откажусь. Или, может, сознаюсь. Да уж, у меня явно началась паранойя.

— Я боюсь, что сожгу ваш дом.

— Одних твоих усилий точно не хватит, чтобы превратить этот дом в пепел.

— Тетя Мэри, ты уже закончила? — спросила Эмили, переступая с ноги на ногу.

— Перестань вертеться, — скомандовала тетя. Достав булавку из подушечки на запястье, она пристально рассматривала слишком длинный наряд Эмили.

— Я устала, — пожаловалась девочка, но тетя Мэри просто мельком взглянула на нее.

— Да уж, ангельским поведением и не пахнет, — сказала она. — Так, Хульда, тебе ничего не нужно?

— Нет.

— Как обживаешься на новом месте?

— Хорошо.

— Ты же знаешь, что всегда можешь поговорить со мной, верно? Если захочешь о чем-нибудь поболтать. О чем угодно.

— Конечно, — улыбнувшись, солгала я.

* * *

Если реальность может превратиться в кино, то дальше именно это и произошло.

Каждое утро Этан стучал в дверь тети Мэри, и я отправлялась вместе с ним задавать корм скоту. (Моя, по словам Этана, *очень важная*, часть работы заключалась в том, чтобы открывать ворота.)

После полудня я помогала тете Мэри готовить и доставлять еду пожилым людям из общины, которые не могли выйти из дому из-за снега.

— Вот, возьми, — сказала она в первый день, отдавая мне ключи. — Я теперь почти не езжу на машине.

Эмили с близняшками пытались научить меня танцевать тустеп.

Клинт жарил стейки и устраивал большие шумные ужины, во время которых все по очереди держали на руках ребенка кузины Этана.

Тетя Мэри поручила мне заворачивать подарки, а близняшки позволили подержать поросенка.

И все это время Этан был рядом. Он учил меня ездить на своем старом грузовике с механической коробкой передач, дразнил меня, когда я однажды так сильно увязла в грязи, что одна нога выскользнула из сапога, и мне пришлось возвращаться в дом тети Мэри наполовину босой.

Он не упоминал о Хульде.

Не спрашивал меня, откуда и почему я убежала.

Не смотрел на меня как на обманщицу, мошенницу или предательницу.

И несколько дней там я была не совсем Хульдой и не совсем собой. Несколько дней я была просто… счастлива.

Потому что несколько дней у меня была семья.

* * *

— Продолжай помешивать, — сказала тетя Мэри.

За день до кануна Рождества на улице стоял пронизывающий холод, а на кухне у тети Мэри

было жарко. Окна запотели, а коричневое варево на плите кипело и надувалось пузырями, будто зелье в ведьмином котле.

— Ты помешиваешь? — спросила тетя Мэри.

— Да, — ответила я.

Она взглянула на кипящую карамель.

— Мешай сильнее.

Когда карамель начала брызгаться, тетя Мэри сказала:

— О, дорогая, ты же так запачкаешь свою красивую кофточку. Возьми фартук.

В прачечной на крючке висело много фартуков, и я взяла розовый с белыми цветами. Но как только тетя Мэри увидела меня, что-то в ее глазах заставило меня остановиться.

— Что-то не так? — спросила я, потом посмотрела вниз и увидела имя, вышитое на кармане. *Дейзи.* — О. Простите. Это фартук вашей дочери?

— Да. Но… ничего, надень его, — отозвалась тетя Мэри. — Она бы хотела, чтобы ты его надела.

Когда я начала завязывать волосы в хвост, тетя спросила:

— Тебе говорили, что тебе хорошо с убранными волосами?

Проглотив ком в горле, я кивнула.

— Моя мама.

— Ты по ней скучаешь, милая? Мы можем позвонить ей по Skype. Или по телефону, или…

— Нет, — ответила я слишком быстро. — То есть не сейчас. Разница во времени и все такое… это может подождать.

Задняя дверь распахнулась, и Эмили закричала с порога:

— Тетя Мэри!

— Обувь! — строго сказала тетя, но Эмили уже сняла свои грязнющие ботинки и оставила их возле входа.

— Твоя мама уже ездила в город? — спросила тетя Мэри.

Эмили помотала головой.

— Не думаю.

— О, по-моему, я видела ее машину на дороге, — сказала тетя, и я мельком подумала о черном внедорожнике.

— Тетя Мэри, у вас есть картошка?

— А что? — спросила тети Мэри, но Эмили покосилась на меня.

— Увидишь.

* * *

— Сюрприз! — хором закричали Эмили и Сьюзан, когда мы вечером зашли в дом Этана.

И тут я увидела плакат, висевший в гостиной. Надпись на нем гласила: «*Счастливого Дня Торлакура, Хульда!*»

— Что это? — спросила я.

— Ну, мы понимаем, что тебе наверняка тяжело быть далеко от семьи на Рождество, — сказала тетя Мэри. — Во время праздников без семьи всегда тяжело.

Возможно, мне почудилось, но после этих слов в комнате вдруг что-то изменилось. Целую секунду никто не решался ни с кем встретиться взглядом.

— Так что… — продолжила Мэри, — мы решили принести тебе кусочек Исландии.

— О. Ура! — попыталась крикнуть я. И только тогда огляделась.

На окнах было много обуви. Да, *обуви*. Зловещие Санта-Клаусы выстроились в середине стола, а на подносе высилась гора картошки, будто какое-то странное праздничное главное блюдо.

— Ух ты. Кто-то очень постарался.

— Ну, конечно, мы старались, глупенькая. Это же День святого Торлакура! — сказала мама Этана, и тут же серьезным тоном уточнила: — Я правильно произнесла?

— Да, Хульда, — сказал Этан. — Она правильно

произнесла?

— Да. Очень хорошо, — подтвердила я, и Сьюзан просияла. Этан улыбнулся, как кот, объевшийся сметаны.

— Садитесь, садитесь, — поторапливала нас тетя Мэри. — Что особенно приятно, когда приглашаешь студентов по обмену, — можно больше узнать о другой культуре. Вот мы и решили, что ты могла бы нам рассказать о Рождестве в Исландии!

— Хульда — просто *эксперт* в области Рождества в Исландии, — сказал Этан, отодвигаясь, чтобы я не успела пнуть его под столом.

— Мы нашли кое-какую информацию в интернете, — сказала Сьюзан, — но у нас еще столько вопросов.

— Да, — сказала Эмили. — Например, зачем нужна вся эта обувь?

— Да, Хульда. — Этан откинулся на спинку стула. — *Расскажи нам, зачем вся эта обувь!*

— Ох, ну… — начала я медленно, — история с обувью действительно захватывающая.

Я снова взглянула на окна, на обувь, стоящую на каждом подоконнике.

— Мы ставим ее у окон, видите ли…

— О да, мы видим, — кивнул Этан. — Но поче-

му, Хульда? Зачем нужна обувь в окнах?

— М-м… ну… это потому, что в старину… многие забывали свою обувь и… люди оставляли запасную обувь на окнах для путников, которые… м-м… в ней нуждались. Потому что в Исландии тяжело жить без… ну, знаете… обуви. *Страна Льда,* — добавила я серьезно.

— Я думал это Гренландия — страна, покрытая льдом, — удивился Клинт.

— И она тоже, — пояснила я.

— А почему Санта такой страшный? — одна из близняшек рассматривала маленького человечка в красном, который сидел прямо перед ней и смотрел пристально, будто маньяк с топором.

— Отличный вопрос, — сказал Этан. — Поведай же нам, Хульда, *почему Санта такой страшный?*

— Это не Санта, — возразила Эмили. — А один из Йольских парней.

— Йольские парни, да! — выпалила я, будто бы сама нашла ответ. — Вот кто это. Они у нас вместо Санты.

Наверно.

— А сколько их всего? — спросил Клинт.

— Девять, — наобум ляпнула я, и Эмили удивленно приподняла бровь.

— Разве не двенадцать? — уточнила она.

— Ну, возможно, их разное количество в разных частях страны, — предположил Этан. — Так ведь, Хульда?

— Так и есть, — согласилась я. — В некоторых местах двенадцать, но там, где я живу, их девять потому, что… остальные три умерли, забыв свою обувь.

Все, кто был за столом, кивнули, будто бы это было вполне разумно.

— Разве это не удивительно? А у нас ведь тоже есть свои традиции, знаешь ли, — сказала тетя Мэри. — Ничего особенного, но в общине под названием Вифлеем никак не обойтись без пары-тройки рождественских традиций.

Она рассмеялась.

— Мы все встречаемся в церкви в канун Рождества. Там показывают представление.

— Это значит — настоящие козы и много маленьких детей, одетых волхвами, — пояснил Этан.

— Мы поем рождественские гимны и читаем историю про Рождество, — продолжила тетя. — И все получают по мешочку с конфетами.

— Звучит мило, — отозвалась я. Но от этого рассказа мне вдруг стало тошно, будто я отравляла

все своим присутствием. Своей ложью.

— У меня… — оттолкнувшись, я встала из-за стола. *Нужно убираться отсюда. Нужно бежать.* — У меня голова болит. Извините. Я просто…

— Этан, — сказал Клинт, — отвези ее домой.

Холодный воздух обжигал легкие. Небо было чистым и ясным, слишком ясным, хотя после заката прошло уже три часа. Сколько бы я там ни стояла, я понимала, что никогда не привыкну видеть так много звезд.

— Ты как? — спросил Этан, но я даже дышать не могла, а уж тем более говорить.

— Я должна им сказать, — выдавила я наконец, задыхаясь. — Они такие добрые. Они возненавидят меня. И тебя! Я должна им сказать. Сейчас же. Сегодня. Я…

— Нет, — Этан решительно помотал головой. — Если скажешь им все сейчас — разобьешь сердце тети Мэри прямо перед Рождеством.

— Ее это не будет волновать. Ее муж и дочь скоро приедут и…

Взгляд Этана заставил меня остановиться. В нем была абсолютная скорбь.

— Боже, Лидия. Я думал, ты знаешь.

Что знаю?

— Они погибли. Года полтора назад. В аварии.

В голове всплыли слова тети Мэри: «*Я теперь почти не езжу на машине*».

— Это будет ее второе Рождество без них, — закончил Этан, и я почувствовала, будто кто-то ударил меня под дых. Вспомнила объятия тети Мэри, ее пустой дом. Ель и самодельный чулок для Хульды.

— Это одна из причин, по которой я решил, что было бы неплохо пригласить Хульду, — сказал он мне. — Тетя Мэри не любит одиночество, а в праздники ей особенно тяжело…

— Да. Конечно. Жаль, что я раньше не догадалась. Я бы…

— Нет! Не меняй ничего, ладно? Ее и так все вокруг жалеют. Хорошо, когда есть кто-то, кто не относится к ней, как к хрупкой вазе. Она была так счастлива только до аварии. Если ты скажешь ей сейчас… это ее убьет.

— Рано или поздно она все равно узнает, Этан. Я ведь не могу здесь остаться. Когда-нибудь мне все-таки придется уехать.

— Мы не хотим, чтобы ты уезжала, понятно? — он снова провел рукой по волосам. — *Я* не хочу, чтобы ты уезжала.

Я не осознавала, насколько близко мы стояли,

насколько теплыми были его руки на моих плечах. Я не видела, как наше дыхание смешивалось в холодном воздухе. Я не осознавала, что падаю, пока не стало слишком поздно — наверное, потому что я так и не коснулась земли. Это было падение в веру, надежду, в… в общем-то, по сути, в любовь. Или что-то вроде того.

И тогда губы Этана коснулись моих, а я прижалась к его сильной груди, отдаваясь теплу его рук, обнимающих меня так крепко. И больше не убегала. А бежала навстречу. Этому моменту. Этому месту. Этому парню.

— Просто подожди до Рождества, ладно? — Этан отстранился и посмотрел мне в глаза. — После Рождества все будет выглядеть иначе.

И я кивнула, радуясь тому, что придется лгать и дальше.

* * *

В канун Рождества Этан приехал за мной на грузовике, чтобы отвезти в церковь, которая находилась между полем пшеницы и пастбищем. Она была крошечная, белая, со шпилем, устремленным в небо. К тому времени, как Этан подъехал, колокола уже звонили.

— Идем, — он взял меня за руку. — Мы опаз-

дываем.

Мы, смеясь, побежали к двери, но едва переступив порог, я выпрямилась и застыла. Рука Этана все еще была в моей, когда мы стояли в дверях храма, наполненного людьми.

— Хульда! Этан! — прошептала мама Этана, указывая на два свободных места рядом.

— Всем добрый вечер! — Я подняла голову и только теперь заметила тетю Мэри, стоящую за кафедрой со сборником церковных гимнов в руках.

— Счастливого Рождества, — сказала она, и все собравшиеся хором ответили ей: «Счастливого Рождества!»

Всю церковь освещали лишь свечи и белые гирлянды на шести рождественских елках. Веточки омелы свисали по краям старомодных скамей. Казалось, будто я не просто зашла в храм, а совершила путешествие во времени. В Вифлееме люди так праздновали канун Рождества уже сотню лет. И было приятно думать, что, скорее всего, они будут так праздновать его и следующие сто лет.

— Ты как? — шепотом спросил Этан. Я кивнула. Зазвучала музыка.

— Давайте начнем с гимна номер 101, — сказала тетя Мэри, когда мы с Этаном уселись на краю

семейной скамьи.

Послышался шелест: люди взяли сборники гимнов и начали искать нужную страницу. Но мне незачем было подглядывать. Я знала наизусть каждое слово. Каждую ноту. И все же, когда тетя Мэри запела «Святую ночь», я ни в коем случае не могла позволить себе запеть.

«Сверкают ярко звезды…»

Вдруг вместо маленькой церкви где-то в глуши я оказалась в больничной палате. Я пела для хрупкой, болезненной женщины на кровати, подбирая ноты на клавишах. А потом она попросила меня спеть снова, и ее глаза наполнились слезами.

— Это ночь, когда родился наш Спаситель…

Я была рада, что свет в зале тусклый, а людей много, и никто за мной не наблюдает. Никто не заметил, как мои глаза стали влажными, а руки задрожали. И, главное, никто не смотрел на меня, ожидая, что я буду танцевать и петь. Никого здесь не заботило, буду ли я когда-нибудь снова петь.

«Весь мир тонул в грехе и…» — голос тети Мэри сорвался. Слова не шли. Она шевелила губами, но не было слышно ни звука. Ее лицо побледнело, она казалась потерянной, оцепеневшей.

— Это были любимые строки Дейзи, — сказала она совсем тихо, почти шепотом. Будто она потерялась в тумане воспоминаний и сожалений, сознавая, что никогда больше не сможет разделить этот гимн со своей дочерью. Пианист продолжал играть, но никто не пел. Никто не шелохнулся.

Мать Этана вытерла глаза, и я почувствовала волну эмоций, которая прошла по всему залу, добираясь до каждого. А когда пианист заиграл припев, я почувствовала, как она добралась и до меня.

Я почувствовала то же, что и тогда, когда предложила Хульде свой билет. Я не собиралась вставать. Не заставляла себя петь. Но невольно встала и направилась к кафедре.

«Пади пред Ним…»

Слова лились, заполняя крохотную церковь, а я встретилась взглядом с тетей Мэри и вдруг увидела, что она перестала плакать. Она протянула мне руку, я взяла ее и запела громче.

«Внимай певцам из рая!»

Я пела так, как не пела уже много лет.

Я продолжала петь. Просто ради радости. Ради этой минуты, ради музыки и себя. Я пела ради тети Мэри и Дейзи, и ради всех, кто больше

не может петь. Я пела, хотя понимала, что их не вернуть. Я пела, потому что пение может заставить нас вспомнить.

Я пела потому, что именно это я делаю, когда мне весело или грустно. Я пела потому, что именно в эти моменты становлюсь самой лучшей версией себя. Я пела потому, что я была не одна, пока держала руку тети Мэри.

Я пела потому, что это было Рождество.

Когда гимн закончился, я вернулась обратно на место рядом с Этаном, который держал в руке телефон. Он смотрел то на него, то на меня, будто у него концы с концами не сходились.

— Это ты! — одна из близняшек развернулась и посмотрела на меня с другой скамейки. Ее голос почти вибрировал. — Мы знали, что это ты. Мы знали…

— Хульда, — голос Этана был холоден, и я догадалась, что он назвал так не меня. Это была уже не игра. Он протянул мне свой телефон, чтобы я смогла прочитать сообщение на экране.

От Хульды:

Скажи Лидди, что они на подходе!

— Что ты здесь делаешь? — спросила другая близняшка. — Как ты познакомилась с Эта-

ном? Где…

Но я не слышала слов. Заполненный людьми зал вдруг стал ледяным. Клянусь, мне стало холодно. Подняв глаза, я увидела человека, стоящего у входа в церковь. Его волосы были взлохмачены из-за сильного ветра. На нем было черное пальто, красный шарф и идеально вычищенные итальянские кожаные туфли. Он был здесь лишним. В этом мире. Но я также понимала, что он ни за что отсюда не уйдет.

— Кто такая Лидди? — голос Этана звучал будто за тысячи миль отсюда. — Посмотри на меня.

Он взял меня за руку.

— Кто такая Лидди?

— Я, — пришлось признаться.

— Ты сказала, что тебя зовут Лидия.

— Да. То есть звали. Это мама называла меня Лидди.

Я встретилась с ним взглядом.

— Этан, я — Лидди Чемберс.

Я подождала, пока мои слова дойдут до него, пока это имя всплывет в памяти. Но Этан просто переспросил: «Кто-кто?», — и мне захотелось его расцеловать. Он не закричал мое имя, не выпучил глаза. От этого парня в тот момент не исходило ни восхищения, ни отвращения, и, думаю,

за это я его и полюбила. Совсем чуть-чуть.

— Что Хульда имела в виду? Кто *на подходе?*

Он снова показал мне свой телефон.

— Она ошиблась, — покачав головой, я посмотрела на мужчину, стоящего у двери и прожигающего меня взглядом. — Они уже здесь.

* * *

Я не видела, как Эмили прошла по центральному проходу к кафедре, но когда она начала читать историю Рождества из Евангелия от Марка, ее голос звучал, будто ангельское пение. Свет стал еще более тусклым. Маленькие мальчики, одетые как пастухи, вынесли козлят и заняли свои места в передней части церкви, а я тем временем, словно в трансе, улизнула от Этана и его семьи и, прячась в тени, выскользнула на улицу.

Мужчина, последовавший за мной, не предложил обняться. Он даже не спросил, все ли со мной хорошо, и не сказал, что волновался. Нет. Первым делом он выпалил:

— Ты знаешь, что у тебя сегодня был концерт?

— А ты не видел? Я только что выступила на другом, — парировала я.

Он схватил меня за руку и потянул к вертолету, стоявшему на соседнем поле.

— Вертолет, Дерек? — я закатила глаза. — Серьезно? Как изысканно.

— Идем. Мы улетаем.

— Нет, — закричала я. — Мне надо попрощаться. Надо…

— Лидия! — голос Этана разрезал чистый ночной воздух. — Подожди.

Все, что я смогла сделать — это оттолкнуть Дерека на мгновение, чтобы оглянуться.

— Вы кто? — тетя Мэри всего на полшага отставала от Этана и быстро сокращала расстояние между нами. — Куда вы ее забираете? Я отвечаю за этого ребенка!

Тетя Мэри выглядела и звучала как сила стихии. Дерек, возможно, даже отпрянул бы немного, если бы от моего отъезда не зависело так много. Если бы он не привык всегда выезжать на мне.

Он выпятил грудь и сплюнул:

— Нет, не вы! И она улетает. Сейчас же.

— Хульда, что происходит? — Клинт встал рядом со своей сестрой. — Этот мужчина к тебе пристает?

— Клинт, он пытается ее забрать, — сказала тетя Мэри.

— Вы ее отец? — спросил Клинт.

Дерек рассмеялся:

— Я ее опекун по завещанию.

Он окинул взглядом Клинта в его джинсах и куртке.

— А вы, сэр, убирайтесь-ка с дороги, пока вас не арестовали за похищение.

— Похищение?! — вскричал Клинт.

— Они не знали! — я встряла между Клинтом и Дереком. — Я сбежала. Притворилась студенткой по обмену. Я солгала, и они меня приняли.

Церковь быстро опустела. Похоже, весь Вифлеем теперь собрался вокруг нас. Я ожидала, что кто-нибудь пошутит: «Так чей же это ребенок?» — но никто ничего не сказал. Мы все уже сказали слишком много.

— Меня зовут Лидия, — призналась я им. — Лидди. Лидди Чемберс.

Ночное небо было чистым и холодным. Мое дыхание поднималось к нему облачком пара, а я пыталась понять, что же произошло.

И именно тогда я услышала пение.

Это был мой собственный голос. Но не та песня, которую крутят по радио, а версия «Святой ночи», которую я записала в маминой больничной палате три года назад. Песня, которая получила три миллиона просмотров на сайте YouTube. Из-за которой Дерек и звукозаписывающая компания

заинтересовались мной.

Когда мама совсем заболела, когда стало ясно, что она не сможет меня вырастить, — эта песня стала главной причиной, почему она сделала Дерека моим опекуном, считая, что дарит мне мечту.

— Это она! — одна из близняшек подняла свой мобильный телефон, на экране которого шел ролик, чтобы все могли увидеть. — Смотрите. Это правда она. Лидди Чемберс!

— Нет, — Этан покачал головой. — Это Лидия.

Дерек махнул рукой, и вертолет на пастбище возле церкви включил пропеллер. Снег начал кружиться, в ночном небе поднялся белый водоворот. Дерек пошел к вертолету, а я смотрела на Клинта, Сьюзан, Эмили, потом Этана и тетю Мэри.

— Лидди! — Крикнул Дерек. — Быстрее!

Сделав несколько шагов, я обернулась. Я была благодарна кружащемуся снегу и темной ночи: не хотелось, чтобы все видели слезы в моих глазах.

— Извините. Извините, что солгала и… — я запнулась.

— О, дорогая, — отозвалась тетя Мэри. — Ты думала, мы не поняли, что ты не Хульда? Мы давно

уже тебя раскусили.

— Вы догадались? — я не знала, обидеться мне или вздохнуть с облегчением. — Почему же вы ничего не сказали? Почему не прогнали меня?

— Милая, когда теряешь кого-то, ты теряешь частичку себя, — сказала тетя Мэри. Что она имела в виду: то, что случилось с ней, или то, что случилось со мной? Не важно, в любом случае это была правда. — И порой, чтобы найти тот самый недостающий кусочек, нужно потерять себя целиком. К тому же, — она мельком взглянула на Дерека, — я уверена, что тоже сбежала бы.

Дерек застегнул пуговицы пальто и сжал в руках шарф, который бешено развевался на ветру.

— Я ее опекун. И она идет со мной.

Он снова потянулся ко мне, но я отпрыгнула от него.

— Ты мне не опекун, а *менеджер*, — крикнула я, будто кто-то из семьи Этана мог понять, в чем разница. — Для тебя я — игрушка. Собственность. Я пою, я танцую, и… моя мама умирала. Она была так больна и напугана, а мы были без гроша. Поэтому она передала тебе опеку.

Было больно признаваться в этом — не столько перед людьми из Вифлеема, сколько перед самой собой, — но я должна была сказать:

— Мама не знала, что для меня будет лучше.

— Лидди, залезай в вертолет. Немедленно! А не то я обращусь к властям, — пригрозил Дерек.

— Вы имеете в виду шерифа? — спросила тетя Мэри, а затем указала на мужчину в толпе. — Вот он, здесь. Давайте спросим у него. Привет, Бен.

— Привет, Мэри. Нужна помощь? — спросил шериф.

— Нет, спасибо. У меня все под контролем.

— Да вы тут в сговоре, — сказал Дерек.

— Давайте спросим об этом местного судью, — тетя Мэри повернулась к женщине, которая играла в церкви на пианино. — Ваша честь?

Судья сложила руки на груди, глядя на меня.

— Не вижу причин забирать этого ребенка из-под твоей опеки, Мэри. Я определенно не позволю ей уйти с мужчиной, которого мы не знаем. И поскольку суды закрыты на праздники, я не вижу другого выхода, кроме одного: разрешить ей остаться с тобой по крайне мере до окончания Рождества.

— Глупости, — фыркнул Дерек. — Это Лидди Чемберс, и я ее законный опекун! Когда пресса узнает об этом…

— О чем пресса узнает, Дерек? — подключилась я. — Что я сбежала от тебя? Что ты понятия не имел, где я пропадала почти неделю, и даже не сообщил в полицию? Что моя мама была под воздействием такого количества обезболивающих, когда передавала тебе опеку, что она даже имени своего вспомнить не могла? А? Что *именно* из этого ты расскажешь прессе? А то ведь и у меня для них найдется парочка историй.

— Лидди, — Дерек понизил голос, умоляя. — Идем со мной. И давай забудем, что это вообще случилось.

— Хочешь пойти с ним? — спросила тетя Мэри, но мой взгляд остановился на Этане, и он тоже смотрел на меня.

— Хочешь? — спросил он. У меня и правда была причина, из-за которой мне всегда хотелось убежать.

— Если я не поеду с ним, он вернется, — я вспомнила, что Этан сказал мне в ту ночь, когда мы познакомились. — Он принесет неприятности. Я приношу им кучу денег.

— О, дорогая, — сказала тетя Мэри, — разве ты не знаешь, что для нас ты дороже денег?

— Лидди, у тебя был небольшой отпуск. А теперь перестань себя обманывать. Ты ведь хочешь

быть звездой. Ты не можешь все это бросить, — сказал Дерек. Это был почти вызов.

— Ты прав. Раньше я любила музыку. Я любила петь, играть и приносить людям радость. Это делало меня счастливой. Но… но тогда я не понимала, что такое счастье.

— А теперь понимаешь? — казалось, Дерек рассмеялся, если бы не был так обеспокоен.

Он не знал того, что знала я. О том, как пахнет дом тети Мэри, когда она готовит бекон. Или как ледяной ветер дует в лицо, когда занимаешься рутинной работой в шесть утра, и он словно пробуждает тебя после спячки длиной в жизнь. Если бы он только поднял голову, то увидел бы, какое небо на самом деле большое и как легко можно в нем потеряться.

— Теперь я знаю, как выглядят настоящие звезды, — сказала я ему. — И меня тошнит от подделок.

Я почувствовала, как жители городка начали собираться вокруг меня. Но это была не разъяренная толпа, а защита, убежище. И Дерек начал медленно отступать.

— Наслаждайся своим Рождеством, Лидди. Я вернусь, — прокричал он. — Я вернусь за тобой.

Я стояла в окружении жителей Вифлеема и смотрела, как вертолет поднимается и исчезает во тьме. Звезды над головой сияли так ярко, что я невольно задумалась, не они ли привели меня сюда, указав путь в это время и место.

— Итак, Лидди, — сказала тетя Мэри, — я тут подумала… Если захочешь, конечно, то можешь остаться со мной. Судья считает, что мы можем решить твою ситуацию с опекой. Разумеется, тебе не нужно принимать решение прямо сейчас. Просто…

— Да! — я почувствовала, как в глазах снова защипало от слез, но на этот раз по совершенно другой причине. — Да, пожалуйста.

Она крепко обняла меня, а я не могла оторвать взгляд от того, кто стоял за ее плечом.

Когда тетя Мэри разжала объятия, он сказал:

— Ты остаешься.

Это был не вопрос.

— Остаюсь, — кивнула я.

— И больше никаких побегов.

Покачав головой, Этан медленно шагнул ближе.

— Никаких побегов.

— И никаких проблем.

— Никаких проблем, — сказала я, и он поце-

ловал меня.

А потом мы стояли, обнявшись.

Я смотрела вверх, на Вифлеемские звезды, и чувствовала, что вернулась домой.

Лэйни Тэйлор
Девушка, пробудившая Мечтателя

На острове Перьев есть обычай — молодые люди делают своим любимым по одному маленькому подарку в каждый из двадцати четырех дней Адвента.

У Нив Эллаквин не было любимого и не было даже желания обзавестись им, поэтому, проснувшись первого декабря, она ничего не ждала. Ну, не совсем так. Она ожидала дождя, потому что дождь был такой же отличительной чертой декабря, как и голодные лисицы. И она ожидала покоя. Потому что после того, как близнецы умерли в конце лета и оставили ее одну в этом заброшенном месте, покоя у нее было в избытке. И для ровного счета она ожидала хорошую порцию такой же гнетущей тоски, что не скупясь подавал к столу ноябрь, только еще более гнетущей. Нив давно привыкла ко всему этому и прекрасно знала: не бывает хороших сюрпризов, бывают только плохие. По вечерам она доставала из сундука одну-единственную завет-

ную книгу, чтобы почитать ее при свете камина. Истории на ее страницах никогда не менялись — как и все дни жизни Нив. И так должно было продолжаться до самого конца.

Ее ноги свалились с кровати, как две свинцовые гири, она села и вздохнула.

— Слишком рано для вздохов, — сказала она вслух. Теперь она постоянно говорила сама с собой; с помощью голоса она резала тяжелый воздух на полосы, чтобы он не душил ее. — Если я истрачу все свое разочарование до завтрака, как же мне продержаться весь день?

Усмехнувшись над тем, какая она жалкая, Нив подумала о Леди Дремоте с завода, чей совет девочкам был «живите горько, чтобы после смерти вы пришлись не по вкусу воронам».

— И почему я должна лишать их пищи? — возразила Нив, потому что до этого лета в ней все еще хватало дерзости. — Разве они не заслуживают угощения?

— А ты хочешь стать для них угощением?

— Почему бы и нет? — спросила Нив. — Какое мне дело до моей плоти, если жизни в ней уже нет?

С тех пор Леди Дремота называла ее «Вороньей пищей». И не важно, что ей это больше не под-

ходит. Нив думала, что теперь она может стать самой горькой закуской на острове — особенно сейчас, когда она потеряла близнецов, одного за другим, и приближается Рождество.

Близнецы. Айвен и Джетри. Как и Нив, они были в очередной партии малышей, завезенных сюда двенадцать лет назад. Дети из Неудавшейся колонии, оставшиеся сиротами из-за Чумы, — дешевая рабочая сила. Мальчики тяжело трудились в поле, девочки — на фабрике. Кормили их плохо, а постели в продуваемых всеми ветрами хибарах за Фермерским кладбищем были и того хуже. Светом в конце туннеля для многих из них служило одно: когда они достигали Возраста, их отпускали на свободу. «Возраст» — все они называли его вот так, просто, словно это было единственное, что имело значение. Возраст — восемнадцать лет, а «свобода» — что значило это слово для работающего сироты, которого с пустыми карманами отправили на все четыре стороны с острова посреди бескрайнего океана, проклятого великого Глайдинга? Билет на корабль стоил дороже их жизни, и некоторые мальчишки решались заплатить эту цену, лишь бы сбежать отсюда. Запишешься в корабельную команду — и считай, повезет, если сумеешь расплатиться к тому вре-

мени, как тебе стукнет пятьдесят. А какой матрос, плавая по Глайдингу, доживает до пятидесяти?

Так что большинство мальчиков и все девочки оставались на острове Перьев. Надо сказать, корабельная команда с радостью приняла бы и девушек, но это был уже совсем иной вид договора. И ни одна из девушек не ненавидела остров настолько сильно, чтобы сделать подобный выбор. Таким образом, слово «свобода» для девушки означало только одно: свобода выйти замуж, что они и делали. Счастливицы попадались на глаза мальчикам из семей Первых Поселенцев — или, возможно, не мальчикам, а мужчинам (на острове Перьев нет недостатка во вдовцах). А менее везучим доставались приехавшие позже ремесленники, кладущие черепицу в портовом городе. Кому же везло меньше всех? Тем, кто выходил за «чумного парня» из той же касты, что и Нив, у которого за душой не было ничего, кроме пары грубых работящих рук.

Семьям Первых Поселенцев принадлежала вся хорошая земля, так что девушки получали крепкие дома, стены которых не стонали и не раскачивались, и сады, забиравшие, наверное, все солнце. Возможно, через их участок

даже протекал чистый ручеек, в котором сверкала отливавшая золотом рыба, словно мозаика на полу церкви. Некоторые ремесленники жили неплохо, а некоторые бедно, так что их девушки могли оказаться в одном из узких островерхих домов на крутых улочках гавани, или в квартире над магазином, или в подвале под пабом, или в другом таком же месте. Невесты сирот? Для таких имелись бесплатные участки земли в Чаше Тумана — долине в середине острова, названной так потому, что там круглый год стоял туман. Никто бы не назвал такой участок земли хорошим, но почти каждый год с него можно было прокормиться. Почти каждый год, если у вас не слишком много едоков и вы не возражаете против сырости.

Но кто же, спрошу я вас, не будет возражать против сырости?

Тем не менее, таков был план Нив: Чаша Тумана с близнецами. Когда-то давно они думали, что поженятся все втроем. Почему нет? В те времена они считали, что брак — это когда взрослые живут вместе в собственном доме и сами устанавливают там правила. Чего еще они могли желать после того, как спустились с вонючего корабля, который привез их сюда? Однако позже

Билл Детолом рассказал им — более подробно, чем требовала необходимость и приличия, — о том, что происходит между мужьями и женами, и они краснели, когда смотрели друг на друга. Их невинность исчезла, как выброшенная на берег морская пена.

Значит, с браком ничего не получится.

Если бы Айвен и Джетри были одним мальчиком, тогда Нив могла бы выйти за него, но выбрать одного из двух она не могла. Когда они шагали по дороге, Нив шла посередине. Так было всегда. И когда они выросли достаточно, чтобы плотские секреты брака больше не шокировали их, ничего не изменилось. Если Айвен или Джетри и чувствовали к ней что-то как мужья, Нив никогда не знала об этом, и у нее самой не было подобающего жене волнения. Они были сильными парнями с приятными лицами, и они были частью ее сердца еще с того времени, когда у нее был настоящий дом, давно уже потерянный. Но не более. Не было мерцающих моментов, когда их взгляды цепляли бы друг друга и жарко разрастались. Не было мгновений, когда Нив замечала луч солнца на одном из близнецов и думала о том, какова на вкус его кожа. Никогда не было и намека на румянец или покалыва-

ние — ничего из того, о чем на фабрике говорили другие девочки, задыхаясь, краснея и мурлыкая от желания.

* * *

Нив знала, что и сегодня будет изобилие красных щек, и мурлыканья, и криков, и злорадства девушек, которые получили лучшие подарки. А также плача и обид тех, кто не получил ни одного, или еще хуже: получил подарок не от того человека — от какого-нибудь пьяницы или развратника, или, может быть, от ковыряющего в носу бесстыдника «Три-кулака» Майкла Джона Херринга, боже упаси.

* * *

Был еще преподобный Спир, от которого исходила угроза совершенно особого рода.

* * *

Холодная тяжесть легла на сердце Нив при мысли о высоком красивом проповеднике. Он был одержимым, а его проповеди, дышащие огнем и серой, были похожи на бесконечные путеше-

ствия в ад. Вот огненное озеро, вот яма проклятых, вот терзающие змии. В руках демонов масса хитроумных орудий, при помощи которых они будут вечно сдирать с вас кожу, словно кожуру с плода, и медленно пожирать вас, чтобы потом начать все заново и наслаждаться этим еще тысячу лет. Если дети не просыпались от крика в субботнюю ночь, он считал проповедь неудавшейся, и на следующей неделе все становилось еще ужаснее. Как-то раз фермерский мальчишка был пойман с картофелиной в кармане, и преподобный убедил Билла Детолома высечь его в назидание другим. А когда нескольких девушек застали купающимися при лунном свете на Пляже Песни — в нижних юбках, даже не в чем мать родила, — он запер их дома на все оставшееся лето, написав на дверях «Непристойность оскорбляет Бога».

Он потерял третью жену в этом году — от той же лихорадки, что забрала Айвена и Джетри, — и не делал тайны из того, что выберет другую к Адвенту. Зачем платить уборщице за работу, которую жена будет делать даром? И, кроме того, жена ведь — это больше, чем просто бесплатная уборщица, не так ли? Нив увидела, что он смотрит на девушек в церкви, как будто они были его

собственной коробкой конфет — эники-беники, какую бы мне сейчас съесть? — и почувствовала, что буравчики его глаз останавливаются на ней слишком часто, чтобы не обращать на это внимания.

Его зрачки всегда казались ей крошечными, словно нарисованными, точками.

Она говорила себе, что ей не о чем беспокоиться. Спир любил говорить, что красивые девушки становятся трудными женами. Это знал по личному опыту и даже как-то сказал во всеуслышание: «Красота — наслаждение для глаз, а в спальне, в конце концов, темно. Но попробуйте-ка притвориться, что ваш ужин не подгорел, или ваш дом содержится в чистоте, и ваши дети ухожены».

В сущности, этот божий человек предлагал мужчине закрыть глаза и представить себе жену какого-то другого человека, пока он пыхтит на своей собственной бедной домашней рабыне.

Нив ненавидела его, и ей было искренне жаль ту, которая получит его подарок сегодня утром, но она не думала, что это будет именно она. Она знала, что красива, и если прежде у нее никогда не было причин быть благодарной за красоту, то сейчас, возможно, придется признать, что все бывает в первый раз. Может быть, именно ее он

воображает в темноте — от одной этой мерзкой мысли уже можно было задохнуться. Но она не станет той, за кем он начнет ухаживать.

Просто не станет.

Она оделась. В хибаре было холодно; ей рано пришлось научиться искусству одеваться быстро. Вот вымыться быстро куда труднее, надо сильно постараться, чтобы хоть как-то справиться. Нив старалась, бог знает почему. По крайней мере, тазик еще не покрылся инеем. Это начиналось в январе и продолжалось до апреля. Тем не менее, вода в тазу была близкой родственницей льда, и Нив дрожала от холода, когда надевала чулки и нижнюю юбку, киртл, платье, фартук с кучей карманов и старые, унылые ботинки. Даже онемевшими пальцами она всего за минуту собрала в узел свои блестящие пшеничные волосы и повязала их платком цвета грязи.

А что потом? Она посмотрела на дверь. Обычно утром она первым делом шла в курятник — не то чтобы ее печальная курочка Пышка могла хоть что-то снести, но Нив все равно всегда проверяла. А вот сегодня она засомневалась, прекрасно зная, почему. Ей было интересно, что там на крыльце.

Было ли оно пустым, как она его оставила?

— Пожалуйста, Господи, — прошептала она,

и тут же осознала, что молится напрасно. Если Бог существует, то вся жизнь Нив была преступлением, которое он совершил против нее, и ей не следует больше привлекать его внимание.

Нив посмотрела на табуретку для дойки, служившую ей прикроватным столиком, и ощутила некоторую силу глядя на то, что там лежало.

Засохший цветок.

Сколько девушек на Острове Перьев приготовились оставить засохший цветок сегодня утром?

И многие ли понимали, что не могут позволить себе отвергнуть ухажера, каким бы плохим он ни был?

Вот как это работало: первого декабря вы просыпаетесь и находите или не находите на вашем крыльце знак любви. Это может быть бумажный кулек конфет, или вырезанная из дерева птичка, или букетик цветов. Если вы хотите отклонить ухаживания, то оставляете засохший цветок на том же месте, чтобы поклонник нашел его следующей ночью. Согласие выражается молчанием. Вы ничего не делаете, просто встаете каждое утро, чтобы посмотреть, что будущий муж оставил для вас, и так двадцать четыре дня подряд, пока все не соберутся в сочельник в Скармен-холле. Именно там пары соединяются

под кружевами бумажных снежинок и матовых фонариков и танцем скрепляют свои судьбы. Вы вкладываете свою ладонь в его руку, и вот оно: договор скреплен липкой ладошкой отчаянно потеющей девушки.

Как романтично.

Нив ничего не ждала, но засохший цветок на всякий случай был готов. Колючая лилия, оставшаяся с лета.

Еще до лихорадки.

Девушка нежно подняла цветок. Он был хрустящим, как бумага, и легким, как перышко. Летом он был еще жив, а вместе с ним — Айвен и Джетри. Нив сорвала эту лилию в воскресенье, когда они втроем поднялись в Чашу Тумана, чтобы взглянуть на землю, которую мальчики собирались взять. Они были уже близки к Возрасту, а Нив оставалось ждать еще девять месяцев. Они трое были младшими и последними «чумными» сиротами, а Нив — самой молодой, самой последней. Она всегда знала, что некоторое время ей придется жить одной в Кладбищенских бараках, прежде чем она тоже получит «свободу». Но это было совсем другое одиночество: просто ожидание, просто коротание времени до того момента, когда она получит свой кусок земли

рядом с мальчиками.

Она все еще собиралась взять участок, хотя это и не имело смысла. Ребята были фермерами. А на что она годится? Рукоделие. Этим они занимались на фабрике. Вышивали кружевные скатерти, которые корабли потом отвозили богатым людям на каждом берегу Глайдинга. Нив была лучше прочих мастеров, чьи работы продавались на ярмарках; она была лучше, чем просто хороша. Она была художником. Даже Леди Дремота так считала и называла Нив «Вороньей пищей» с оттенком уважения. Но на что годятся иголки и нитки, когда речь идет о строительстве дома в тоскливой влажной долине? О необходимости пахать каменистую почву без мула и обо всем прочем, что Нив придется делать, чтобы выжить?

Если это можно назвать жизнью.

Нив было очень страшно, до глубины души, которая была, словно бессловесное, сжавшееся и застывшее существо, запертое в клетку. Она словно онемела с того момента, как тепло августа смешалось с жаром лихорадки. Но даже тогда она знала, что, пока будет дышать, жизнь настигнет ее, как тучи жуков весной, когда вы так спешите, что решаетесь пройти коротким

путем через Мерзкий овраг. Жуки летят вам в лицо, громкие и жужжащие, путаются в волосах и полах одежды. Они даже проникают в рот.

Жизнь делает то же самое. Нив не могла притворяться, что это не так. По правде говоря, она боялась одинокой нищеты в Чаше Тумана почти так же сильно, как ощутить на себе тяжесть мужчины, которого не могла полюбить. И если на крыльце окажется знак, она в глубине души понимала, что будет дурой, если не примет его. Но Нив не хотела его принимать. Она хотела быть свободной, а если это невозможно, то хотя бы храброй — настолько храброй, чтобы не продавать себя независимо от того, какова будет расплата или цена отказа.

Сжав в руке засохший цветок, она расправила плечи. «Храброй», — подумала Нив и пошла к двери. «Храброй», — подумала Нив и открыла ее.

Но храбрость покинула ее, когда она увидела то, что невероятно изысканно смотрелось на вздувшихся досках крыльца ее гниющего благотворительного жилья.

Это было Библия в красном кожаном переплете с золотым тиснением.

Только один человек мог оставить такой подарок. Тот, кто делал его уже трижды — для трех

жен, чьи могилы теперь стояли в ряд. И в конце этого ряда оставалось еще много места для новых экземпляров в коллекции. «Кто следующий? — вопрошала кладбищенская земля. — Может, последняя из детей-сирот, художница, девушка с золотистыми волосами?»

Сжимая хрупкую лилию, Нив уставилась на Библию, страницы которой листали те умершие женщины. В конце концов, Спир все же хотел ее. В глубине души, где, как в клетке, жил ее страх, что-то бурлило и росло. И Нив забормотала слова новой молитвы, не останавливаясь, чтобы подумать. Но обращалась она не к Богу, сообщнику Спира. Здесь Бог был новичком, привезенным на тех же вонючих кораблях, что и сироты, и скот.

В мире были силы древнее, чем Он.

— Пожалуйста, Виша, — прошептала Нив, чувствуя, что запретное слово разрезает воздух, как птица крылом, и летит от нее. *Виша.* На старом языке это означало «*мечтатель*». Говорить на этом языке означало навлечь на себя проклятие, но Нив чувствовала совсем другое. Скорее силу, зарождение ветра. Она представила, как ветер врывается в мир — новорожденный, дикий, со своим отчаянным звучанием, вздымая вихри

воздуха, которые могут однажды вырасти в грозовые тучи и потопить флотилии судов половины мира. Но что хорошего было в этом для нее? Здесь и сейчас, на пороге ее холодного жилища, когда дождь шипит на крыше, а тяжелый воздух давит плотной тишиной, Нив увидела, что что-то происходит. Красный кожаный переплет нежеланной Библии раскрылся под яростным порывом ветра. Страницы с треском перелистывались и отрывались, поднимаясь в воздух, будто их выпустили на волю. Сначала страницы, а следом и все остальное.

Все это поднималось в воздух, кружилось и, наконец, исчезло.

— Пожалуйста, — шептала Нив им в след. — Я одна.

Если бы ее страх был живым существом, он бы уже умер. *Одна. Одна.* Этот страх лежал в основе других страхов, покрывавших его, как кожа. Ее следующие слова звучали словно искаженный катехизис, который она была вынуждена читать двенадцать долгих лет, но она чувствовала, что они более истинные. Более ясные.

— В руки твои я предаю себя, о душа этой земли, Виша.

Все менялось вокруг… смещалось, словно сама

земля скалила зубы. Нив чувствовала это.

И приветствовала это.

Виша.

Когда первый корабль приплыл сюда двести лет назад, его экипаж не нашел никаких следов человека — ни срубленных деревьев, ни круга из камней, что указывало бы на присутствие людей. Земля была плодородной, первобытной, с густой зеленью, непаханой, неопрятной и дикой, как сам Глайдинг. Кроме одного места.

Кроме Черного холма.

Он был совершенно симметричным, в ширину больше, чем в высоту, и раз в десять выше стога сена. Издалека он был похож на небольшой вулкан. Но любопытнее всего была его поверхность. Снизу доверху он был усыпан перьями: масляно-черные, они были наложены друг на друга аккуратно, словно рыбьи чешуйки. Слишком большие для ворон — каждое перо было длиной с мужскую руку. Поговаривали, что только у птиц размером с человека могут быть настолько длинные перья. Конечно, таких птиц не существовало, и из-за этого — а еще из-за того, чтобы посмотреть, что там под перьями, — моряки подожгли его.

И умерли.

Выжившие заявили, что это был дым. Масляно-черный, как сами перья, он… скручивался.

Охотился.

Моряки, стоявшие с наветренной стороны от огня, увидели, что он творит, и побежали на корабль.

Некоторым это удалось.

Прошло целых двадцать лет, прежде чем другой корабль пришел сюда, на этот раз пришел готовым, вооруженный Богом и лопатами. Эти люди не стали жечь перья, но закопали их, построили церковь на холме и заполнили ее мощами святых и заклинаниями против зла. Они поделили заросшие густой зеленью земли между собой, укротили это место молитвой и работой. Длинные черные перья стали преданием. Дети порой играли в «быстрый дым», преследуя друг друга с горящими вороньими перьями и изображая ужасную смерть, но истинных проклятых перьев никто не видел вот уже два столетия.

Никто больше по-настоящему не боялся их.

Но в это первое утро Адвента, после того как островной народ, проснувшись, зашевелился и девушки босиком метнулись к дверям, чтобы найти на крыльце то, что им оставили, остров тоже зашевелился. Только слегка, и только Нив

почувствовала это. Старый холм, гребень которого давно сгладился, был заброшенным местом, далеким от любой фермы, и в его каменную церковь люди заходили редко. Поэтому повреждения были обнаружены только на следующий день после Рождества: пол провалился, под ним оказалась глубокая темная пустота. К тому времени события этого Адвента уже произошли, и все об этом знали.

К тому времени все узнали, что Мечтатель проснулся.

В портовом городе народ украшал дома и улицы. Мягкая мишура оплетала обе стороны главной улицы. Подоткнув юбки, дамы залезали на стремянки и тянулись, чтобы повесить поплавки от рыболовных сетей и старые безделушки из поцарапанного зеркального стекла. На каждой двери был венок и красная ленточка, и горбун Скут Финстер переходил от магазина к магазину с трафаретами и ведрами, рисуя картины на стекле искусственным снегом собственного изобретения.

Портовые жители любили Рождество, и, чего таить, любили его, как язычники. Они хотели танцевать и пить, надевать огромные маски святых и пугать детишек. В отличие от Первых

Поселенцев, происходивших от «харисов» и вступавших в мир, как они говорили, со сложенными в молитве руками, прибывшие позже в основном вели свой род от «джессианцев», остроглазых народов, помнивших старый язык и древних богов и с легкостью, как летние платки, надевавших и снимавших благовоспитанность. Но жизнь здесь была трудна, а их мифы были темны, и большую часть времени церковь должным образом сдерживала их.

— Доброе утро, девица, — Скут обратился к Нив, когда она шла мимо него на фабрику. — Нашла подарочек на крыльце в это дождливое утро?

Его улыбка казалось искренней, и Нив догадалась, что он еще не знает. Торговка рыбой, стоявшая позади него, однако, прикусила щеку, выражая взглядом нечто среднее между жалостью и завистью. Так Нив догадалась, что все уже известно.

Она не ответила. Солгать, сказав «нет», она не могла. Но и заставить себя признаться тоже не могла — по крайней мере, не выдав свои чувства, чего делать было никак нельзя. Девушкам полагалось радоваться, что кто-то захотел их взять, словно они котята в корзине, и всех оставшихся к концу дня утопят в пруду.

Скут неверно истолковал ее молчание.

— Ну, может, призраки твоих мальчиков разогнали всех женихов, — сказал он ласково. — Это единственное объяснение, медовая моя.

Нив пробормотала что-то в ответ, хотя потом не могла вспомнить, что именно сказала. Опустив глаза, она продолжила идти. Сворачивая в переулок, девушка оглянулась и увидела, как торговка что-то прошептала на ухо горбуну, и тот с грустью посмотрел ей вслед, как на котенка, которого уже погружают в воду.

Была ли она котенком?

Нет.

Потому что собиралась отказаться.

— Что-что ты собираешься сделать? — удивилась Келлег Бейкер, когда Нив все рассказала ей.

Это было в первой половине дня, и они сидели со своими пяльцами в длинной комнате и вышивали. Все девушки краснели и мурлыкали, кричали и злорадствовали, плакали и дулись, как Нив и предполагала. Ирен получила от своего возлюбленного кружево, Камилла — гребень. Слишком прямая спина Мэй намекала на ее горестную участь, в то время как Дейзи Дэрроу получила подарки сразу от трех поклонников, да еще и шикарную драку в придачу, когда,

столкнувшись в полночь на крыльце, они пустили в ход кулаки.

— Я думала, Калеб убьет Гарри, — рассказывала Дейзи, и ее глаза сияли от незабываемых впечатлений. — Но тут Дэвис разбил горшок о его голову. Ох, мама пришла в ярость. Это был ее клубничный горшок от Кэйна.

Нив не участвовала в беседе. Она только шепотом рассказала свою новость на ухо Келлег, дочке пекаря, которая теперь была ей ближайшей подругой, хотя так и не стала настоящим другом. Когда у тебя есть друзья, близкие, как родственники, и верные, как собственное сердце — какими были для нее близнецы, — не очень-то хочется общаться с другими людьми. А если потом вам не повезло, и друзья покинули вас, что ж, вы сами свили одинокое гнездо, вот и сидите там.

— Я собираюсь отказать ему, — повторила Нив.

Келлег была в шоке, и Нив, в свою очередь, была в шоке от ее шока.

— Неужели ты думаешь, что я могла бы сказать «да»? — спросила она недоверчиво. — Ему?

— Конечно, я думаю, что ты могла бы сказать «да»! А что еще тебе делать? Ты же больше не собираешься угробить себя в Чаше Тумана,

правда?

— Нет, убивать себя я не собираюсь.

— Не напрямую, может быть. Но ты заморишь себя сыростью, если не умрешь раньше от голода. Ты слышала, что Илона Блэкстрайп потеряла все пальцы на ногах? А более чахлых детей, чем там, ты видела когда-нибудь?

— Ну, я не собираюсь рожать детей, так что это не моя главная забота.

— Никаких детей, — Келлег покачала головой, теребя небольшую серебряную цепочку — подарок от ее парня. — Мне никогда тебя не понять, Нив. Ты совсем другая. Ты была с теми двумя мальчиками, и ни разу даже не погрелась с ними. И ты не хочешь детей? Чего же ты хочешь, можно узнать?

Чего Нив хотела? О, крылья и множество драгоценностей. Почему бы и нет? А еще свой собственный корабль, с парусами из тончайшего шелка. Собственную страну с замком, лошадьми, и ульи на деревьях, истекающие медом. Какая польза была от этих желаний, когда до полного живота так же далеко, как до горы из драгоценностей? И, по правде говоря, Нив хотела детей, но примерно так же, как крылья: в сказочной версии жизни, где они не будут чахлыми, как несчаст-

ные дети Блэкстрайп, и Нив не придется копать крошечные могилки каждые пару лет, а потом делать вид, что жизнь продолжается.

А что насчет любви? Хотела ли она и ее тоже? Это желание казалось еще более сказочным, чем крылья.

— Ничего из того, что могу получить, — ответила Нив, пока сияние бессмысленного желания не стало слишком ярким.

Келлег была резкой.

— Тогда бери Спира и считай, что тебе повезло. Он, может, и ужасный мужчина, но у него в доме тепло, и я знаю, что он каждую неделю ест мясо.

Мясо каждую неделю. Можно подумать, Нив продаст себя ради этого! И именно в этот момент у нее в животе заурчало: из-за утренних переживаний она забыла позавтракать, да и курица ее неслась все хуже. Бедная Пышка, скоро ей придется стать начинкой для пирога.

У преподобного, насколько знала Нив, была дюжина кур и верховодивший ими напыщенный петух.

У преподобного была даже корова.

«Масло, — подумала Нив. — Сыр».

— Все это очень мило, — сказала она, твердым нажатием руки усмиряя урчащий живот. —

Но есть один момент — ряд надгробий. Сколько жен человек должен свести в могилу, прежде чем кто-то посоветует ему завести новое хобби?

— А что если это ты сведешь его в могилу?

— Келлег!

— Что? Я не имею в виду убийство. Просто переживи его. Это должно быть легче, чем Чаша Тумана.

Может быть, и так. Хотя легче — не значит лучше. Одни виды страданий заставляют вас ненавидеть мир, а другие — заставляют ненавидеть себя. И, несмотря на сыр и масло, у Нив не было сомнений, что Спир — из второй категории.

Но что, если… что если ее ждет другое будущее — без страданий? И прямо сейчас оно медленно тащится по своему пути обратно, в прошлое, чтобы встретиться с ней, взять за руку и показать, как его найти? Забавно. До сих пор сюрпризы в жизни Нив были только плохими, но к концу дня ей показалось, что утренний ветерок — похититель Библии — сновал вокруг, заглянув проведать ее. Конечно, это всего лишь фантазии, но Нив чувствовала, что этот ветер не похож на обычные сквозняки. Он рассыпал странные мурашки, которые метались, словно

маленькие мальчики, взбиравшиеся по спине, чтобы затем холодком спуститься вниз.

Эти порывы любопытного ветерка… Он даже не был холодным.

* * *

Мечтатель не мог сказать, как долго он спал. Он открыл глаза — и очутился в темноте и неподвижности, похожей на смерть. Но он не был мертв. Вот воздух, вот земля вокруг него, и все же что-то не так. Мечтатель должен был ощутить пульс жизни в почве и корнях, увидеть воспоминания, проросшие травой, просочившиеся водой и в звериных норах. Это должна быть симфония шепота в его убежище, эхо и отражение жизни. Но вокруг было тихо.

Слышался только зов.

Язык казался странным; слова были простыми звуками, но они пронзили его с такой настойчивостью, что он сел в катафалке — слишком резко. Закружилась голова, он упал на колени и на мгновение ощутил панику, столь глубокую, что темнота обернулась светом. Перед закрытыми глазами дрожал ослепительный белый свет.

Что-то было не так.

Мечтатель спал слишком долго. Стоя на коле-

нях в кромешной темноте, он знал — он *знал,* — что мир был мертв и он потерпел неудачу. Над ним, вокруг него вены земли перестали пульсировать. Если он восстанет, то обнаружит громадную пустыню, серую мертвую оболочку высохшего мира.

Его сердце, что так долго билось очень медленно, сейчас ожило. Его легкие, которые пробыли неизвестно сколько времени без воздуха, теперь хотели сделать вдох. Во сне Мечтатель мог находиться внутри этой горы. Проснувшись, больше не мог.

Но он боялся увидеть то, что он найдет, если восстанет. Неудачу, смерть, *конец.* Он чувствовал это. И это ощущение давило на него с такой тяжестью, какой он никогда не знал.

В конце концов, именно зов придал ему храбрости. Он пронзил его сон, и теперь влек его. Мечтатель не понимал языка, но мольба была глубже слов, и душа стремилась на нее ответить. Собрав все силы, он рванулся вверх. Холм должен был открыться для него, как цветок, но он сопротивлялся. Что-то давило на холм. И на него. Он не мог дышать. С диким усилием Мечтатель вырвался наверх.

И обнаружил, что мир не был мертв. Он выва-

лился в него, пьяный от благодарности, ослепленный тусклым зимним солнцем, и упал на колени в траву. Запустив в нее длинные пальцы, он ощутил пульс и начал пить воспоминания, так много, так жадно, так долго. Пока его чувства привыкали к внешнему миру, он увидел и ощутил запах многих вещей, которых не было здесь раньше.

Каменного здания, что поселилось на его холме, например.

Или вот еще — люди. Когда он готовил это место отдыха, люди обитали вдоль зеленого побережья южных земель, а эти острова были диким краем буревестников и тюленей. Теперь же к ветру примешивался аромат дыма, теплый запах навоза, острая вонь выгребных ям. Девственность природы была нарушена.

А что же он? Что они с ним сделали, эти народы?

Они украли его перья и задушили его каким-то глупым колдовством. Разорвали, на время — как надолго? — его связь с землей.

Но…

Мечтатель повернулся в другую сторону. Там стояли ряды деревьев, таких зеленых, что они казались черными в мягком свете, но за ними, вдали, где когда-то темнел лес, теперь все было

вырвано, вскопано квадратами, исцарапано бороздами. Дым очагов поднимался через равные промежутки, и Мечтатель чувствовал бег многих жизней. Но одну — ярче всех.

Ту, что разбудила его.

* * *

К концу дня случились две вещи, которые окончательно убедили Нив в том, что она приняла правильное решение. Во-первых, Леди Дремота задержала ее, когда другие девушки уже ушли.

— Вот, — сказала она, протягивая Нив цветок. — На случай, если у тебя еще нет.

Неловко приняв его, Нив увидела, что он засохший. Она посмотрела вверх, прямо в круглые глаза старухи — слишком большие, слишком широко открытые, как будто ее веки никогда не смыкались.

— Думаете, я должна отказаться от него? — спросила девушка.

Леди Дремота фыркнула.

— Я думаю, он заслуживает хорошую, до-о-олгую прогулку в аду, о котором он так любит поговорить. Вот и все. А может, он уже был там, вот почему так много знает. Возьми это, «Воронья пища», и положи на крыльцо. Ни одна птица

в мире не стала бы есть его невесту. Думаешь, сейчас твоя жизнь горька? Когда он сведет тебя в могилу, ты станешь на вкус, словно пепел.

У Нив уже была засохшая лилия, поэтому она попыталась вернуть Леди ее цветок, но та не приняла его обратно.

— Возьми, — повторила она. — Я сорвала его специально для той, кто получит подарок от преподобного.

И Нив взяла цветок. И радовалась, что он у нее, когда увидела, что Спир сам ждет ее на окраине города.

Это было во-вторых.

Он улыбнулся, увидев, что она приближается. Его зубы были такими белыми и квадратными, словно были высечены из моржовой кости.

— Добрый вечер, Нив, — сказал он. Какая вольность. Он должен был назвать ее мисс Эллаквин.

— Сэр, — только и смогла выдавить она, и пошла дальше.

Мимо него.

Спир нагнал ее и зашагал рядом.

— Надеюсь, вам понравилась Библия, — сказал преподобный. — Какой стих вы прочли первым? Я всегда хотел знать.

Думает, она уселась прямо на ступеньках,

стремясь узнать больше о заповедях и карах Господних?

— Я не читала ее, — ответила девушка. — Ветер унес книгу, прежде чем я успела выйти на крыльцо.

Повисла тишина. Нив не поднимала взгляд, чтобы не пришлось смотреть в глаза с нарисованными точками зрачков. Тень преподобного, упавшая перед ним, была гораздо больше тени девушки.

— Что ты сказала? — наконец переспросил он, будто ее слова можно было истолковать неверно.

— Ветер, — повторила она. — Мне жаль. Библии нет.

* * *

Он замер, но Нив продолжала идти. Тогда Спир взял ее за руку и заставил остановиться. Его длинные пальцы стиснули ее руку от локтя до самого плеча, и хватка вовсе не была нежной.

— Это же семейная реликвия, — процедил он, и теперь Нив пришлось взглянуть на него. «Стеклянные», — подумала она, представляя, как огонь отражается в них, когда он исследует географию ада. — Она была дорога мне.

— Тогда, наверное, не следовало оставлять ее на крыльце, — сказала Нив, пытаясь высвободиться. — Это было не моих рук дело.

Спир по-прежнему не выпускал ее. В панике девушка сунула ему цветок Леди Дремоты. Красная роза выглядела гораздо ярче, чем ее изысканная лилия.

— Вот, — проговорила она дрожащим голосом. — Ваше предложение — это честь для меня, но я не хочу замуж. Мой ответ: нет.

Он не взял цветок и не отпустил ее руку. А когда Нив снова посмотрела в его глаза, с каждой секундой паникуя все больше, то увидела красноречивый взгляд. Бывают взгляды, которые можно читать, как книгу. Она вспомнила маму и слова, сказанные простым, как счастье, языком в то время, когда еще не было горя: «Я люблю тебя больше жизни, моя милая девочка». И умирающего Айвена, чей взгляд сказал Нив о том, как он отчаянно не хотел оставлять ее одну.

«Я получу и удержу тебя, — обещал взгляд Спира. — Найду тысячи способов заставить тебя плакать. Твои слезы станут сахаром в моем чае, твои страдания будут моей радостью».

Вслух же преподобный сказал:

— Я не спрашивал тебя, Нив. Я сделал свой

выбор.

Он сжал высушенную розу в кулаке, превращая ее в темно-красную пыль, а потом наконец выпустил руку Нив и добавил на прощание:

— Когда я поздороваюсь с тобой завтра, то рассчитываю увидеть улыбку. И румянец, если у тебя получится.

Затем он повернулся и отправился обратно в город.

Нив быстро шагала домой, и грязь налипала на ее ботинки. Войдя во двор, она увидела следы ног Спира среди лисьих отпечатков и поняла, насколько жалкой защитой были местные лачуги. В своем жилище Нив была, словно ядрышко ореха для сильных зубов. Спир может съесть ее на завтрак, если захочет. Хуже того, он может получить ее и как полуночную закуску.

Сегодня. Или в любой другой день. Кто придет на помощь, если она закричит?

Вздрогнув, она закрыла жалкую дверь. Развела жалкий огонь и приготовила жалкую трапезу. Навострив уши, она прислушивалась к шуму на улице, но слышала лишь стук дождя. Не происходило ничего страшного, и она вытащила книгу — свое сокровище, единственную вещь из дома: истинного дома, давно потерянной Не-

удавшейся Колонии. Когда-то у колонии было настоящее название, но все эти десятилетия, когда они старались, и жили, и строили, и работали на земле, и любили, — всего за один сезон свелись к этому несчастному слову: неудавшаяся.

В книге было восемнадцать историй, и когда Нив читала их — всегда вслух, — то повторяла мамины интонации, запечатлевшиеся в ее сердце. Сейчас она открыла страницу, которая подходила для этой ночи: дева, которую преследует людоед, превращается в лань, чтобы не стать его женой. Глаза Нив устали от того, что весь день щурились, глядя на мелкие стежки, и она позволила им закрыться. Она знала историю наизусть, и во сне быстрые ноги лани несли ее вниз по склону, поросшему мхом.

Вдруг Нив оказалась в Мерзком овраге. Она знала, что спит, потому что ее книга не имела ничего общего с Мерзким оврагом. Там были весенние жуки, блестящие и мерцающие в полумраке среди папоротников, но они не летели ей в лицо. Они вообще не летали. Они были неподвижны. Нив подошла ближе и увидела, что это драгоценности. Жуки были сделаны из драгоценных камней, и когда она взял одного, оказалось, что это кольцо — как раз для ее пальца. Другой

жук оказался брошью. В овраге было тихо, струился мягкий свет, и она почувствовала, что там есть кто-то еще.

— Эй? — прошептала Нив и проснулась, сидя в кресле. Слышались звуки дождя и треск умирающего пламени, и, казалось, шепот последовал за ней из сна. Она не столько слышала его, сколько чувствовала.

Как ветер в лесу, летящий сквозь листву.

— Я освобожу и подниму тебя. Я найду тысячу способов заставить тебя смеяться. Твоя улыбка будет медом моих ульев, твое очарование — моей радостью.

Сидя у себя в комнате рядом с умирающим огнем, Нив, как в том сне, чувствовала, что она не одна. Но ощущение не было неприятным, будто кто-то следил за ней в ночи. Она чувствовала, что не одинока в мире, и это было совсем другое дело.

Она спала. И видела сон. Там была музыка, которую она никогда не слышала, и пение на языке, таком далеком от ее собственного, как шорох дождя далек от рева моря. И танцы. Руки держали ее, и она не видела, чьи они, но только чувствовала, что кружится, кружится, кружится в безопасном кольце чьих-то сильных темных рук.

Утром во дворе она обнаружила следы очередного визита проповедника и еще один подарок на пороге — миниатюру, на которой было его самодовольное лицо. Нив поняла, что сны были всего лишь снами, глупыми надеждами, извлеченными наверх из укрытия и обманутыми танцами, танцами в одиночку.

— Как глупо, — прошептала она, и оттолкнула портрет ногой. Она хотела пнуть его в грязь, но не решилась. Обманутая сном о надежде, и надежде на что? На танцы и пару сильных рук?

— Глупо, — повторила она с ядом в голосе. Можно подумать, что она новичок в отчаянии и только начала узнавать его трюки. Нив надела ботинки и отправилась в курятник. Топор торчал из колоды, и она подумала, что, может быть, сделает это сегодня. Что хорошего в курице, которая не будет нестись?

«О, столько же хорошего, как в девушке, которая не выйдет замуж», — сказал внутренний голос, и Нив встряхнула Пышку, которая сонно моргала: «Ну как, старушка? Дашь мне что-нибудь сегодня на завтрак?»

Яиц не будет. Нив знала это. Было что-то жалкое в том, что Нив упорно продолжала проверять — значит, все-таки надежда вцепилась в нее

коготками сильнее, чем ей казалось.

И вдруг она вскрикнула. Там было яйцо.

— Эй, ты молодец, — сказала она Пышке, слишком бурно радуясь такой маленькой вещи, как яйцо. Она потянулась к нему. Взяла. Подняла его и поняла, что это не яйцо.

Это выглядело, как яйцо.

Но это было не яйцо.

Яйцо именно такое, какое оно есть. А это — слишком легкое. Там воздух, оболочка и что-то еще, но это что-то — не желток и не жидкость. Нив должна была бы захотеть сразу выбросить его — даже не захотеть, а просто сделать это немедленно, инстинктивно, реагируя на неправильность. Но она не уронила его. Ведь никакой неправильности в нем не ощущалось. Нив держала яйцо, и оно было теплым и гладким, идеально ложилось в ладонь.

Завтрак был забыт второй день подряд. Нив побежала через двор в дом, и как только оказалась внутри, снова принялась рассматривать яйцо, осторожно перекладывая его из руки в руку. Внутри него что-то сместилось, и Нив задумалась, что же делать. Можно оставить его целым. Но яйцо не должно оставаться нетронутым, правда? Оно предназначено для того, чтобы открыться.

Расколоться.

Поэтому она осторожно разбила его, постукивая по ободку старой глиняной миски. Звуки, которые оно издавало, звучали как музыка. Яичная скорлупа распалась на половинки, и что-то внутри… сверкнуло. Нив вытряхнула это в ладонь — и не поверила своим глазам.

Это был жук.

Из ее сна про Мерзкий овраг. Тельце было сделано из бриллианта — размером с ноготь большого пальца, ослепительного, как звезда, заключенная в кристалле. А крылья — два полумесяца из молочного нефрита. Они были установлены на хитрых петлях и раскрылись от ее прикосновения. Голова жука оказалась изумрудной с глазами из камней, названия которых она не знала, — розовато-жемчужных, с вкраплениями золота. Как и во сне, жук был прикреплен к кольцу, которое оказалось ей впору, как будто феи сняли мерку, пока она спала.

Сначала было только восхищение. Нив смотрела на открывающиеся и закрывающиеся нефритовые крылья в медленном, удивленном восторге. А потом появились вопросы.

Как?

И, конечно же, *кто*?

* * *

Мир не умер, но он так изменился, что казался новый местом — и не лучшим. Он стал грязнее, бледнее, был запятнан грустью, и Мечтатель чувствовал себя потерянным в нем.

Он еще не знал, сколько времени прошло, но понимал, что отсутствовал слишком долго.

И пока его не было, Мечтатели… проиграли.

Но как это произошло? Где остальные и почему никто из его братьев или сестер не пришел, чтобы разбудить его? Они тоже спят в своих далеких холмах? Их перья украдены, как и его, их ум и чувства притупились? Он должен найти их и вытащить из земли, но что-то связывало его с этим местом.

Кто-то связывал его.

Она попросила его защиты. Нет, она сделала больше: *призвала* его. Даже сквозь преграду бесцветного, удушающего колдовства, что связывало его. Он чувствовал себя обязанным ей. И отправился на поиски, чтобы уплатить долг.

А потом увидел ее.

Он увидел ее, и шум и вонь этого нового мира тут же отступили, как бормотание отступает перед звонким всплеском песни. Он увидел ее

одну на дороге. Серая скучная одежда не могла скрыть ее природной яркости, тяжелые башмаки с засохшей грязью едва сдерживали врожденное изящество. И его паника тут же прошла. Он запаниковал, как тот, кто проспал и опаздывает на работу… а его работа — создание и поддержание мира. Скоро он начнет работать, и весь мир вернется, с его шумом и красками, но сейчас в тишине он любовался девушкой.

Она была так одинока, так храбра и напугана, и так прекрасна. Сердце Мечтателя, которое билось в такт с каждым движением Земли — с тех пор, как он впервые ощутил ее движение, — застучало в другом регистре, таком же сладостном для его крови, как птичье пение для его слуха, и ему это нравилось.

Она не была его созданием. Он сотворил все вариации оттенков зеленого и вынес их с собой из снов. Он дал миру бури, и берега рек, и пчел. Но фигура этой девушки, яростный блеск ее глаз и сокровища души и ума — их еще предстояло открыть в ней — были созданы не им. Мечтатели были богами всего на свете, но не человечества. Они сделали все, кроме этих амбициозных существ, которые сделали себя сами.

К лучшему это было или к худшему?

Он был богом приливов и трепещущих крыльев, когтей и жемчуга. Она была богиней… себя. И он не мог отвести от нее взгляд.

* * *

Нив прошла все этапы обычного дня: город, ряд девушек с пяльцами, крошечные стежки на алтарной ткани для каких-то далеких соборов, которые она даже не могла себе представить. Все было, как прежде, но что-то изменилось.

Она положила миниатюру Спира в один карман фартука, а драгоценного жука — в другой. В один карман — можете догадаться, в который? — ее рука проскальзывала снова и снова, и каждый раз щеки девушки вспыхивали от того, что первый хороший сюрприз ей не приснился.

Она пыталась не гадать о том, что же все это значит, а воспринимать как историю из книги, где логика не может найти твердую почву под ногами. Но это было нелегко.

Кто?

Весь день за каждым ее словом таилось вот это. А когда она молчала — то есть большую часть времени, — то мысленно вопрошала: «Кто?»

— Ну что? — Леди Дремота хотела знать. — Ты отдала ему цветок?

Нив кивнула.

— Он растер его в кулаке и снова пришел вечером.

И вынула из кармана миниатюру, болтавшуюся на цепочке. Видя, что Нив не обезумела от горя, старуха неправильно поняла причину.

— Вот гробовщик-то порадуется, — фыркнула она. Большие, печальные глаза сузились от обиды, что ее совет оставили без внимания. — Не говори, что я тебя не предупреждала.

Нив не пыталась объяснить. Что она могла сказать? То, что она призвала защитника и ее услышали? Когда она осмеливалась думать об этом, то понимала, как нелепо это звучит, и снова начинала сомневаться. Приходилось засовывать руку в карман и сжимать жука в ладони.

Она была так занята своими мыслями, что вечером по дороге домой прошла мимо преподобного Спира на главной улице и неосознанно сделала то самое, о чем он просил ее прежде. Ну или хотя бы половину.

Она улыбнулась.

О, улыбка предназначалась не для него. Она уже была на ее лице, когда Нив случайно повернула в его сторону, — небольшая, лука-

вая и мечтательная но определенно улыбка. Ей стоило труда удержать ее, и она не покраснела, как просил Спир, но улыбки оказалось достаточно. Он стоял с другими мужчинами — плотоядные, *знающие* взгляды — и не остановил ее, только кивнул по-джентльменски. Но глаза его горели при взгляде на нее, разжигаемые отнюдь не гневом. А чем-то, что хуже гнева.

Неважно. Это было лучшим способом не вызвать у него раздражение.

«Я не для тебя», — подумала Нив. У нее было двадцать три дня до наступления Сочельника. Не сразу, но она вдруг с удивлением поняла: жук в кармане наверняка стоит целое состояние, и таких украшений на этом острове никто до сих пор и не видел. А это значит, что она свободна — и от Спира, и от Чаши Тумана. Даже если это не означает ничего большего, она все равно может сесть на корабль, когда только пожелает, и отплыть на нем к любой жизни, какую пожелает. Конечно, это было одной из причин для улыбки, но далеко не главной.

Ведь кто-то дал ей это. Кто-то был там. Она чувствовала его. «Я освобожу и подниму тебя». Это были его слова из ее сна. Он уже освободил ее.

Что же теперь?

Что же теперь?

Рассвет за рассветом Мечтатель воссоздавал для нее мир в миниатюре. На третье утро он подарил ей бутылку с пением всех птиц на свете. Каждый раз, когда ее открывали, из нее вылетала новая песня, а любимые можно было вызывать по желанию.

Потом пауки плели для нее чудеса: паутинные перчатки, защищающие от холода, и такие кружева, которые не могут быть созданы человеческими руками.

На пятое утро появились цветы. Нив открыла дверь и увидела, что ее грязный двор расцвел: вокруг был сад с цветами со всех концов света, а ведь это совершенно невозможно зимой. Здесь были и ее любимые цветы, которые ей снились в разные годы, такие удивительные и невероятные, что на фоне суровой островной растительности они выглядели, как драконы среди ослов.

Мечтатель с восторгом наблюдал, как она бродит среди стеблей, сияя от счастья, как погружается по пояс в разноцветное море и лепестки наполовину скрывают ее привычный тусклый наряд.

Нарезав ведро цветов, Нив унесла их домой, чтобы украсить свою бедную комнату. На следующий день Мечтатель подарил ей гобелен: яркие краски менялись изо дня в день, показывая ей разные уголки мира.

На седьмой день — ему было стыдно до корней зубов, что он сразу не додумался, — он дал ей пищу, чтобы насытиться.

Она была голодна. Эта светлая и чудесная девочка. Мечтатель не мог найти слов, чтобы описать свой ужас.

Он сделал для нее корзину, которая наполнялась, если ее крышка оставалась незапертой, и каждый раз предлагала что-то новое. Как и в случае с птичьем пением, любимую еду всегда можно было вызвать по желанию, и несколько дней спустя у Нив появились любимые блюда — роскошь, которую она уже почти забыла.

С каждым прошедшим днем Мечтатель понимал, что ему все труднее держать дистанцию между ними, но он держал ее и смотрел, как чудеса по-новому освещают лицо девушки.

Когда он впервые увидел Нив, ее глаза сверкали, но от непролитых слез.

А теперь — от счастья.

Она говорила с Мечтателем — на крыльце или по дороге в город и из города. Будто знала, что он слышит ее. Поначалу было лишь тихое «спасибо», а затем слова стали связываться вместе, ее застенчивость постепенно исчезала. И вот через несколько дней для нее стало вполне естественно разговаривать с воздухом, с ветром, что сопровождал ее и был теплее, чем соленый островной бриз.

Сердце Мечтателя открыло новый ритм, а он сам открыл этот ритуал ухаживания. Что же он знал о людях? У него было время, чтобы их изучить: двадцать четыре дня, пока цикл не придет к концу. И что тогда? Он решил. Он встанет перед Нив и протянет ей руку, прямо перед ее народом, чтобы все могли видеть.

А еще был мужчина, что вышагивал высокомерно и гордо. Он явно не предполагал, что у Нив найдется еще один поклонник — не говоря уж о том, что тот окажется богом.

Мечтатель смотрел, как он приходил каждую ночь и оставлял свои сухие и полезные подарки на крыльце. Деревянная ложка, ершик для посуды, прочный фартук серого цвета. Он наблюдал, как тот каждый раз стоит во дворе, глядя на дверь, словно мог видеть сквозь нее.

Он рассматривал. Рассматривал.

Рассматривал чересчур долго, а потом наконец уходил. На восемнадцатую ночь шел сильный дождь, и Мечтатель видел, как мужчина стоит под этим ливнем. Челюсти его сжались, вода струилась по лицу. Он боролся с собой… и проиграл.

Медленно повернул голову сначала в одну, а затем в другую сторону. Убедился, что он один, а затем взошел на крыльцо.

Но он был не один.

Он не добрался до двери.

Мечтатель не убил его, хотя это было бы так просто.

Хрупкая плоть, хрупкий дух. *«Где сейчас твой бог? Придет ли он, чтобы защитить тебя, или это не в его характере? Неужели он появляется только тогда, когда наступает время наказания или когда вы зовете его?»*

Мечтатель удовлетворился тем, что закружил преподобного и пригнал домой, поселив у него в кишечнике страх, словно язву. С этого дня всякий раз, когда он попытается овладеть женщиной, будь то угрозой, или силой, или даже просто взглядом, страх вспыхнет и настигнет его — так дико и неожиданно, что он рухнет на колени и в ужасе закроется руками, ища уте-

шения у своего далекого карающего бога.

Видимо, теперь его жизнь сильно изменится, равно как и жизнь его прихожан.

А потом настал черед Мечтателя смотреть на дверь Нив, пока дождь струился по лицу, и ощущать исходящие от нее лучи, будто девушка была солнцем, а он цветком. Он испытывал искушение, но не позволял себе поддаться ему. Повернувшись спиной к дому, он оставался там всю ночь, стоя на страже, пока шел дождь. Тот был его собственным творением, и все же Мечтатель никогда не ощущал его прежде таким образом.

«Еще шесть дней, — подумал он, гадая, что же Нив сделает с его последним подарком.

А потом с дрожью подумал о том, что же она сделает с *ним*.

Зал Скармен — самое большое строение на острове Перьев — грандиознее всего выглядел в канун Рождества. Собрание было главным мероприятием года, а помолвки — его сердцем. Каждая девушка брачного возраста несколько месяцев выбирала платье, а каждый поклонник — свой последний подарок: кольцо.

У Нив уже было кольцо. Первый подарок от Мечтателя — драгоценный жук, которого она

с тех пор так и носила в кармане.

Сегодня она наденет его на палец.

А еще она наденет платье, которое сама сшила из ткани, которую он дал ей. Платье получилось голубое, как небо, и хитроумное, как все подарки Мечтателя: цвет был не просто синий, в нем были все его оттенки сразу — в зависимости от времени суток и настроения неба. Каждую минуту оно меняло цвет, темнее от кобальта до полуночи, постепенно покрываясь звездами. А когда Нив улыбалась — она обнаружила это, глядя на себя в зеркало, которое также было подарком, — на подоле появлялись всполохи оранжевого, яркого пламени, как солнце на закате.

Представьте: последняя из чумных сирот придет на сбор в таком платье! Это было похоже на историю из книги Нив о Золушке и доброй фее.

Хотя у нее не было ни кареты из тыквы, ни туфель из хрусталя — только из шелковой паутины, блестящей, как роса на лепестке. Зато был старенький плащ и ботинки для долгих прогулок. Да и когда она стеснялась грязи на подоле?

Посмотревшись в зеркало, она задумалась, правда ли это или наведено чарами. Как она могла знать, реально ли ее отражение или это ви-

дение из сна. Впрочем, какая разница? Нив улыбнулась и увидела, как ее платье снова пламенеет с полуночи до заката. Ее сердце было похоже на уголек в груди, готовый загореться и бросать искры.

Что произойдет ночью? Неизвестно. Но Спир никогда не возьмет ее за руку, это она знала точно. Как и то, что Чаша Тумана никогда не будет ее домом. А ведь всего лишь двадцать четыре дня назад у нее были только эти два пути. Теперь же чудеса окружали ее ежедневно, а в сердце стучал лишь один вопрос: кто?

Нив догадалась, что он — Мечтатель, которого она призвала в отчаянии. Но откуда ей знать, что это значит? Чем он был? Она чувствовала его присутствие в своих снах, но никогда не видела его, и он не оставлял следов во дворе ее дома, как это делал преподобный (вернее, как преподобный делал раньше, до тех пор, пока шесть дней назад его подарки неожиданно прекратились).

Однажды ей приснилось, что она обнимает холм черных перьев и чувствует глубоко внутри биение сердца.

А прошлой ночью случилось неожиданное чудо: она открыла книгу — и обнаружила, что там

не восемнадцать историй, как было всегда, а девятнадцать, и последняя называлась «Мечтатели».

Он был одним из десяти, родившихся до начала времен. На протяжении тысячелетий они один за другим засыпали и видели сны. Именно они дирижировали симфониями роста и смерти, которые двигали мир. Они были богами еще до того, как люди придумали слово «бог», и не нуждались ни в поклонении, ни в благодарности. Для них было важно только само деяние: творение.

Иногда — уничтожение.

Поэтому она знала, кто он такой, но не знала, какую форму он может принять. Там не было ни одной иллюстрации, никаких описаний. Но это не имело значения; сейчас она любила его в любом обличье. В ее книге была еще одна сказка — одна из первых восемнадцати — про дракона и его жену, обычную женщину. Нив никогда не понимала этого раньше, по крайней мере, пытаясь увидеть с точки зрения жены. Но теперь она поняла. Любовь — это любовь.

И все же она надеялась, что Мечтатель не будет драконом.

Нив вышла на крыльцо, собираясь отправиться в город, и вдруг увидела во дворе существо.

Она вздрогнула, вспомнив то, о чем думала только что. А потом рассмеялась над собой, ведь это было всего лишь средство передвижения. Великолепный олень, весь белый. Рога его были украшены лентами, а упряжь сверкали серебром. Он встал на колено, чтобы она смогла взобраться, и Нив снова рассмеялась этому чуду. Станет ли она равнодушна к чудесам, если так пойдет дальше? Ведь к несчастьям она привыкнуть смогла.

Ни за что.

Она ехала, словно скользила вниз по длинной влажной дороге, ведущей от Кладбищенской фермы к городу. То ли дождь прекратился, то ли невидимый пузырь образовался вокруг Нив, но за весь путь на нее не упало ни капли.

Олень привез ее к Скармен-холлу, прямо к широким каменным ступеням. Нив показалось, будто все вокруг застыло, превратилось в картину, и она осталась единственной движущейся фигурой.

В фонарях зала этой ночью мерцало столько свечей, сколько успело сгореть за шесть последних месяцев вместе взятых. В дымке свет рассеивался и превращался в ореолы, наслаивавшиеся одни на другие. Звуки одинокой виолончели звучали сладко и чисто.

Нив спешилась. Все остальные уставились на нее. Там стояли и Келлег Бейкер со своим женихом — оба сгорали от нетерпения, — и Билл Детолом, которому было не по себе в дешевом воскресном костюме. Стайка девушек из семей Первых Поселенцев в венках из остролиста переживала шок, в котором не было удивления, только зависть. И Леди Дремота, чьи глаза казались огромными, как никогда.

И преподобный Спир, неподвижный, как и все остальные. Он смотрел и смотрел. Великолепие Нив умаляло его собственное. Он будто уменьшался у нее на глазах, словно тень по мере восхода солнца.

Нив повернулась к ним, улыбнулась — и увидела, как их охватила дрожь удивления, когда ее платье сверкнуло от синего до пламенного. Проходя мимо, она чувствовала, будто парит в воздухе.

Или так все и было? Теперь все казалось возможным.

Коридор был широким, с высоким сводчатым потолком, а в конце бальный зал светился светом, слишком ярким для фонарей.

Он уже был там. Нив почувствовала это даже раньше, чем услышала пение на языке из своего

сна — ветер, пробегающий по кронам деревьев. И она знала, что за ней толпились жители острова; она чувствовала их тоже, но все меркло перед мерцающим сиянием, которое влекло ее вперед. Они были в прошлом, уже уходящем.

В шелковых туфельках она вошла в зал.

И увидела его.

Чувства имеют свои пределы, и мы не можем знать, насколько близко к истине то, что они открывают нам: образы, ароматы, звуки. Глядя на Мечтателя, Нив ощутила, что дошла до границ человеческих возможностей… и преодолела их. Всех остальных для нее уже не существовало.

Они тоже видели его, но только как мираж.

Возможно, они увидели человека.

Он не был человеком. Да и могла ли она поверить, что он им будет?

Она никогда не была в состоянии вообразить его, но, представляя себе этот миг, Нив думала, что будет идти к Мечтателю, что он протянет руку и она примет ее. Но как она могла подойти к нему, когда он не стоял на земле?

Он парил над их головами, среди бумажных снежинок, драгоценных стеклянных сосулек и фонарей, чьи медные цепи качались от движения воздуха при ударе его крыльев. У Мечтателя

были крылья.

Конечно, были.

Он обнаружил свои черные перья там, где их зарыли. И сейчас они переливались глянцем, как в тот день, много веков назад, когда он стряхнул их, чтобы погрузиться в сон. Его черные волосы были не совсем волосами… не только. В одно мгновение они казались шкурой, в другое — перьями, в третье — яркой обсидиановой чешуей, а потом снова — длинными пышными шелковыми нитями. Он был драконом, и птицей, и волком, и орхидеей, и молнией — и человеком. Тысяча граней. Словно драгоценный камень бесконечных размеров.

Грань, которой он обратился к толпе, была человеком, и Нив так и воспринимала его… по большей части. Он был темнее, чем любой человек, которого она прежде видела. Темная кожа настолько насыщенного оттенка, что тени на плоскостях его лица Нив воспринимала глазами художника как дополнительные цвета. Индиго и фиалковый — оттенки, которые она связывала с редкостью и богатством, потому что красители были настолько ценными, что только лучшим вышивальщицам дозволялось пользоваться такими нитями. Его глаза не имели

цвета, хотя они были черные, как море при свете звезд. И она увидела фигуру и конечности человека — но не одетые или скрытые, как это было «прилично» и «должно» в человеческом обществе, к которому она привыкла.

Она увидела его тело. Его грудь. Впадина, где мышцы соединялись и ровной линией спускались к пупку.

Его пупок.

Глядя на Мечтателя, Нив наклонила голову назад, и каждый ее нерв ожил. Она осознала свои руки. Всю их поверхность, от ладоней до кончиков пальцев начало покалывать, будто они просили открыть для них текстуру этих темных контуров. Это было новое ощущение, и губы тоже поддались ему.

И кончик языка.

«*Интересно, какова его кожа на вкус?*»

Лицо Нив бросило в жар. Она пробудила Мечтателя, и теперь пришла ее очередь пробуждаться. Это было похоже на вылупление из небольшой, темной жизни в большую, непостижимую. И тот, кто был перед ней — человек ли, бог ли, парящий в сфере своего сияния, — ждал, чтобы взять ее за руку.

Но как же дотянуться до него?

Ей незачем было волноваться. Не успела она протянуть руку к нему, как все ее тело начало взлетать — «*Я подниму тебя…*» — и… меняться. Ее пшеничные волосы распустились, превращаясь в воздухе в кокон из бледно-желтых перьев. На мгновение это скрыло ее прочие трансформации, но только на мгновение, потому что такие крылья, как эти, нельзя было скрыть.

Когда бог старого мира взял девушку на руки, она уже не была человеком. Не совсем. Она все еще оставалась собой, из плоти и крови, и все такой же прекрасной — яркоглазой, стройной, улыбающейся, — но Нив не была больше привязана к земле. Она увидела размах своих крыльев — таких же бледно-желтых, как и волосы, — и вспомнила, как тщетно было когда-то желать этого.

А потом потянулась к нему.

Ее рука, его рука — наконец-то. Мечтатель привлек Нив ближе и прошептал свое истинное имя ей на ухо. Тайна втекала в нее, словно музыка.

Бумажные снежинки сами отделялись от потолка Скармен-холла, и когда достигали подставленных рук островного народа, то переставали быть бумажными.

Весь вечер настоящий снег будет падать

с потолка и блестеть на ресницах танцующих девушек и пылких парней. Но Нив и Мечтатель не медлили.

Им предстояло сделать очень много. Все, о чем мечталось и не мечталось, в глубине и во всех уголках целого вращающегося мира.

Аминь.